

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

1

2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромьнка Принт», Москва,
ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 28.02.2023

Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Журавлева И.А. Социальные проблемы реализации государственной политики в сфере среднего профессионального образования 5

Иванов Р.В. Патриотическое сознание современной молодежи 21

Мостовая Д.А., Ткачева Н.А. Неформальные коммуникации в организации: теоретические основы и методологические установки 29

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аносов С.С. Мобилизационная активность молодежи и государственная молодежная политика 37

Ардашев Р.Г. Влияние медиaprостранства на суицидальное поведение молодежи 45

Журавлева А.А. Социальные стратегии поддержки малого бизнеса России и Китая 52

Маслодудова Н.В., Титова О.И. Гендерные особенности коммуникаций в виртуальной среде 71

Полюшкевич О.А. Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках ... 79

Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А. Социальный капитал как фактор формирования качества жизни 86

Туркова В.Н. Портрет государственного коррупционера 97

Щепина Е.Д., Грицких Н.В., Киселёв Ю.А. Стереотипы патриархального общества в современном мире 106

Калинич В.С. Современный патриотизм и особенности формирования патриотических ориентиров российской молодежи. Результаты экспертного интервью 118

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ван Цзяньган. Последствия современных миграционных кризисов для социально-экономической ситуации 128

Логинова И.А. Отношение студентов юридических факультетов к учебе 137

Скуратов А.Б. Влияние телекоммуникационных технологий на функционирование образовательной среды в России в период пандемии 142

Тихонова С.В. К 140-летию И.А. Ильина: идеи мыслителя о политическом устройстве российского государства и их значение для современной политической науки и практики 147

Чжан Хаопэн. Реализация инструментов сокращения социального неравенства в экономическом, политическом и культурной сферах общества 154

Логинова И.А., Полянский В.В., Гатен Ю.В. Отношение студенческой молодежи к проблеме экстремизма 159

Яковлева О.И. Выявление факторов профессиональной социализации обучающихся: на примере вузов пожарно-технического профиля МЧС России 167

Чжан Хаопэн. Эволюция социальной роли регистрации домохозяйств Китая («Хукоу») 174

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Кириенко Я.Ю. Повышение эффективности управления в условиях дифференциации применения стилей руководства: на примере сержантского состава сухопутных войск вооруженных сил Российской Федерации 179

Мешков Е.П. Воздействие социальных регуляторов на развитие духовно-нравственной сферы личности 184

Потемкин В.К. Мотивирование роста профессиональных компетенций работников в структуре стратегии развития предприятий 193

Чимитдоржиев Ж.Ж., Золотова Я.В., Мешкова Г.В., Макушкин С.А., Аралова Е.В. Актуальные проблемы управления в современных организациях: социальные аспекты и основные тенденции развития 205

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Грунт Е.В., Титаренко Л.Г., Беляева Е.А. Выявление миграционных установок провинциальной молодежи: на примере учащихся российских и белорусских образовательных учреждений 211

Ковалева А.В., Фокина Е.С., Потапова О.Е., Положенцева И.В. Олейников С.В. Актуальные проблемы современного общества: социальный аспект и тенденции развития 220

Лаво Р.С., Чэнь Цзе. Этническая хореографическая культура и ее функции 226

Лю Ханвэй. Представления молодежи о браке в феминологии (на примере Китая) 235

Сарбаа Л.Н. Компоненты репутационного капитала образовательной организации 242

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Кащеев С.И., Гусева С.В. Дихотомия Восток-Запад в аспекте различий менталитета: на примере культуры еды 249

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Попов В.В., Музыка О.А. Феноменологические основания интерсубъективности в контексте становления субъективного опыта индивида с ограниченными возможностями: концептуальный аспект ... 253

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Гурушкин П.Ю. Философия языка и коммуникативная рациональность переговоров 259

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Горбунова И.Ю., Кравченко Т.П., Щербина А.А. Нанозэкология и развитие общества 266

Социальные проблемы реализации государственной политики в сфере среднего профессионального образования

Журавлева Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье анализируются вопросы среднего профессионального образования в Российской Федерации. На основе экспертного опроса (n=40), проведенного в 2022–2023 годах выявляются социальные противоречия, рассматриваются проблемы и перспективы их решения. Автор приходит к выводу о проблемах развития образования РФ в целом и региональных проблем развития средних профессиональных учреждений, решение и первых и вторых требует комплексного и системного подхода, активизации социального моделирования в сфере образования.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, государственная политика, социальные проблемы, образовательная политика, экспертный опрос, социология образования

Среднее профессиональное образование (далее – СПО), выступает определенным с качественной позиции уровнем образования в системе профессионального образования, выступая при этом, значимым элементом удовлетворения потребностей общества и личности в профессиональных навыках и умениях, необходимых для эффективного осуществления трудовой деятельности.

СПО – это средний уровень профессионального образования, который направлен, в первую очередь, на подготовку квалифицированных практико-ориентированных специалистов-работчиков, которые составляют основу среднего класса в России и основу для развития ряда приоритетных направлений развития отечественной экономики.

СПО получают в следующих образовательных учреждениях:

- в колледже;
- в техникуме;
- в лицее;
- в иных образовательных учреждениях и организациях [6].

Сфера СПО в России сформировалась в том виде, в котором мы привыкли ее воспринимать в XX веке. Система СПО в СССР на протяжении нескольких десятилетий довольно успешно справлялась с функцией подготовки рабочих кадров, которые участвовали в становлении национальной экономики в рамках реализации узкоотраслевых потребностей развития экономики. Глубочайшие социально-экономические потрясения и разрушение СССР привело к тому, что профессиональное образование оказалось не готовым к новым социально-экономическим реалиям. Капиталистический строй «вскрыл» болевые точки адаптации СПО к новым экономическим потребностям.

Система СПО оказалась:

- консервативной;
- лишенной адаптивности;

• лишенной динамичности [5].
Иными словами, система СПО, функционирующая достаточно эффективно в прошлом столетии так и осталась актуальной для прошлого столетия, тогда как новые условия рыночной экономики требовали совершенно иного подхода к организации процесса предоставления СПО и к качеству предоставления образовательных услуг.

После развала СССР потребовалось больше двух десятков лет для того, чтобы политика России в области СПО взяла правильный курс и определила СПО как стратегически важную ступень профессионального образования.

В настоящее время, около 45% работающих людей в России имеют СПО, что в общей совокупности составляет до 32,5 млн человек. При этом, сложно недооценить тот факт, что именно работники с СПО составляют основу для социально-экономического развития, так как являются частью «трудо-вой сферы», где специалисты, получая наиболее доступные и массовые трудовые специальности, являются практико-ориентированными в самых важных областях производственной экономики [7].

СПО, кроме всего прочего, выполняет важную общественную функцию, осуществляя участие в непосредственном формировании среднего звена, которое, в свою очередь, является фундаментом общественного развития.

Как и в прошлом столетии, так и сегодня в России сохраняется потребность в наличии специалистов со СПО, при уточнении их места и важности роли в системе экономико-трудовых отношений.

В XXI веке быстрыми темпами изменяются требования к СПО, а именно:

- требования к функции системы СПО;
- требования к компетентности;
- требования к технологической культуре;
- требования к качеству труда [4].

Развитие производств в России, которые отличаются высокой технологичностью и наукоемкостью, требует от сферы образования подготовки кадров, которые обладают высоким уровнем ква-

лификации, многофункциональными умениями и имеют практический опыт. Современный специалист с СПО – это человек с образовательным уровнем, необходимым для активного вовлечения в процесс формирования и становления национальной экономики.

Колледжи стали популярнее университетов, а специалисты с СПО стали очень востребованы по нескольким причинам:

1. Высокая производительность труда в системе экономических отношений.
2. Состояние экономики, а также ее отдельных отраслей.
3. Повышение спроса на определенные товары и услуги, необходимые обществу.
4. Необходимость государства в создании конкурентоспособной экономики и т.д.

Исходя из необходимости отдельных направлений в рабочих кадрах, заработная плата для ряда специальностей, для которых необходимо наличие СПО, стала конкурировать с заработной платой некоторых специалистов с высшим образованием. Это обуславливает желание множества молодых людей получить рабочую профессию, чтобы быть уверенным в завтрашнем дне, особенно в нестабильное время.

В связи с необходимостью дальнейшего развития системы СПО, как высоко востребованной, видится соответствующая необходимость определения ряда основных задач, стоящих перед развитием современной и актуальной системой СПО в России:

- формирование системы эффективного использования трудовых ресурсов в соответствии с актуальными социально-экономическими задачами;
- формирование специалистами СПО до 70% производственных сил на современных производствах;
- уменьшение доли дефицита специалистов с СПО в производственном секторе;
- увеличение уровня компетенции специалистов СПО [3].

Кризисные проявления в развитии сферы СПО характерны не только для

нашей страны, это также является часть общемировой тенденции.

К примеру, Г. Кумбс в своей монографии «Кризис образования» провел детальный и системный анализ системы профессионального образования, который показал, что резкий рост научно-технического прогресса потребовал от системы профессионального образования наибольшей, когда-либо наблюдаемой в истории современного человечества, скорости адаптации к новым течениям и веяниям современного профессионального мира. Люди оказались не готовы к такому темпу изменений, что привело к кризису престижа рабочих специальностей [8].

Два других западных ученых, таких как Д.Л. Кларк и Т.А. Эстнот видят в кризисе профессионального образования причину информатизации общества, где большое давление информации на современных молодых людей затрудняет процесс обучения и формирования экономически эффективного кадрового потенциала в рабочем классе.

Среди отечественных ученых, изучающих сущность развития системы СПО можно выделить Белову И.А., Табатадзе Л.М., Есенину Е.Ю., Коновалова А.А., и др.

Таблица 1. Подходы к определению сущности реализации государственной политики в сфере СПО в России

Подход	Представители	Основная суть подхода
Компетентностный	Адольф В.А., Табатадзе Л.М., Бухов О.Н. и др.	Основную суть и содержание подхода определяют профессиональные компетенции выпускника СПО, которые оценивают готовность будущего специалиста к ведению практической трудовой деятельности
Факторный	Белова И.А., Есенина Е.Ю., Коновалов А.А. и др.	Факторный анализ предполагает, что на систему обучения в рамках развития СПО влияет множество факторов, среди которых основным выступает развитие технологического процесса путем глобальной информатизации общества

Окончание

Подход	Представители	Основная суть подхода
Кризисный	Углинская Н.А., Соколовская А.В., Казаева О.В., Силкина А.О. и др.	Сущность реализации государственной политики в сфере СПО в России определена с позиции оценки кризисов внешней среды, рождающих новые глобальные экономические вызовы и необходимость быстрой адаптации к ним с целью достижения необходимого позитивного уровня развития экономики

Данные ученые являются представителями нескольких подходов к определению сущности реализации государственной политики в сфере СПО в России (таблица 1).

Компетентностный подход (представители: Адольф В.А., Табатадзе Л.М., Бухов О.Н. и др.) является одним из самых популярных в реализации современных представлений о развитии образования в России. Основную суть и содержание подхода определяют профессиональные компетенции выпускника СПО, которые оценивают готовность будущего специалиста к ведению практической трудовой деятельности.

Среди основных задач компетентностного подхода можно выделить:

- формирование у будущих специалистов СПО такой базы знаний, навыков, умений, необходимых для эффективной трудовой деятельности при достижении максимально высокого уровня развития и способности к постоянному самообразованию.
- формирование стиля мышления и умственной деятельности, где поощряется познавательная и исследовательская активность, а также самостоятельность обучающихся в СПО.

Важно отметить, что компетентностный подход рассматривается, прежде всего, как основной фактор повышения уровня конкурентоспособности будущего специалиста, выпускника учреждения СПО. Данный подход был совершенно по-разному воспринят в профессиональной образовательной среде и собрал как

ряд негативных, так и ряд позитивных отзывов. Ясно одно, с позиции государственной политики в сфере реализации СПО компетентностный подход видится, прежде всего, как инновационный и жизнеспособный подход, который благодаря развитию образовательных компетенций способен качественно изменить уровень образования выпускника учреждения СПО.

Актуальность рассмотрения вопросов среднего профессионального образования в контексте восприятия собственного будущего затронуто в рабо-

тах Р.Г. Ардашева [1,2] и И.А. Журавлевой [6,7], роль образования в жизненном мире молодежи О.А. Полюшкевич [10,11,12] и И.А. Журавлевой [5,6,8], изменение правовых реалий для получения образования в работе Р.В. Иванова [9] и перспектив развития образовательной политики И.А. Журавлевой [3,4] и других.

Рассмотрим ключевые образовательные компетенции, которые, по мнению отечественных ученых, должны быть присущи современной системе СПО (рис. 1).

Рис. 1. Ключевые образовательные компетенции, которые, по мнению отечественных ученых, должны быть присущи современной системе СПО

Согласно рис. 1 современная система СПО, основанная на компетентностном подходе, должна строиться на следующих технологиях обучения:

- проблемного обучения;
- проектного обучения;
- критического мышления;
- когнитивной функции;
- информационно адаптированного обучения;
- изобретательских задач;
- коллективного способа обучения.

Система СПО, основанная на компетентностном подходе, должна учитывать ряд требований:

- учет принципов развивающего обучения;
- создание условий для реализации прогностических умений;
- мониторинг успеваемости студентов;
- создание учебно-методической базы;
- объективность оценки знаний;
- формирование необходимой мотивации;
- развитие заинтересованности в практическом обучении [2].

Компетентностный подход, как отражение политики страны в отношении реализации развития СПО в России отражает не только смену целевого ориен-

тира развития профессионального образования в России, но и вообще всего статуса СПО.

Пересмотр статуса СПО в России был осуществлен относительно быстро, учитывая, что в 2007 г в рамках реализации национального проекта «Образование» сама система СПО была включена как одна из приоритетных. Это направление носит название: «О мерах госу-

дарственной поддержки подготовки рабочих кадров и специалистов для высокотехнологичных производств государственных образовательных учреждений начального профессионального и среднего профессионального образования».

Компетентностный подход имеет ряд выраженных проблем, которые отмечены с позиции критикующих данный подход ученых (рис. 2).

Рис. 2. Проблемы компетентного подхода к реализации СПО

Критики подхода утверждают, что модель обучения специалистов СПО, основанная на модели компетенций, не соответствует ни историческим традициям обучения, ни запросам рынка труда, где навыки и умения специалиста оценены преимущественно исходя из того, насколько результативны плоды его опыта.

То есть, если анализировать критику компетентностного подхода к развитию системы СПО, мы видим, что рынку трудовых рабочих ресурсов необходимы ква-

лифицированные исполнители, которые могут решать локальные производственные задачи и производить организацию рабочего процесса, а не инициативные, креативные и изобретательные рабочие.

Факторный подход к реализации государственной политики в сфере СПО (представители: Белова И.А., Есенина Е.Ю., Коновалов А.А. и др.) предполагает, что на систему обучения в рамках развития СПО влияет множество факторов, среди которых можно выделить следующие (рис. 3).

Рис. 3. Факторы, влияющие на развитие системы СПО в России

Факторы, влияющие на развитие системы СПО в России:

1. Интернационализация и интеграция образования как тенденция, которая олицетворяет собой формирование единого общемирового пространства.
2. Информатизация и экологизация образования, которая сопровождает переход стран к состоянию постиндустриального общества.
3. Культурогизация образования, которая направлена на сплочение общества для преодоления общемирового кризиса планетарного масштаба.

Самым важным, на наш взгляд фактором, который определяет развитие СПО в России является информатизация и экологизация образования, которая заставляет всю систему профессионального образования буквально поспевать за изменениями, происходящими на мировом рынке трудовых ресурсов.

Кризисный подход к реализации государственной политики в сфере СПО (представители: Углинская Н.А., Соколовская А.В, Казаева О.В., Силкина А.О.

и др.) [4] является самым современным подходом, основанным на последних внешних и внутренних изменениях экономики страны. Сущность реализации государственной политики в сфере СПО в России определена с позиции оценки кризисов, рождающих новые глобальные экономические вызовы и необходимость быстрой адаптации к ним с целью достижения необходимого позитивного уровня развития экономики.

В настоящее время, невозможно отрицать тот факт, что экономический кризис, который тянется еще с 2020 года обострился до своего предела. Данное положение означает, что снижение доходов домохозяйств влияет не только на то, что многие семьи не могут себе позволить оплачивать платные образовательные программы для своих детей, но и то, что бюджетные средства, выделяемые на развитие системы СПО тоже будут сокращены.

Сущность перестройки системы СПО сводится к тому, что кризисы окажут влияние на сам рынок труда, делая акценты на совершенно иные профессии, которые сейчас могут быть менее популярны. Учреждениям СПО, опять же, приходится экстренно адаптироваться и под новые материальные условия, и под новые требования рынка труда. Все это осуществляется по причине необходимости актуализации системы СПО в России, как основы выживания и развития экономики страны в будущем.

СПО – это средний уровень профессионального образования, который направлен, в первую очередь, на подготовку квалифицированных практико-ориентированных специалистов рабочих, которые составляют основу среднего класса в России и основу для развития ряда приоритетных направлений развития отечественной экономики. В настоящий момент, около 45% работающих людей в России имеют СПО, что в общей совокупности составляет до 32,5 млн человек. При этом, сложно недооценить тот факт, что именно работники с СПО составляют основу для социально-экономического развития, так как являются частью «трудо-

вой сферы», где специалисты, получая наиболее доступные и массовые трудовые специальности, являются практико-ориентированными в самых важных областях производственной экономики.

Резюмируя сказанное, можно выделить 3 подхода к определению сущности реализации государственной политики в сфере СПО в России: компетентностный, факторный, кризисный. В рамках компетентностного подхода основную сущность сферы СПО определяют профессиональные компетенции выпускника СПО, которые оценивают готовность будущего специалиста к ведению практической трудовой деятельности. Факторный подход предполагает, что на систему обучения в рамках развития СПО влияет множество факторов, среди которых основным выступает развитие технологического процесса путем глобальной информатизации общества. В кризисном подходе сущность реализации государственной политики в сфере СПО в России определена с позиции оценки кризисов внешней среды, рождающих новые глобальные экономические вызовы и необходимость быстрой адаптации к ним с целью достижения необходимого позитивного уровня развития экономики. В целом, можно сказать, что в России, на данный момент, сущность государственной политики в сфере СПО определяется именно исходя из комбинации рассмотренных подходов, что характеризует государственную политику как с позиции развития компетенций студента, так и с позиции факторов и кризисов внешней среды.

Реализация государственной политики в сфере среднего профессионального образования в субъектах РФ

Государственная политика в сфере СПО реализуется на основании федеральных нормативно-правовых актов. Говоря о реализации государственной политики в сфере СПО в субъектах, важно понимать, что региональные органы государственной власти продолжают идею развития сферы СПО, принятую

на федеральном уровне, но с ориентацией на особенности региона и учитывая потребности местной трудовой среды в определенных кадрах.

Примером может служить открытие специализированных учреждений СПО, которые обучают по определенным важным для региона специальностям. Так, Иркутский авиационный техникум открыт, в первую очередь, для снабжения Иркутского авиационного завода кадрами, что имеет стратегически важную цель для Иркутской области как инженерного центра Сибирского федерального округа.

Если сформулировать основную суть государственной политики в сфере СПО в регионах в форме вопроса, то он будет выглядеть так: «каких специалистов необходимо подготовить, в каком объеме и к какому времени, учитывая потребности той или иной территории?» [1].

Действительно, современная государственная политика в сфере СПО основана, в первую очередь, исходя из потребностей производственной среды региона, что является рационализацией вложения финансовых средств в обучение будущих специалистов ведущих отраслей экономики. Мы всегда будем иметь дело с ситуацией, при которой, наибольшее количество бюджетных мест в учреждениях СПО будет отражать приоритетность и важность той или иной сферы деятельности в текущий момент времени.

Органы государственной власти субъектов РФ реализуют определенный перечень полномочий, в отношении реализации региональной государственной политики в сфере СПО в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (рис. 4).

Органы государственной власти субъектов РФ осуществляют полный цикл по организации и предоставлению образовательных услуг в сфере СПО. Это означает, что именно на региональном уровне происходят основные управленческие процессы в области реализации сферы СПО.

Важно отметить, что государственная политика субъектов РФ в сфере СПО сконцентрирована в области формирования сектора массовых профессий

и специальностей и сектора высокотехнологических профессий и специальностей (таблица 2).

Рис. 4. Полномочия региональных органов государственной власти в сфере СПО

Таблица 2. Ориентация региональной государственной политики в сфере СПО на массовый и высокотехнологичный сектор экономики

Сектор массовых профессий и специальностей	Сектор высокотехнологичных профессий и специальностей
Промышленность средств производства, Промышленность товаров общего потребления и общественного питания, Строительство, Транспорт, Управление, Экономика.	Информационные технологии, Биотехнологии и химическая Промышленность, Связь, Приборостроение, Электроника, Авиатехника, Космическая техника, Медицинское оборудование, Управление технических систем.

Для высокотехнологических профессий и специальностей у работодателей все чаще на первый план выходят личные качества и навыки, так как данный сектор является самым динамично развивающимся и особенно приоритетным.

Практический опыт будущих специалистов, имеющих СПО выходит на первое место в секторе массовых профессий и специальностей, что обязательно необходимо учитывать каждому отдельному субъекту РФ при организации деятельности по реализации государственной политики в сфере СПО на массовый и высокотехнологичный сектор экономики [8].

В России, на сегодняшний день, можно выделить несколько субъектов, наиболее эффективно реализующих государственную политику в сфере СПО:

1. Москва.
2. Московская область.
3. Республика Коми.
4. Ханты-Мансийский автономный округ.
5. Республика Саха.

В настоящий момент в России по развитости государственной политики

в сфере СПО лидирует г. Москва и Московская область.

В данных субъектах наиболее наглядно показан опыт совершенствования отдельных направлений реализации региональной государственной политики в сфере СПО (рис. 5).

Рис. 5. Совершенствование отдельных направлений реализации региональной государственной политики в сфере СПО в г. Москва и Московской области

Среди отдельных направлений реализации региональной государственной политики в сфере СПО в г. Москва и Московской области, можно выделить достаточно новые направления развития государственной политики:

1. Внедрение национальной системы профессионального роста [9].
2. Формирование профессиональных конкурсов.

Внедрение национальной системы профессионального роста на региональном уровне предполагает формирование необходимой региональной инфраструктуры и создание региональных учебно-методических объединений, а также методических советов и отделов.

Особое внимание уделяется процессу комплексного сопровождения деятельности региональных центров непрерывного образования педагогических кадров, так как именно от качества их работы зависит качество процесса обучения в сфере СПО.

Данные образовательные центры для педагогов на региональном уровне осуществляют системную работу по развитию педагогического кадрового потенциала, а именно (рис. 6).

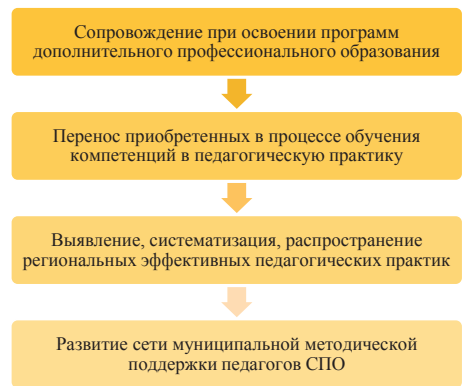

Рис. 6. Работа региональных центров непрерывного образования педагогических кадров по развитию педагогического кадрового потенциала

Работа региональных центров непрерывного образования педагогических кадров по развитию педагогического кадрового потенциала заключается в периодическом обучении педагогов СПО по всему региону, при определении критериев эффективности внедрения полученного педагогического опыта на практике в дальнейшем.

Формирование профессиональных конкурсов – второе новое направление реализации региональной государственной политики в сфере СПО являются формой повышения профессионального мастерства. Миссия конкурсов заключается в повышении стандартов подготовки кадров.

Данное движение стало популярным в России в 2016 году, в процессе реформирования сферы СПО в рамках первоочередной задачи Союза «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia).

Профессиональные конкурсы отличаются следующими характеристиками:

- установление новейших стандартов рабочих профессий;
- изменение экзаменационной системы в учреждениях СПО;
- подготовка молодых кадров, адаптированных к новым условиям труда;
- повышение уровня и качество образования в сфере СПО.

Ханты-Мансийский автономный округ также, как в г. Москва и Подмосковье подхватил идею развития WorldSkills. Только за последние несколько лет в г. Югра создано более 35 мастерских, а после этого Сургутский политехнический колледж вошел в топ 100 лучших колледжей движения WorldSkills.

В р. Коми также представлен успешный опыт формирования сферы СПО, а именно проект по формированию, а также обеспечению региональной сети новыми и перспективными профессиями и специальностями СПО.

Там функционирует Межрегиональный центр компетенций, в котором происходит подготовка кадров 50 самых востребованных профессий субъекта (и переподготовка кадров посредством повышения квалификации).

Республика Саха также сделала упор на развитие межрегиональных центров компетенций по подготовке кадров 50 самых востребованных профессий субъекта, только количество этих центров – 7.

Таким образом, реализация государственной политики в сфере СПО в субъектах проводится исходя из потребностей производственной среды региона и отвечает на вопрос: «каких специалистов необходимо подготовить, в каком объеме и к какому времени, учитывая потребности той или иной территории?».

Органы государственной власти субъектов РФ реализуют определенный перечень полномочий, в отношении реализации региональной государственной политики в сфере СПО в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» в число которых входят: разработка и исполнение региональных программ развития СПО, организационные функции по отношению к учреждениям СПО, обеспечение государственных гарантий получения образования, создание условий для получения СПО, организация и реализация процесса мониторинга и контроля за исполнением государственной политики в сфере СПО, оценка качества предоставления образовательных услуг СПО.

В ходе проведения исследования, нами было выявлено, что государственная политика субъектов РФ в сфере СПО сконцентрирована в области формирования сектора массовых профессий и специальностей и сектора высокотехнологических профессий и специальностей. В рамках данных секторов ведется политика в области совершенствования отдельных направлений реализации региональной государственной политики в сфере СПО: создание современной цифровой среды образования, реализация гибких государственных программ, выявление, поддержка и развитие талантов, внедрение национальной системы профессионального роста, формирование профессиональных конкурсов). Среди наиболее успешных опытов реализации государственной политики по развитию сферы СПО наиболее

популярными являются опыт создания межрегиональных центров компетенций по востребованным специальностям и опыт участия в движении WorldSkills.

Основные проблемы реализации государственной политики в сфере среднего профессионального образования (по материалам экспертного опроса)

Экспертный опрос проходил в декабре 2022-январе 2023 годов, в нем приняли участие 26 директоров средних специальных учреждений, а также 14 руководителей и специалистов министерства образования, занимающихся вопросами среднего профессионального образования. Длительность экспертного интервью 1,5–2 часа, по заранее сформированному гайду вопросов.

Эксперты указали, что современный интерес к развитию сферы СПО и решению ее основных проблем обусловлен тем, что данная сфера выступает как основа, как главный трудовой ресурс страны в рамках следующих направлений развития российской экономики:

- экономическое развитие (21%);
- технологическое развитие (19%);
- промышленное развитие (17%);
- развитие сервиса в стране (23%);
- развитие трудового ресурса и потенциала страны (20%).

Именно выпускники сферы СПО составляют основу экономики страны, и решение проблем СПО выступает ключевые задачи Стратегии национальной безопасности, в которой системе СПО отводится особое место и роль в системе социально-экономических отношений федерального масштаба. (А.Ю., директор среднего профессионального учреждения, Иркутск).

В настоящее время основным инструментом реализации государственной политики в сфере СПО выступает национальный проект «Образование», который ставит своей приоритетной целью развития сферы СПО модернизацию системы образования на различных уровнях. Данный документ иллюстрирует главную проблему современного СПО, а именно

внедрение в процесс образования программ обучения, которые обладают следующими характеристиками:

1. Адаптивность
2. Ориентированность на практику.
3. Гибкость.

Согласно национальному проекту «Образование» (федеральный проект «Молодые профессионалы») к 2024 году программы обучения, обладающие всеми перечисленными качествами должны быть внедрены в 100% организаций СПО в России.

По мнению экспертов, *проблема развития государственной политики в области развития сферы СПО начинается от отсутствия точной и измеримой цели развития всей системы СПО.* (В.Е., руководитель отдела по вопросам среднего профессионального образования Министерства образования Иркутской области).

К примеру, в качестве целевых показателей национального проекта «Образование» в сфере СПО установлены следующие:

1. Доля организаций СПО, которые проводят итоговую аттестацию в форме демонстрационного экзамена до 25% к 2024 году.
2. Доля обучающихся организаций СПО, которые окончили обучение в сфере СПО пройдя итоговую аттестацию в форме демонстрационного экзамена до 5000 ед. к 2024 году.
3. Количество центров опережающего профессионального развития до 100 ед. к 2024 году.
4. Количество мастерских с современной материально-технической базой до 5000 ед. к 2030 году.

Вся суть ошибочного целеполагания национального проекта «Образование» в сфере СПО на всероссийском уровне отражается на реализации государственной политики на уровне региональном. Ведь именно на федеральном уровне определяются основные проблемы в области реализации сферы СПО на территории большинства субъектов Российской Федерации.

В общем виде данная логическая последовательность выглядит следующим образом (рис. 7).

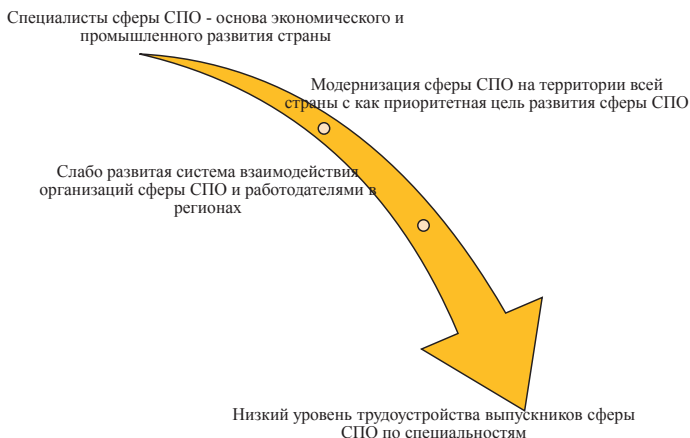

Рис. 7. Последовательность управленческих решений в области реализации государственной политики в сфере СПО

Специалисты сферы СПО рассматриваются как основа экономического и промышленного развития страны, модернизация сферы СПО на территории всей страны стоит как приоритетная цель развития сферы СПО, при этом модернизация рассматривается в отрыве от слабо развитой системой взаимодействия системы СПО и работодателей в регионах и происходит, как итог, низкий уровень трудоустройства выпускников сферы СПО по специальностям. (М.А., руководитель среднего профессионального учреждения, Ангарск)

Как проблему эксперты указывают, что по всей России организации сферы СПО отчитываются по полноте приема студентов на приоритетные для национальной экономики направления обучения по программам СПО, но до реально эффективного участия выпускников в системе экономических отношений дело не доходит. (С.И., руководитель среднего профессионального учреждения, Красноярск).

В связи с чем, эксперты указывают, что ключевым индикатором современной, прогрессивной системы обучения по программам СПО выступает именно индикатор востребованности у работодателей и трудоустройства выпускников сферы СПО после обучения. (О.А., руководитель среднего профессионального учреждения, Улан-Удэ).

Вполне справедливо эксперты указывают на проблемные сферы современных реалий. Материально-техническое оснащение, внедрение различных вариантов итоговой аттестации, а также создание центров опережающего профессионального развития, безусловно, важные направления государственной политики в сфере СПО, но проблема реального участия выпускников рабочих специальностей в системе экономических отношений страны сейчас является приоритетной. Особенно, если учитывать кризисное состояние современной социально-экономической среды нашей страны. (Е.Г., руководитель среднего профессионального учреждения, Тайшет).

Материально-техническое оснащение, внедрение различных вариантов итоговой аттестации, а также создание центров опережающего профессионального развития должны выступать как обеспечивающие инструменты и мероприятия для достижения самой главной цели – развития эффективной реализации выпускников сферы СПО в системе трудовых отношений для повышения уровня социально-экономического развития страны. (Г.С., руководитель среднего профессионального учреждения, Красноярск).

Так, главной общероссийской проблемой СПО выступает в отсутствии точ-

ной и измеримой цели развития всей системы СПО, которая должна быть ориентирована на формирование эффективной системы взаимодействия организаций сферы СПО с работодателями, так как основной целью развития сферы СПО должно быть реализация знаний и умений специалиста-выпускника сферы СПО в системе трудовых отношений в рамках увеличения уровня социально-экономического развития в стране в целом.

Несмотря на смещение курса развития сферы СПО в сторону действий, направленных на модернизацию системы, а не на трудоустройство выпускников и взаимодействие с работодателями, пристальное внимание государственных властей к развитию сферы СПО, базируется в области четко определенных нерешенных проблем, которые тормозят развитие качества подготовки выпускников со средним специальным образованием и требуют безотлагательного решения.

Помимо этой проблемы, эксперты указывали еще на 4 основных проблемы, которые характерны для сферы СПО России. Данные проблемы являются универсальными и относятся к сферам СПО в практически любом регионе. Сфера СПО переживает кризис на всей территории Российской Федерации, и, соответственно, весь спектр выявленных проблем одинаково актуален для сферы СПО как в столице, так и на окраинах страны, за одним лишь исключением – в европейской части России дела обстоят немного лучше.

Основные проблемы сферы СПО на всероссийском уровне, влияющие на государственную политику в сфере СПО на региональном уровне, кроме отсутствия точной и измеримой цели развития всей системы СПО включают в себя: *отсутствие эффективной системы взаимодействия организаций СПО с работодателями, отставание темпов развития и обновления материально-технической базы от темпов развития промышленного производства и актуального запроса от рынка труда, отсутствие собственной научно-методической*

базы (А.В., руководитель среднего профессионального учреждения, Иркутск).

Представленное проблемное поле отражено в таблице 3.

Таблица 3. Основные проблемы сферы СПО на всероссийском уровне, влияющие на государственную политику в сфере СПО на региональном уровне

Проблема	Краткое описание проблемы
Отсутствие точной и измеримой цели развития всей системы СПО	Цель развития сферы СПО должна быть ориентирована на формирование эффективной системы взаимодействия организаций сферы СПО с работодателями, так как основной целью развития сферы СПО должно быть реализация знаний и умений специалиста-выпускника сферы СПО в системе трудовых отношений в рамках увеличения уровня социально-экономического развития в стране в целом.
Отсутствие эффективной системы взаимодействия организаций СПО с работодателями	Специалисты в сфере СПО выпускаются в достаточном количестве, но спрос на рабочие специальности по-прежнему не удовлетворен на 100%.
Отставание темпов развития и обновления материально-технической базы от темпов развития промышленного производства и актуального запроса от рынка труда	материально-техническая база и темпы ее развития существенно влияют на образовательный процесс и качество подготовленных специалистов
Отсутствие собственной научно-методической базы	В сфере СПО ведется мало каких-либо самостоятельных исследований, вся научно-техническая база концентрируется вокруг системы высшего профессионального образования.

Отсутствие эффективной системы взаимодействия организаций СПО с работодателями. (С.И., руководитель среднего профессионального учреждения, Красноярск).

Самая главная, на взгляд экспертов проблема, так как специалисты в сфере СПО выпускаются в достаточном количестве, но спрос на рабочие специальности по-прежнему не удовлетворен на 100%. Важно наладить систему ста-

жировок и трудоустройства выпускников организаций СПО, так как если трудовые ресурсы из важных для экономики страны, рабочих сфер, будут перераспределяться в сторону не таких приоритетных, то это может существенно затормозить уровень экономического развития в стране.

Отставание темпов развития и обновления материально-технической базы от темпов развития промышленного производства и актуального запроса от рынка труда. (Ю.А., руководитель среднего профессионального учреждения, Улан-Удэ). Действительно, материально-техническая база и темпы ее развития существенно влияют на образовательный процесс и качество подготовленных специалистов. Данная проблема может быть решена, в том числе, за счет внедрения эффективных систем взаимодействия с работодателями, которые могут стать основой и базой для внедрения систем стажировок.

Стабильно низкая престижность рабочих профессий среди молодых специалистов. (О.Н., руководитель среднего профессионального учреждения, Иркутск). Данная проблема должна решаться через инструменты информационной политик и социальной рекламы, которая должна убедить молодых людей, что от приобре-

тения рабочей специальности они выигрывают в финансовом плане, в стабильности и востребованности.

Отсутствие собственной научно-методической базы. (В.И., руководитель среднего профессионального учреждения, Тайшет). Данная проблема обоснована тем, что к сфере СПО до сих пор относятся как второстепенной после системы высшего профессионального образования и на данном уровне каких-либо самостоятельных исследований ведется мало. Сфера СПО все чаще выступает как рабочий ресурс для развития научных представлений и идей, рождающихся благодаря системе высшего профессионального образования.

Таким образом, основные проблемы реализации государственной политики в сфере СПО сводятся к нехватке преподавателей-предметников и мастеров производственного обучения, недостаточной материально-технической базе для реализации практико-ориентированного образовательного процесса, отсутствию единой цифровой образовательной среды с учебно-методической поддержкой, низкому уровню трудоустройства по специальности и отсутствию эффективной системы взаимодействия организаций сферы СПО и работодателей.

Рис. 8. Основные проблемы реализации государственной политики в сфере СПО

На основании всероссийских тенденций выделим основные и приоритетные проблемы реализации государственной политики в сфере СПО (рис. 8).

Среди вышеперечисленных проблем, на основании тенденций и проблем развития сферы СПО на федерально уровне, важно выделить именно низкий уровень трудоустройства по специальности и отсутствие эффективной системы взаимодействия организаций сферы СПО и работодателей. По-нашему мнению, именно эти проблемы определяют эффективность реального участия выпускников сферы СПО в системе экономических и трудовых отношений региона.

Таким образом, для успешного развития СПО необходимо включать элементы социального моделирования, использовать механизмы разработанные в рамках социологии образования и более гибко отслеживать социальные особенности развития образовательных стратегий и потребностей общества.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
2. Ардашев Р.Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2021. С. 367–369.
3. Журавлева И.А. Системный анализ государственной политики в сфере дошкольного и общего образования // Социология. 2022. № 3. С. 61–74.
4. Журавлева И.А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74.
5. Журавлева И.А. Виртуальное образование: выбор современной молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 368–372.
6. Журавлева И.А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 361–363.
7. Журавлева И.А. Социальная напряженность при формировании образовательных стратегий региональной молодежи // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 182–184.
8. Журавлева И.А. Социальные условия и психологические предпосылки образования молодежи // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, 2020. С. 315–321.
9. Иванов Р.В. Право и образование: условия гражданского общества современной России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 218–225.
10. Полюшкевич О.А. Образование в жизненном мире современной молодежи: региональный аспект // Иркутская социологическая школа на рубеже XXI века. сборник научных трудов. Печатается по решению президиума Иркутского регионального отделения Российского общества социологов. Иркутск, ИГУ, 2008. С. 69–77.
11. Полюшкевич О.А. Образование и социокультурная солидарность // Alma mater (Вестник высшей школы). 2011. № 7. С. 19–22.

12. Полюшкевич О.А., Колесников В.А. Роль образования в жизненном мире молодежи // В мире научных открытий. 2013. № 3–1 (39). С. 312–327.

SOCIAL PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE FIELD OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Zhuravleva I.A.
Irkutsk State University

The article analyzes issues of secondary vocational education in the Russian Federation. Based on an expert survey (n = 40), conducted in 2022–2023, social contradictions are revealed, the problems and prospects of their solutions are considered. The author concludes about the problems of the development of the education of the Russian Federation as a whole and regional problems of the development of secondary professional institutions, the solution of both the first and second requires a comprehensive and systematic approach, the intensification of social modeling in the field of education.

Keywords: secondary vocational education, state policy, social problems, educational policy, expert survey, sociology of education.

References

1. Ardashev R.G. Peculiarities of Russian Consciousness: Strategies for Perceiving the Future // *Sociology*. 2021. No. 2. S. 60–67.
2. Ardashev R.G. Transformation of the thinking of Russians in the digital age // *Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects*. Materials of the IX All-Russian scientific-practical conference with international participation. Vologda, 2021, pp. 367–369.
3. Zhuravleva I.A. System analysis of state policy in the field of preschool and general education // *Sociology*. 2022. No. 3. S. 61–74.
4. Zhuravleva I.A. Evaluation of the development of state educational policy (expert

- analysis) // *Sociology*. 2021. No. 4. S. 63–74.
5. Zhuravleva I.A. Virtual education: the choice of modern youth // *Social reality of virtual space*. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. S. 368–372.
6. Zhuravleva I.A. Educational strategies in the information society // *Philosophy and culture of the information society*. Eighth International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020, pp. 361–363.
7. Zhuravleva I.A. Social Tension in the Formation of Educational Strategies for Regional Youth // *Spaces of Social Tension and Strategic Consensus Interactions in the 21st Century*. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2020. S. 182–184.
8. Zhuravleva I.A. Social conditions and psychological prerequisites for the education of young people // *Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Measurements*. Materials of the V International Scientific and Practical Internet Conference. In 2 parts. Vologda, 2020, pp. 315–321.
9. Ivanov R.V. Law and education: conditions of civil society in modern Russia // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FGBOU VO "ISU"; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk, ISU, 2020. S. 218–225.
10. Polyushkevich O.A. Education in the life world of modern youth: a regional aspect // *Irkutsk sociological school at the turn of the XXI century*. collection of scientific papers. Published by decision of the Presidium of the Irkutsk Regional Branch of the Russian Society of Sociologists. Irkutsk, IGU, 2008, pp. 69–77.
11. Polyushkevich O.A. Education and socio-cultural solidarity // *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2011. No. 7. S. 19–22.
12. Polyushkevich O.A., Kolesnikov V.A. The role of education in the life world of youth // *In the world of scientific discoveries*. 2013. No. 3–1 (39). pp. 312–327.

Патриотическое сознание современной молодежи

Иванов Роман Викторович,

доцент, кандидат исторических наук, доцент
кафедры Государственного и муниципального
управления Института социальных наук, Иркутского
государственного университета
E-mail: history2002@bk.ru

В статье рассматриваются особенности развития патриотического сознания молодого поколения россиян. Обозначаются концептуальные проблемы и практические особенности, рабочие механизмы и слабые формы социально-патриотического развития общества. Приводятся результаты социально-философского осмысления процессов социального моделирования общественного развития.

Ключевые слова: патриотическое сознание, молодежь, современники, идеология, патриотизм, идеология.

Самая насущная проблема современного общества – увеличение участия граждан. Этот процесс позволяет судить о качественном уровне социального развития, разнообразии социальных процессов, деятельности различных участников социокультурного воспроизводства.

Мотивация к гражданскому участию – это стратегия, ориентированная на человека и общество. В первом случае, мотивация, направленная на человека, не может участвовать в активной работе по защите личных обстоятельств, обстоятельств и прав, учитывая новую задачу, которая не может быть решена без определения его убеждений, норм, взглядов, ценностей или статуса гражданина. Во втором случае, мотивация, направленная на общество – это работа социальных организаций по созданию или созданию условий для самореализации посредством социальной деятельности.

В первом случае социальные организации требуют, чтобы люди участвовали в различных социальных процессах, активно участвовали в общественной жизни или группе людей. Во втором случае функционирование социальной системы структурировано таким образом, что человек определяет свой статус гражданина и становится более открытым для жизненных возможностей и стратегий самореализации, когда он активно участвует в работе социальных организаций, социальных движений, некоммерческих организаций.

В любом случае социально активного человека, проявляющего гражданскую деятельность, можно назвать человеком, который творчески и новаторски подходит к решению важных социальных задач, которые позволяют отдельным людям и единомышленникам находить пути к самореализации и саморазвитию.

Формирование общественного мнения в рамках патриотического развития общества происходит не в одночасье, а через плановую и целенаправленную идеологическую работу через

СМИ и сеть Интернет (Р.Г. Ардашев [1–5], О.А. Кармадонов [10]), влияние фильмов и идеологической пропаганды (О.А. Полюшкевич [12–14]), могут быть интересны и практически апробированы варианты экономического патриотизма (О.А. Полюшкевич [15], В.А. Скуденков [16,17]), рассматриваются особенности патриотизма в университетском пространстве (С.В. Малых [11]) и работах автора [6–9].

Гражданское участие требует патриотизма, гражданства и социально-политического участия в социальных процессах. Любая форма социальной активности требует социальных изменений, и ее трудно представить без любви и уважения к Родине, признания гражданских прав и свобод страны, в которой вы живете, защиты этих прав, защиты своих убеждений и личной ответственности за настоящее и будущее страны. Социальные процессы, основанные на принципах гражданского общества.

История России характеризуется уникальным способом формирования и развития государства, которому часто приходилось сталкиваться с проблемами, которые сильно отличались от тех, с которыми сталкивались его западно-европейские соседи. Все эти причины не оправдывают мнение о том, что западные представления о гражданском обществе абсолютно актуальны для условий жизни любого общества. Формы организованной патриотической памяти (мифы, ритуалы, культы, клятвы, символы и пр.) будут воспроизводить содержание собственных патриотических практик в новом идеологическом измерении, ориентируясь на привычный имперский тип российской государственности, коллективистские ценности, симфонию властей, державность, соборность и русский дух [12].

Каково отношение современной молодежи к патриотизму? Есть такая вещь, как безнадежность – это негативное психическое состояние, вызванное неспособностью удовлетворить определенные потребности это можно объяснить современной молодежью. неуверенность в будущем растет, перспектив нет, беспокой-

ство и замешательство растут сегодня, молодые люди в 90-х достигают зрелости это было время, когда произошла перестройка, Советский Союз не был создан с ценностями. Они родились в совершенно новой стране политическое и общественное мышление изменилось настолько активно, что еще не пришло время для новой системы ценностей концепция патриотизма устарела, и официальный коллективизм погрузился в историю с крахом коммунистического режима в России. И индивидуализм, и эгоизм стали основой патриотического образования новое поколение начало жизнь в стране, где нет идеологической системы и ценностей как только человек лишен целого (социальная среда, нация, Родина), он попадает в ловушку ценностей, лишенных социального и гражданского содержания.

Озабоченный противоположными ценностями в современной России, человек, с одной стороны, пытается жить в обществе, которое признает традиционные ценности и наслаждается достижениями современной науки и техники.

После краха очень нестабильной ситуации Советского Союза и России на международной арене патриотизм стал своего рода защитной реакцией. такой патриотизм чрезвычайно распространен среди молодежи, существует определенный комплекс низкого уровня, человек чувствует себя лучше, чем западный человек, у него машины и одежда лучше и дорожке защитные реакции могут проявляться в различных формах, начиная от молодежного транснационализма. Современник не может отличить истинный патриотизм от других понятий патриотизм не противоречит знанию принадлежности человека к этнической группе.

Государственные учреждения, особенно на федеральном уровне, не обеспечивают доступ для молодежи, чтобы войти в политическую систему. Поэтому важно решить следующие задачи, чтобы преодолеть разрыв между политической системой и молодежными ресурсами:

- создание модели экономики и развития молодежных ресурсов на основе

- организаций (семей, школ, университетов, общественных организаций), ценностей (культура);
- создание сферы участия молодежи в политической жизни (муниципалитеты, федеральные субъекты, Федеральное собрание);
 - развитие методов найма молодежи и интеграция управления молодежными ресурсами с поддержкой инициатив;
 - страны, времена и традиции развивают символы и характеристики молодежи и формируют сознание участия молодежи;
 - создание системы управления молодежными ресурсами;
 - усиление корреляционной роли молодежных общественных объединений в решении задач управления на городском уровне;
 - создать и запустить механизмы творческой научной деятельности, повысить эффективность научной поддержки молодежной политики.

Проблема патриотизма в современной России имеет ряд ситуаций, одна из которых связана с восстановлением и созданием патриотической памяти нашего народа долгое отрицание ценности русской идентичности и патриотизма и использование инструментальных средств в современной оппозиционной деятельности под контролем России привело к столкновению ценностей в процессе трансформации русского общества, мы сталкиваемся с борьбой политических сил, представляющих будущее России по-разному (союзы, империи и т.д.). Эти политические проекты характеризуются внедрением принципа патриотизма в определенные идеологические и политические структуры и подчинением ключевых идеологических ценностей (либералов, евразийцев, коммунистов и т.д.).

Среди средств, существующих для создания политической культуры молодежи современной России, следует отметить, что игровые технологии отличаются наибольшей популярностью и обладают соответствующими функциональными характеристиками: универ-

сальностью, то есть возможностью широкого использования, распределением между основными способами понимания мира, приобретением соответствующих знаний, навыков и способностей, разрешением ситуации возникающих конфликтов и умением сравнивать полезность действий.

Ситуация, в которой субъект политического процесса оказывается, развивает соответствующие навыки социально-политического поведения в нормальных условиях; развивать адаптивность, то есть способность адаптироваться к изменениям в политической среде, сохранять целостность своей внутренней структуры; для достижения целей, влияющих на эффективность, то есть формирования политической культуры или формирования адекватной модели политического поведения; оценка, то есть оценка политического поведения.

Таким образом, путем постоянного сбора, агрегирования и анализа предметных данных с целью повышения качества механизмов, разработанных для формирования политической культуры, функциональные особенности игровых технологий в контексте социально-политических процессов позволяют не только наиболее эффективно их использовать, но и анализировать качество их использования.

Помимо определения функциональных характеристик игровой технологии, необходимо определить семантическое содержание политической культуры – система идей, убеждений, взглядов и поведения людей, так как в этом смысле игровая технология может служить одним из наиболее эффективных способов создания политической культуры молодежи.

Поскольку конкретное содержание программ и проектов, реализуемых государственными органами, зависит от того, какое семантическое сообщение содержит это слово в этом контексте, анализ существующих местных публикаций, а также государственных программ позволил нам определить два основных подхода к семантическому содержанию патриотизма: это идеология, другими словами,

соответствующие нормы и правила, регулирующие патриотические и непатриотические отношения, являются системой координат, которая позволяет обозначить темы социально-политического процесса как патриотические и непатриотические. Это чувство соответствует отношению граждан страны к своей Родине и иногда связано не с критическим анализом политической и политической системы, а с желанием изменить ситуацию к лучшему, на наш взгляд, первоначальное понимание патриотизма, с одной стороны, может способствовать разработке соответствующих символов для разделения темы социально-политических процессов на себя и других только по одному важному критерию: в соответствии с официальной позицией страны по этому вопросу такой подход к пониманию социально-политической реальности, среди прочего, лишает граждан свободы слова и возможности критиковать решения правительства, что препятствует формированию эффективной реакции; это, в свою очередь, приводит к некоторой близости и близости политической элиты.

С другой стороны, патриотическая идеология, на наш взгляд, может использоваться только в случаях продвижения позитивных спортивных практик человеческого общества: самоидентификации субъектов, наличия стабильной национальной идентичности основной этнической группы России в более широком смысле, разработки новых и эффективных методов для разрешения существующих проблемных ситуаций создание подходящих социально-политических и правовых моделей для разрешения конфликтов, разрешения или повышения уровня социальной напряженности может быть облегчено, как упоминалось выше, эффективным использованием игровых технологий и созданием следующих условий для разрешения политических конфликтов в современной России: легализация конфликтов, то есть верховенство закона переход от бессистемных, хаотичных и неформальных процессов, и, следовательно, от скрытых и надежных процессов к разрешению и разрешению к законным, по-

следовательным и законным процессам для согласования потенциала конфликта; наличие единых правил и подходов к разрешению возникающих конфликтов между участниками политического процесса, наличие эффективных формальных арбитражных органов; существует множество форм и видов спортивного посредничества, которые анализируют потенциал конфликтов: конференции, мастер-классы, модели работы государственных институтов, моделирование того, сколько основных политических конфликтов существует и т.д. В случае политического конфликта через деятельность основных институтов социализации, разработка соответствующих поведенческих моделей в следующих системах: семья-школа, университет-государство.

Теоретический и методологический поиск основы для формирования характеристик русского общества в переходный период состоит, во-первых, в стратегии определения черт доминирующих форм, а во-вторых, в социокультурных формах формирования доминирующих черт (секуляризм, национализм, религиозность, патриотизм и др.), в-третьих, социально-политические технологии для разрешения конфликтов этнонациональных интересов и ценностей.

Три пункта, на наш взгляд, определяют специфику своего рода открытия организованной патриотической памяти:

1. Государство требовало формирования (официального) патриотизма
2. Правовая основа этой процедуры.
3. Сама реальность – это патриархальная деятельность и социокультурный спрос на конкретное содержание патриотизма

Если содержание официального патриотизма несовместимо с социокультурными требованиями общества, составляющие его силы рано или поздно исчезнут, важным аспектом стабильности и эффективности любой системы управления является воспроизведение собственных патриотических практик.

В 2014 году государственный (официальный) патриотизм полностью изменил представление политической элиты о бу-

дущем России, и идея «русского мира» была реализована. В политическом пространстве современной России декларативное использование русских слов политической деятельностью без надлежащего идеологического обоснования и подкрепления создает серьезную проблему

Понятие «русский мир» сформулировано в различных формах и подвергается резкой критике, но одно можно сказать наверняка – он распространен в небольшой сфере псевдосоциальности (политика, пол, семья и т.д.). В контексте коллапса коллективного характера нашего общества действительно важно создать доминирующий тип коллективной идентичности.

Сомнительно, что обозначение Русской православной составляющей серьезно воспринимается современным русским обществом, невозможно навязать религиозную идентичность, это очень сложный тип идентичности человека, основанный на вере, и немислимо создать вид веры, который подходит государству. Много для построения русского государства, и его понимание является основой не только национальной и духовной культуры русского народа, но и обряды и мифы становятся особенно важными в процессе социокультурных изменений в обществе новый миф связан с русской идентичностью и востребован по разным качественным показателям. Православные символы востребованы, однако, современные образы, раскрывающие разные значения русского языка – «Русская весна», «русская тишина», «русский Крым», «Новороссия – символ русского мира». Таким образом восстанавливается коллективная историческая память нашего народа, создаются патриотические символы.

Русское пространство, служащее одним из патриотических символов, не является без Церкви, иначе его российский статус теряется, как только концепция православной религии основана на истинном религиозном духе, русская цивилизация получит свое место в мировом пространстве, поскольку этот религиозный и культурный кодекс важен

не только для русского народа, но и для всех политических субъектов, понимающих политическое пространство России за пределами России.

Отказ придавать слишком большое значение региональному патриотизму, региональной идентичности и созданию образа малой родины представляется своевременным, поскольку без идеологии Союза государственного патриотизма (такого понятия в проекте нет) вероятность распространения сепаратистских тенденций увеличивает интересы России в условиях информационной и экономической войны шире, чем государственные границы, которые необходимо учитывать и определять как геополитические ресурсы России.

Государственный патриотизм следует отметить фактом создания различных ценностей патриотизма на региональном уровне, которые не способствуют долгожданному единству русского народа в этом смысле, в политико-государственных инженерных системах важно понимать категорию регионального патриотизма.

Государство и политическая система, активно продвигающие и допускающие неравенство как политически, так и экономически, не считают членов общества личностями в начале их распада. Анализируя, уровень доверия общественности к политической системе и ее структуре, можно сказать, что советская система пала, когда фактор доверия к ней и ее учреждениям был утрачен. Более того, самым важным условием был индивидуальный фактор. Мы знаем, что российская политическая система живет не столько на доверии населения институтам, сколько на доверии или непонимании первого лица – президента.

Кроме того, самым важным фактором стабильности является степень поддержки политических лидеров населением. Сегодня, по данным Центра Левады, только 48% населения России, участвующих в выборах, поддерживает нынешнюю политическую систему. Однако в последние годы эта поддержка почти вдвое возросла. Также ряд людей, выступающих против продления прези-

дентского срока Путина после 2024 года, считают, что его нужно изменить и противостоят системе.

Социальные выплаты 2018–2021 гг., связанные с президентскими выборами в марте 2018 г. (пособия и бонусы для школьных учителей и преподавателей университетов), разовые выплаты на пенсию в 2018, 2019 и 2021 годах от 5 тысяч до 10 тысяч. Рублей в год, выплаты детям в 2019–2022 годах – 10 тысяч рублей в год, а выплаты военнослужащим в целом в 2021 году можно оценить в 15 тысяч рублей. Статус продвижения компаний на выборах 2018–2022 годов лично привлечет внимание различных представителей компании к президенту.

Конечно, в начале 2000-х годов существует устойчивая логическая связь с деятельностью президента РФ с продвижением имиджа государственной власти. По прошествии 20 лет разовые выплаты различным социальным группам населения можно считать новым этапом популяризации государственной власти в российском обществе в целом и его независимых представителей.

Более того, протестные движения 2019–2021 годов в различных странах России нанесли серьезный ущерб власти федерального правительства Российской Федерации. Таким образом, вышеуказанные социальные выплаты могут быть оценены государственными чиновниками как попытка завоевать доверие граждан и показать их безразличие к острым социальным потребностям людей, пенсионеров и государственных служащих при подготовке детей к школе.

Выводы

Для патриотического образования российских граждан, и была создана государственная система патриотического образования. Патриотическая система образования охватывает образовательную деятельность на всех уровнях, от семейных, учебных, рабочих, военных и других коллективных и высших государственных учреждений

Трудно классифицировать пожилого, зрелого или пожилого человека как сту-

дента или судьи, учителя, государственного служащего и т.д.

Люди пожилого и зрелого возраста могут быть лишь частично признаны объектами патриотического воспитания, влияние на них передается социальными факторами их жизни. Для представителей категории старости (особенно пожилых и пожилых) правильно говорить не о патриотическом образовании, а о патриотическом труде. Необходимо работать и работать над такой образовательной политикой.

Важную роль в организации этой деятельности играют социальные организации, такие как средства массовой информации, общественные, профессиональные, военные, религиозные организации, культурные и спортивные организации, организации социального обеспечения и другие.

В этих неоднозначных ситуациях можно сказать, что русский патриотизм стал основой национальной идентичности. Кроме того, основным способом создания русского патриотизма было стать целенаправленной политикой государства, чтобы в конце прошлого и начале нынешнего века вопрос патриотического образования был поднят в пользу обновленной России, восстанавливая духовный и моральный потенциал наших граждан. Это не случайно. Согласно историческим фактам, роль и важность патриотизма возрастают в трудные исторические времена, когда различные изменения в социальной системе увеличивают физическую и умственную силу ее граждан, что особенно характерно во время войн, социальных, политических и экономических кризисов.

Сегодня русский патриотизм невозможно представить без чувства терпимости, которое порождает стремление к открытому межкультурному диалогу. Разные культуры и отношения разных народов способствуют устранению межэтнической напряженности в мультикультурных обществах. Таким образом, цель русского патриотизма сегодня – восстановить светский характер национальной идеи любви к Родине, создать и объединить образ того, что мы рус-

ские, создать единую светскую нацию, способную объединить русское население независимо от национальности или религии, тем самым способствуя сохранению единства государства и установлению гражданского согласия в общем российском доме.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
2. Ардашев Р.Г. Афффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
3. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
4. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания россиян. Монография. М.: РГСУ, 2021. 184 с.
5. Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
6. Иванов Р.В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 108–112.
7. Иванов Р.В. Качество патриотизма в современной России // Социология. 2019. № 4. С. 21–26.
8. Иванов Р.В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20–22.
9. Иванов Р.В., Полюшкевич О.А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.
10. Кармадонов О.А., Ардашев Р.Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 3. С. 605–609.
11. Малых С.В. Культура патриотизма в университетской среде // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно – практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 472–476.
12. Полюшкевич О.А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 192–202.
13. Полюшкевич О.А. Духовная безопасность или провокация: анализ современных патриотических фильмов // Социальные проблемы и безопасность российских регионов. Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. Иркутск, ИГУ, 2015. С. 259–266.
14. Полюшкевич О.А. Патриотизм как форма просоциального поведения // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, ХГУКИ, 2020. С. 1037–1044.
15. Полюшкевич О.А. Экономический патриотизм в процессах социокультурной солидарности жителей Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 112–114.
16. Скуденков В.А. Экономический патриотизм и социальные притязания молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 48–53.
17. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma mater

(Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–84.

PATRIOTIC CONSCIOUSNESS OF MODERN YOUTH

Ivanov R.V.

Irkutsk State University

The article discusses the features of the development of the patriotic consciousness of the young generation of Russians. Conceptual problems and practical features, working mechanisms and weak forms of social and patriotic development of society are indicated. The results of socio-philosophical understanding of the processes of social modeling of social development are given.

Keywords: patriotic consciousness, youth, contemporaries, ideology, patriotism, ideology.

References

1. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.
2. Ardashev R.G. Affect through the prism of public moods // The problem of the correlation between the natural and the social in society and man. 2021. No. 12. S. 85–90.
3. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // Sociology. 2021. No. 3. S. 53–61.
4. Ardashev R.G. The irrationality of the public consciousness of Russians. Monograph. M.: RGSU, 2021. 184 p.
5. Ardashev R.G. Peculiarities of Russian Consciousness: Strategies for Perceiving the Future // Sociology. 2021. No. 2. S. 60–67.
6. Ivanov R.V. Changing the meanings of patriotism in the youth environment (2010 and 2017) // Sociology. 2018. No. 2. S. 108–112.
7. Ivanov R.V. The quality of patriotism in modern Russia // Sociology. 2019. No. 4. S. 21–26.
8. Ivanov R.V. Tolerance, patriotism and social inequality // Sociology. 2018. No. 4. S. 20–22.
9. Ivanov R.V., Polyushkevich O.A. Patriotism and identity in modern Russian films // Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies. 2016. V. 18. S. 44–55.
10. Karmadonov O.A., Ardashev R.G. Social unconscious as a condition and factor of social conjunction // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2021. V. 46. No. 3. S. 605–609.
11. Malykh S.V. Culture of patriotism in the university environment // Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethno-regional identity and a positive image of a small motherland. Materials of the All-Russian scientific – practical conference with international participation. Managing editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. Irkutsk, IGU, 2019, pp. 472–476.
12. Polyushkevich O.A. New identity in modern patriotic cinema // Humanitarian vector. 2022. Vol. 17. No. 2. pp. 192–202.
13. Polyushkevich O.A. Spiritual security or provocation: analysis of modern patriotic films // Social problems and security of Russian regions. Materials of the second Baikal scientific sociological symposium. Irkutsk, IGU, 2015. S. 259–266.
14. Polyushkevich O.A. Patriotism as a form of prosocial behavior // Telecommunication technologies: Actualization and solution of the problems of training highly qualified personnel in modern conditions. Khabarovsk, KhGUKI, 2020. S. 1037–1044.
15. Polyushkevich O.A. Economic patriotism in the processes of sociocultural solidarity of the inhabitants of the Irkutsk region // Sociocultural dynamics of the Irkutsk region in the XX – early XXI century. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Irkutsk, IGU, 2017, pp. 112–114.
16. Skudenkov V.A. Economic patriotism and social claims of youth // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. materials of the IV All-Russian scientific-practical conference. Irkutsk, IGU, 2018, pp. 48–53.
17. Skudenkov V.A. Economic claims in the structure of student youth patriotism // Alma mater (Vestnik vysshei shkoly). 2018. No. 2. S. 82–84.

Неформальные коммуникации в организации: теоретические основы и методологические установки

Мостовая Дарья Андреевна,

аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: mostovaya_93.93@mail.ru

Ткачева Нина Алексеевна,

профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры Маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет; главный научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН
E-mail: tkachevana@tyuiu.ru

В статье анализируются основные теоретические подходы к исследованию неформальной коммуникации современных организаций нефтегазового сектора. Актуальность изучения неформальных коммуникаций в производственной компании определена потребностью социологического анализа явных и латентных последствий их роли в сохранении и развитии коллектива в новых условиях функционирования нефтегазовых предприятий. Жесткое санкционное давление способствовало усилению рационализации затрат, бюрократизации контроля, формализации оценивания труда каждого сотрудника компании, что в долгосрочной перспективе может привести к снижению сплоченности коллектива из-за недооценки конструктивных неформальных коммуникаций, основанных на доверии, солидарности, взаимопомощи. В статье отражен социокультурный смысл коммуникации, связанный с определением специфики обмена информацией в производственной компании на основе анализа и обобщения социологических, психологических и культурологических теорий.

Ключевые слова: коммуникация, организация, трудовой коллектив.

Ужесточение международных экономических санкций сказалось не только на внешней среде деятельности отечественных предприятий нефтегазового сектора, но и на внутриорганизационных отношениях. Потери прямых иностранных инвестиций, угроза снижения технологической эффективности, изменением принципов маркетинга, и ряд других негативных факторов обусловили изменение вектора стратегического управления нефтегазовых компаний. Это, в свою очередь, способствовало сосредоточению внимания на внутренних аспектах функционирования предприятия и стимулировало поиск инструментов формирования долгосрочных конкурентных преимуществ. Одним из таких инструментов является выстраивание эффективной системы внутриорганизационного взаимодействия, структурными элементами которого являются формальные и неформальные коммуникации. Результативное использование коммуникационных возможностей способствует оперативному принятию управленческих решений, снижению уровня неопределенности, стабилизации деятельности сотрудников предприятия, применению актуальных мотивационных механизмов.

Столь широкий спектр проявления значимости коммуникационного взаимодействия связан с полифункциональностью организационной коммуникации. Она проявляется, во-первых, как функция управления через передачу распоряжений, объяснение необходимых производственных процедур и операций, обеспечивая функционирование предприятия. Во-вторых, как способ оформления, выражения и принятия организационной культуры. В-третьих, как условие развития человеческого капитала; в-четвертых, как фактор формирования коллектива предприятия и рационального применения возможностей его членов в деятельности предприятия.

Роль формальных и неформальных коммуникаций в деятельности предприятия сохраняет за собой статус дискуссионного вопроса. Акцент на информационной составляющей коммуникации делают такие исследователи как М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури [9], Б.З. Мильнер [10], Н.А. Морозова [11]. Коммуникация как условие функционирования организации на основе взаимодействия рассматривается Э. Джонсом, Б. Ватсоном, Дж. Гарднером [20], В.А. Лекторским [6]. По их мнению, согласование целей и действий между членами организации приводит к координации и достижению организационных целей. Ряд исследователей – С. Даунс, А. Адриан [19] все большее значение придают поиску индикаторов, позволяющих оценить эффективность коммуникаций. Как видим, инвариантной частью большинства определений коммуникации является информационный обмен. Нам представляется, что для предприятий нефтегазовой отрасли в условиях неопределённости, неформальную коммуникацию необходимо рассматривать как способ взаимодействия, в итоге способствующий стабилизации деятельности организации. Таким образом неформальная коммуникация представляет собой важный социальный ресурс организации.

Теории коммуникации получили широкое развитие, что способствовало разработанности категориального аппарата данного феномена. Интерес в XX веке к общественным явлениям и процессам усилил социальное звучание понятия «коммуникация», однако распространение термина «социальная коммуникация» привело к поиску сходств и различий таких понятий как «коммуникация» и «общение». В ходе дискуссии выделилось два подхода к проблеме их соотношения.

Сторонники первого подхода – психологи Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев [7], М.И. Лисина [8], социологи Т. Парсонс [12], К. Черри [16], В.Н. Курбатов [5] и др., исходя из факта, что и общение, и коммуникация предполагают взаимодействие, рассматривали понятия как

тождественные. Вторым подход объединял исследователей, акцентирующих внимание на различиях данных понятий. Так, М.С. Каган полагал, что характерное для процесса общения взаимодействие не ограничивается передачей информации. Его участники на основе субъект-субъектных связей должны прийти к выработке результативной информации, являясь «...соучастниками общего дела». Коммуникация же построена на субъект-объектных отношениях, когда субъект участвует в передаче, а объект в пассивном получении каких-либо сведений [3].

В основу различий понятий «общение» и «коммуникация» А.В. Соколов ставил целевые установки партнеров по взаимодействию и рассматривал общение в качестве одной из форм коммуникации. В итоге ученым было выделено три варианта взаимодействия на основе отношений его участников:

- субъект-субъектные отношения равноправных партнеров, строящих общение в форме диалога;
- субъект-объектное отношение, когда один из участников признается как объект коммуникативного, как правило, управленческого воздействия, а передаваемая информация выступает средством достижения своих целей;
- объект-субъектное отношение, основанное на подражании источнику информации [14].

В контексте социологического подхода коммуникация анализируется как социальное взаимодействие людей посредством знаковых систем для передачи общественного и профессионального опыта и организации совместной деятельности. Коммуникация, в зависимости от сложившейся ситуации, решаемых участниками взаимодействия задач, может использовать любой из обозначенных выше вариантов, но ее эффективность определяется качеством восприятия, взаимной оценки и взаимовлияния партнеров, а также уровнем понимания друг друга. Именно понимание, считают О.В. Защирина и О.А. Белобрыкина, маркирует результативность

коммуникационного процесса и способствует решению определенной проблемы [2].

Понимание в значительной степени определяется равноправностью коммуницирующих, которая, по мнению приверженца интеракционного подхода Т. Ньюкомба, определяется не только взаимными ожиданиями и установками, но и общим интересом к предмету коммуникации. Именно интерес содержит потенциал сближения или расхождения в процессе обсуждения предмета, что и означает расширение или сужение сферы взаимодействия и сотрудничества [22].

Понятие симметрии в коммуникации, выделенное Т. Ньюкомбом, когда взаимодействующие субъекты мотивированы на формирование сходных ориентаций, имеет особое значение для понимания эффективного взаимодействия в организации, считают Попеску Д., Пыргару И., Попеску К., Михай Д. [18] Действительно, общий интерес, симметрия направлены на поддержание социального баланса и стабильности организационной системы, позволяют прогнозировать поведение участников коммуникации.

В социологии проблема социального взаимодействия наиболее полно раскрывается в теории социального обмена Дж. Хоманса, Р. Эмерсона, П. Блау и др. Обмен ценностями, благами, знаниями лежит в плоскости любого вида деятельности. Дж. Хоманс подчеркивал присутствие в социальном взаимодействии стремления сторон максимизировать вознаграждение своих действий и минимизировать затраты, относя к числу важнейших вознаграждений социальное одобрение. Взаимно вознаграждаемое социальное взаимодействие усиливает стабильность группы, тогда как нарушение ожиданий сопровождается фрустрацией и способствует проявлению агрессии [15]. Признание получила и интегральная концепция социального обмена П. Блау, который рассматривал последний как обмен нормами, взаимными обязательствами, ценностями внутри общества. Исследователь разработал четырехфазную модель перехода к общественному обмену:

1. Межличностный обмен стимулирует взаимодействие, но прекращается если вознаграждение участникам неравнозначно.

2. Дифференциация статуса и власти, лежащая в основе создания организации, регулирующий взаимодействия и вознаграждения, признаваемая всеми участниками.

3. Легитимация и организация социальной структуры, влияющей на характер обмена для достижения определенных целей.

4. Оппозиция и изменение, направленные на инновации и реорганизации системы взаимодействия и обмена.

Следовательно, в отношениях обмена увязаны как взаимное притяжение и интеграция, так и конкуренция, дифференциация и оппозиция [1].

В ходе формирования системы коммуникаций между сотрудниками организации выделяются неформальные и формальные элементы коммуникации, направленные на организационное взаимодействие и пронизывающие все управленческие действия и решения. Управление организацией осуществляется через формальные и неформальные каналы взаимодействия. Формальные коммуникации в организации можно разделить на восходящие (обращения сотрудников по разным вопросам деятельности к руководству различных уровней), нисходящие (распоряжения и организационные указания руководства, представленные в форме инструкций, приказов, регламентов и прочих номенклатурных документов) и горизонтальные (коммуникации по координации и эффективной организации и распределению сфер деятельности между ведомствами внутри организации).

Неформальные взаимоотношения с руководством организаций осуществляются в тех случаях, когда руководство напрямую организует своё общение с сотрудниками, либо когда в организации присутствует коммуникационная сеть, в которой принимают участие абсолютно все сотрудники данной организации [13, с. 543–548].

Успешная работа любой организации или компании зависит от проработанности документов, которые будут регламентировать поведение и деятельность сотрудников. В таких официальных документах отражается структура организации, стратегия, распределяются полномочия и пописываются должностные инструкции. Однако в любой организации в процессе деятельности обязательно начинают формироваться нормативно-поведенческие особенности, которые отражают профессиональную культуру, специализацию организации и личные проявления сотрудников. Эти особенности действуют и проявляются независимо от официального регламента и существуют как альтернативная форма должностным инструкциям. Можно сказать, что деятельность любой организации представляет собой взаимодействие двух систем отношений: формальной и неформальной. Формальные отношения санкционированы, рациональны, приняты официально. Неформальные отношения возникают спонтанно в результате формирования первичных групп внутри коллектива и эмоциональных связей между членами первичных групп.

Неформальная часть коммуникации между сотрудниками организаций возникает при выполнении своих трудовых обязанностей, но неформальные отношения всегда возникают, если между сотрудниками есть взаимный интерес и выполняется деятельность кроме той, которая прописана в должностных инструкциях. Корпоративная культура, принятая в организации, тоже благотворно влияет на формирование неофициального взаимоотношений между работниками. Именно проявления корпоративной культуры характеризуются выработкой ценностей, которые не отражаются в регламентирующих документах организации. Неформальные отношения между сотрудниками дают характеристику направлению деятельности и развитию всей компании. Для того, чтобы неформальные отношения положительно влияли на коллектив и улучшали эффективность деятельности необходимо,

чтобы руководство компании могло влиять и контролировать развитие неформальных отношений [21, с. 3–4].

Выбранная стратегия руководства организации, цели и задачи, стоящие перед компанией, особенности среды, в которой происходит рабочая деятельность – оказывают влияние на отношения, которые складываются между формальной и неформальной сторонами взаимодействия сотрудников [23, с. 131–132].

Если руководство компании нацелено только на достижение показателей, касающихся экономических выгод, и использует формализованный метод руководства компанией, т.е. старается все коммуникационные процессы между сотрудниками регламентировать должностными инструкциями, правилами, приказами и прочими номенклатурными составляющими, то неформальные отношения в таких организациях подавляются управляющим звеном, а взаимодействие между сотрудниками происходит только в рамках достижения рабочих целей и задач. Это показатель недостаточного уровня развития корпоративной культуры в данной организации. При таком способе управления руководство компании столкнется с формальным отношением работников к выполнению своих непосредственных обязанностей. Сотрудники без инициативы выполняют поручения руководства, так как главными качествами, которые ценит руководство в организации – это дисциплина и четкое следование инструкциям.

В организациях, где отношения между сотрудниками и их коммуникации опираются не только на формальные, но и на неформальные аспекты, корпоративная культура развита на высоком уровне и эффективна, и результативность такой организации возрастает в несколько раз. Это происходит потому, что неформальные взаимоотношения в организации при развитии уровне корпоративной культуры формируют общие ценности и модели поведения для всех работников всех уровней в данной организации. Грамотное использование руководством неформальных коммуни-

каций ускоряет и облегчает управление сознанием и поведением сотрудников. Именно в процессе неформального общения и участия в мероприятиях, которые соответствуют корпоративной культуре организации, важные требования руководства принимаются сотрудниками как личные и не вызывают сопротивления [17, с. 736].

В организации случаются ситуации, когда происходит конфликт между формальными и неформальными сторонами взаимодействия. Причины таких конфликтных ситуаций несколько: стратегия руководства компании на подавление и искоренение неформальных взаимоотношений внутри организации, недостатки менеджмента, явное преобладание одной из сторон взаимоотношений в коллективе (формальной либо неформальной) над другой. Независимо от причины, любой конфликт между формальными и неформальными взаимоотношениями внутри организации снижают эффективность деятельности и в результате могут возникнуть отрицательные проявления, например:

- складывается отрицательное впечатление об организации в целом и руководстве компании как работодателе,
- неэффективное внедрение инновационных реформ,
- отсутствие или низкий уровень корпоративной культуры, в результате чего нарушается взаимодействие сотрудников и снижается эффективность достижения стратегических задач организации,
- снижается авторитет руководства компании,
- снижение эффективности выполнения должностных обязанностей, у работников повышенные требования к руководству, откровенный саботаж либо игнорирование распоряжений начальства.

Для того, чтобы избежать отрицательных проявлений, перечисленных выше, руководителю организации очень важно соблюдать баланс между неформальными и формальными взаимоотношениями внутри нее. Для этого необходимо использовать стратегии органи-

зации коммуникации внутри компании. Грамотно осуществлять мероприятия кадровой политики – «системы знаний, взглядов, принципов, методов и практических мероприятий основного звена управления, направленных на установление целей, задач, форм и методов кадровой работы во всех сферах человеческой деятельности» [4, с. 74–79]. Кадровая политика представляет собой структуру, в которую входят и документально оформленные правила трудовой деятельности, принятые в данной организации, так и неформальные установки, которые выполняют руководство и сотрудники организации в обязательном порядке. При правильном использовании кадровой политики руководство организации способно осуществлять контролирование неформальных отношений и направлять неформальные отношения для достижения целей и задач организации.

Грамотная кадровая политика, осуществляемая руководством, влияет на формирование корпоративной культуры в организации и формируется на основании стратегии, которая вырабатывается для конкретной организации. В стратегию по формированию кадровой политики входят составляющие элементы:

- корпоративные мероприятия различного направления и содержания,
- корпоративные средства массовой информации (могут существовать как в печатном, так и в электронном виде, к ним относятся и сайт организации, и приказы, и документы по организации, публикуемые отчёты),
- опросы и интервьюирования сотрудников,
- создание положительного образа об организации, как о хорошем и эффективном работодателе.

Если кадровая политика успешно решает возложенные на неё задачи, то внутри организации отношения между формальными и неформальными сторонами коммуникации находятся в балансе.

Для того, чтобы внутренняя среда коллектива организации отвечала требованиям баланса сочетания формаль-

ных и неформальных взаимоотношений, для принятия управленческих решений можно привлекать сотрудников организации. Это соответствует демократичному стилю управления [13, с. 287–293].

Сотрудники могут принять участие в обсуждении управленческого решения или возникших задач, предложить свои варианты выхода из создавшейся ситуации. Участие работников в управлении организацией позволяет определить, кто из сотрудников наиболее активный, знающий, профессиональный. Кто наиболее заинтересован в достижении организацией поставленных целей и задач. Кто действительно боится за дело компании всей душой.

Ещё одним положительным моментом привлечения сотрудников к управлению организацией является улучшение качества работы и выполнения своих должностных обязанностей, если им приходится реализовывать те решения, в принятии которых они непосредственно участвовали. Таким образом, если руководство компании привлекает сотрудников к решению вопросов управления – это позволяет сохранить баланс между формальными и неформальными взаимоотношениями в данной организации.

Корпоративная культура, развитая в организации, позволяет быстрее и эффективнее внедрить инновации. Если корпоративная культура поддерживает общие организационные ценности, соответствует целям и задачам, стоящим перед организацией, поддерживает стратегию, выбранную руководством, то процесс введения инноваций ускоряется, не встречается сопротивления со стороны сотрудников организации, что позволяет повысить эффективность деятельности компании.

Таким образом можно сделать вывод, что руководству компании для того, чтобы формальные и неформальные взаимоотношения в организации существовали в состоянии гармонии и баланса, необходимо осуществлять грамотную кадровую политику, привлекать сотрудников организации к участию в управлении организации, развивать корпоративную культуру в соответствии с принятыми ценностями в данной организации.

Литература

1. Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 8–29.
2. Защирина О.В. Белобрыкина О.А. Понимание как междисциплинарная категория // Понимание и коммуникация: когнитивный контекст содержательно-смысловых конструкций. СПб.: Скифия-принт, 2018. – 134 с., с. 8–14
3. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
4. Каконин В. И., Власовец С.А. Кадровая политика как внутренний фактор стратегического успеха компании // Управление развитием персонала. 2006. Т. 2. С. 74–79.
5. Курбатов В.И. Искусство управлять общением. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 349 с.
6. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
7. Леонтьев А.А. Психология общения. Изд. 3. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.
8. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. – М.: Педагогика, 1986. – 144 с.
9. Мескон М. Основы менеджмента. – Москва: Дело, 1999. – 800 с.;
10. Мильнер Б.З. Горизонтальные связи в организации и управление инновациями // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 10. С. 19–30;
11. Морозова Н.А. Коммуникации в организации: комплексный подход / Н.А. Морозова // Современные технологии управления. 2011. № 4 (04). С. 10–14
12. Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1(2). С. 38–71.
13. Ричард Л. Дафт. Менеджмент. – СПб.: «Питер». – 2008, 864 с.
14. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. – СПб.: СПбГУП, 1996. – 320 с.

15. Хоманс Дж. Малый боевой корабль (К истокам теории социального обмена) // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 105–112.
16. Черри К. Человек и информация (критика и обзор). – М.: Связь, 1972. – 370 с.
17. Balmer J. M. T., Greyser S.A. Corporate marketing: integrating corporate identity, corporate branding, corporate communications, corporate image and corporate reputation // *European Journal of Marketing*. – 2006. – Т. 40. – № 7/8. – С. 730–741.
18. Delia Mioara Popescu, Ion Pârgaru, Constanța Popescu, Daniel Mihai, A multidisciplinary approach of communication. Theoretical and Applied Economics Volume XXII (2015), No. 2(603), Summer, pp. 65–76.
19. Downs C.W. Assessing Organizational Communication: Strategic Communication Audit / C.W. Downs, A.D. Adrian. – N. Y.: The Guilford Press, 2004. – 292 p.;
20. Jones E. Organizational Communication: Challenges for the New Century / E. Jones, B. Watson, J. Gardner, C. Gallois // *Journal of Communication*. – 2004. – № 54(4). – P. 722–750.;
21. Kraut R. E. et al. Informal communication in organizations: Form, function, and technology // *Human reactions to technology: Claremont symposium on applied social psychology*. – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1990. – С. 1–46.
22. Theodore M. Newcomb. An approach to the study of communicative acts. – Vol.60. No.6. – University of Michigan, 1953. – pp. 393–404, с. 393.
23. Yamauchi K. Corporate communication: a powerful tool for stating corporate missions // *Corporate Communications: An International Journal*. – 2001. – Т. 6. – № 3. – С. 131–137.

INFORMAL COMMUNICATIONS AS A FACTOR IN STABILIZING THE STAFF OF A MANUFACTURING COMPANY

Mostovaya D.A., Tkacheva N.A.
Tyumen Industrial University

The article analyzes the main theoretical approaches to the study of informal communication of modern organizations in the oil and gas sector. The relevance of studying informal communications in a manufacturing company is determined by the need for a sociological analysis of the obvious and latent consequences of their role in the preservation and development of the team in the new conditions for the functioning of oil and gas enterprises. Severe sanctions pressure contributed to increased rationalization of costs, bureaucratization of control, formalization of the evaluation of the work of each employee of the company, which in the long run can lead to a decrease in team cohesion due to the underestimation of constructive informal communications based on trust, solidarity, and mutual assistance. The article reflects the socio-cultural meaning of communication associated with the definition of the specifics of information exchange in a manufacturing company based on the analysis and generalization of sociological, psychological and cultural theories.

Keywords: communication, organization, labor collective.

References

1. Blau P. Different points of view on the social structure and their common denominator // *American Sociological Thought: Texts / Ed. V.I. Dobrenkov. M., 1994. S. 8–29.*
2. Zashchirinskaya O.V. Belobrykina O.A. Understanding as an interdisciplinary category // *Understanding and communication: cognitive context of content-semantic constructs*. St. Petersburg: Scythia-print, 2018. – 134 p., p.8–14
3. Kagan M.S. The world of communication: The problem of intersubjective relations. – M.: Politizdat, 1988. – 319 p.
4. Kakonin V. I., Vlasovets S.A. Personnel policy as an internal factor in the strategic success of the company // *Management of personnel development*. 2006. V. 2. S. 74–79.
5. Kurbatov V.I. The art of managing communication. – Rostov-on-Don: Phoenix, 1997. – 349 p.
6. Lektorsky V.A. Epistemology classical and non-classical. – M.: Editorial URSS, 2001. – 256 p.
7. Leontiev A.A. Psychology of communication. Ed.3. – M.: Meaning, 1999. – 365 p.
8. Lisina M.I. Problems of the ontology of communication. – M.: Pedagogy, 1986. – 144 p.

9. Meskon M. Fundamentals of management. – Moscow: Delo, 1999. – 800 p.;
10. Milner B.Z. Horizontal links in the organization and management of innovations // Problems of theory and practice of management. 2011. No. 10. P. 19–30;
11. Morozova N.A. Communications in the organization: an integrated approach / N.A. Morozova // Modern management technologies. 2011. No. 4 (04). pp.10–14
12. Parsons T. Social systems // Issues of social theory. 2008. T.II. Issue. 1(2). pp. 38–71.
13. Richard L. Daft. Management. – St. Petersburg: "Peter. – 2008, 864 p.
14. Sokolov A.V. Introduction to the theory of social communication. – St. Petersburg: SPbGUP, 1996. – 320 p.
15. Homans J. Small warship (To the origins of the theory of social exchange) // Sociological research. 2010. No. 4. P. 105–112.
16. Cherry K. Man and information (criticism and review). – M.: Communication, 1972. – 370 p.
17. Balmer J. M. T., Greyser S.A. Corporate marketing: integrating corporate identity, corporate branding, corporate communications, corporate image and corporate reputation // European Journal of Marketing. – 2006. – T. 40. – No. 7/8. – S. 730–741.
18. Delia Mioara Popescu, Ion Pârgaru, Constanța Popescu, Daniel Mihai, A multidisciplinary approach of communication. Theoretical and Applied Economics Volume XXII (2015), no. 2(603), Summer, pp. 65–76.
19. Downs C.W. Assessing Organizational Communication: Strategic Communication Audit / C.W. Downs, A.D. Adrian. – N. Y.: The Guilford Press, 2004. – 292 p.;
20. Jones E. Organizational Communication: Challenges for the New Century / E. Jones, B. Watson, J. Gardner, C. Gallois // Journal of Communication. – 2004. – No. 54 (4). – P. 722–750.;
21. Kraut R. E. et al. Informal communication in organizations: Form, function, and technology // Human reactions to technology: Claremont symposium on applied social psychology. – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1990. – P. 1–46.
22. Theodore M. Newcomb. An approach to the study of communicative acts. – Vol.60. No.6. – University of Michigan, 1953. – pp. 393–404, p. 393.
23. Yamauchi K. Corporate communication: a powerful tool for stating corporate missions // Corporate Communications: An International Journal. – 2001. – T. 6. – No. 3. – S. 131–137.

Мобилизационная активность молодежи и государственная молодежная политика

Аносов Сергей Сергеевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

E-mail: ssanosov@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы развития гражданской активности молодежи в условиях социальных перемен. Показывается непродуманность государственной молодежной политики. На основе собственного исследования выявляются проблемы и противоречия молодежных инициатив, социальной активности молодежи и существующих государственных программ поддержки молодежных инициатив. Дается оценка перспектив развития гражданского общества при такой же линии государства и при изменении основных форм поддержки государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, мобилизационная активность, молодежная политика, гражданская активность, активная молодежь, государство, гражданское общество, социальный активизм, поддержка.

Говорить о социальном развитии можно лишь тогда, когда есть социальная активность молодежи. Общество перемен не дает стабильного видения будущего развития, поэтому формы гражданской активности могут отличаться. Государственная политика стимулирует и направляет развития активизма молодых людей, но этого недостаточно чтобы кардинально изменилась ситуация в понимании того, на что можно опираться сейчас и что станет приоритетом развития в будущем.

Молодежь – это основа становления гражданского общества, инновационной социально ответственной экономики будущего. Поэтому формы гражданской активности молодежи, распространённые в настоящий момент могут стать основой для понимания будущего развития государства. Использование идей и возможностей молодежи становится ресурсом формирования общества нового типа.

На сегодняшний день наблюдаются трудности в совмещении и совместном развитии молодежных инициатив и государственной политики:

- слабой представленности преемственности политики федерального, регионального и муниципального уровня, направленной на реализацию потенциала молодежи;
- недостаточное горизонтальное взаимодействие молодежи и молодежной политики в части организации межрегиональных и межфедеральных мероприятий;
- финансирование работы с молодежной активностью по остаточному принципу;
- малом количестве программ, в которых можно получить финансирование на реализацию молодежью своих идей, способных укрепить гражданское общество (гранты, субсидии);
- волюнтаризм власти становится преградой для тесного взаимодействия с молодежью.

Надо признать, что после экстремистских и террористических акций с участием молодежи, акцент на работу с молодежными объединениями увеличился, после пандемии COVID-19 увеличилось внимание к добровольцам и поддержка их инициатив. Но для комплексной идеологической и в том числе патриотической подготовки молодого поколения этого недостаточно (Р.В. Иванов [9–16], Р.Г. Ардашев [1–5]). Развитие гражданской идентичности и социальной ответственности требует не разовых акций, а целенаправленной политики, формирующей общую линию социального взаимодействия молодежи и органов власти, совместно формирующих общее будущее (И.А. Журавлева [6–8]).

Гражданская активность молодежи и государственная молодежная политика в условиях социальных перемен на сегодняшний день мало связаны между собой. Это произошло потому, что есть разрыв между видением развития сверху и возможностей развития снизу. Молодежная активность состоит из автономной активности (когда отдельный человек или группа людей проявляет инициативу и делает что-либо для изменения ситуации) и мобилизационной активности (сформированной в виде политической и решения поставленных органами власти задач, через официальные институты (школы, университеты, муниципальные центры дополнительного обучения и т.д.). Мобилизационная активность молодежи, безусловно более фундаментальный каркас для развития патриотизма и гражданской идентичности, так как может быть более регулярной по организации и финансированию мероприятий.

Гражданская активность – это и свойство личности, и показатель деятельности, она предполагает практики просоциального поведения (А.С. Ким [17], О.А. Полюшкевич [18–21]), которые регулируют уровень социального активизма в регионе. Они могут выражаться в трудовой, познавательной, социально-политической, экологической, социозащитной и любой другой деятельности.

Если говорить о мобилизационной активности, то необходимо развивать ценности и мировоззрение, направленное на развитие интересов государства, социально-политических интересов развития страны, инновационного развития общества. Социальная активность – это социальное действие, это просоциальная активность, которая меняет общественную ситуацию в отдельных вопросах или в целом в обществе. Гражданская активность – реализуется через выполнение обязанностей гражданина в различных сферах жизни. Социальная и гражданская активность соединяются в раскрытии потенциала мобилизационной активности.

В решающие моменты истории во всем мире именно социально активной и граждански активной молодежи принадлежала ключевая роль в изменении социального порядка, поэтому необходимо заниматься мобилизационной активностью молодого поколения для усиления качественных показателей развития и общей динамики общественного прогресса, социальных трансформаций и общественного воспроизводства. На наш взгляд необходимо учитывать и социально-психологические возможности и состояния современной российской молодежи. Процессы цифровизации и качественных трансформаций социальных условий жизни приводят к новым моделям социальной активности, что также должно находить подтверждение и поддержание в государственной молодежной политике.

Полагаем, наиболее гибким и активным оператором реализации новых условий реализации государственной молодежной политики могут быть молодежные некоммерческие организации, которые отражая интересы государства, максимально близко находятся к молодежи и могут «держать руку на пульсе» при малейших изменениях социального положения (П.А. Трескин [22–27]). Необходимо дополнительный импульс к социальной вовлеченности и инициативности данных организаций по регулированию мобилизационной активности молодежи.

Особенности исследования

Для выявления условий реализации мобилизационной активности молодежи мы провели шесть фокус-групп (n=48), где участвовали молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, учащиеся в вузах или работающие, 55% женщин и 45% мужчин. Фокус-групповое интервью проходило в формате полуструктурированных блоков, которые могли уточняться и дополняться, в зависимости от хода разворачивания беседы.

Анализ и интерпретация результатов исследования

Молодежь активная и пассивная. Участники исследования указывали на то, что сейчас разная молодежь в России, есть и активные, и пассивные. Но если для активной молодежи необходимо формировать направления, общие ориентиры развития в виде государственной молодежной политики, то для пассивной молодежи, посредством тех же самых социальных активистов создавать яркие примеры, способные увлечь и повести за собой, способные расшевелить и направить. И тут громоздкая государственная политика не справится, необходима координированная работа на местах и без локаций и реализации глобальных и локальных задач некоммерческих организаций, привлекаемых ими волонтеров для реализации своей деятельности, не обойтись.

Государственная политика не может быть хорошей для всех хотя бы потому, что мы все разные. Одни – инициативные, активные, другие – инертные и пассивные. Одним только покажи флажок, и они землю перевернут, чтобы его добыть, а другим горы золотые посули, ну или поездку в «Артек» или «Океан» и ничего не увидишь в ответ. Поэтому нужен адресный подход ко всем и это надо учитывать в реализации программ государственной молодежной политики. (Марина, 26 лет, специалист отдела по связям с общественностью. Министрства по молодежной политике Иркутской области).

Универсального рецепта «хорошей молодежной государственной политики»

нет. Есть понимание того, что разным сообществам молодежи необходимы разные подходы и формы активизации их деятельности. Ведь социальная активность, участие в различных проектах – это всегда личная инициатива, которая может найти поддержку со стороны власти и это уже станет целым организованным и контролируемым движением, или же разрозненной инициативой, которая через несколько дней, недель или месяцев забудется навсегда. Это тонкая грань соблюдения интересов государства и поддержания социально и граждански активных молодых людей. (Михаил, 24 года, руководитель молодежного регионального отделения Единой России).

Мотивы социальной, гражданской и мобилизационной активности молодежи. Выделенные участниками исследования мотивы многогранны, зависят от множества условий и не поддаются одному формату объяснения: от романтически-идеализированных до прагматично-объективных форм. Респонденты выделили такие мотивы как: желание изменить мир и готовность лично в этом участвовать; желание разнообразить и сделать социально полезным свой досуг; желание получить новые знакомства, которые в будущем позволят построить карьеру или реализовать более значимые социальные проекты; желание развивать свой личный социальный капитал, который в будущем позволит войти в новый социальный класс, получить более высокую расплату и т.д.

Участие в социальных акциях и проектах мы активизируем свой социальный капитал, который даст нам новые возможности чтобы о себя заявить, чтобы лучше и легче выстроить карьеру, получить высокую зарплату, войти в новый круг людей. Социальная активность – это ресурс нашего времени и кто из молодых людей думает наперед, обязательно ее использует. (Мирослава, 28 лет, программно-целевой аналитик публичного пространства Точка кипения-Иркутск).

Одни идут в гражданские активисты для того, чтобы изменить мир, другие для

того, чтобы обеспечить себе стабильную социальную карьеру, социальный лифт. Это не важно, так как благодаря просоциальной активности и первых и вторых мир действительно меняется, с маленьких шагов, с локальных трансформаций – мир становится другим, решаются нерешаемые десятилетиями задачи, сдвигаются с мертвой точки вопросы. И это результат усилий отдельных социально активных личностей, которые имеют разные мотивы, но результат их усилий один – наше общество меняется. (Нина, 21 год, студентка специальности социология, волонтер некоммерческой организации Ирида).

Преграды реализации государственной молодежной политики. Преградами для реализации государственной молодежной политики участники исследования назвали бюрократизм и формализация работы, невозможность понять, что решение каких-то отдельных вопросов зависит не от статьи расходов, а от реальной возможности что-то сделать, и ситуация измениться. Следование правилам не всегда дает результат. А также

Чтобы разобраться в том, что именно надо сделать, чтобы войти в программу, подать заявку – надо провести не один мозговой штурм, а если это касается не подготовленных людей, пусть входящих в инициативную группу какой-то некоммерческой организации, то результата не будет никакого. Разное мышление у чиновников (кто пишет условия для участия в программах поддержки молодежи) и тех, кто реально что-то делает для молодежи. Нужны люди, которые могут перевести одним требованием других и потом отчеты одних на формальные критерии отчетности – других. Правда позволить таких людей могут далеко не все. (Стас, 29 лет, аналитик общественной палаты Иркутской области).

Бюрократический язык, официальный стиль отталкивали многих грантополучателей даже на этапе написания и подачи заявки. И это показатель социальной и личной ограниченности, не готовности взаимодействовать с официальными структурами. Это минус для всех общественников, кто не обладает должной

гибкостью и лояльностью. Но результатом этого становится формальное отсечение от возможного участия всех, кто вовлечен в процесс инициации и реализации просоциальных практик. (Диана, руководитель социальных инициатив центра мой-бизнес Иркутск).

Приоритеты и перспективы реализации государственной молодежной политики. Потенциальные возможности, которые находятся в государственной молодежной политике находятся в увеличении возможностей получения поддержки инициатив, через работу некоммерческих организаций, так как они непосредственно могут и формально обеспечить функционирование проектов и акций и неформально координировать работу многих волонтеров, добровольцев, социальных и гражданских активистов, что в целом усиливает их мобилизационный потенциал. Более того, необходимо государственно поддерживаемая социальная реклама как некоммерческих организаций, так и непосредственно социально и граждански активной деятельности, мобилизационной внутренней работы в каждом регионе страны.

Молодежь разная и у ее не хватает информации о том, с кем у кого и как можно реализовать свои идеи. Некоммерческим организациям не хватает рекламы, т.к. просто денег на это нет, поэтому только государство может взять на себя активную пропаганду мобилизационной активности молодежи, где их просоциальная деятельность найдет поддержку, известность и славу. (Вероника, 22 года, студентка специальности государственное и муниципальное управление).

Перспективой развития государственной молодежной политики становится ее доступность и известность. Доступность – в том, чтобы любой молодой человек знал, что ему нужно сделать, с кем взаимодействовать чтобы реализовать свои идеи. А известность предполагает социальную рекламу, способную активизировать гражданскую позицию, усиливать идеи патриотизма, навыки социальной активности в любых социальных условиях в любом регионе страны.

(Тарас, 33 года, директор национально-культурного центра народов Сибири).

Мир поменять или дать возможность реализации. Это дилемма всех проведенных нами фокус-групп. С одной стороны, мобилизационная активность молодежи направлена на изменение ситуации в каких-то точечных вопросах экологии, социальной политики, культуры, религии и т.д., а с другой дает возможность проявить себя социальному активисту. Ответы участников разделились поровну и поэтому, можно утверждать, что государственная молодежная политика в части активизации социальной активности молодежи должна опираться на реальные факторы и сферы, требующие проработки, с другой давать простор для реализации личного видения и перспектив развития, так как только в этом случае можно говорить о социальной динамике и воспроизводстве общества.

Благодаря реализации социальных инициатив – меняется мир. И задача государственной молодежной политики с локальной поддержки инициатив молодежи найти те механизмы, которые трансформирует социальное пространство и среду развития. (Татьяна 20 лет, студентка, специальности политология).

Чтобы молодежь продолжала творить, создавать проекты, давать новые инициативные начинания необходимо их поддерживать и давать новые возможности для реализации. Инициатива должна находить поддержку и воплощение на практике, только тогда слова, написанные на бумаге, в программах по молодежной политике найдут реального благодарного адресата, и ситуация будет меняться. (Ольга, 29 лет, специалист отдела по работе с молодежью Администрации г. Иркутск).

Таким образом, проведенный анализ существующей государственной молодежной политики и инициатив активной молодежи выявил как разное понимание сути поддержки просоциальных практик молодых людей, разные мотивы и механизмы осуществления данного взаимодействия. Без серьезных трансформаций социальной молодежной политики

нельзя говорить о развитии молодежи молодежных инициатив и тем более о мобилизационной активности молодых людей, способной консолидировать общество, усилить уровень гражданской осознанности и активности и сформировать новый уровень и качество жизни для всех россиян.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. – Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, 2021. С. 76–79.
3. Ардашев Р.Г. Новые жизненные миры россиян после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2021». Москва, 2021. С. 23–26.
4. Ардашев Р.Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
5. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 125–128.
6. Журавлева И.А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74.
7. Журавлева И.А. Перспективы образования и занятости молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современ-

- ного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 275–279.
8. Журавлева И.А. Проблемы российской системы высшего образования: качественный анализ // Социология. 2022. № 2. С. 134–142.
 9. Иванов Р.В. Активизация участия молодежи в волонтерской деятельности // Социология. 2022. № 1. С. 101–122.
 10. Иванов Р.В. Виртуальная социализация молодежи: социально-философский анализ // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 36–41.
 11. Иванов Р.В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.
 12. Иванов Р.В. Индивидуальный терроризм в России на основе анализа терактов 2018–2021 гг. // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 216–218.
 13. Иванов Р.В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
 14. Иванов Р.В. Направления реализации государственных проектов по развитию патриотического воспитания в региональных образовательных учреждениях // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 209–213.
 15. Иванов Р.В. Региональная молодежная политика: экспертный анализ // Социология. 2021. № 1. С. 93–102.
 16. Иванов Р.В. Трансформация идентичности в процессе социализации молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 8. С. 38–42.
 17. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 65–68.
 18. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, 2021. С. 20–23.
 19. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
 20. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики волонтеров общественных организаций // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VII международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2022. С. 675–678.
 21. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики экологического активизма // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2021. С. 199–203.
 22. Трескин П.А. Молодежные некоммерческие организации как современный социальный лифт // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 154–158.
 23. Трескин П.А. Социальное самочувствие участников общественных организаций // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский

- сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 98–104.
24. Трескин П.А. Некоммерческие организации как ресурсы социального развития регионов // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 147–151.
 25. Трескин П.А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Социология. 2020. № 1. С. 352–357.
 26. Трескин П.А. Территориальное развитие: взаимодействие органов власти с некоммерческими организациями // Молодые ученые – экономике региона. Сборник материалов XVIII международной научно-практической конференции. 2019. С. 177–181.
 27. Трескин П.А. Влияние некоммерческих организаций Иркутской области на социальное самочувствие населения // DIXI – 2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 125–128.
- Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021, pp. 130–134.
2. Ardashev R.G. Change of consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, 2021, pp. 76–79.
 3. Ardashev R.G. New life worlds of Russians after COVID-19 // Modern Society in the Conditions of Socio-Economic Uncertainty. XV International Scientific Conference "Sorokin Readings-2021". Moscow, 2021. S. 23–26.
 4. Ardashev R.G. Features of the development of the consciousness of citizens in a pandemic society // Sociology. 2022. No. 1. S. 79–86.
 5. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. materials of the Third regional scientific-practical conference. Irkutsk, 2021, pp. 125–128.
 6. Zhuravleva I.A. Evaluation of the development of state educational policy (expert analysis) // Sociology. 2021. No. 4. S. 63–74.
 7. Zhuravleva I.A. Prospects for Education and Employment of Youth // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. S. 275–279.
 8. Zhuravleva I.A. Problems of the Russian system of higher education: a qualitative analysis // Sociology. 2022. No. 2. S. 134–142.
 9. Ivanov R.V. Activation of youth participation in volunteer activities // Sociology. 2022. No. 1. P. 101–122.
 10. Ivanov R.V. Virtual socialization of youth: socio-philosophical analysis // Social reality of virtual space. materials of the IV International scientific conference. Irkutsk, 2022, pp. 36–41.
 11. Ivanov R.V. Civil activity of the population in the public space of Irkutsk // Sociology. 2020. No. 5. P. 145–151.

MOBILIZATION ACTIVITY OF YOUTH AND STATE YOUTH POLICY

Anosov S.S.

Irkutsk National Research Technical University

The article deals with the problems of development of youth civic activity in the conditions of social changes. The lack of thoughtfulness of the state youth policy is shown. Based on their own research, the problems and contradictions of youth initiatives, the social activity of young people and existing state programs to support youth initiatives are revealed. An assessment is given of the prospects for the development of civil society with the same line of the state and with a change in the main forms of support for state youth policy.

Keywords: youth, mobilization activity, youth policy, civic activity, active youth, state, civil society, social activism, support

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in the new meaningful life orientations of Russians //

12. Ivanov R.V. Individual terrorism in Russia based on the analysis of terrorist attacks in 2018–2021 // In search of social truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, 2021. S. 216–218.
13. Ivanov R.V. Mobilization solidarity during a pandemic // Sociology. 2021. No. 4. S. 92–105.
14. Ivanov R.V. Directions for the implementation of state projects for the development of patriotic education in regional educational institutions // In Search of Social Truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022, pp. 209–213.
15. Ivanov R.V. Regional youth policy: expert analysis // Sociology. 2021. No. 1. S. 93–102.
16. Ivanov R.V. Transformation of identity in the process of socialization of youth // Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly). 2022. No. 8. S. 38–42.
17. Kim A.S., Polyushkevich O.A. Social solidarity through pro-social practices of civil activists and volunteers // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022, pp. 65–68.
18. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in a post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VI International Scientific and Practical Internet Conference. In 2 parts. Vologda, 2021. S. 20–23.
19. Polyushkevich O.A. Pro-social practices in a provincial town: creativity and profanity of public space // Sociology. 2021. No. 4. S. 129–135.
20. Polyushkevich O.A. Prosocial practices of volunteers of public organizations // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VII International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda, 2022, pp. 675–678.
21. Polyushkevich O.A. Prosocial practices of environmental activism // Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among the youth. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation: thematic collection of articles. Irkutsk, 2021. S. 199–203.
22. Treskin P.A. Youth non-profit organizations as a modern social lift // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2022. No. 3 (67). pp. 154–158.
23. Treskin P.A. Social well-being of participants in public organizations // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2022, pp. 98–104.
24. Treskin P.A. Non-profit organizations as resources for the social development of regions // In Search of Social Truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, 2021, pp. 147–151.
25. Treskin P.A. Participation of public organizations in the regulation of public relations in the region // Sociology. 2020. No. 1. S. 352–357.
26. Treskin P.A. Territorial development: interaction of authorities with non-profit organizations // Young scientists to the economy of the region. Collection of materials of the XVIII international scientific-practical conference. 2019. S. 177–181.
27. Treskin P.A. The influence of non-profit organizations of the Irkutsk region on the social well-being of the population // DIXI – 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research. collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 125–128.

Влияние медиапространства на суицидальное поведение молодежи

Ардашев Роман Георгиевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России
E-mail: ardachev.rg@bk.ru

В статье проводится анализ российского медиапространства на предмет распространённости информационных потоков о суициде и суицидальном поведении молодежи. В результате качественного исследования тематических страниц в сети Интернет (n=2245) выявлены ключевые формы и инструменты закрепления информации о суициде и суицидальном поведении в сознании молодых людей через текстовый, визуальный и аудиальный материал, размещенный на анализируемых ресурсах. Также, в результате проведенных четырех фокус-групп, позволивших уточнить и объяснить использование выявленных рычагов давления на общественное сознание и конструирования схем программирования и манипулирования социальными стереотипами и установками. В конце работы сформированы перспективные направления изучения медиапространства, воздействующего на суицидальное поведение молодежи.

Ключевые слова: суицид, медиапространство, суицидальное поведение, молодежь, виртуальный мир, сетевое взаимодействие.

Медиапространство наполнено множеством потоков информации. Оно конструирует социальные представления и формы социальной коммуникации, создает социальные и личные смыслы, регулирует общественное мнение. Поэтому становится одним из рычагов формирования мировоззрения.

9 из 10 жителей России регулярно заходят в социальные сети, сайты, почту или какие-то поисковые браузеры. Они вовлечены в виртуальное взаимодействие и их мышление конструирует та информация, с которой они соприкасаются целенаправленно или случайно.

Медийное пространство обладает символичностью, использует иррациональные образы и формы воздействия, создавая ложные стратегии, конструируя иллюзии и мнимые идеалы и идолы. Электронные средства коммуникации дают возможность поверить в доступность любой информации. Остается открытым вопрос о достоверности этой информации. Но эффект ее воздействия на сознание и подсознание отрицать нельзя.

Суицидальное поведение молодежи становится во многом опосредованно результатом воздействия медиапространства, так как там транслируются фильмы, поются песни, в которых романтизируется смерть. Виртуальное пространство позволяет растиражировать и преумножить визуальные образы, ассоциирующиеся с суицидом.

Вопросы трансформации общественного мнения под влиянием виртуальности [6–8], влияние СМИ [4] и фильмов [5] рассматриваются в работах Р.Г. Ардашева. Философское осмысление суицида, его экзистенциальных и смысловых основ проанализировано в работах Ю.В. Буровой и Л.Ф. Айзатовой [9]; С.Ж. Рыспаевой [16]; Н.Д. Узлова и М.Н. Семёновой [18]. В ряде исследований отражаются вопросы киберсуицида и кибербуллинга (Р.Г. Ардашев

[1]), особенности суицида в школах и последствий для общественного мнения (Р.Г. Ардашев [2,3], Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова [11], О.А. Полюшкевич и др. [13–15]). Анализ использования интернет-технологий и виртуального контекста как инструмента доведения до самоубийства проводится в работах А.М. Бычковой и Э.Л. Раднаевой [10], Н.Ю. Демдоуми и Ю.П. Денисова [12], В.С. Тибиркиной и Г.М. Шигабетдиновой [17] и других.

Особенности проведения исследования

В данном исследовании мы провели контент-анализ медиапространства тех ресурсов, где отражена информация о суицидах и суицидальном поведении молодежи. Всего в анализе приняло участие 2245 сайтов, страниц в социальных сетях, публикаций в информационных лентах и официальных изданиях. При анализе содержания использовалась программа

Также мы провели 4 фокус-группы с молодыми людьми в возрасте от 18 до 23 лет, на тему информированности их в реальной жизни и в медиапространстве о суициде и суицидальном поведении. Всего в фокус-группах приняло участие 35 человек, 20 девушек и 15 юношей, все являюся студентами вузов г. Красноярск. Длительность фокус-групп примерно 2 часа. Гайд интервью состоял из 7 блоков вопросов, которые имели различные уточнения, возникающие по ходу ведения беседы.

Анализ результатов исследования

Все участники исследования сталкивались на разных информационных порталах медиапространства с информацией о суициде и суицидальном поведении. Интересно, что только треть (32%) отметили данную информацию как негативную, осуждающую суицид; 41% указали как нейтрально-терапевтическую, с психологическим уклоном объяснения почему так происходит и что нужно делать человеку склонному к суициду и его окружению; 27% отметили информационные ресурсы, в которых велась

романтизация смерти, героизация тех, кто совершил суицид и т.д. Иными словами, информационная насыщенность медиапространства данной тематикой разнообразна и наполнена смыслами, другой вопрос, что эти смыслы трактуются неоднозначно:

- как форма мышления (когнитивный уровень – как стратегия аналитического безэмоционального анализа или как форма объективной героизации);
- как эмоциональная оценка и вовлеченность (аффективный уровень: от сочувствия и эмпатии, до осуждения и агрессии);
- как поведенческая установка (реальные попытки суицида или реализованный суицид).

Как показали результаты фокус-групп, информационные потоки о суициде в медиапространстве виртуального мира объединяют несколько моментов.

Суицид как игра. Суицид трактуется как игра, квест-суицид через взаимодействие в виртуальном мире. Весь посыл суицидального поведения преподносится как игра. У участников снижается уровень критичности, они отдаются процессу и не задумываются о возможных рисках. Плюс групповое взаимодействие может дополнительно подстегивать интерес к данной тематике. Данную сферу в два раза чаще называли молодые люди, нежели девушки (72% и 35% соответственно).

Если бы не было интриги, острого сюжета и соревнования, то модераторы сообществ не смогли бы удержать внимание молодых людей. То, что им интересно, увлекательно и не скучно – позволяет оставаться в данных сообществах. Это вынуждает их участвовать в практиках нанесения увечий себе или животным, как пример доказательства серьезности участия в сообществе. Я об этом читала не раз. (Марина, 19 лет, студентка специальности «туризм»).

Вовлеченность в общую игру, да еще и с соревновательным эффектом – увлекает. Это интересно и участвовать, и наблюдать. Я участвовал как наблюдатель, даже делал ставки на команды и на от-

дельных участников, все снимается. Конечно, у меня не большие деньги были, но знаю, кто реально несколько десятков тысяч заработал на этом. А для участников – это слава, статус, формирование ореола героя. Это круто как ни крути. (Тимофей, 22 года, студент специального и муниципального управления).

Идеология бессмысленности жизни. Идеология обесценивания жизни, психологическое и философское обоснование бессмысленности жизни (опираются на чувства одиночества, потерянности, безнадежности, депрессивности и т.д.). Данную сферу выделяли люди, имеющие небольшое количество друзей (от 2 до 3х) в два раза больше, чем, те кто имеет более 5–7 друзей (62% и 30% соответственно).

Сколько в мировой литературе героев, которые совершили самоубийство, от Вертера до Анны Карениной. И ими восхищаются, за них переживают, им сочувствуют. И это классика. В современном мире – тоже самое твориться, люди живут теми же страстями, поэтому тема суицида вечна. Вопрос в том – для чего, почему и как ... (Анна, 20 лет, студентка специальности филология).

Зачем ценить жизнь, если мы все равно умрем, так лучше это сделать красиво и так, чтобы о тебе говорили и после смерти. Это их философия. Не могу сказать, что я не понимаю этого. Сам иногда так думаю, но повседневная суета затягивает и со временем забываю. Для тех, кто одинок, это да, перспектива очевидна, а я всегда в компании и не люблю тех, кто ноет и печалиться. Если скучно – развеселись. А вот кто не может это сделать – становится жертвой данных сообществ, предлагающих как ценность – смерть и акт самоубийства делающих способом показать и доказать свою избранность. (Тарас, 21 год, студент специальности социальная работа).

Обесценивание ценностей. Обесценивание таких ценностей как любовь, дружба, семья и таких действий и эмоций как эмпатия, соучастие, терпимость, внимание. Данную категорию чаще на-

зывали молодые люди, выросшие в семье с одним родителем (44% и 20% если в семье было два родителя). Девушки в два раза чаще чем юноши (39% и 18% соответственно).

В сообществах смерти поддерживают миф о том, что подросток или молодой человек никому не нужен, ни семье, ни друзьям и что у него нет другого выхода, кроме как быть в этом сообществе и в конце концов совершить самоубийство. Это глупо конечно, но работает. Так как туда попадают люди с уже сломленной психикой, из-за насилия, издевательств, притеснений... И то, что у них находится прорывом и дает понимание того, что это те, с кем может быть безопасно и комфортно. (Мария, 23 года, студентка специальности психология).

В группы смерти попадают те, кому одиноко, у кого нет поддержки и понимания со стороны окружения, кто испытывает одиночество и потеряность, а в этих группах они находят внимание и интерес, готовность их выслушать и направить, возможность получить признание и уважением, правда путем совершения суицида, но это не важно, так как отключается рациональное восприятие реальности. (Ольга, 21 год, студентка специальности социология).

Символика смерти. Символическая составляющая, конструирующая высшую цель в смерти, дополнительно подкрепляющуюся символами смерти (образы кита или слова «ОНО», «АД»). В большинстве своем эту категорию называли юноши (88% и лишь 12% девушек).

Такие сайты или группы в социальных сетях я узнаю по символам, синего кита или символы смерти из разных культур. Это ярко, просто, узнаваемо. И знаю, это очень привлекает. Загадочность, романтичность, необычность... (Илья, 20 лет, студент специальности история).

Сообщества смерти привлекают своей мрачностью, известными символами смерти, общеизвестных слов в узкой интерпретации «ОНО» или «АД» – это как пароли для своих, критерий уз-

навания. Мне подруга показывала, она даже участвовала в нескольких квест-играх, это интересно, но опасно. Два человека серьезно пострадали в них, но они знали на что шли. (Марианна, 20 лет, студентка специальности политология).

Язык. Символическое конструирование языкового поля – формирование своего сленга. Также присутствуют цитаты и слоганы, культивирующие самоубийство. Общий язык – это способ отгородиться от мира и это выступает формой социальной независимости и обособленности. Эту категорию в основном называли девушки – 80% и 20% юношей.

В данных сообществах свои шифры, коды – это как пароли с явками для тех, кто прячется. Это формирует ауру таинственности и всегда привлекает неокрепшие умы. Также этому способствуют такие фразы как «Счастливые люди не курят», «Ничего не радует», «Коллективный суицид. С собой покончили: Вера, Надежда, Любовь» и т.д. (Максим, 21 год, студент специальности государственное и муниципальное управление).

Определенный языковой контекст, подобранные фразы и цитаты создают свой флер необычности и важности, вовлеченности в какое-то тайное сообщество. Мне запомнилась одна фраза: «Каждый был хоть однажды настолько одинок или расстроен, что думал о суициде...» и т.д. (Нина, 20 лет, студентка специальности филология).

Аудио и видеоподкрепление. Аудио выражено в песнях, направленных на смерть, самоубийство. Видео отражается в падениях с высоты, повешения, разрезания вен. Также присутствует видеоряд из фильмов. Отдельно представлены картинки смерти и самоубийства. Чаще указывали девушки (53% и 30% юноши). Живущие в семьях с одним родителем – 55%, с двумя – 29%.

На таких сайтах очень интересная, правда депрессивная музыка собрана, я иногда туда захожу только для этого – чтобы послушать специально подобранные песни о смерти, о загробном мире, о мире тлена и печали. И после легче как-то становится, меня это даже

вдохновляет. Не знаю как других. Красивая, но грустная тематика. Не на каждый день, но вполне создает настрой. (Станислав, 22 года, студент специальности журналистика).

Я люблю посмотреть фильмы-ужастики, про коллективный суицид стоит отдельного внимания. Например, Общество мертвых поэтов, Чат, Зал самоубийц, 13 дней до моего самоубийства и т.д. Сами по себе знаковые фильмы, насыщенные, психологические, драматичные. Это мне интересно с позиции профессии. На этих сайтах без оплаты и каких-то преград можно все закачать и посмотреть в удовольствие. (Светлана, 20 лет, студентка специальности психология).

Новые философские трактовки и смыслы. Философское формирование установки о ценности загробного существования как личности или как психоэнергетической сущности, как набора пикселей (оставив след в сети и тем более, зафиксировав свое положение во время самоубийства – человек обретает вечную жизнь). Этот смысл опирается на понимание жизни как игры, жизни как квеста и смерти, соответственно, также как квеста. Чаще отмечали девушки – 77% и юноши лишь 33%.

Те, кто приходят на сайты смерти, думаю вообще ничего не знают ни о смерти, ни о загробном мире. А модераторы все интерпретируют как им удобно, управляя умами тех, кто не может мыслить рационально и критично, у кого не хватает реального здравого смысла и простых знаний о физиологии, о культуре, о религии и так далее. (Ольга, 22 года, студентка специальности культурология).

Вечная жизнь через самоубийства навряд ли возможна. И то, что участники групп смерти это не понимают, говорит об их слабом когнитивном уровне, легкость подчинения и готовность выслушивать эту ересь говорит об эмоциональном выгорании, а готовность действовать по указке модераторов групп или сайтов смерти показывает их недалекость и некритичность мышления, иррациональность настроения. (Ири-

на, 22 года, студентка специальности история).

На вопрос о том, нужно ли контролировать, регулировать сайты и страницы смерти и как именно лучше это делать ответили участники фокус-групп неоднозначно. Стоит мониторить и прикрывать такие информационные страницы в медиапространстве считает 28%, ввести жесткую цензуру говорят 46%, дать свободу и разрешить самовыражаться полагают 26%. Но даже последние, готовят о том, что регулярный мониторинг необходим, чтобы данные клубы не стали местом для расправ и убийств, а оставались закрытым элитарным местом, способным дать шанс на иную жизнь тем, кто этого захочет.

Также 99% участников фокус-групп сообщили, что искоренить данные сайты, страницы в социальных сетях не удастся никогда. Тяга к смерти заложена в факте жизни. Философский смысл. Но от того он не становится менее интересным. Так рассуждать может только условно толерантная молодежь, допускающая, что суицид – это часть их жизни, совершить его может даже он сам, его близкий или просто знакомый человек. Это изменение базовых установок и ценностей, определяющих приоритеты развития и личных смыслов.

Существует ряд стратегий онлайн-вмешательства и поддержки, включая электронную почту, чаты и форумы. Асинхронные группы помощи (форумы), кажутся предпочтительнее чатов по нескольким причинам. Ответ на сообщение в форуме можно получить в любое время, и это отчасти избавляет от чувства одиночества. Асинхронная связь позволяет обдумать сообщения перед публикацией, и пользователи ощущают себя в безопасности.

Люди обычно предпочитают разделять эмоции, связанные с психологической болью в асинхронной группе, а не в чатах, где дают быстрые ответы. Участники могут ощущать сплоченность и эмоциональную поддержку других членов группы. Отсюда асинхронные группы представляют удобный способ общения суицидентов, испытывающих острое

одиночество и невыносимую душевную боль.

Активное участие в онлайн-мероприятиях суицидентов и их близких, профессионалов – снижает риск интернет-индуцированных суицидов, способствует улучшению профилактики суицидального поведения.

Таким образом, медиапространство наполнено разнообразным контентом, который достаточно легко встретить на просторах сети Интернет и который может легко увлечь (одних символическими образами и картинками, других реальными примерами жизни и книжными героями, третьих готовностью убежать от реальной жизни и проявить себя как герой) и так далее. Это все формы конструирования нового мышления под влиянием информационных потоков о суициде и суицидальном поведении молодежи в медиапространстве.

Важность функционирования сетевых потоков информации не вызывает сомнений, но необходима более жесткая цензура для работы подобных социальных страниц и сайтов, необходима жесткая система наказаний для модераторов подобных сообществ. Только тогда может измениться ситуация в количестве и качестве вовлечения молодых людей в сообщества смерти.

Профилактика и работа с теми, кто уже вовлечен в суицидальное поведение требует междисциплинарного подхода и будущие механизмы профилактики лежат на стыке психологии, философии, права, социальной работы, журналистики и многих других дисциплин, вовлеченных в дискурс суицидов и суицидного поведения молодежи в медиапространстве.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
2. Ардашев Р.Г. Криминальный суицид в школах: социальное измерение // Социология. 2022. № 5. С. 23–30.
3. Ардашев Р.Г. Массовые убийства в школах как акт заявления о себе // В поисках социальной истины. Ма-

- териалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 278–285.
4. Ардашев Р.Г. Кино как источник формирования иррационального сознания россиян // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 197–201.
 5. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
 6. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
 7. Ардашев Р.Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2021. С. 367–369.
 8. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
 9. Бурова Ю.В., Айзятова Л.Ф. Суицид как деструкция современного общества // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8 (97). С. 66–70.
 10. Бычкова А.М., Раднаева Э.Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 101–115
 11. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76.
 12. Демдоуми Н.Ю., Денисов Ю.П. Распространение «суицидального контента» в киберпространстве русскоязычного интернета как проблема мультидисциплинарных исследований // Суицидология. 2014. Том 5, № 2 (15), С. 47–54.
 13. Полюшкевич О.А. Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 159–164.
 14. Полюшкевич О.А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гофмана // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, ИГМУ, 2019. С. 24–29.
 15. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Журавлева И.А., Завьялов А.В. Влияние теракта 17 октября 2018 г. в Керчи на ментальную экологию российского общества по данным массового опроса населения Иркутской области и контент-анализа интернет-ресурсов и СМИ // Экология человека. 2021. № 8. С. 42–49.
 16. Рыспаева С.Ж. Суицид – экзистенциальный выбор (социологический анализ) // Проблемы науки. 2019. № 5 (41). С. 90–94. DOI 10.25205/2658–4506–2020–13–1–148–161
 17. Тибиркина В.С., Шигабетдинова Г.М. Суицид и суицидальное поведение: исследование групп в социальных сетях // Студенческий вестник. 2019. № 24–1 (74). С. 46–47.
 18. Узлов Н.Д., Семёнова М.Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // Суицидология. 2017. Том 8, № 3 (28), С. 40–53.

THE INFLUENCE OF THE MEDIA SPACE ON THE SUICIDAL BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE

Ardashev R.G.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the Russian media space in terms of the prevalence of information flows about suicide and suicidal behavior of young people. As a result of a qualitative study of the-

matic pages on the Internet (n=2245), key forms and tools for fixing information about suicide and suicidal behavior in the minds of young people through textual, visual and auditory material posted on the analyzed resources were identified. Also, as a result of four focus groups, which made it possible to clarify and explain the use of the identified levers of pressure on public consciousness and the design of programming schemes and manipulation of social stereotypes and attitudes. At the end of the work, promising directions for studying the media space that affect the suicidal behavior of young people are formed.

Keywords: suicide, media space, suicidal behavior, youth, virtual world, networking.

References

1. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society // *Sociology*. 2022. No. 6. S. 32–38.
2. Ardashev R.G. Criminal suicide in schools: social dimension // *Sociology*. 2022. No. 5. S. 23–30.
3. Ardashev R.G. Mass killings in schools as an act of self-declaration // *In Search of Social Truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. S. 278–285.
4. Ardashev R.G. Cinema as a source of the formation of the irrational consciousness of Russians // *Social reality of virtual space. materials of the IV International scientific conference*. Irkutsk, 2022. S. 197–201.
5. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // *Sociology*. 2021. No. 3. S. 53–61.
6. Ardashev R.G. Virtualization in the new meaningful life orientations of Russians // *Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers*. Irkutsk, 2021, pp. 130–134.
7. Ardashev R.G. Transformation of the thinking of Russians in the digital age // *Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects. Materials of the IX All-Russian scientific-practical conference with international participation*. Vologda, 2021, pp. 367–369.
8. Ardashev R.G. Transformation of youth consciousness in the era of virtuality // *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2021. No. 5. S. 31–34.
9. Burova Yu.V., Aizyatova L.F. Suicide as a destruction of modern society // *Society: politics, economics, law*. 2021. No. 8 (97). pp. 66–70.
10. Bychkova A.M., Radnaeva E.L. Bringing to suicide through the use of Internet technologies: socio-psychological, criminological and criminal law aspects // *All-Russian criminological journal*. 2018. V. 12, No. 1. C. 101–115
11. Davydov D.G., Khlomov K.D. Mass killings in educational institutions: mechanisms, causes, prevention // *National Psychological Journal*. 2018. No. 4 (32). pp. 62–76.
12. Demdoui N. Yu., Denisov Yu.P. Distribution of "suicidal content" in the cyberspace of the Russian-speaking Internet as a problem of multidisciplinary research // *Suicidology*. 2014. Volume 5, No. 2 (15), pp. 47–54.
13. Polyushkevich O.A. Norms of solidarity after mass violence // *The problem of the correlation between the natural and the social in society and man*. 2019. No. 10. S. 159–164.
14. Polyushkevich O.A. Stigmatization: analysis within the concept of I. Hoffman // *Health Philosophy: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers*. Irkutsk, IGMU, 2019. S. 24–29.
15. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V., Zhuravleva I.A., Zavyalov A.V. The impact of the terrorist attack on October 17, 2018 in Kerch on the mental ecology of Russian society according to a mass survey of the population of the Irkutsk region and content analysis of Internet resources and the media // *Human Ecology*. 2021. No. 8. S. 42–49.
16. Ryspaeva S. Zh. Suicide – an existential choice (sociological analysis) // *Problems of Science*. 2019. No. 5 (41). pp. 90–94. DOI 10.25205/2658–4506–2020–13–1–148–161
17. Tibirkina V.S., Shigabetdinova G.M. Suicide and suicidal behavior: a study of groups in social networks // *Student Bulletin*. 2019. No. 24–1 (74). pp. 46–47.
18. Uzlov N.D., Semenova M.N. Game, transgression and network suicide // *Suicidology*. 2017. Volume 8, No. 3 (28), pp. 40–53.

Социальные стратегии поддержки малого бизнеса России и Китая

Журавлева Анастасия Андреевна,

преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье представлен анализ социального моделирования кросскультурного сотрудничества России и Китая в сфере малого бизнеса. С позиции социологии управления строится анализ существующих стратегий поддержки малого бизнеса в двух странах, а также предлагаются новые стратегии развития межкультурного диалога в сфере малого бизнеса и развития межгосударственного партнёрства в сфере бизнес-коммуникаций.

Ключевые слова: социальные стратегии, малый бизнес, поддержка, социология управления, кросскультурное взаимодействие.

Первостепенной задачей любого государства является поддержание устойчивой и стабильной экономической обстановки. Очевидно, что для создания благоприятной среды, государство преследует цель развития малого и среднего предпринимательства, ведь оно составляет львиную долю в экономике страны.

В свою очередь, при достаточном развитии малого и среднего бизнеса, предприниматель стремится к диверсификации прибыли посредством экспорта, интеграции российских фирм в международные производственные цепочки, обеспечении реальной двусторонней открытости экономики.

История российско-китайских отношений насчитывает четыре столетия неразрывных отношений сближений и отдалений, дружбы и охлаждения. Но во все времена основой российско-китайских отношений были взаимные торговые интересы. Для плодотворной работы представителей этих двух стран, крайне важно понимать специфику культуры Китая и России.

Особенности и различия современной культуры ведения бизнеса России и Китая

В условиях глобализации экономики постоянно увеличивается количество контактов между представителями различных культур. Эти контакты охватывают широкие сферы общественной жизни – от контактов на бытовом уровне до профессионального сотрудничества.

Сегодня существует целый ряд типологий культур, созданных исследователями организационной культуры. Наиболее известны из них типологии Г. Хофстеда, Т. Дила и А. Кеннеди, Р. Блейка и Дж. Моутон, С. Ханди, К. Камерона и Р. Куинна. Универсальный закон, который объясняет конкурентную специализацию и большинство культурных

различий, связан с именем голландца Герта Хофстеде.

Типология организационных культур Хофстеда была разработана в начале 1980х годов исходя из результатов масштабного исследования, расположенных на разных континентах и в разных странах подразделений известной транснациональной корпорации IBM (опрошено 116 тыс. служащих в 40 странах). Эту типологию можно считать наиболее известной и популярной, что объясняется удачно найденным набором универсальных параметров, подходящих для анализа культур организаций, независимо от того, в какой стране они находятся, в каком более широком культурном контексте действуют.

Результаты исследования Г. Хофстеда весьма актуальны для российских руководителей в свете проблем отечественного рынка труда. Для него характерны растущий приток из-за рубежа низкоквалифицированной рабочей силы, увеличение числа иностранных компаний, высокая текучесть персонала и низкая трудовая мотивация. Важен и выход отечественных компаний на международные рынки, где им придется столкнуться с трудностями преодоления культурных барьеров.

Для изучения национальной культуры как базового фактора организационного поведения Хофстед предложил использовать следующие параметры, представляющие собой континуумы таких характеристик поведения:

- Индивидуализм – коллективизм;
- дистанция власти (степень участия в принятии решений, касающихся всех);
- приемлемость неопределенности;
- мужественность – женственность (маскулинность – феминность);
- временной горизонт ориентации на будущее (короткий – длинный) [10].

В таблице 1 представлено сравнение параметров изучения национальной бизнес-культуры России и Китая как базового фактора организационного поведения.

Таблица 1. Сравнение параметров изучения национальной бизнес-культуры как базового фактора организационного поведения России и Китая.

Характеристика поведения	Россия	Китай
Дистанция власти	Высокая (автократический характер власти)	Высокая (автократический характер власти)
Индивидуализм – коллективизм	Коллективизм	Коллективизм
Приемлемость неопределенности	Высокое избегание неопределенности	Низкое избегание неопределенности
Мужественность – женственность (маскулинность – феминность);	Серединное положение	Серединное положение
Временной горизонт ориентации на будущее (короткий – длинный)	Короткий	Длинный

Далее кратко опишем содержание каждого параметра.

1. Первый показатель культурной вариативности – это «дистанция власти» («power distance index»). Он отражает такую степень неравенства в распределении власти и влияния в организации, которая воспринимается наименее влиятельными членами общества как нормальная и сама собой разумеющаяся черта общественного уклада, при которой они чувствуют себя комфортно. Дистанция власти может проявляться на разных уровнях общественной жизни: в семье, в образовательном учреждении, в производственной сфере и на государственном уровне. Культурам с высокой дистанцией власти – арабские страны, Китай, Индия, Малайзия, Венесуэла, Россия и страны СНГ – присущи следующие характеристики: автократический характер власти; наличие у высокопоставленных лиц в организации привилегий; огромная разница в оплате труда сотрудников организации; деловые отношения, основанные на принципе жёсткой иерархии и другие. На противоположном полюсе находятся культуры с низкой степенью дистанции власти:

Австрия, Англия, Дания, США, Германия и другие. В данных странах отношения строятся на основе относительного равенства и уважения к личности. Члены общества, организаций и учреждений в таких культурах рассматривают неравенство как нарушение прав человека.

2. Одним из важнейших показателей для изучения деловой культуры является «индивидуализм /коллективизм» («individualism versus collectivism») Это измерение характеризует степень зависимости индивида от интересов группы, степень психологической взаимосвязи членов общества или сотрудников организации, а также отношение индивида к коллективистским и индивидуалистским ценностям в обществе.

Следует отметить, что степень индивидуализма статистически позитивно коррелирует с уровнем благосостояния в стране. Так, например, в США и странах Западной Европы, демонстрирующих высокий жизненный уровень населения, превалирует индивидуалистские подходы и принципы, при которых акцент делается на индивидуальные цели, интересы и устремления личности. Таким образом, считается, что степень индивидуализма растет по мере роста доходов на душу населения.

Обратным полюсом индивидуализма является коллективизм. Согласно исследованию Г. Хофстеде к коллективизму тяготеют Япония, Китай и большинство других восточных стран, а также Испания, Португалия, Греция и Россия. В таких культурах на всех ступенях социализации, начиная с процесса воспитания личности и формирования ее личностных характеристик, господствует такая система ценностей, для которой характерно иерархическое построение общества и доминирование интересов социальных и рабочих групп, к которым принадлежит личность. Деятельность организаций основывается на первостепенности общественного блага [9].

Индивидуализм или коллективизм – ключевая характеристика в вопросе инноваций на основе индивидуализма возникают так называемые радикальные инновации, ведущие к перевороту,

а на основе коллективизма – так называемые инкрементные – медленные, постоянные совершенствования.

3. В рамках четырёхфакторной модели культуры Г. Хофстеде особое место занимает показатель «избегание неопределенности» («uncertainty avoidance index»), который можно кратко охарактеризовать как толерантность общества к неопределенности, двусмысленности и неоднозначности. Высокая степень избегания неопределенности в культуре подразумевает эмоциональную потребность в правилах, нормах, формальностях и стандартах. Следовательно, люди из культур с высоким уровнем избегания неопределенности (Япония, Россия, Германия, Бельгия, Австрия, Швейцария) стремятся не допустить неопределённых и неясных ситуаций и установить подробные правила поведения, чтобы избежать эмоционального дискомфорта. В рамках бизнеса они стремятся детально расписать роли и функции работников и максимально устранить двусмысленность в служебных отношениях. Интересно то, что для этих обществ характерна высокая степень правового нигилизма [2].

На другом полюсе культуры с низкой степенью избегания неопределенности (Сингапур, Малайзия, Китай, Англии, Скандинавия, США), в которых люди, напротив, комфортно чувствуют себя в незнакомых и слабо структурированных ситуациях. Они стремятся минимизировать количество правил, норм и законов, ограничивающих рамки ситуации.

Таким образом, наличие большого количества правил является одним из симптомов и показателей того, что данной национальной культуре присуща высокая степень избегания неопределенности.

Избегание неопределенности связано с тем, что наши предки жили в зоне высокорискового земледелия. И для них было естественным желание избегать рисков, градов, засух и т.д. С другой – есть количественные исследования воздействия так называемого малого ледникового периода на способность наций к восприятию новых ситуаций. Малый

ледниковый период – похолодание, которое наступило в ряде регионов мира в XVI–XIX веках. Те страны, которые были затронуты этим сдвигом, потом показали более высокую инновационность и, главное, готовность входить в новые ситуации. Россия в их числе. Россия попала под воздействие этого климатического фактора, и в этом смысле избегание определенности здесь не должно быть прочным.

4. Показатель «мужественность /женственность» («masculinity versus femininity») квалифицирует культуру общества по тому, в какой степени оно демонстрирует социальное разделение ролей и трудовых функций между мужчинами и женщинами. В странах с женственной культурой, к которым Хофстеде традиционно относит Скандинавские страны, доминируют такие ценности, как склонность к компромиссам, благородство, скромность, умеренность и заботливость. В странах с женственной культурой стремятся повышать качество жизни, налаживать и поддерживать гармоничные взаимоотношения. На рабочем месте ценится умение создать уютную и бесконфликтную атмосферу и выработать консенсус.

Феминность связана не просто со способностью производить нестандартные вещи, но именно с креативностью. Русский крестьянин часто решал принципиально новую задачу. Каждые семь лет, когда он менял поле, потому что истощалась почва, он понимал, что надо действовать не по прежним опытам и нормам, а заново придумывать, как с этой новой землей работать и как от нее получить результат. Что из этой креативности может получиться в экономике? Креативная экономика. Креативная индустрия. Именно это направление в нынешнем ковидном и постковидном мире оказывается чрезвычайно важным полем конкуренции ведущих держав. Для России это может оказаться вообще новым способом инновационного движения.

В противоположность феминным обществам, маскулинные общества демонстрируют приверженность таким

ценностям, как целеустремленность, упорство, состязательность, активность и предпринимательство. В странах с мужественной культурой на работе приветствуется напористость, самоуверенность, хваткость и пробивная способность, а успешная карьера, богатство и материальный успех воспринимаются как высшее жизненное достижение. Исходя из данных исследования Хофстеде, вышеперечисленные признаки сильно выражены в США, Польше, Австрии, Германии, Великобритании, Японии. Россия и Китай занимают срединное положение по показателю «мужественность /женственность».

5. Еще одна характеристика, которую ввел Герт Хофстеде, – «долгосрочная ориентация», настроенность на значительные перемены в стране. Это глубина исторического взгляда и мышления. Например, у американцев, долгосрочная ориентация оказалась очень маленькой – здесь и сейчас. Ориентация на то, чтобы получить результат как можно скорее, не откладывая. Восточные нации, у которых долгосрочная ориентация высокая, оказались способны к долгосрочным инвестициям. Они более склонны к тому, чтобы вкладываться в проекты, которые будут принести результат через 10 или 15 лет.

К вопросу о долгосрочности ориентации, хотелось бы добавить способность Россиян к краткосрочной мобилизации. Этой характеристики нет в работах Хофстеде, потому что поле культур более широкое и многообразное, чем те, что описываются той или иной методикой. Данное культурное свойство ценно тем, что помогает решать задачи в течение жестко определенного времени. И взялось это свойство культуры в результате условий агротехники, сложившейся в России. Академик Леонид Васильевич Милов показал, что вегетативный период в российском сельском хозяйстве был вдвое короче, чем в Европе. Это означало, что нужно было решить те же задачи, которые решали европейцы, за принципиально более короткое время. Отсюда и другое отношение к вероятности достижения результата. Пото-

му что не было больше времени, потому что природа суровая, потому что почва не очень плодородная. И отсюда не только избегание риска и высокое избегание неопределенности, но и готовность к раннему риску.

В случае краткосрочной мобилизации, у народа стоит задача освоения пространства. Примером является маятниковая миграция в конгломерациях, когда мегаполис притягивает к себе соседние регионы, и человек уезжает туда на заработки на период интенсивного труда. И этот интенсивный труд он в состоянии выполнить, если это краткосрочная мобилизация. Также примером краткосрочной мобилизации является быстрая реакция на внешние факторы, например, в условиях удара пандемии выросли все цифровые и электронные услуги. Это быстрый результат. На быстрый результат это культурное свойство и рассчитано [13, 14].

Проанализировав таблицу 1 «Сравнение параметров изучения национальной бизнес-культуры как базового фактора организационного поведения России и Китая.» можно сделать выводы, что базовое организационное поведение этих двух стран схожи, имеются различия лишь в двух параметрах: приемлемость неопределенности и временной горизонт ориентации на будущее. Это обусловлено историческими особенностями Китая и России.

Эта картина позволяет сформулировать практически закон конкурентной специализации наций, который коротко можно выразить так: есть зависимость между измеряемыми культурными характеристиками тех или иных наций и их предрасположенностью к инновациям, к распространению предпринимательской деятельности, к мобилизационным методам хозяйствования, к массовому стандартному производству или индивидуализированной сервисной деятельности, а также к долгосрочным инвестициям, то есть к довольно многочисленным и важным экономическим характеристикам. В свою очередь культурные особенности народа напрямую связаны с историей его развития.

Исторические особенности деловой культуры Китая формировались много веков. Прежде всего, иностранному бизнесмену в Поднебесной необходимо понимать, что Китай больше нельзя классифицировать как развивающийся рынок – это самодостаточный и развитый организм, который оказывает большое влияние на другие страны.

Во-вторых, согласно основными догмами конфуцианства, китайское общество имеет жесткую вертикальную интеграцию – иерархию.

В-третьих, бизнесмен должен владеть искусством переговоров с азиатскими контрагентами. Прежде всего, в поднебесной не принято показывать эмоций, в то же время, приветствуются переговоры в дружеской обстановке. Для успешной работы, российскому предпринимателю необходимо уметь соблюдать этот непростой баланс, постигая уникальную китайскую философию и психологию.

Одним из проявлений уникальности китайской психологии является факт того, что несмотря на то, что идеологические установки коммунистического режима Мао Цзедуна в современной деловой жизни давно не актуальны, наиболее важной структурой в жизни китайского гражданина была организация, в которой он был трудоустроен – 单位 (даньэй).

Государство выступало работодателем, а рабочее место гарантировало жизнь без кардинальных изменений конъюнктуры рынка труда.

Отказаться от гарантий, которые предоставляло государственное трудоустройство было слишком рискованно и фактически означало потерю всех прав и привилегий работающего человека. По этой причине, во время переходного периода большое количество ново-явленных предпринимателей старались совместить государственный и частный секторы до тех пор, пока новый порядок не окрепнет настолько, чтобы можно было спокойно сменить вид деятельности.

При смене направления труда, немаловажным аспектом успеха является такой ресурс, как связи – 关系 (гуанси). Такие неформальные отношения в Ки-

тае ценятся гораздо выше формальных и используются во многих сферах жизни. У представителей иных культур нередко возникают негативные ассоциации «гуанси» с подкупом, однако по своему значению непосредственно для жителей Китая данное общественное явление не равняется коррупции. Однако практика дарения китайским должностным лицам подарков нередко становится основанием для привлечения зарубежных компаний к ответственности за подкуп, в первую очередь в контексте Закона США о коррупционных практиках за рубежом. Исходя из этих фактов, бизнесмену необходимо уметь грамотно и безопасно выстраивать взаимоотношения с китайскими партнерами, ведь истинное «гуанси» заключается не в оказании влияния на принимаемые решения с помощью подарков или услуг, а в укреплении доверия, базирующегося на взаимности. Ключом к быстрому и эффективному получению этих самых «гуанси» в Китае является организация совместного предприятия, однако риск выбора ненадежного партнера остается головной болью любого предпринимателя в любой точке земного шара, и Китай – не исключение.

Быстрый темп развития экономики Китая отчасти обусловлен уникальным менталитетом граждан этой страны, например, в Китае нет понятия «потенциальные клиенты в будущем». В Поднебесной есть лишь принцип «только здесь и сейчас». Это означает, что никто из жителей этой страны не кормит свои семьи «потенциальными возможностями». В русском языке есть похожее выражение «время-деньги», в случае работы с китайскими контрагентами это значит, что нужно присутствовать на переговорах и производстве, а также решать все вопросы при личных встречах и в быстрые сроки. Таким образом, иностранец может обезопасить себя от многих бизнес-рисков.

Немаловажно заметить, что для налаживания надежных связей с китайскими контрагентами, огромную роль играют совместные приемы пищи, от-

каз от которых могут рассматриваться как оскорбление.

Но самым главным аспектом не только в кросс-культурных коммуникациях, но и в любых других видах общения между людьми является вежливость. Китайцы без вежливости – никто, и любезный человек может многого здесь добиться.

Также не стоит забывать, что кросс-культурным коммуникациям предшествуют коммуникации внутри одной культуры.

Основой бизнеса в Китае является семейное предпринимательство. Оно представляет собой мелкие и средние семейные предприятия, которые традиционно были исторически первой и органически присущей Китаю формой предпринимательства. Причина этого – большая численность населения.

Такой бизнес основан на мелкотоварном и технически отсталом кустарном предприятии с широким применением ручного труда, специализирующимся на производстве одного или двух видов продукции или оказания услуг, что обуславливало их экономическую устойчивость.

Следует учесть, что во многих других странах предпринимательство, также начинавшееся с семейных форм, оказалось явлением неустойчивым и потому временным. Так в России, история предпринимательства уходит корнями во времена Киевской Руси и Новгородского государства, где поощрялись развитие торговых отношений не только с соседями, но и с дальними заморскими странами. Это нашло отражение даже в сказках и былинах, например об удачливом новгородском купце Садко. Впрочем, первые известные нам семейные династии российских предпринимателей начали складываться уже в едином московском государстве, при царе Иване Грозном. Начавшаяся революция более чем на 70 лет остановила развитие русского предпринимательства, но не смогла искоренить главного качества, необходимого для начинания и успешного развития своего собственного дела, – желания продолжать семейные традиции, перенимать и продолжать опыт от-

цов. Сегодня многие предприниматели, заинтересовавшиеся историей своего рода, с удивлением обнаруживают, что являются продолжателями традиций своих дореволюционных родственников-предпринимателей [8].

Так почему в современном Китае до сих пор сохранилась семейная форма предпринимательства? Первая причина – это многочисленность китайского населения, а вторая причина – это факт того, что семья с конфуцианских позиций была и остается главной ценностью общества. Семья есть продукт определённой культурной традиции китайцев и потому является наиболее жизнеспособной формой деловой деятельности, обуславливающей малые и мельчайшие по размерам формы этой деятельности. Личные родственные отношения в семейных предприятиях зачастую являются более важными, чем отношения с государством и другими предприятиями (поставщиками и покупателями).

В условиях глобализации и вызванным ею успешным проникновением китайского бизнеса на рынки других регионов мира, особенно США и Западной Европы, в китайском бизнесе появились некоторые особенности. Прежде всего это касается семейного предпринимательства и отношений, им обусловленных, как основы предпринимательской деятельности в Китае, которая не вполне соответствует современным реалиям. Особенности адаптации и развития в условиях пандемии также влияют на процессы социального моделирования подержки малого бизнеса [21–23].

Практика изучения современных особенностей предпринимательства в Китае позволяет полнее осознать появившееся в 90-х гг. XX в. понятие «конфуцианский капитализм» и природу китайского бизнеса. Сторонники этого термина считают, что китайский бизнес – это прежде всего этнический клановый бизнес, обязательный своему конфуцианскому происхождению и основанный на конфуцианских ценностях [20].

Так, модель «социальной гармонии» в бизнесе основана на конфуцианском и буддистском (вторая по численности

и значению религия в Китае) понимании гармонии как высшей ценности жизни, как достижение единства семьи в ее китайском понимании через соблюдение меры, стремление к срединности, внутреннему самоусовершенствованию, отсутствию чрезмерности, крайностей и насилия. Социальная гармония, как главенствующая в бизнесе, понимается в виде гармоничных, основанных на взаимоуважении, взаимопомощи, взаимопонимании отношений, возникающих при разрешении конфликтов, достижении социальной справедливости при честной конкуренции, обуславливая устойчивые связи между элементами той или иной социальной структуры [4].

Известная модель «сяокан», лежащая в основе «социализма с китайской спецификой для новой эры» – это модель идеального (разумного) общества или общества малого благоденствия или «малого процветания» (приемлемого состояния уютного упорядоченного общества, основанного на семейных отношениях). Такое общество должно базироваться на помощи самым обездоленным и слабым, на социальной поддержке, системе прогрессивного налогообложения, активной государственной политике трудоустройства граждан, переселении людей из бедных районов в более благополучные, развитии образования. Построение среднезажиточного общества «сяокан» будет означать формирование «модернизированного социалистического государства», где не будет классового расслоения, и все будут равны и свободны [1].

Этнический характер бизнеса делит предпринимателей на «своих» и «чужих». «Свои» – это те китайцы, которых объединяет иероглифическая письменность. Они часто жертвуют прибылью, но предпочитают вести дело только со «своими». «Чужими» являются иностранцы, инвестирующие в китайскую экономику. Государство, несмотря на политику открытости экономики и активное участие Китая в мирохозяйственном обороте, относится к «своим» и «чужим» по-разному. В отличие от «своих», у которых очень облегчена

процедура регистрации и функционирования бизнеса, «чужим» для открытия бизнеса, даже совместного со «своими», требуется обязательное разрешение государства. Это все влияет на формирование человеческого капитала в бизнес-сообществе [15,16].

Также одним из исторических факторов динамичного развития китайской экономики можно считать наличие большого отряда богатых хуацяо – китайских эмигрантов, желающих вложиться в развитие исторической родины. На рубеже 1970–1980-х годов в Гонконге и на Тайване рост уровня жизни и стоимости трудовых ресурсов спровоцировал вывоз производства за рубеж. Материковый Китай привлек тайваньских и гонконгских бизнесменов не только дешевой рабочей силой, но и географической близостью и отсутствием языкового барьера. Кроме того, многие хуацяо имели в Китае родственников и хорошо знали китайские порядки. В том числе непростые правила общения с китайскими чиновниками. Сработал и китайский патриотизм – разбогатевшие за пределами родной страны китайцы, даже ограбленные и изгнанные когда-то коммунистами, считали своим долгом помочь родине в ее новой, рыночной жизни. «Йе луо гуи гэн» («Листья падают, возвращаются к корням») – эта китайская поговорка означает, что китайские эмигранты должны рано или поздно вернуться на родину, пусть даже в виде праха после смерти. Однако китайские богачи с Тайваня и из Гонконга возвращались при жизни и везли с собой капиталы и опыт их преумножения в условиях рынка.

Но, наверное, самым главным секретом привлекательности Китая как поля для капиталовложений стала мудрая политика китайского руководства, предоставившего инвесторам всевозможные льготы и свое покровительство. В России, в 1990-х годах остро нуждавшейся в инвестициях, ничего подобного сделано не было. Инвестиции с Тайваня и из Гонконга, а затем и из Европы, США и Японии пошли на создание крупных и трудоемких производств. Они размещались в специально выделенных пра-

вительством Китая экономических зонах в приморских районах [19].

Поведение государства по отношению к предпринимательству наряду с планированием экономики позволяет считать его активным участником рыночных отношений в интересах многообразных предпринимательских структур как движущей силы экономического роста за счет его количественных и качественных характеристик (динамизма, открытости, устойчивости, инновационной и социальной направленности).

Эффективность, сходство и различия государственной поддержки малого и среднего бизнеса в России и Китае

В любые времена особую актуальность приобретает вопрос эффективности государственного финансирования малого и среднего предпринимательства. В Федеральном законе от 24.07.2007 номер 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» поддержка малого и среднего предпринимательства трактуется как деятельность органов государственной власти и функционирование инфраструктуры поддержки субъектов малого предпринимательства. Данная инфраструктура направлена на реализацию мероприятий, которые предусмотрены программами развития малого и среднего предпринимательства. Поэтому, исходя из данного определения в законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», эффективность поддержки необходимо оценивать как эффективность реализации государственных программ поддержки.

По способу оценки результатов поддержки субъектов малого и среднего бизнес выделяют экономические, социальные и бюджетные критерии, где:

- 1) экономические – отражают влияние государственной программы на решение общих проблем экономики;
- 2) социальные – определяют изменения социальных показателей за счет влияния государственной поддержки;
- 3) бюджетные – отражают влияние реализации программы поддерж-

ки на доходы и расходы федерального и регионального бюджетов.

Таблица 2. Сравнение эффективности государственной поддержки России и Китая за 2021 год

Критерий оценки	Показатель	Россия	Китай
Экономическая эффективность	Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, млн. шт./% от всего бизнеса страны	6/73,4	10/98
	Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, охваченных государственной поддержкой, субъектов, млн. шт.	2,2	4,76
	Размер оказанной поддержки субъектам малого предпринимательства, млрд. дол.	16,4	237,31
Социальная эффективность	Численность занятых на малых и средних предприятиях, % от числа всего трудоспособного населения страны.	11	80
	Размер среднемесячной заработной платы на малых и средних предприятиях, дол.	409,3	749,3
Бюджетная эффективность	Доля малого и среднего бизнеса в ВВП страны, %	20,3	60
	Налоговые доходы государства от субъектов малого и среднего относительно общего объема налоговых поступлений страны, %	15	50

Согласно таблице 2 «Сравнение эффективности государственной поддержки России и Китая за 2021 год» можно прежде всего оценить влияние государственной программы на решение общих

проблем экономики. Согласно таблице сравнений, процент малого и среднего предпринимательства относительно всего бизнеса страны выше в Китае, чем в России на 24,6%, показывая результат 98 и 73,4 процента соответственно. Для сравнения, в европейских странах количество субъектов малого и среднего предпринимательства в процентном соотношении от всего бизнеса страны колеблется в районе 80–99%, в Америке 99,7%. Также в таблице указан процент субъектов малого и среднего предпринимательства, охваченных государственной поддержкой. На основании этих данных можно сделать вывод, что в России только каждая третья компания обращается за поддержкой к государству, в свою очередь каждая вторая компания в Китае. Эти данные говорят о низком уровне популяризации работы инфраструктуры государственной поддержки, а также недоверии к государству со стороны представителей субъектов малого и среднего бизнеса. Далее можно сделать вывод, что на поддержку одного вовлечённого субъекта малого и среднего бизнеса России и Китая государство затрачивает в среднем по 7,5 и 50 миллионов долларов соответственно. На основании этих данных можно сделать вывод, что для экономики Китая, программы поддержки малого и среднего бизнеса проводятся гораздо успешнее не только относительно российских, но также и в сравнении с европейскими и американскими инфраструктурами поддержки бизнеса, показывая высокую долю малых и средних предприятий в бизнесе страны.

Следующий критерий оценки эффективности государственной поддержки – это бюджетная эффективность. Налоговые доходы государства от субъектов малого и среднего относительно общего объема налоговых поступлений Китая и России равны 50 и 15 процентов соответственно в то время, как развитых странах эта цифра превышает 40 процентов. В данном случае, проще всего было бы поднять налоговые ставки для субъектов малого и среднего предпринимательства, однако увеличение на-

логовой нагрузки – это одна из основных проблем, с которыми сталкиваются субъекты малого бизнеса, что в целом приводит к негативным последствиям их развития. Доля малого и среднего бизнеса в ВВП России и Китая равны 20,3 и 60 процентам соответственно, в то время как в Европе данная цифра 50–60 процентов.

Субъекты малого и среднего предпринимательства играют важную социальную роль в развитии страны. Важно отметить, что субъекты малого и среднего предпринимательства также создают рабочие места для населения страны, что весьма важно для государства в направлении обеспечения занятости населения и в борьбе с безработицей. Так в России численность занятых на малых и средних предприятиях относительно всей массы трудоспособного населения равна 11 процентам, а в Китае 80. Для сравнения в Европе это около 70 процентов. Также необходимо добавить, что такой важный показатель, как размер среднемесячной заработной платы на малых и средних предприятиях в Китае выше, чем в России на 45% и составляет 749,3 и 409,3 долларов соответственно.

Также важно упомянуть один из эффективных видов поддержки малого и среднего бизнеса Китая для повышения социальной эффективности – это поддержка стартапов, на которых трудится большое количество населения страны, в частности молодежь. В период с 2019 года Министерство промышленности и информационных технологий Китая присвоило этот статус 4762 стартапам, большинство которых работает в полупроводниковой, машиностроительной и фармацевтической отраслях. Китай планирует расширить программу поддержки стартапов «Little Giants» (маленькие гиганты) в таких отраслях, как производство микросхем и биотехнологии, направленную на расширение технологических возможностей страны в условиях жёсткой конкуренции с США, добавив в её перечень ещё около 3000 «маленьких гигантских» стартапов.

Своеобразным аналогом «Китайского молодежного бизнеса» является Ассоциация молодых предпринимателей России – общероссийская общественная организация, объединяющая более 10000 молодых предпринимателей со всей страны. Ассоциация помогает решать конкретные проблемы предпринимателей и предлагает инструменты для решения системных проблем малого бизнеса [5].

Однако, если обратиться к сайту данной организации, ясно, что активно функционирует она лишь в 57 из 85 субъектов Российской Федерации, что нельзя оценить положительно [3].

Китайское и российское правительство считают малые и средние предприятия важнейшим стимулятором экономического роста, оживления рынка и расширения возможности трудоустройства.

Малый и средний бизнес стал неотъемлемой частью экономики и ныне энергично создает огромное количество рабочих мест и осваивает новые инновационные технологии. В обеих странах приоритетами поддержки является развитие собственного производства, импортозамещения и в дальнейшем экспорта.

Приоритетными направлениями поддержки малого и среднего бизнеса Китая и России является прежде всего финансовая, консультационная и образовательная поддержки.

Совместная стратегия развития бизнеса России и Китая

Развитие торгово-экономического сотрудничества является важным фактором укрепления отношений между Китаем и Россией.

16 июля 2001 года председатель Китайской Народной Республики Цзян Цзэминь и президент Российской Федерации Владимир Путин подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В соответствии с основными принципами и духом Договора уровень китайско-российских отношений с тех пор непрерывно повышался [12].

Сегодня на фоне нестабильности и неопределенности международной

среды, а также постоянного усиления давления со стороны США ситуация в мире беспрецедентно меняется. Очевидно, что на фоне мировых перемен, оба государства могут попасть в кризисную ситуацию, однако по мнению китайцев кризис – это время возможностей, достаточно рассмотреть этимологию иероглифов слова «кризис» для того чтобы сделать вывод, что данное слово состоит из двух иероглифов: 危 («вэй») и 机 («цзи»). Первый из них и правда означает «опасный, рискованный», а второй куда机 («цзи») – это «точка изменения, решающий момент».

20 марта 2022 г. посол КНР в России Чжан Ханьхуэй на встрече с китайскими предпринимателями, проживающими в Москве, заявил, что китайскому бизнесу на территории России следует «воспользоваться возможностью и заполнить возникающие лакуны на российском рынке». «Крупные компании сталкиваются с серьезными проблемами, в том числе со сбоями в цепочках платежей и поставок. Наступает время, когда частные, малые и средние предприятия могли бы сыграть свою роль», – подытожил посол [7].

Что касается нынешней политической ситуации и санкций против России, Китай следует принципам нейтралитета, не прекращая российский импорт и экспорт. Китай не проявляет инициативы, кроме той, что связана с защитой интересов собственных компаний и своего рынка. Китаю очень важно, чтобы Россия не распалась, потому что это большой политический союзник Китая. Поэтому Китай пытается сохранить формальный нейтралитет.

Согласно данным Российского экспортного центра, российский экспорт в Китай равен китайскому импорту в Россию образуя товарооборот на сумму 110918,6 млн долларов. Кроме этого, Китай занимает первое место в международном товарообороте России, а также первое место в несырьевом неэнергетическом экспорте России (пример популярного товара – продукты питания).

Для сравнения, китайско-американская торговля – это почти трил-

лион долларов, Китайско-европейская – почти 800–900 миллиардов (из них 30% – только с одной Германией).

Для того, чтобы разработать стратегию развития сотрудничества России и Китая, прежде всего необходимо понимать, какие российские товары пользуются спросом в Китае и какая китайская продукция популярна в России. По итогам 2021 года в тройке основных товаров в структуре российского экспорта в Китай на долю топливно-энергетических товаров (минеральное топливо, нефть и нефтепродукты) приходится более половины таможенной стоимости – 67,82%. Доля цветных металлов составила 7,25%, продукции лесопереработки – 7,2% [18].

Важно обратить внимание на структуру Российского экспорта в Китай. Большинство товаров – это сырье и энергетическая продукция, которую как правило производят крупные компании, а не малый и средний бизнес, кроме того, данные товары не являются продуктом глубокой переработки, которая влечет за собой большие трудозатраты и высокую трудовую занятость населения. Соответственно, такой экспорт не несет позитивного социального развития российскому обществу. В то время как основными товарами в структуре российского импорта из Китая являются «машины и оборудование» (их доля в общем обороте импорта составляет 55,1%), «химическая продукция» – 11,1% и «текстильные материалы и изделия» – 7,3%. Данная продукция имеет большое количество внутренних процессов производства, которые представляют большое количество населения трудовые места, что как показывает статистика, позитивно сказывается не только на социальном развитии Китая, но и на экономике и бюджете страны.

Для успешного функционирования Российской экономики за счет торговых отношений с Китаем, необходимо повысить товарооборот с помощью увеличения объема экспорта несырьевых и неэнергетических товаров посредством поддержки малого и среднего бизнеса, например организации инвестиционных

проектов с производством товаров глубокой переработки с высокой маржинальностью и спросом на территории КНР.

В рамках национальной цели “Достойный и эффективный труд и успешное предпринимательство”, установленной Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474, реализуется национальный проект “Международная кооперация и экспорт”, целью которого является обеспечение к 2030 году реального роста экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на 70% по сравнению с 2020 годом [17].

Китайско-российское взаимодействие в торгово-экономической области обладает большим потенциалом при достаточной поддержке государством и развитию у современных бизнесменов и менеджеров кросс-культурной компетентности: владение иностранными языками и знание межкультурных различий. В будущем, при условии научно-технического прогресса и изменения структуры экономик двух стран, будут активнее использоваться преимущества стран, сферы сотрудничества будут постоянно расширяться, а уровень взаимодействия – повышаться на основе принципов взаимной выгоды и обоюдного выигрыша. Это, безусловно, положительно скажется на экономическом развитии Китая и России, сыграет основополагающую роль в укреплении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, и станет драйвером постоянного развития двусторонних связей.

Социально-экономическое развитие многих регионов Сибири и Дальнего Востока в заметной мере связано с Китайской Народной Республикой, прежде всего с провинциями Северо-Восточного Китая – Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь. Между российскими регионами, в том числе и Иркутской областью, и этими провинциями установлены очень тесные экономические, научно-технические, культурно-образовательные связи. Геополитическое положение Восточной Си-

бири и КНР во многом предопределяет стремление сторон к взаимовыгодному международному сотрудничеству в самых различных сферах, но наибольшим созидательным потенциалом для его участников обладает укрепление и развитие взаимовыгодных связей в сфере науки и образования.

Примечательной особенностью Иркутской области является то, что на ее территории сформировался крупнейший на востоке России научно-образовательный комплекс, реализующий кадровое и научно-техническое обеспечение целого ряда конкурентоспособных экспортноориентированных отраслей экономики региона: авиастроение, электроэнергетика, цветная и черная металлургия, нефтехимическая и лесоперерабатывающая промышленность. Особенностью научного комплекса области является фундаментальный характер научных исследований и разработок, имеющих стратегическое значение для России и в целом азиатского региона.

В составе научно-образовательный комплекса региона – Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, высшие учебные заведения, элементы инновационной инфраструктуры.

Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, это крупный мультидисциплинарный комплекс, второй по величине в Сибирском отделении РАН. В Иркутском Академгородке расположены 9 крупных академических институтов Сибирского отделения РАН: Институт географии, Институт геохимии имени А.П. Виноградова, Институт динамики систем и теории управления, Институт земной коры, Институт систем энергетики имени Л.А. Мелентьева, Институт солнечно-земной физики, Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского, Лимнологический институт, Сибирский институт физиологии и биохимии растений. Кроме них в состав ИНЦ СО РАН входят Иркутский филиал Института лазерной физики СО РАН, Байкальский музей (в пос. Листвянка). Иркутские академические институты имеют раз-

виту, во многом уникальную научно-исследовательскую базу. К установкам национального масштаба относятся Сибирский солнечный радиотелескоп, проблемно-ориентированный телескоп для измерения слабых фоновых магнитных полей на Солнце, Иркутский радар некогерентного рассеивания Института солнечно-земной физики СО РАН. Уникальные, дорогостоящие приборы сосредоточены в Байкальском центре коллективного пользования и служат не только институтам Центра, но и сторонним организациям региона. На территории всей Сибири расположены десятки сейсмических, астрономических, географических, биологических станций и стационаров иркутских институтов. Институты через волоконно-оптический кабель объединены в Интегрированную информационно-вычислительную сеть ИНЦ СО РАН и образовательных учреждений г. Иркутска с выходом в российские и зарубежные глобальные сети. Иркутский научный центр поддерживает международные связи более чем со 100 зарубежными научными учреждениями и организациями из 30 стран, участвуя в реализации совместных программ и двусторонних соглашений. В последние годы важным направлением в деятельности институтов стала инновационная деятельность, направленная на воплощение результатов научных исследований и разработок в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности. Начата работа по созданию Технопарка – структуры, способствующей внедрению научных разработок в производство. При этом Российская академия наук остаётся ведущей организацией в области фундаментальных научных исследований страны [6].

Высшее образование является важным фактором регионального развития, играет решающую роль в воспроизводстве интеллектуального потенциала общества, от которого зависят современное производство и применение знаний. Подготовка специалистов с выс-

шим профессиональным образованием в Иркутской области осуществляют 37 образовательных организаций (в том числе, филиалы и негосударственные образовательные организации). Общая численность студентов образовательных организаций высшего образования Иркутской области в 2016 учебном году составила 79,5 тыс. человек [11]. Вузы области не могут не реагировать на потребности региональной экономики, открывая новые специальности и направления подготовки будущих специалистов. В последние годы открыты актуальные для современной экономики направления подготовки, такие как, «Биоинженерия и биоинформатика», «Мехатроника», «Наноматериалы», «Комплексная защита объектов информатизации», «Многоканальные телекоммуникационные системы», «Технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции». Для ведущих вузов области, наряду с функцией подготовки высокопрофессиональных специалистов, особое значение приобретают функции научных исследований.

На базе НИИ и ведущих вузов Иркутской области формируется инновационная инфраструктура, наиболее значимыми элементами которой являются Технопарк ИрГТУ, включающий в себя более 20 малых предприятия, занимающихся коммерциализацией наукоемких технологий, Иркутский инновационный бизнес-инкубатор, Региональный центр развития инновационной деятельности, Региональная школа инновационного менеджмента, Центр коллективного пользования ИНЦ СО РАН, Центр трансфера технологий ИНЦ СО РАН.

Правительство Иркутской области реализует меры поддержки и стимулирования инновационной активности предприятий, расположенных на территории области, коммерциализации перспективных технологий, разработанных региональными университетами и институтами РАН. Инновационный сценарий развития региона принят в качестве базового в формируемой в настоящее время Концепции социально-экономического развития Иркутской области

на период до 2020 года. В регионе принят областной закон о государственной поддержке научно-технической инновационной деятельности. С 2010 года реализуется программа по развитию инновационного комплекса, основная цель которой состоит в формировании приоритетных для региона исследований, направленных на увеличение инвестиционной активности, создание новых рабочих мест в инновационной сфере, повышение престижа научной и инновационной работы, в том числе, в молодой среде.

Научные организации и высшие учебные заведения Иркутской области считают приоритетным развитие научно-технического сотрудничества с коллегами из КНР. Тем более, что его эффективности способствуют дружественные связи Иркутской области с провинциями и городами центрального подчинения Китая: Хэйлунцзяном, Ляонином, Цзилинем, Хебеем, Шанхаем. С 1994 года действуют соглашения о побратимских связях Иркутской области с провинциями Хэйлунцзян и Ляонин, на муниципальном уровне установлены побратимские отношения между городами Иркутск и Шеньян, Ангарск и Цзиньчжоу (провинция Цзилинь), Усть-Илимск и Хандань (провинция Хебей). Созданы институциональные основы для цивилизованного двухстороннего сотрудничества, в том числе и в научно-образовательной сфере: в Иркутской области в 2007 году начали работу Генеральное консульство КНР и рабочая группа Государственного банка развития КНР.

Таким образом, к преимуществам Иркутской области и ее научно-образовательного комплекса следует отнести:

- высокий научно-образовательный потенциал региона;
- опыт работы с китайскими партнерами в научной сфере и подготовке кадров
- наличие прямых рейсов между Иркутском и городами провинции Ляонинь
- наличие Генконсульства КНР в Иркутске;
- относительно невысокая стоимость обучения и проживания;

- толерантность населения и безопасные условия проживания иностранных граждан на территории Иркутской области.

В своей совокупности указанные условия обусловили возможности реального, а не декларируемого сотрудничества научных и образовательных организаций региона с китайскими партнерами.

В институтах Иркутского научного центра СО РАН ключевыми являются совместные проекты по энергетике, исследованию сейсмического режима, исследованию в области физики, геологии, географии, дистанционного зондирования и сельскохозяйственных наук. Подписаны и реализуются соглашения о научно-техническом сотрудничестве Иркутского научного центра СО РАН с Академией наук провинции Хэйлунцзян КНР, Дачинским филиалом при Академии сельскохозяйственных наук провинции Хэйлунцзян. Основными направлениями сотрудничества являются: обмен научно-технической информацией; обмен специалистами в областях науки и техники; совместные исследования и разработки; совместное участие в конкурсных международных научно-исследовательских проектах; создание совместных наукоемких предприятий; организация симпозиумов, конференций, и научно-технических выставок; развитие других форм сотрудничества, представляющих взаимный интерес. Перспективными направлениями сотрудничества рассматриваются мониторинг и изучение природных (геофизических, геологических, солнечных, атмосферных) процессов, на территории Евразийского континента; оценка и прогнозирование природных и социально-экономических последствий изменения окружающей среды в Северо-восточной Азии в связи с изменением климата и хозяйственной деятельностью.

Между университетами Иркутской области и высшими учебными заведениями Китая подписан, и успешно реализуется целый ряд прямых договоров и соглашений о сотрудничестве. Высшие учебные заведения Иркутской области, такие как Иркутский государствен-

ный университет, Байкальский государственный университет, Иркутский государственный технический университет имеют действующие договоры с вузами КНР.

Так Иркутский государственный университет, рассматривая в качестве одного из приоритетных направлений осуществления сотрудничества с высшими учебными заведениями зарубежных стран, сотрудничество с вузами Китая, установил партнёрские отношения с Ляонинским университетом, г. Шеньян, Хэйлуцзянским университетом, г. Харбин, Гуманитарным институтом Северо-Восточного педагогического университета, г. Чань-Чунь, заключены новые договоры: Чженчжоуский университет, Столичный педагогический университет, г. Пекин, университетом Ланьчжоу, Пекинский технический университет, Дальнянский университет иностранных языков, Университет «Биньхай» г. Циндао, Маньчжурский университет Внутренней Монголии, Цзясинский университет. С вузами – партнёрам реализуются совместные образовательные программы. На базе Международного института экономики и лингвистики ИГУ уже более 20 лет реализуется совместная международная образовательная программа с Ляонинским университетом. Программа утверждена приказом Министерства образования РФ и поддерживается Посольством КНР в г. Москве. Срок обучения составляет 4 года, из которых российские студенты обучаются 2,5 года в ИГУ и 1,5 года в Ляонинском университете, китайские студенты 2 года в Ляонинском университете и 2 года в ИГУ. Студенты, прошедшие полный курс обучения, получают 2 диплома о высшем образовании: диплом бакалавра ИГУ и диплом бакалавра Ляонинского университета. В августе 2013 году Иркутский государственный университет и Ляонинский университет (КНР) подписали договор о подготовке магистров по направлению «Экономика». Целью программы является подготовка высококвалифицированных кадров, способных проводить самостоятельные научные исследования в области экономической де-

тельности. Выпускники также получают два диплома о высшем образовании – магистров экономики Иркутского государственного университета и Ляонинского университета.

В 2007 году в ИГУ состоялось открытие Культурно-образовательного центра «Института Конфуция ИГУ». Система Конфуцианских институтов – институтов Конфуция «Кунцзы сюэюань» действуют при поддержке Китайского государственного агентства по преподаванию китайского языка как иностранного (Ханьбань). Подобные Институты открыты в крупнейших вузах России, в том числе в Российском государственном гуманитарном университете, Санкт-Петербургском государственном университете, Новосибирском государственном университете, Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и в ряде других вузов. Главной целью деятельности Культурно-образовательного центра «Института Конфуция ИГУ» является укрепление дружбы между Россией и Китаем с помощью развития программ, культурных обменов, содействия изучению и распространению китайского языка, предоставления широкому кругу заинтересованных в изучении КНР максимально полной и достоверной информации об этой стране. С 2008 года Культурно-образовательный центр «Института Конфуция ИГУ» стал официальным региональным центром тестирования ВСТ (бизнес-китайский) и HSK для определения уровня владения китайским языком. Успешно прошедшим испытание выдается сертификат Министерства образования КНР. За время работы Культурно-образовательного центра «Института Конфуция ИГУ» обучение в нем прошли более 600 человек, среди них школьники, студенты, бизнесмены, учителя, врачи. Экзамен HSK сдали и получили сертификаты свыше 150 человек. Лучшие студенты на конкурсной основе получают от Культурно-образовательного центра «Института Конфуция ИГУ» особые стипендии на бесплатное обучение ведущих университетах Китая. Финансирует эти гранты Министерство образования

Китая. Развитие дружественных отношений Иркутского государственного университета активно поддерживается Министерством образования КНР, Кабинетом государственного департамента КНР по распространению китайского языка за рубежом, посольством КНР в России, Министерством образования и науки РФ.

В заключении отметим, что необходимость и важность сотрудничества Иркутской области с КНР во многом обусловлена сходством стратегических национальных приоритетов наших государств. Россия и Китай – это две величайшие державы, которые обладают собственными тысячелетними культурными традициями и ярко выраженными национальными особенностями. Но общим условием устойчивого развития наших стран, является наличие высококвалифицированных кадров для наукоемких отраслей, развитие наукоемкой экономики в целом. Переход к новому этапу общественного развития, в котором информация, знания, инновации выступают не только факторами производства, но и основной социальной ценностью, означает существенные изменения в научно-образовательной сфере. Перед нашими странами стоят схожие задачи, поэтому развитие сотрудничества России и её регионов с КНР в научно-образовательной сфере становится одним из ключевых направлений государственной региональной политики.

В результате изучения национальных бизнес-культуры России и Китая как базового фактора организационного поведения, можно сделать вывод, что знания в сфере кросс-культурных коммуникациях именно России и Китая, в условиях кризиса оказывают большое влияние на развитие стран. В рамках данного изучения, мы оценили эффективность реализации государственных программ поддержки этих двух стран и векторы совместного развития.

Литература

1. «Сяокан» – это модель идеального общества. Китай от Конфуция до Цзян Цзэминя. Синьхуа. [Элек-

тронный ресурс]: Центр Азия: сайт. – URL: <http://www.centrasia.ru> (дата обращения: 30.05.2022).

2. Geert Hofstede. [Электронный ресурс]: Geert Hofstede official: сайт. – URL: <http://geert-hofstede.com/> (дата обращения: 21. 05.2022).
3. Ассоциация молодых предпринимателей России. [Электронный ресурс]: Фонд социальных программ: <https://www.nb-fund.ru/about-the-fund/partners/assotsiatsiya-molodykh-predprinimateley-rossii/> (дата обращения: 08.05.2022).
4. Бесценный Д.С. Роль субъектов малого и среднего предпринимательства в экономиках развитых стран// Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2009. № 4. С. 56–58.
5. Власти КНР ужесточат контроль над «чрезмерными» доходами бизнеса. [Электронный ресурс]: РБК: сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/business/18/08/2021/611d03579a79471ed70b4cac/> (дата обращения: 21. 08.2022).
6. Закон КНР от 29.06.2002 «О стимулировании развития малого и среднего предпринимательства».
7. Иммунная система мировой экономики. [Электронный ресурс]: Институт экономики роста им П.А. Столыпина: сайт. – URL: [http://www. https://stolypin.institute/presscenter/page/6/](http://www.https://stolypin.institute/presscenter/page/6/) (дата обращения: 01. 11.2020).
8. История семейного предпринимательства [Электронный ресурс]: Торгово-промышленная палата Российской Федерации: сайт. – URL: <https://family.tpprf.ru/history/> (дата обращения: 08. 05.2022).
9. Мясоедов, С.П., Борисова, Л.Г. Кросс-культурный менеджмент. 3 изд. М.: Юрайт, 2015.
10. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». [Электронный ресурс]: Википедия.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальный_проект_«Малое_и_среднее_предпринимательство_и_под-

- держка_индивидуальной_предпри-
нимательской_инициативы» (дата
обращения: 08.05.2022).
11. О чем говорили посол Чжан Ханьхуэй и представители китайских предпринимателей? [Электронный ресурс]: Российская ассоциация содействия конфуцианской культуре: сайт. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/PTfeFrM9eT5hYvPbl2j_zw (дата обращения: 30.08.2022).
 12. Отношения Китая и РФ переживают лучший в истории период. [Электронный ресурс]: ФГБУ «Редакция «Российской газеты»: сайт. – URL: <https://rg.ru/2021/09/27/otnosheniia-kitaia-irf-perezhivaiut-luchshij-v-istorii-period.html> (дата обращения: 10.08.2022).
 13. Полюшкевич О.А. Введение в социальную антропологию управления. Учебное пособие / Иркутск, ИГУ, 2012. 124 с.
 14. Полюшкевич О.А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 195–199.
 15. Пружинин А.Н. Моделирование развития человеческого капитала в современном бизнесе // Социология. 2022. № 2. С. 59–68.
 16. Пружинин А.Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала // Социология. 2020. № 2. С. 306–313.
 17. Развитие международной кооперации экспорта. [Электронный ресурс]: минпромторг России: сайт. – URL: <https://minpromtorg.gov.ru/projects/international/export-support/> (дата обращения: 03.08.2022).
 18. Российско-китайский экспорт-импорт, 2021 [Электронный ресурс]: SeaNews: сайт. – URL: <https://seanews.ru/2022/02/07/ru-rossijsko-kitajskij-eksport-import-2021/> (дата обращения: 07.08.2022).
 19. Фетисова А.Д. Малый бизнес и государственная поддержка предпринимательства. Инновационные идеи молодых исследователей для агропромышленного комплекса России. [Электронный ресурс]: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Пенза: РИО ПГСХА; 2015, С. 121–123.
 20. Шуньхуэй Чжань. Особенности организации предпринимательства в Китае // Экономические науки. 2007. № 2. С. 21.
 21. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч.. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, ВолРАН, 2021. С. 76–79.
 22. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания россиян. Монография. М.: РГСУ, 2021. 184 с.
 23. Ардашев Р.Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, ВолРАН, 2021. С. 367–369.

SOCIAL STRATEGIES TO SUPPORT SMALL BUSINESSES IN RUSSIA AND CHINA

Zhuravleva A.A.
Irkutsk State University

The article presents an analysis of social modeling of cross-cultural cooperation between Russia and China in the field of small business. From the standpoint of the sociology of management, an analysis is made of existing strategies to support small businesses in the two countries, and new strategies are proposed for the development of intercultural dialogue in the field of small business and the development of inter-

state partnerships in the field of business communications.

Keywords: social strategies, small business, support, management sociology, cross-cultural interaction.

References

1. "Xiaokang" is a model of an ideal society. China from Confucius to Jiang Zemin. Xinhua. [Electronic resource]: Center Asia: site. – URL: <http://www.centrasia.ru> (date of access: 05/30/2022).
2. Geert Hofstede. [Electronic resource]: Geert Hofstede official: website. – URL: <http://geert-hofstede.com/> (date of access: 21.05.2022).
3. Association of Young Entrepreneurs of Russia. [Electronic resource]: Fund for Social Programs: <https://www.nb-fund.ru/about-the-fund/partners/assotsiatsiya-molodykh-predprinimateley-rossii/> (date of access: 05/08/2022).
4. Priceless D.S. The role of small and medium businesses in the economies of developed countries // Bulletin of the Omsk University. Series "Economics". 2009. No. 4. S. 56–58.
5. The PRC authorities will tighten control over "excessive" business income. [Electronic resource]: RBC: site. – URL: <https://www.rbc.ru/business/18/08/2021/611d03579a79471ed70b4cac/> (date of access: 08/21/2022).
6. Law of the People's Republic of China of June 29, 2002 "On promoting the development of small and medium enterprises."
7. The immune system of the world economy. [Electronic resource]: P.A. Stolypin: site. – URL: <http://www.https://stolypin.institute/presscenter/page/6/> (date of access: 01.11.2020).
8. History of family business [Electronic resource]: Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation: site. – URL: <https://family.tpprf.ru/history/> (date of access: 08.05.2022).
9. Myasoedov, S.P., Borisova, L.G. Cross-cultural management. 3rd ed. Moscow: Yurayt, 2015.
10. National project "Small and medium-sized businesses and support for individual entrepreneurial initiatives." [Electronic resource]: Wikipedia.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/National_project_\"Small_and_medium_entrepreneurship_and_support_individual_entrepreneurial_initiative\"](https://ru.wikipedia.org/wiki/National_project_\) (date of access: 05/08/2022).
11. What did Ambassador Zhang Hanhui and representatives of Chinese entrepreneurs talk about? [Electronic resource]: Russian Association for the Promotion of Confucian Culture: site. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/PTfeFpM9eT5hYvPbl2j_zw (accessed 30.08.2022).
12. Relations between China and the Russian Federation are experiencing the best period in history. [Electronic resource]: Federal State Budgetary Institution "Editorial Office of Rossiyskaya Gazeta": site. – URL: <https://rg.ru/2021/09/27/otnosheniia-kitaia-i-rf-perezhivaiut-luchshij-v-istorii-period.html> (date of access: 08/10/2022).
13. Polyushkevich O.A. Introduction to the social anthropology of management. Textbook / Irkutsk, IGU, 2012. 124 p.
14. Polyushkevich O.A. Social management through the prism of norms // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 195–199.
15. Pruzhinin A.N. Modeling the development of human capital in modern business // Sociology. 2022. No. 2. S. 59–68.
16. Pruzhinin A.N. Features of the strategic development of human capital // Sociology. 2020. No. 2. S. 306–313.
17. Development of international export cooperation. [Electronic resource]: Ministry of Industry and Trade of Russia: website. – URL: <https://minpromtorg.gov.ru/projects/international/export-support/> (date of access: 08/03/2022).
18. Russian-Chinese export-import, 2021 [Electronic resource]: SeaNews: site. – URL: <https://seanews.ru/2022/02/07/ru-rossijsko-kitajskij-jeksport-import-2021/> (date of access: 08/07/2022).
19. Fetisova A.D. Small business and government support for entrepreneurship. Innovative ideas of young researchers for the agro-industrial complex of Russia. [Electronic resource]: Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference of students, graduate students and young scientists, Penza: RIO PGSCHA; 2015, pp. 121–123.
20. Shunhui Zhan. Features of the organization of entrepreneurship in China // Economic Sciences. 2007. No. 2. S. 21.
21. Ardashev R.G. Change of consciousness in the era of post-pandemic society // Global

- challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, VolRAN, 2021, pp. 76–79.
22. Ardashev R.G. The irrationality of the public consciousness of Russians. Monograph. M.: RGSU, 2021. 184 p.
23. Ardashev R.G. Transformation of the thinking of Russians in the digital age // Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects. Materials of the IX All-Russian scientific-practical conference with international participation. Vologda, VolRAN, 2021, pp. 367–369.

Гендерные особенности коммуникаций в виртуальной среде

Маслодудова Наталья Владимировна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ «Сибирский юридический институт МВД России»

E-mail: nata.maslodudova@yandex.ru

Титова Ольга Ивановна,

доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; ФГКОУ «Сибирский юридический институт МВД России»; доцент кафедры психологии; ФГБОУ «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

E-mail: 944058@mail.ru

В работе проводится гендерный анализ специфики выстраивания коммуникаций в виртуальном мире. Приводятся результаты исследования, построенного по авторской методике и методике смысложизненных ориентации Д.А. Леонтьева, на основе которой выявляется гендерный портрет участника виртуальных коммуникаций современного общества.

Ключевые слова: гендерные особенности, коммуникации, виртуальная среда, социальное взаимодействие, мотивы общения.

Сегодня виртуальное пространство развивается масштабно и активно. Если ранее, коммуникация в виртуальном мире считалась прерогативой мужчин, то сегодня гендерное распределение выровнялось. Общение в виртуальной среде становится нормой. Общение в цифровом мире уже давно не только профессиональное, сколько личное. И этот факт меняет особенности мышления и сознания людей, создавая новые условия, формируя альтернативные механизмы и возможные варианты развития взаимодействия.

По нашему мнению, общение более широкое понятие, недели чем коммуникация. Общение предполагает намеренное взаимодействие с целью получения определенных результатов и удовлетворения потребностей, может быть выгодно только одной из сторон взаимодействия; коммуникация же – взаимовыгодное взаимодействие, нацеленное на обоюдное удовлетворение потребностей и интересов в получении когнитивных, аффективных и поведенческих изменений (т.е. символически-смысловой аспект взаимодействия).

В процессе коммуникации важны информационные потоки (ради чего происходит взаимодействие), эмоции (что испытывают все стороны взаимодействия) и социальные ожидания и роли (добровольно или принудительно выбранные роли), которые выполняют участники взаимодействия, а также важна обратная связь (в виртуальном пространстве, возможно, отложенная по времени, если говорить об общении в чате или форуме). Также виртуальные коммуникации строятся по принципу сокращенного варианта (использование смайлов для выражения эмоций и отношения, сокращение слов, формирование нового языка – приводит к развитию нового формата взаимодействия).

Мы живем во время дефицита времени, поэтому дружеские длинные беседы

не имеют смысла и реальных возможностей. Коммуникации в виртуальной среде ограничены местом количества знаков в сообщении, формой выражения состояний, глубиной погружения и т.д. Это происходит потому, что количество потоков информации растет, не поддаваясь контролю, она также быстро устаревает и появляются новые технологии, увеличивающие скорость передачи информации. Это приводит к тому, что процесс коммуникации становится поверхностным.

В процессе коммуникации выделяются гендерные стратегии взаимодействия. Традиционно, если женская стратегия предполагает беседу, построенную на взаимопонимании, то мужская – на информационно-рациональную. Отличие в стратегиях строится на обратной связи (женщины ее предполагают, мужчины могут и ее не ожидать и не воспринимать). В рамках метода Осгуда, существует такое понимание, что мужчины делят мир с позиции справедливости или не справедливости, а женщины с позиции удовлетворения желаний всех сторон. Это влияет на выстраивание гендерных особенностей коммуникации.

Сама коммуникация в виртуальной среде может осуществляться с компьютера или с телефона. Это расширяет время, возможности и формат выстраивания коммуникаций. Коммуникация в цифровом мире может быть анонимной или персональной, с реальной личной странице или выдуманной. Поэтому уровень реальности и достоверности осуществляемых коммуникаций может стоять под вопросом. Возможность варьирования степени анонимности является притягательным условием коммуникации в виртуальной среде. Часто меняют пол, возраст, социальное положение, могут менять факты биографии, знания, умения, навыки и т.д. Могут описываться не реальные пристрастия или качества, а то, что ожидает услышать собеседник или члены сообщества. А также скрывать какие-то личные черты или болезни, менять внешность (вплоть до указания внешности другого человека). Если допустимую грань общения превы-

шают, то данную коммуникацию можно прервать в одностороннем порядке. Это выгоды социального взаимодействия в виртуальном пространстве.

В виртуальном мире можно общаться с людьми, находящимися в разных географически местах в разных временных поясах. Это грань пространства и времени стирается, что дает возможность быть не привязанным к конкретным реалиям времени места для взаимодействия.

Еще одной особенностью общения в виртуальном мире выступает психологическая безопасность, готовность общаться на любые темы, проявлять себя. Это следствие анонимности. В цифровом пространстве человек обладает большей свободой, и может переходить грань вплоть до оскорблений и преследования, т.к. чувствует ту же анонимность и вседозволенность.

При этом, виртуальное взаимодействие строится на добровольной коммуникации. Как и в реальной жизни, в виртуальном мире человек принимает на себя роли и следует им. За единственной разницей, в случае если ему что-то не нравится – он может выйти из процесса коммуникации в одностороннем порядке. Особенностью виртуальной коммуникации выступает физическая непредставленность. Но это не означает, что не может быть реальных последствий для взаимодействия в реальном мире (как позитивных, так и негативных). Хотя те, кто ведут себя агрессивно – могут найти пользователя, даже если он скрывается за анонимными ярлыками и тогда виртуальное преследование выходит на новый негативный уровень и называется кибербуллинг [10].

То, что в современном обществе мы говорим о новой волне интереса к интернет-коммуникациям – вызвано виртуализацией новых смысложизненных ориентаций (Р.Г. Ардашев [1–9]), а также нового формата социальных отношений (Н.В. Маслодудова [11,12]) и формирования виртуальной идентичности, со своими особенностями проявления гендерных ролей (О.А. Полюшкевич [13–18], Ю.В. Головкова Е.С. Лалети-

на, О.И. Титова [19–21]). Данные процессы стали точкой отсчета для проведения собственного исследования и формирования новых механизмов социальных коммуникаций в цифровой среде.

Особенности проведения и организации исследования

В исследовании приняли участие 1200 человек, все пользователи интернета, в возрасте от 18 до 65 лет, 50% мужчин и 50% женщин, жители разных регионов России. Помимо авторского опросника, мы использовали методику смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева.

При обработке данных использовалась программа SPSS.

Анализ и интерпретация результатов исследования

При анализе ответов выявили, что женщины более высоко оценивают свой субъективный навык выстраивания коммуникаций в виртуальной среде (44,5% женщины и 32,2% мужчины); низкий уровень, наоборот, более высокий у мужчин (7,1% женщины и 15,5% мужчины); средний примерно одинаков (45,6% женщины и 49,9% мужчины) – см. таблицу 1.

Таблица 1. Субъективная оценка выстраивания коммуникаций в виртуальном пространстве (в %)

Уровень субъективного навыка коммуникаций	Мужчины	Женщины
Высокий – позволяет легко найти тех, кто необходим для взаимодействия, состоят в нескольких сообществах, активно вовлечены в жизнь и работу разных сообществ; могут взаимодействовать с незнакомыми людьми	32,2	44,5
Средний – устанавливают связи только с избранными кругами, могут взаимодействовать с теми, с кем лично знаком; опираются на личные интересы (хобби), а также рабочую необходимость при взаимодействии	49,9	45,6
Низкий – слабо настроены на коммуникации, взаимодействуют в основном в рамках профессиональных интересов	15,5	7,1

Окончание

Уровень субъективного навыка коммуникаций	Мужчины	Женщины
Затруднились с ответом – не смогли определить, к какому уровню себя отнести	2,4	2,8

Гендерные отличия в процессе выстраивания коммуникаций в виртуальном мире весьма интересны. Расширение круга общения для женщин в два раза важнее, чем для мужчин (45,4 и 22,2% соответственно), также как и сексуальные проблемы в отношениях у женщин встречаются чаще, и они их решают через коммуникации в виртуальном пространстве (41,1 и 24,7% соответственно). Виртуальную среду рассматривают как возможность дополнительного заработка 44,3% мужчин и 46,3% женщин, как место для развития и предъявления своего хобби 52,2% мужчин и 56,6% женщин. Остальные показатели не столь сильно противопоставлены друг другу (см. таблицу 2).

Таблица 2. Гендерные отличия в процессе выстраивания коммуникаций в виртуальном мире (в %)*

Особенности коммуникаций	Мужчины	Женщины
Расширение круга общения	22,2	45,4
Развитие профессиональных компетенций, знаний, навыков	25,6	20,1
Расширение кругозора	15,4	21,2
Комплексы внешнего вида или личностных качеств	26,3	39,9
Сексуальные проблемы в реальных отношениях	24,7	41,1
Выстраивание интересного досуга	27,8	22,3
Возможность дополнительного заработка	44,3	46,3
Хобби	52,2	56,6
Другое	6,8	8,9

*Можно было указывать несколько вариантов ответа, поэтому сумма выше 100%

При этом, женщины в три раза чаще находятся в большем количестве разных сообществ для коммуникации, чем

мужчины. И в два раза больше тратят на это времени. Причем, как правило, 1–3 сообщества – это родственники, коллеги, общедомовые сообщества или школьные (если есть дети); при появлении постоянных коммуникаций в более чем 4 сообществах – можно говорить

о личных интересах, хобби, работе, досуге и т.д. Иными словами, чем больше количество сообществ и больше количество часов в день тратит на них человек, тем больше процессов виртуальной коммуникации у него осуществляется (см. таблицу 3).

Таблица 3. Количество постоянных сообществ, в которых происходит виртуальное взаимодействие и время на них затраченное (в %)

Количество сообществ	1-2 часа в день		3-4 часов в день		Более 5 часов в день	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
1–3 сообщества	61,2	33,3	22,4	42,2	16,6	24,5
4–7 сообществ	67,7	36,8	18,8	36,7	13,5	26,5
8–12 сообществ	77,6	53,3	12,2	24,5	10,2	22,2
13 и более сообществ	84,6	67,8	8,7	19,9	6,7	12,3

Д.А. Леонтьевым выделены три основные смысловые ориентации (цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией) и два аспекта локуса контроля (локус контроля-Я и локус контроля-жизнь), которые отличаются в процессе выстраивания коммуникаций в виртуальном мире у мужчин и женщин (см. таблицу 4).

Таблица 4. Гендерные отличия смысловых ориентаций

Субшкалы	Мужчины	Женщины
Цели в жизни	25,88 +- 1,25	29,87+-2,4
Процесс жизни	24,97 +- 3,8	28,75+-4,1
Результативность жизни	26,55+- 2,1	25,55+-3,2
Локус контроля – Я	20,33+-2,1	22,44+-2,4
Локус контроля – Жизнь	26,41+-2,2	27,3+-2,7
Общий показатель Осмысленности Жизни	86,24+-12,2	92,5+-4,8

При низких показателях осмысленности жизни – в основном при общении в сети интернет вспоминают о прошлом, о былых заслугах, каких-то событиях, не ценят события настоящего, не удовлетворены ими, или замалчивают то, что сейчас происходит, или выдумывают то,

чего нет, нет целей и задач в жизни, отсутствуют планы и мечты. Чаще низкий уровень осмысленности жизни встречается среди респондентов старше 45 лет.

При средних показателях осмысленности жизни – при коммуникациях в сети интернет идет ориентир на поиск партнера (по бизнесу или личного партнера), делается акцент на настоящее и желаемое будущее, прошлые события упоминаются вскользь, взаимодействие встраивается с позиции взаимной выгоды. В данной группе присутствуют представители всех возрастов, но немного больше тех, кому от 36 до 55 лет.

При высоких показателях уровня осмысленности жизни – при социальном взаимодействии в виртуальном мире происходит акцент на удовлетворенность настоящим и желание качественно изменить будущее, для этого нужен партнер, единый по духу, по сути, по чувствам. Чаще данный уровень осмысленности встречается у людей в возрасте от 25 до 45 лет (см. таблицу 5).

Субъективная оценка уровня удовлетворенности коммуникацией в виртуальном пространстве (таблица 6) показывает на то, насколько респонденты удовлетворены социальным взаимодействием и могут выстроить свои интересы в цифровом пространстве, где и как проходят их личные границы

и как они их готовы или не готовы отстаивать. Это показатель мотивов выстраивания социальных коммуникаций в будущем и на основе его можно судить о перспективах развития виртуально-взаимодействия мужчин и женщин. В целом, мужчины больше удовлетво-

рены уровнем коммуникаций в виртуальном пространстве (высокий уровень 45,6%, средний 42,1%), тогда как у женщин высокий уровень у 36,7% и средний у 40,7%. Низкий уровень у женщин в два раза выше, чем у мужчин (18,8% и 8,9% соответственно).

Таблица 5. Средние значения показателей по уровню выраженности осмысленности жизни (ОЖ) по субшкалам у мужчин и женщин, в %

Субшкалы	Низкий уровень осмысленности жизни		Средний уровень осмысленности жизни		Высокий уровень осмысленности жизни	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Цели в жизни	52,3	46,5	58,7	62,3	74,3	72,2
Процесс жизни	44,3	48,6	46,8	48,4	62,3	60,9
Результативность жизни	42,2	43,5	44,7	47,6	65,4	61,5
Локус контроля – Я	54,3	52,3	58,9	56,8	62,2	64,4
Локус контроля – Жизнь	46,7	44,5	49,9	47,3	66,6	63,1
Общий показатель Осмысленности Жизни	51,3	48,7	53,4	54,6	63,4	62,3

Таблица 6. Субъективная оценка уровня удовлетворенности коммуникацией в виртуальном пространстве (в %)

Уровень удовлетворенности коммуникациями	Мужчины	Женщины
Высокий – позволяет получать от взаимодействия то, что желает, как правило, задает контекст и формат коммуникаций	45,6	36,7
Средний – устанавливает рамки и выбирает характер коммуникаций, при этом настроены на диалог	42,1	40,7
Низкий – подчиняется инициативе другого партнера коммуникации, подчиняется заданным правилам, не говорит о том, что что-то не устраивает	8,9	18,8
Затруднились с ответом – не смогли определить, к какому уровню себя отнести	3,4	3,8

Таким образом, проведенное исследование показывает неоднородность протекания коммуникаций в виртуальном мире у мужчин и женщин. Многие

зависит от уровня осмысленности жизни жизненных целей, социальных условий и возможностей личной и профессиональной реализации.

То, что в будущем, виртуальные коммуникации станут более приоритетными и распространенными – не вызывает сомнений, так как прогресс растет и реальное присутствие не надо, чтобы получить то, что хочешь от другого человека или группы людей. Социальный контекст, требования от работодателей, возможности общения между членами семьи – все становится объектом для выстраивания коммуникаций и проявления личности и ее отдельных черт, характеристик и ролей в новом формате, не привычном для традиционного общества, но необходимым для глобализированного цифрового мира.

Регулярный мониторинг гендерных отличий виртуальных коммуникаций позволит лучше моделировать инструменты для взаимодействия и более точно понимать, кто, когда и как предпочитает виртуальное взаимодействие, реальному. И какими социальными последстви-

ями это обернется для общественного развития.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
3. Ардашев Р.Г. Кино как источник формирования иррационального сознания россиян // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 197–201.
4. Ардашев Р.Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 25–28.
5. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
6. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2021. С. 141–144.
7. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
8. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 56–63.
9. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
10. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
11. Маслодудова Н.В. Влияние информационного общества на социальные отношения // Социология. 2022. № 6. С. 74–82.
12. Маслодудова Н.В. Социальные риски современной цифровой реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 220–224.
13. Полюшкевич О.А. Виртуальная саморепрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 303–307.
14. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
15. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 10–25.
16. Полюшкевич О.А. Место гендерных исследований в формировании нового мировоззрения // STUDIUM V. Материалы ежегодной научно-практической конференции студентов, аспирантов и соискателей. Печатается по решению редакционно-издательского совета Иркутского государственного университета. 2004. С. 125–126.
17. Полюшкевич О.А. Роль эмпатии и социального капитала в процессах

- консолидации: гендерные аспекты // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. материалы V Всероссийской научной Интернет-конференции. Под общей редакцией О.А. Кармадонова, О.А. Полюшкевич. 2013. С. 210–223.
18. Полюшкевич О.А. Основы анализа гендерной специфики социальных представлений. Учебное пособие, Иркутск, ИГУ, 2009. 149 с.
 19. Титова О.И., Лалетина Е.С. Взаимосвязь гендерных норм и отношения к социальному взаимодействию в контексте психологического здоровья старших подростков // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2021. С. 135–141
 20. Титова О.И. Взаимосвязь гендера и жизнестойкости в социальном взаимодействии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 2. С. 111–126.
 21. Титова О.И., Головкова Ю.В. Гендерные стереотипы: топ-10 качеств мужчин и женщин в социальном взаимодействии // Психология в системе социально-производственных отношений. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 99–103.

GENDER FEATURES OF COMMUNICATIONS IN A VIRTUAL ENVIRONMENT

Maslodudova N.V., Titova O.I.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The paper provides a gender analysis of the specifics of building communications in the virtual world. The results of a study built according to the author's methodology and the methodology of life-meaning orientations of D.A. Leontiev, on

the basis of which the gender portrait of a participant in virtual communications of modern society is revealed.

Keywords: gender characteristics, communications, virtual environment, social interaction, communication motives.

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in the new meaningful life orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021, pp. 130–134.
2. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // Sociology. 2021. No. 3. S. 53–61.
3. Ardashev R.G. Cinema as a source of the formation of the irrational consciousness of Russians // Social reality of virtual space. materials of the IV International scientific conference. Irkutsk, 2022. S. 197–201.
4. Ardashev R.G. Metamorphoses of Consciousness: Images of Identity in Virtual Space // Social Reality of Virtual Space. materials of the II International scientific-practical conference. Irkutsk, 2020. S. 25–28.
5. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, 2021, pp. 152–156.
6. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the conditions of virtualization // Humanistic and ecological resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among the youth. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation: thematic collection of articles. Irkutsk, 2021, pp. 141–144.
7. Ardashev R.G. Transformation of youth consciousness in the era of virtuality // Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly). 2021. No. 5. S. 31–34.
8. Ardashev R.G. Transformation of consciousness after the pandemic: new facets of virtuality // Social reality of virtual space. materials of the II International scientific-practical conference. Irkutsk, 2020. S. 56–63.
9. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.

10. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society // *Sociology*. 2022. No. 6. S. 32–38.
11. Maslodudova N.V. The influence of the information society on social relations // *Sociology*. 2022. № 6. pp. 74–82.
12. Maslodudova N.V. Social risks of modern digital reality // *State and municipal management. Scientific notes*. 2021. No. 4. S. 220–224.
13. Polyushkevich O.A. Virtual self-presentation during the COVID-19 pandemic and after it // *Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International scientific-practical conference. Grozny – Makhachkala, 2020*, pp. 303–307.
14. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // *Sociology*. 2020. No. 5. S. 163–176.
15. Polyushkevich O.A. Virtual component of social identity // *Social reality of virtual space. materials of the II International scientific-practical conference. Irkutsk, 2020*. S. 10–25.
16. Polyushkevich O.A. The place of gender studies in the formation of a new worldview // *STUDIUM V. Proceedings of the annual scientific-practical conference of students, graduate students and applicants. Published by decision of the editorial and publishing council of Irkutsk State University. 2004*, pp. 125–126.
17. Polyushkevich O.A. The role of empathy and social capital in the processes of consolidation: gender aspects // *Culture and explosion: social meanings in a transforming society. materials of the V All-Russian Scientific Internet Conference. Under the general editorship of O.A. Karmadonov, O.A. Polyushkevich. 2013*. S. 210–223.
18. Polyushkevich O.A. Fundamentals of the analysis of gender specificity of social representations. *Textbook, Irkutsk, IGU, 2009*. 149 p.
19. Titova O.I., Laletina E.S. The relationship of gender norms and attitudes towards social interaction in the context of the psychological health of older adolescents // *Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony in the youth environment. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation: thematic collection of articles. Irkutsk, 2021*, pp. 135–141
20. Titova O.I. Relationship between gender and resilience in social interaction. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences. 2021*. No. 2. S. 111–126.
21. Titova O.I., Golovkova Yu.V. Gender stereotypes: top 10 qualities of men and women in social interaction // *Psychology in the system of social and industrial relations. Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, 2021*. S. 99–103.

Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках

Полюшкевич Оксана Александровна,

доцент, кандидат философских наук, доцент
кафедры государственного и муниципального
управления института социальных наук Иркутского
государственного университета
E-mail: okwook@mail.ru

В статье раскрываются вопросы взаимосвязи морали и социальной идентичности человека. Анализируются особенности изучения данной взаимосвязи в теоретических концепциях, а также приводятся результаты количественного и качественного авторского исследования, влияния морали группы на поведение индивида, желающего соответствовать своему сообществу. В результате выявили приоритет социального впечатления и как следствие социально ожидаемого поведения, регулируемого моральными нормами группы. Просоциальные практики выступают формой доказательства включенности в сообщество и разделения моральных норм и правил индивида и всего сообщества.

Ключевые слова: мораль, социальная идентичность, просоциальные практики, нормы, табу, социальное впечатление, соответствие групповым нормам.

Мораль – это система оценок, правил, норм определяющих и регламентирующих поведение человека внутри группы или общества в целом. Актуальность данной темы усиливают общественные обсуждения приемлемого и не приемлемого, должного и табуированного поведения политиков и шоу-звезд, аналитиков и певцов, педагогов и полицейских, власть имущих и обывателей и проч. Практическая сторона морали и возможности конструирования социальной идентичности через данную форму оценки поведения влияет на просоциальные практики отдельных людей и целых сообществ.

Мораль традиционно определялась и религиозными нормами и включалась в жизнь человека и общества через социализацию и необходимость соблюдения общих норм и правил поведения. Сегодня институт морали разрушается в результате нивелирования ценностей института религии, ослабления доверия институтам семьи, ослабления актуальности усвоения и освоения норм социализации. И в результате – на моральное поведение человека влияет СМИ и сеть Интернет (зачастую убирая и еще больше обесценивая нормы морали) – Р.Г. Ардашев [3,4,5].

Мораль тесно связана с социальной идентичностью, поэтому выступает связующим звеном в формировании круга своих и чужих, определения приемлемого мышления, чувствования и реального поведения в среде (О.А. Полюшкевич) [9,10]. Это то, что определяет наше место в мире, формирует установки и реальные стратегии поведения в конкретных ситуациях, позволяя определить кто свой, а кто нет (О.А. Кармадонов, Р.Г. Ардашев, О.А. Полюшкевич) [6,7,11,12].

Традиционно, в исследованиях морали с позиции общества и отдельной личности, рассматривались несколько фокусов интересов исследователей:

- 1) процесс принятия решений, формирования нравственных суждений индивида, отстаивающего свои внутренние ценности и желающего быть солидарным или противостоять социальной группе, к которой принадлежит;
- 2) изучению, оценке и последствиях групповых решений нарушения морально-нравственных убеждений, установок и поведенческих реакций, нарушения моральных норм и правил сообщества.

Соответствие или нарушение норм личной и групповой морали сообщества формируется социальной идентичностью индивида (значимая именно для этого сообщества и чуждая для любого другого). Общественный настрой, социальные условия взаимодействия определяют место и форму социальных коммуникаций, общественной динамики и социального воспроизводства – Р.Г. Ардашев [1,2], усиливая социальные объединения и моральные эмоции (О.А. Симонова, В.М. Соколов) [13,14,15].

Мораль не может быть универсальной ни как общечеловеческая категория (хотя, безусловно, выступает отличительной чертой *Homo sapiens*), ни как результат социальной эволюции. Потому что эволюция предполагает выработку «верных» выборов (в т.ч. и моральных), которые приводят к развитию личности и общества. Но история показывает, что далеко не все моральные поступки стали благом для общества как системы (гуманное отношение к жизни как таковой позволяет поддерживать слабое звено в цепочке эволюции человека и общества, что в целом приводит к ослаблению генофонда), а аморальные поступки привели ко злу (ограничение исследований и экспериментов с ядерным оружием).

Полагаю, что мораль и моральные проявления необходимо изучать конкретно в локальные исторические и социокультурные моменты социального воспроизводства отдельного народа или государства. Любые моральные нормы приобретают значимость и определяют нормативность в рамках отдельных со-

обществ, члены которой сохраняют свою идентичность.

Мораль четко входит в фокус исследований процессов социальной идентичности и формирования просоциальных практик (эмпатии, альтруизма, солидарности, мобилизации) в конкретных эмоциях (аффективных реакциях), когнитивных процессах (реальных знаниях) и действиях (поведенческих установках и поступках) помогающих регулировать нормы универсального и локального морального поведения. На это влияют внутренние установки личности и формы поддержания и развития идентичности и моральных норм членами сообщества.

Моральные императивы социальной группы выступают в нескольких аспектах.

- Источником позитивной самоидентификации личности.
- Позволяют создать позитивный образ Я в глазах группы.
- Способствуют внутригрупповой сплоченности.
- Выступают ориентиром формирования оценочных суждений и поведенческих паттернов поведения.
- Определяют нормы формирования корпоративной (групповой) этики.

Эти сферы выступают базовыми пространствами регулирования морали и нравственных оценок мышления и поведения представителей различных социальных сообществ и отдельных личностей. Данные вопросы и выступили поводом для нашего более предметного исследования.

Особенности исследования

Исследование проходило осенью 2022 года, в нем приняли участие 1200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, проживающие в разных регионах РФ, 56% женщин и 44% мужчин. Мы оценивали взаимосвязь и взаимовлияние особенностей моральных суждений и включенности в сообщество, определяющее социальную идентичность человека.

На втором этапе, мы провели 6 фокус-групп, в которых приняли участие 55 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, выступаю-

щих представителями основных групп, попавших в количественный этап исследования. Фокус-групповое интервью позволило выявить качественные показатели и нюансы влияния морали группы на поведение индивида, желающего соответствовать своему сообществу (подтверждать свою социальную идентичность) через участие в приемлемых данным сообществом просоциальных практиках.

Результаты исследования

Групповое взаимодействие позволяет создать «социальное впечатление», т.е. формирование впечатления о самом себе и о группе с позиции моральных норм. На «социальное впечатление» в первую очередь влияет «теплота отношения или отношений» (готовность к диалогу, коммуникабельность, а также моральные качества, такие как честность, надежность, открытость, открытость, прямота и т.д.) (44,5%) и «компетентность (профессионализм)» (43,8%).

Быть своим в коллективе или любой другой группе – значит соответствовать их представлениям о том, как надо себя вести, что думать, что чувствовать и как действовать. Всякий кто это нарушает – престаёт быть своим. Либо, подрывая авторитет группы и его изгоняют, либо являясь изначально представителем другой группы и его порицают. (Т.Ю., мужчина, экономист, 44 года).

Свой человек – это которого полностью понимаешь, он как открытая книга – понятен и предсказуем, на него можно положиться в любой ситуации, он всегда честен и понятен, нет увиливаний и уверток. (А.В., женщина, учитель, 36 лет)

По мнению респондентов, для позитивного восприятия другого человека гораздо важнее его моральные качества (73,4%), чем его профессиональная компетентность (38,6%). Даже если речь идет о профессиональном взаимодействии – имеет значение – какой человек, а не какой профессионал рядом с тобой. При голосовании за кандидатов на должность представителя или руководителя какого-либо подразделения, респонден-

ты в 66,2% случаях отдавали предпочтение высокоморальному, честному, открытому человеку, который имеет хорошую репутацию чем профессионалу своего дела, но не имеющему навыков лёгкости в общении или какие-то сомнительные истории в прошлом (23,9%).

Важно, чтобы человек был хорошим, а знания и опыт придут в процессе работы. Что толку от его профессионализма, если он нос воротит и проявляет высокомерие? (Д.Д., мужчина, слесарь, 33 года).

Народ всегда поддерживает того, кто понятен и прост, а те, кто слишком умные или богатые, высокомерные или наглые – они могут иметь всех и вся, но при этом не будут приняты сообществом. Таких боятся, но не любят. (Л.А., мужчина, 56 лет).

Этот же фактор становится важным и в оценке личных отношений. Моральные качества в три раза более значимы чем профессиональные для выстраивания личных отношений (69,2% и 23,3% соответственно). Но в оценке самого себя (личная идентичность) – в первую очередь оцениваются профессиональные качества (59,8%), чем моральные убеждения и ценности (25,6%).

В семье нет разницы – какой классный ты специалист, важно какой человек, какое душевное тепло есть и как может им поделиться с партнером. (С.В., женщина, бухгалтер, 40 лет).

На работе надо быть профессионалом, а в личных отношениях важно то, какое у тебя сердце, какие чувства наполняют душу, что помогает дарить людям тепло и заботу, а не то, насколько ты в чем-то там разбираешься. (И.И., женщина, библиотекарь, 42 года).

Также мы установили высокий уровень декларирования на когнитивном уровне того, что предрассудки и установки не влияют на поведение конкретного человека (64,5%), и значительно меньше уверенности в том, что не влияют установки в группе (46,2%) (т.е. себя считают более толерантными, чем членов своей группы). При оценке эмоциональных установок в отношении предрассудков выявил практически полное совпаде-

ние с эмоционально одобряемыми (читай принятыми) оценками данных явлений и процессов в группе (54,7% и 53,9% соответственно). При анализе реальных поступков – происходит полное совпадение с требованиями «приемлемого» поведения внутри группы (68,2% и 67,9% соответственно).

Например, оценивая необходимость помощи бездомным собакам – на когнитивном уровне очень высокие показатели согласия, на эмоциональном уровне – ответы согласуются со средними оценками группы (у молодых мам больше негативных, т.к. есть угроза детям), у менеджеров средней руки – нейтральных и т.д. А при оценке реальных поведенческих установок – готовности самим лично помогать бездомным собакам – падает на треть при оценке своего поведения и также при оценке поведения представителей своей группы. Те же ответы мы увидели и при анализе установок в отношении мигрантов, представителей другой религии, культуры, уровня жизни и т.д. Это позволяет говорить об универсальности влияния моральных норм на реальное поведение.

Одно дело знать, что – курить плохо, а другое дело отказаться от курения, когда в группе все курят. И потом еще всем объяснить почему ты это делаешь. (В.Н., мужчина, строитель, 39 лет).

Знания того, что что-то плохо – это то, что определяет сферу должного и правильного поведения. Это необходимо на уровне понимания – что такое хорошо, что такое плохо. Но далеко не всегда мы испытываем позитивные эмоции к хорошим делам и поступкам, а негативные к плохим. Бывает и наоборот – особенно после просмотра фильмов, где бандиты – живут красиво, а честные парни нет. И на реальном поведенческом уровне это сказывается так, что при реальном выборе того или иного стиля поведения – человек придерживается того, что поддержала его группа, его среда, а не то, что он знает – как правильно поступать. (О.Н., мужчина, следователь прокуратуры, 37 лет).

При анализе взаимосвязей морали и социальной идентичности группы нами выделены несколько групп факторов, определяющих формы приемлемого просоциального поведения, при описании 68,4% общей дисперсии (таблица 1).

Таблица 1. Факторный анализ взаимосвязей морали и социальной идентичности группы

Фактор	Переменные	Кoeffициент
Социокультурный (традиционный) Вес фактора – 16,6. Объяснительная дисперсия – 26,6%	Следование нормам определено религиозными догмами	0,7877
	Табу определены в правилах воспитания и жизни моего народа	0,7654
	Жить по заветам предков определяет грани приемлемого поведения	0,6654
Личностно-психологический Вес фактора – 15,1. Объяснительная дисперсия – 24,1%	Свои моральные убеждения я формирую сам	0,7533
	Что является критерием правильности и не правильности моего поведения – определяется мной самим, а не кем-то другим	0,7234
	Мое поведение результат моих моральных норм и установок	0,7122
Внешне-средовой Вес фактора – 12,5. Объяснительная дисперсия – 17,7%	Общество заставляет нас действовать так, чтобы выжить и не всегда это может совпадать с моралью, но всегда совпадает с вопросом выживания	0,654
	Человек всегда адаптируется под внешнюю среду	0,642
	Внешние регуляторы важны тогда, когда своих тормозов нет	0,576

Социокультурный (традиционный) фактор определяется сложившимися значимыми для индивида и сообщества нормами мышления, поведения и соот-

ветствующие им эмоции. Важность соблюдения норм морали и включенности в сообщество подтверждается соблюдением норм данного сообщества, вне

зависимости от личных установок человека. Например, доминирование норм религиозных догм в поведении женщин и мужчин, допустимо и не допустимо в поведении.

Личностно-психологический фактор конструируется личным выбором индивида, его осознанному выбору быть членом той или иной группы, соответствующей прежде всего его личным установкам и убеждениям. Сюда входят те, кто создает самостоятельно нормы и правила, конструирует то, что самим интересно и позволит управлять другими, а также те, кто хотел бы присоединиться к тем, кто добился значимых результатов в чем-либо и теперь может диктовать свои условия. Например, создание корпоративной этики, корпоративной культуры крупных компаний, также как и отражение убеждений и ценностей руководителей этих компаний в этих сферах.

Внешне-средовой фактор учитывает воздействие внешних условий на социальное самочувствие индивидов и социальных групп, определяет их выбор, актуальность и значимость поведения, выступает регулятором внешнего и внутреннего взаимодействия личности и группы на условиях приемлемого в целом в обществе того или иного уровня включенности в сообщество. Например, поведение волонтеров во время пандемии стало примером конструирования внешних условий, на просоциальное поведение отдельных людей и сообществ.

Значимость в оценках представителей своей группы, желание быть высокоморальными гражданами в их глазах определяет то, что они говорят, о чем рассуждают (когнитивный уровень), т.к. это может подчеркнуть их большую осведомленность, продвинутость, включенность, на аффективном уровне – эмоции подлепляют форму презентации себя и подачи необходимой информации, а на поведенческом скорее затухают, поскольку нет необходимости подкрепления реальными действиями. Судят по словам, суждениям, а не реальным поступкам.

Моральная оценка становится условием формирования позитивной соци-

альной идентичности на когнитивном, аффективном и деятельностном уровне. Это может отражаться в реальных просоциальных практиках, способствующих формированию корпоративной солидарности, гордости за компанию, удовлетворенность трудом и его вкладом в общее дело. Или же в личной реализации в социально активных действиях, через участие в добровольческой, волонтерской деятельности, направленной на реализацию общественного блага.

Выводы

Моральное измерение выступают важным фактором формирования социального впечатления. Поэтому, желание сформировать позитивное мнение о себе является важным моментом конструирования социальной идентичности и влияет на выбор просоциальных практик в поведении человека. Позитивная самооценка индивида укрепляет его положение в группе через понимание того, что он морален и принят в сообществе.

В социальной среде более высоко оцениваются моральные качества, а не профессиональные достоинства человека. Но в тоже время, себя считают более толерантными и «продвинутыми», чем члены своей группы, но на аффективном уровне демонстрируют те же установки, что созвучны групповым установкам, на поведенческом уровне показывают полное совпадение с групповыми предпочтениями. Это выступает как показатель личностных критериев и возможностей групповой поддержки. Вопросы организационной морали и корпоративных норм могут стать перспективами развития просоциального поведения, солидарности, групповой идентичности и позитивного конструирования образа Я.

Одобрение или не одобрение группы (факт наличия групповой морали) – влияет на то, что мы считаем правильным / правильным или кого. Морально приемлемый групповой консенсус определяет поведения индивида и отношение к нему сообщества. Это то, что позволяет сохранить социальную идентичность личности, ее моральные убеждения, конгруэнтные групповым нормам и определя-

ющие в конечном счете просоциальное поведение.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
2. Ардашев Р.Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 193–197.
3. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
4. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 76–79.
5. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
6. Кармадонов О.А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 17–25.
7. Кармадонов О.А., Ардашев Р.Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 3. С. 605–609.
8. Кирилина Т.Ю. Место социологии морали в системе общественных наук // Социально-гуманитарные знания, 2008. № 6. С. 91–95.
9. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.

10. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.
11. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
12. Полюшкевич О.А. Современное прочтение социологии морали // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 5. С. 50–58.
13. Симонова О.А. Моральные эмоции и социальные объединения // Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах / под общ. ред. Н.Е. Покровского, М.А. Козловой. М.: Университетская книга, 2015. Гл. 7. С. 137–155.
14. Смирнова О.А. Современная социология эмоций и проблема социальной солидарности: основные направления исследований // Социологический ежегодник. 2011. № 1. С. 95–142.
15. Соколов В.М. Социология морали – реальная или гипотетическая? // Социологические исследования, 2004. № 8 (244). С. 78–88.

MORALITY AND SOCIAL IDENTITY IN PRO-SOCIAL PRACTICES

Polyushkevich O.A.

Irkutsk State University

The article reveals the issues of the relationship of morality and social identity of a person. The features of the study of this relationship in theoretical concepts are analyzed, as well as the results of a quantitative and qualitative author's study, the influence of group morality on the behavior of an individual who wants to correspond to his community. As a result, the priority of the social impression and, as a result, the socially expected behavior, regulated by the moral norms of the group, was revealed. Prosocial practices are a form of proof of inclusion in the community and the sharing of moral norms and rules of the individual and the entire community.

Keywords: morality, social identity, prosocial practices, norms, taboos, social impression, compliance with group norms.

References

1. Ardashev R.G. Affect through the prism of public moods // The problem of the correlation between the natural and the social in society and man. 2021. No. 12. S. 85–90.
2. Ardashev R.G. Urban consciousness as an indicator of ephemerality // Civilizational shifts in the development of a modern city. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, IGU, 2021, pp. 193–197.
3. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // Sociology. 2021. No. 3. S. 53–61.
4. Ardashev R.G. Change of consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, Vol NTs RAS, 2021, pp. 76–79.
5. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.
6. Karmadonov O.A. Norms and empathy as factors of social transformations. Sotsiologicheskie issledovanija. 2012. No. 4. pp. 17–25.
7. Karmadonov O.A., Ardashev R.G. Social unconscious as a condition and factor of social conjunction // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2021. V. 46. No. 3. S. 605–609.
8. Kirilina T. Yu. The place of the sociology of morality in the system of social sciences // Social and Humanitarian Knowledge, 2008. No. 6. P. 91–95.
9. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world // Sociology. 2021. No. 2. S. 87–92.
10. Polyushkevich O.A. Moral choice in the structure of prosocial behavior // The problem of correlation between the natural and the social in society and man. 2020. No. 11. P. 127–131.
11. Polyushkevich O.A. Pro-social practices in a provincial town: creativity and profanity of public space // Sociology. 2021. No. 4. S. 129–135.
12. Polyushkevich O.A. Modern reading of the sociology of morals // Humanitarian vector. 2021. V. 16. No. 5. S. 50–58.
13. Simonova O.A. Moral emotions and social associations // Socio-cultural practices of cohesion in modern societies / ed. ed. N.E. Pokrovsky, M.A. Kozlova. M.: Universitetskaya kniga, 2015. Ch. 7. P. 137–155.
14. Smirnova O.A. Modern sociology of emotions and the problem of social solidarity: the main directions of research // Sociological Yearbook. 2011. № 1. pp. 95–142.
15. Sokolov V.M. Sociology of morality – real or hypothetical? // Sociological research, 2004. No. 8 (244). pp. 78–88.

Социальный капитал как фактор формирования качества жизни

Деханова Наталья Геннадьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ndehanova@mail.ru

Сущко Валентина Афанасьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

Холоденко Юрий Александрович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: hol.u@mail.ru

В статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты изучения роли социального капитала в жизни российского общества, отдельные его составляющие и субъективное отношение к нему со стороны населения. Авторы указывают на проблему, связанную с социальным капиталом личности, выделяют уровни, а именно микроуровень и макроуровень, в результате которых формируется социальный капитал. В ходе анализа авторы раскрывают теоретико-методологические подходы зарубежных и российских ученых к понятию социальный капитал, его составляющие. На основе эмпирических данных, полученных в ходе проведенного в 2019 году анкетного опроса применением метода личного интервью, и в конце 2022 года с применением метода анкетного онлайн-опроса, в статье анализируется структура ценностей взрослого населения России, выделяются характеристики социального капитала и степень их влияния на формирования качества жизни. В ходе исследования авторы делают акцент на микроуровень формирования и влияния социального капитала, выделяя такие его составляющие как социальная активность и материальная обеспеченность личности.

Ключевые слова: социальный капитал; качество жизни; материальная обеспеченность личности; структура ценностей.

В периоды перетурбаций, турбулентности, кризиса в обществе значительно повышается роль социального капитала. Социальный капитал включает в себя не только горизонтальные связи, но и доверие, отношения внутри сообщества, нормы взаимодействия. Социальный капитал помогает обществу пережить тяжелые периоды более спокойно, самоорганизоваться, минимизировать социальные последствия кризиса. В качестве индикаторов социального капитала можно выделить социальное доверие (доверие окружающим людям) и институциональное доверие (доверие органам государственной власти).

Надо понимать, что понятие социальный капитал связано, но не тождественно, с таким понятием как человеческий капитал. Так, нобелевский лауреат Г. Беккер, полагал, что «человеческий капитал формируется за счёт инвестиций в человека: на общее и профессиональное образование, расходы на воспитание детей, здравоохранение, поиск информации, смену работы, миграцию и другие вложения, так или иначе способствующие развитию производительной силы человека, содействующие её культурному и интеллектуальному росту» [1]. В целом, можно констатировать, что основоположники теории человеческого капитала [1,2] выходили далеко за пределы анализа его экономических эффектов, и видели, прежде всего, социальную сущность в этом феномене.

Однако, говоря о социальном капитале, надо понимать, что он так же, как и человеческий, связан со своими носителями, но, кроме этого, он включает в себя и все взаимодействия и отношения между индивидами. Таким образом, если человеческий капитал в большей степени характеризует индивида то, социальный капитал представляет собой совокупность их взаимоотношений. Его оценка и способы измерения обладают достаточно сложной структурой [3].

Многозначность термина «социальный капитал» делает возможным представителям различных научных направлений не только предлагать свои подходы к рассмотрению данной проблемы, но и находить большое количество пересечений между этими подходами [4]. Сложность в определении социального капитала также обусловлена его двоякой сущностью. С одной стороны, социальный капитал определяют как совокупность атрибутов взаимодействующих индивидов, а с другой стороны – как совокупность атрибутов среды, в которой и происходит эти взаимодействия.

Среди классиков социологической науки, занимающихся анализом социального капитала в обществе необходимо назвать прежде всего П. Бурдье, который в «Формах капитала» (1983), обозначал социальный капитал как совокупность «реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [5,6]. Он также отмечает, что «выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности».

По мнению Дж. Коулмана социальный капитал – это неотъемлемая составляющая человеческого капитала, основанная на доверии и умении индивидов сотрудничать с целью создания новых групп и ассоциаций. Фактически Дж. Коулман отождествляет социальный капитал с потенциалом взаимного доверия и помощи, относя к нему обязательства, ожидания и надежность структуры, информационные каналы и социальные нормы, и эффективные санкции: «социальный капитал – это такое проявление неформальной социальной организации, которое выступает как продуктивный ресурс для неограниченного количества акторов» [7].

Р. Патнэм полагал, что социальный капитал является «важным фактором политической стабильности, эффективности правительства и даже экономического прогресса» [6]. Общественное со-

трудничество, по мнению Р. Патнэма, которое происходит в результате взаимодействия на основе горизонтального и вертикального доверия, является более важным, чем экономические и человеческие ресурсы. К основным формам социального капитала он относит сети «горизонтальные» человеческие отношения, социальные нормы и институализированное в социальных практиках доверие.

Также Р. Патнэм выделяет такие типы социального капитала как: «связывающий» (bonding) и «наводящий мосты» (bridging) [8]. Первый характеризует такой тип отношений, который приносит выгоду малочисленному количеству людей ущерб всему обществу. Второй вид объединяет взаимодействия, которые выгодны обществу в целом. Трёхфакторная модель социального капитала (нормы взаимности, доверие и социальные сети) являются, согласно Р. Патнэму основой общественного благосостояния.

И, наконец, анализируя основные теоретические подходы к изучению категории социального капитала, нельзя не упомянуть Ф. Фукуяму. Он рассматривает социальный капитал как своеобразную культуру, то есть социальный капитал, по его мнению, – это неформальные нормы или ценности, которые делают возможными коллективные действия в группах людей. Такая культура является основой сотрудничества между гражданами, имеет конкретно-исторический характер, поскольку нормы взаимности укоренились в социокультурных традициях. Основываясь на этических кодах, выполняющих роль социальных регуляторов, социальный капитал воспроизводится из поколения в поколение через обычаи, традиции, религию и другие социальные институты. Однако, признавая историческую преемственность в накоплении социального капитала, Ф. Фукуяма подчеркивает и такие принципы человеческого взаимодействия, как спонтанность, стихийность, неформальность, приводящие к ассоциативным инновациям [9]. В рамках этого подхода признается весомая роль социального капитала не только в решении социальных

проблем граждан, но и в деле экономического процветания государства и его политической стабильности.

Из отечественных исследователей феномена социального капитала интересен подход В.В. Радаева, который связывает социальный капитал с установкой и поддержанием связей с другими хозяйствующими агентами. Социальный капитал представляет собой совокупность отношений, которые порождают действия. Данный тип отношений связан с ожиданиями того, что другие агенты будут осуществлять свои обязательства не применяя санкции. Именно единовременная связь ожиданий и обязательств находит свое отражение в понятии «доверие» [10]. Говоря о доверии важно отметить такое понятие как «радиус доверия» [11]. Так, чем выше уровень доверия в обществе, тем более развит его социальный капитал. Доверие является фактором и результатом производства социального капитала, а также мерой и способом оценки норм, взглядов, ценностей, на основе которых формируется сотрудничество, солидарность, надежность людей.

В.В. Радаев выделяет структурные (сетевые) и институциональные (доверие) подходы к исследованию социального капитала. Несомненный интерес представляет дифференциация на открытый социальный капитал, характеризующийся возникновением доверия не только близким, но и обществу и закрытый социальный капитал, опирающийся на ограничивающую мораль (подход с разными моральными мерками к близким и чужим людям). Преобладание закрытого социального капитала в обществе, организации сдерживает процессы демократизации, снижает уровень доверия и социальных связей. В данном значении социальный капитал имеет скорее отрицательную коннотацию, как немеритократический фактор, который влияет на доступ к разнообразным ресурсам, социальную стратификацию и мобильность в обществе. Некоторые исследователи делают вывод о том, что особенности социального капитала в современной России не дают возможность

полноценно реализовывать развитый человеческий и культурный капитал, что ведет к значительно более низкой отдаче от него [12]. Таким образом можно констатировать, что в некоторых исследованиях социальный капитал несет в себе отрицательный смысл, связанный с явлениями фаворитизма, nepotизма и пр. Однако в целом в научной полемике термин «человеческий капитал» имеет положительное значение как общественное благо нематериального характера, непосредственно связанное с экономическим ростом и высоким качеством жизни. Помимо доверия выделяются такие элементы социального капитала как уважение и толерантность.

В рамках концепции структуры социального капитала, предложенной Всемирным банком выделяются связующий, горизонтально интегрирующий и вертикально интегрирующий элементы. связующий элемент представляет собой совокупность мощных социальных связей с соответствующей им нормативно-ценностной системой, которая создает относительно замкнутую структуру и определяет тип взаимодействия индивидов в ее границах. Горизонтально интегрирующий элемент обозначается как совокупность слабых, чаще горизонтальных, связей с соответствующей им нормативно-ценностной системой, которая объединяет индивидов, принадлежащих к разным неофициальным группам. Третий элемент – это совокупность также слабых социальных связей, которые занимают различные уровни социальной, экономической и властной иерархий и основываются на нормативно-ценностной системе, общей для взаимозависимых субъектов [13].

Надо понимать, что уровень социального капитала повышается лишь когда он используется, и, наоборот, уменьшается без применения. Более того он может полностью исчезать, например, при утрате доверия к субъекту отношений, что также необходимо учитывать при изучении структуры социального капитала.

Таким образом, неоднозначная сущность, появившегося в XX веке и активно используемого в экономическом, соци-

ологическом, политологическом анализе понятия «социальный капитал», порождает сложности в его определении. В сформировавшихся концепциях данного явления наиболее часто его связывают со социально-структурными ресурсами индивида, которые формируются благодаря отношениям двух или более индивидов. Данное определение прослеживается в подходах Джеймса Коулмана или Пьера Бурдьё, хотя, надо признать, что объяснение этих ресурсов и свойств у них различное. Или же как совокупность общественных атрибутов, к которым относятся: социальные нормы, доверие, социальные сети, что существует, например, в понимании Роберта Патнема.

Трудности в определении способствуют появлению нескольких подходов и к измерению социального капитала. Как уже было упомянуто выше, достаточно часто в концепциях исследователей уровень социального капитала измеряется через рассмотрение таких показателей, как доверие, толерантность, членство в формальных и неформальных группах и их размер, количество связей и их «теснота», социальные нормы и другие. Важно понимать, что от уровня развития социального капитала зависит большое количество факторов, влияющих на улучшение развития гражданского общества, преодоление неравенства и на формирование социальной справедливости, а также на повышение регулирующей роли государства в целом.

Анализировать социальный капитал в обществе возможно на микро, мезо, макроуровнях. Микроуровень – это прежде всего межличностные отношения, носящие в том числе бытовой характер: отношения в семье, с родственниками, с соседями, знакомыми, коллегами по работе. Это и общие ценностные ориентации, и нормы, прагматические соображения по поводу соблюдения определенных правил для достижения индивидуальных целей. Также важными элементами здесь являются толерантность и солидарность.

Мезоуровень выделяется большим радиусом корпоративной, профсоюзной вовлеченности, членством в право-

защитных, студенческих, экологических организациях, активностью в работе муниципалитетов и в партийных системах.

Макроуровень – это нормы взаимоотношений, связи, доверие к органам государственной власти, социальным и политическим институтам. Этот уровень характеризует развитие гражданского общества, систему разделения властей, контроль избирателей над властными структурами, функционированием выборной системы, а также реакцией общества на несправедливость. Иногда исследователями выделяется и метаяуровень: нормы межгосударственного сотрудничества, возникновение международных структур, таких, как ООН, ЕС, ВТО, Интерпол, неправительственных организаций, международных экологических и правозащитных движений.

Социальный капитал представляет собой показатель качества социальных отношений и ресурс, который способствует повышению эффективности экономической деятельности. Социальный капитал – это объединительный инструмент, который позволяет мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе взаимного доверия людей. Его также можно охарактеризовать как возможность субъекта быть интегрированным в систему социальных отношений. Это капитал общения, сотрудничества, взаимодействия, взаимного доверия и взаимопомощи который формируется в пространстве межличностных экономических отношений.

Справедливо утверждение, что именно социальное государство на сегодняшний день, направлено на улучшение качества жизни людей, на удовлетворение их потребностей, создание комфортных условий для существования и работы, а также на формирование демократического общества. Уровень социального капитала часто выступает явным показателем того, насколько сильно государство нацелено на создание вышеперечисленных факторов.

В рамках анализа проблемы социального капитала важно выделить его функции. В целом к базовым функциям социального капитала относятся: инте-

гративная функция, смысл которой заключается в объединении индивидов, групп, сообществ на основе толерантности, доверия, что в конечном итоге приводит к всеобщему благу; информационная функция обеспечивает доступ к информации и ее использования с целью получения дополнительных преимуществ в деловой, профессиональной сферах; образовательная функция, приводящая к приобретению новых знаний посредством коммуникативного дискурса, наличием разветвленных сетей с их контактностью, что делает быстрый обмен новыми идеями, развитие личных знаний и навыков; функция социального контроля с помощью общепринятых социальных норм и ценностей регулирует социальные отношения в пределах групп, организаций, ассоциаций и других коллективных сообществах; идентификационная функция позволяет создавать возможности для выбора идентичности, особенно в молодежных сообществах, используя масштабность и неоднородность социальной сети, а также поддерживать множественность идентичности – профессиональной, этнической, религиозной, возрастной и тому подобное; функция социальной поддержки способствует осуществлению поддержки множественной идентичности и упрощению процесса обмена ресурсами членов группы и других коллективов посредством сети личных контактов; творческая (креативная) функция обеспечивает действиям общность и коллективность (пример реализации данной функции – различные флешмобы).

Использование теории социального капитала в социальных исследованиях предполагает решение целого ряда методологических проблем и, прежде всего, умения измерять и анализировать его различные формы. Как уже было выявлено ранее, практически все исследователи социального капитала выделяют в его структуре три компонента: доверие, нормы, сети. Вышеперечисленные элементы взаимосвязаны: сети нужны для передачи информации, установления контактов, они благоприятно влияют на распространение норм взаимодействия, нормы и доверие укрепляют

и содействуют расширению сетей и контактов и уменьшению количества транзакционных издержек в процессе взаимодействия.

На основе полученных в ходе двух социологических исследований эмпирических данных был проведен анализ. Для реализации поставленных задач в 2019 году с применением личного анкетного опроса было опрошено 803 человека, в конце 2022 года с применением метода анкетного онлайн опроса было опрошено 305 человека, для сбора которых анкета располагалась на платформе Webanketa.com, ссылка для заполнения рассылалась методом снежного кома, а также публиковалась в группах в VK. Выборка квотная (по полу, возрасту). Данное исследование носит, скорее, пилотный характер, но позволяет сделать определенные выводы и увидеть закономерности, особенности и различия в полученных данных с разницей в 4 года.

В результате анализа было выделено две основные группы респондентов по материальной обеспеченности: малообеспеченные (47,8% в 2019 году и 42,8% в 2022 году), то есть те, кто не могут позволить себе приобрести вещи длительного пользования (исключая тех, для кого покупка продуктов и одежды вызывает затруднения), а также достаточно обеспеченные (52,2% и 57,2% соответственно), то есть те, кто без труда приобретает вещи длительного пользования (исключая тех, кто может позволить себе достаточно дорогостоящие вещи).

В анкете использовались вопросы, относящиеся к оценке ценностей и к параметрам социально-экономического положения. В ходе анализа полученных данных удалось выявить степень включенности индивида в общественно-полезную деятельность, что являлось одной из задач исследования. Респонденты в 2022 г. продемонстрировали более низкий уровень социальной активности по сравнению с 2019 годом: 54,6% и 73,2% соответственно респондентов хотя бы единожды принимали участие в общественно-полезной деятельности (рис. 1).

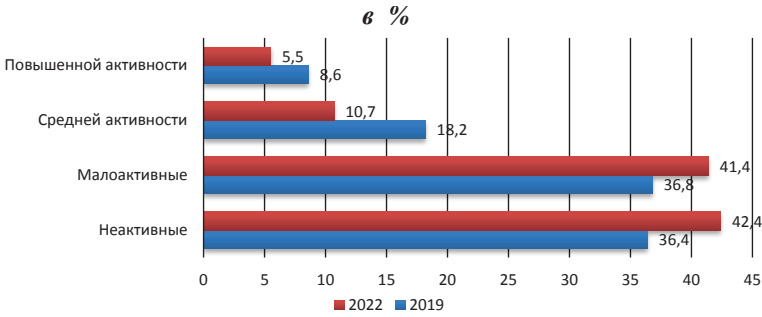

Рис. 1. Типология респондентов по социальной активности в 2019 и 2022 гг.

В целом, было выделено 4 основные группы респондентов по социальной активности:

- неактивные (36,4% и 42,4% в 2019 и 2022 гг. соответственно), которые за последние два года участвовали не более, чем в двух видах общественно-полезной деятельности (при этом 15,4% из них оказались абсолютно социально пассивны);
- малоактивные (36,8% и 41,4%), которые за последние два года приняли участие только в 3–4 видах социальной активности;
- средней активности (18,2% и 10,7%), которые участвовали в 5–6 видах общественно-полезной деятельности;
- повышенной активности (8,6% и 5,5%), которые участвовали в 7 и более видах общественно-полезной деятельности за последние два года.

Снижение уровня социальной активности, в первую очередь, можно объяснить пандемией COVID-19 и ее по-

следствиями, а также произошедшими социально-политическими событиями в жизни российского общества.

Для дополнительного анализа особенностей качества жизни и точного понимания, и выражения спонтанного знания, респондентам был задан вопрос в открытой форме «Назовите, пожалуйста, параметры качества жизни, которые для вас являются самыми важными», который в данном случае является более достоверным, и при котором предполагается развернутый ответ. При анализе было произведено кодирование открытого вопроса анкеты, выявляющего общее представление респондентов об их качестве жизни. При ответе респонденты назвали большое количество составляющих качества жизни, которые для них являются самыми важными и из которых были выделены 6 чаще всего упоминаемых элементов, которые для них являются, основополагающими в жизни (рис. 2).

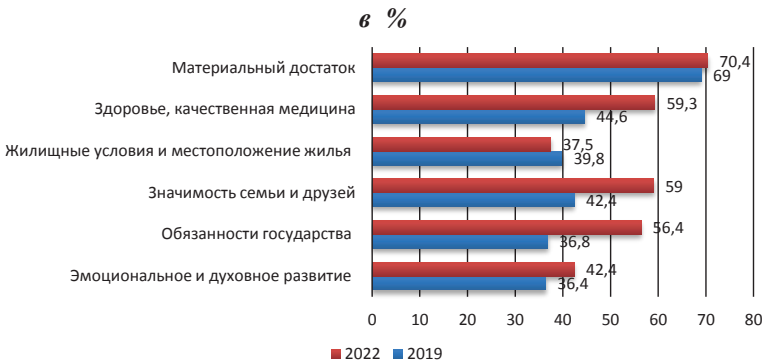

Рис. 2. Основные составляющие качества жизни среди опрошенных респондентов в 2019 и 2022 гг.¹

Как видно из полученных данных, такие важные составляющие качества жизни как материальный достаток (69% и 70,4% соответственно); жилищные условия и местоположение жилья (39,8% и 37,5% соответственно); эмоциональное и духовное развитие (36,4% и 42,4% соответственно) и в 2019 году, и в 2022 году остались примерно на том же уровне, в то время как здоровье, хорошее и качественное медицинское обслуживание, развитую систему здравоохранения в 2022 году в большей степени, чем раньше считают более важными для качественной жизни (59,3% и 44,6%); стали более важными для людей также значимость семьи, друзей, теплых и бесконфликтных отношений с близкими людьми (59% и 42,4%); а также, что особенно хочется подчеркнуть – обязанности государства по обеспечению прав, свобод и безопасности граждан, по проведению социальной политики и предоставлению условий для самореализации личности (56,4% и 36,8% соответственно).

Кроме того, опрошенные респонденты стремятся к постоянному саморазвитию и самореализации и ожидают от своего государства предоставления реальных возможностей для достижения данной цели, а также обеспечения защиты интересов и социально-политической стабильности в стране.

Следует также отметить, что более 25% респондентов выделяют такие значимые для них составляющие качества жизни, как «мораль, нравственность и доверие в социальных отношениях» (29,1%); «доступность и качество образования, эффективное функционирование образовательной системы» (28,5,8%); «наличие работы, рабочих мест и возможности трудоустройства» (25,4%). Таким образом, стремясь к материальному достатку, респонденты признают значимость успешного трудоустройства, которое может быть обеспечено при наличии хорошего образования и определенных социальных гарантий со стороны государства.

¹ Сумма ответов на данной диаграмме больше 100%, так как респонденты могли выбирать одновременно несколько ответов на вопрос.

Таким образом, оценивая качество жизни можно сделать вывод, что с точки зрения социальной активности, а именно участия в общественно-полезной деятельности, респонденты в большинстве своем неактивны и малоактивны, что негативно характеризует качество жизни людей, поскольку отсутствие социального взаимодействия с окружающими в процессе реализации общего общественно-полезного дела, отсутствие достаточной активности и формирующегося на ее основе чувства собственной необходимости и значимости негативно влияет на развитие личности. Индивид не усваивает на практике нормы нравственности и морали и не обогащает свой духовный мир, помогая другим людям. Все это, так или иначе, ведет к определенным внутриличностным и межличностным проблемам, а, следовательно, ухудшает качество жизни.

Также одной из задач исследования являлось выяснить как социальный капитал личности раскрывается через социальные связи с окружающими.

Социальные связи личности включают в себя как ближайшее дружеское окружение индивида, так и просто знакомых, чьи связи и ресурсы могут помочь человеку в реализации его интересов и в удовлетворении его потребностей (рис. 3).

Как видно из полученных данных, количество респондентов, у которых достаточно друзей, которые всегда готовы прийти на помощь, снизилось в 2022 году по сравнению с 2019 годом (53,2% и 60,2% соответственно), а тех, у кого практически нет друзей, увеличилось по сравнению с 2019 годом (20% и 14,5% соответственно), что говорит, скорее, что люди стали меньше общаться, надеяться на друзей или же стали меньше доверять своим друзьям и знакомым.

Наибольшее число друзей в 2022 году у опрошенных нами респондентов оказалось среди людей, которые занимаются творческой деятельностью (67% респондентов). Более половины опрошенных также имеют друзей среди тех, кто занимается общественной деятельностью (55,1%) и спортивной деятель-

ностью (35,9%). Меньше всего друзей у респондентов оказалось среди тех, кто

занимается коммерческой деятельностью (25,2%).

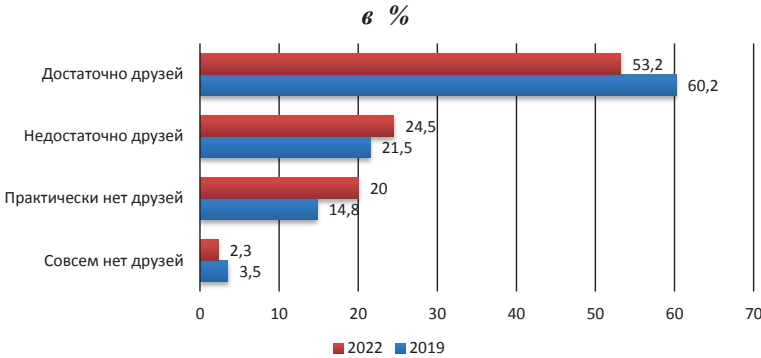

Рис. 3. Количество друзей и знакомых, готовых прийти на помощь, среди опрошенных респондентов в 2019 и 2022 гг.

В связи с полученными данными можно судить о том, что дружеское окружение большинства опрошенных респондентов является социально- активным, особенно в творческой и общественной деятельности. Кроме того, респонденты в возрасте от 18 до 29 лет имеют больше знакомых, занимающихся общественной, спортивной и творческой деятельностью, нежели респонденты в возрасте от 30 лет и старше.

К социальным связям личности также относятся знакомые (свои или общесемейные), которые занимают руководящие должности в той или иной организации. Было установлено, что 71,5% респондентов имеют знакомства с лицами, занимающими руководящие должности в сфере торговли (23,5% из них имеют много таких знакомых); 57% опрошенных имеют связи с лицами, являющимися

руководителями в крупной компании, фирме, на предприятии или в иной организации (из них 7,6% имеют много таких знакомых); у 28,1% респондентов есть знакомые, занимающие руководящие должности в банковской сфере (у 8% из них много таких знакомых).

Для того чтобы описать характер влияния социального капитала личности на качество жизни респондентов, были проанализированы взаимосвязи между социальными связями респондентов, их социальной активностью и материальной обеспеченностью.

В целях выявления закономерностей обращения респондентов за помощью к своим друзьям или знакомым был составлен перечень основных проблем, которые возникали у респондентов (рис. 4).

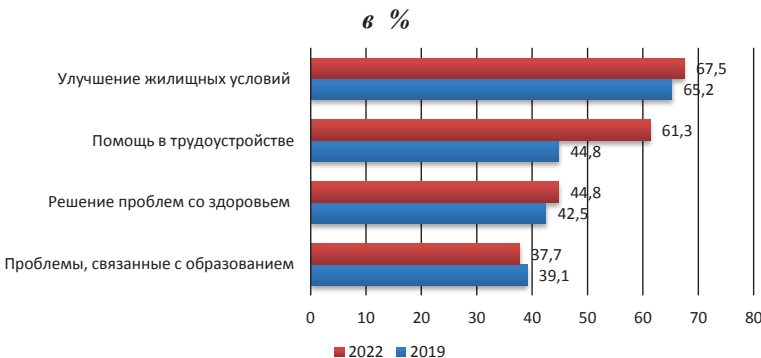

Рис. 4. Основные проблемы, которые возникали у респондентов и из-за которых они обращались за помощью к своим друзьям или знакомым в 2019 и 2022 гг.¹

В результате полученных данных более чем у половины опрошенных возникали проблемы, связанные с необходимостью улучшить жилищные условия (65,2% и 67,5%), а также с трудоустройством и продвижением по карьерной лестнице (44,8% и 61,3%). Немного менее половины респондентов указали в качестве своих проблем: беспокойство и заботы, связанные с необходимостью дорогостоящего лечения, с решением проблем со здоровьем (42,5% и 44,8%), а также проблемы, связанные с поступлением в ВУЗ и получением образования (39,1% и 37,7%). Сильно в 2022 году выросла необходимость в помощи друзей и знакомых только в вопросах, связанных с трудоустройством, в остальном же тенденция сохранилась, как и в 2019 году.

При рассмотрении значимости связи между уровнем материальной обеспеченности и проблемами, которые возникнут у опрошенных респондентов, было установлено, что в группе малообеспеченных, которая составляет 42,8% респондентов, больше тех, у кого в 2022 году возникали проблемы, были связаны с трудоустройством и продвижением по карьерной лестнице (67% при 33% тех, у кого таких проблем не было). При этом в группе достаточно обеспеченных (составляет 57,2%) оказалось гораздо меньше тех респондентов, у которых когда-либо возникали проблемы, связанные с карьерой (всего 36,5% при 63,5% тех, у кого таких проблем не было).

Следует отметить, что 18,9% в 2019 году и 16,5% в 2022 году указали, что привыкли решать проблемы самостоятельно, не обращаясь за помощью ни к кому.

В ходе анализа была установлена важная взаимосвязь между помощью со стороны друзей и знакомых и участием респондентов в общественно-полезной деятельности. Среди тех, кто ответил на вопрос о помощи со стороны друзей «конечно, да», оказалось 80%

тех, кто принимал участие в той или иной общественно-полезной деятельности.

Статистическая значимость взаимосвязи между оказанием помощи со стороны друзей и знакомых и участием в общественно-полезной деятельности подтверждается также в группах респондентов по полу и по возрасту. Наиболее значимой данная связь оказалась для мужчин. Из них большая часть те, кому друзья и знакомые оказывали помощь в решении проблем, принимали участие в общественно-полезной деятельности (85,5%), причем те мужчины, кому не помогали друзья и знакомые, не принимали участия в данной деятельности. У женщин ситуация выглядит похоже, хотя и незначительно меньше. Из тех женщин, кому друзья и знакомые помогали, 74,5% принимали участие в общественно-полезной деятельности.

Таким образом, для проверки влияния социальных связей респондентов на ее социальную активность, следует подробнее проанализировать взаимосвязь между наличием у респондентов друзей (занимающихся общественной, политической, творческой, спортивной деятельностью), знакомых-руководителей (в крупной организации, в сфере торговли, в банковской сфере), знакомых государственных служащих и участием респондентов в том или ином виде общественно-полезной деятельности.

В ходе исследования было установлено, что социальные связи личности влияют на качество жизни человека, в определенной степени определяя круг его интересов и ценностей, а также предоставляя реальные возможности для реализации интересов личности и удовлетворения ее потребностей. Статистически значимой взаимосвязи между наличием определенных социальных связей у личности и ее материальным достатком выявлено не было. Тем не менее, удалось установить, что среди тех респондентов, которые обращались к друзьям и знакомым за помощью, высок процент тех, кто получал необходимую помощь, пусть даже частично. При этом важно, что среди тех, кому друзья

² Сумма ответов на данной диаграмме больше 100%, так как респонденты могли выбирать одновременно несколько ответов на вопрос.

и знакомые оказывали помощь, оказалось большинство молодых людей, которые принимали участие в общественно-полезной деятельности.

На основе проведенного социологического исследования можно выделить ряд рекомендаций, направленной на повышение качества жизни:

- необходимо проводить в вузах и других учебных заведениях профессионального образования, а также по месту работы просветительские беседы, направленные на пропаганду участия населения в общественно-полезной деятельности;
- следует также осуществлять обучение населения управлению ее социальными связями для реализации собственных интересов даже при условии отсутствия экономического капитала (данное обучение необходимо внедрить непосредственно в процесс получения образования);
- необходимо также обеспечивать население достаточным объемом рабочих мест для удовлетворения ее потребности в занятости и управлении своим материальным достатком.

Литература

1. Becker, G.S. Human capital: Theoretical and Empirical Analysis. N.I.: Columbia University Press, 1964.
2. Shults T. Investment in Human capital. N.I., London, 1971, P. 26–28.
3. Sushko V.A., Pronchev G.B. The Role of the Social Capital of an Individual in the Formation of the Quality of Life // Postmodern Openings, LUMEN Publishing (Iasi, Romania), том 12, № 1, с. 38–53.
4. Аверин Ю.П., Сушко В.А. Концепции качества жизни в современных социологических теориях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, 2019. том 19, № 1, с. 4–11.
5. Васильев В.П., Деханова Н.Г. Факторы формирования человеческого капитала в сфере высшего образования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т.23. № 3. С. 237–248.

6. Степаненко В.П. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг, 2004, № 2. С. 24–41.
7. Бурдые, П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – с. 60–75.
8. Современные теории социального капитала / Н.Д. Гуськова, А.П. Ключева // Известия высших учебных заведений. Общественные науки. – 2012. – № 2 (22). – с. 152–160.
9. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – с. 122–139.
10. Putnam, R. D. «Bowling Alone: America's Declining Social Capital» // Journal of Democracy, Vol. 6 (1), 1995, p. 65–78.
11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и сотворение благоденствия. 2001. № 16(2). с. 6–21.
12. Радаев В.В. Экономическая социология: учебник для вузов // В.В. Радаев; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2015. – с. 603.
13. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. – М.: 2012. – с. 121–148.
14. Деханова Н.Г. Особенности формирования человеческого капитала в современной России // Социально-политические науки. 2017. № 5. С. 52–55.
15. Мишенин Е. В., Олейник Н.В. Социальный капитал: теоретические подходы к формированию сущности и содержания. Механизм регулирования экономики, – № 3. – М.: 2014. – с. 84–91.

SOCIAL CAPITAL AS A FACTOR IN FORMING THE QUALITY OF LIFE

Dekhanova N.G., Sushko V.A., Kholodenko U.A.
Lomonosov Moscow State University

The article discusses the theoretical and methodological aspects of studying the role of social

capital in the life of Russian society, its individual components and the subjective attitude towards it on the part of the population. The authors point to the problem associated with the social capital of the individual, highlights the levels, namely the micro level and the macro level, as a result of which social capital is formed. In the course of the analysis, the authors reveal the theoretical and methodological approaches of foreign and Russian scientists to the concept of social capital and its components.

Based on empirical data obtained during an online survey in 2023, the article analyzes the structure of values of the adult population of Russia, highlights the characteristics of social capital and the degree of their influence on the formation of quality of life. In the course of the study, the authors focus on the micro-level of the formation and influence of social capital, highlighting such components as social activity and material security of the individual.

Keywords: social capital; the quality of life; material security of the individual; value structure.

References

1. Becker, G.S. Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis. N.I.: Columbia University Press, 1964.
2. Shultz T. Investment in Human capital. N.I., London, 1971, pp. 26–28.
3. Sushko V.A., Pronchev G.B. The Role of the Social Capital of an Individual in the Formation of the Quality of Life // Postmodern Openings, LUMEN Publishing (Iasi, Romania), vol. 12, no. 1, p. 38–53.
4. Averin Yu.P., Sushko V.A. Concepts of quality of life in modern sociological theories // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series Sociology. Political Science, 2019. Volume 19, No. 1, p. 4–11.
5. Vasiliev V.P., Dekhanova N.G. Factors of formation of human capital in the field of higher education// Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2017.V.23. No. 3. S.237–248.
6. Stepanenko V.P. Social capital in the sociological perspective: theoretical and methodological aspects of research // Sociology: theory, methods, marketing, 2004, No. 2. P. 24–41.
7. Bourdieu, P. Forms of capital // Economic sociology. – 2002. – No. 5. – p. 60–75.
8. Modern theories of social capital / N.D. Guskova, A.P. Klyueva // News of higher educational institutions. Social Sciences. – 2012. – No. 2 (22). – With. 152–160.
9. Coleman, J. Social and human capital // Social sciences and modernity. – 2001. – No. 3. – p. 122–139.
10. Putnam, R. D. "Bowling Alone: America's Declining Social Capital" // Journal of Democracy, Vol. 6(1), 1995, p. 65–78.
11. Fukuyama F. Trust: social virtues and the creation of prosperity. 2001. No. 16(2). c. 6–21.
12. Radaev V.V., Economic sociology: a textbook for universities // V.V. Radaev; State. un-t – Higher School of Economics. – M.: Ed. House of the State University Higher School of Economics, 2015. – p. 603.
13. Fukuyama F. Social capital // Culture matters. How values contribute to social progress. – M.: 2012. – p. 121–148.
14. Dekhanova N.G. Features of the formation of human capital in modern Russia// Socio-political sciences. 2017. No. 5. P. 52–55.
15. Mishenin E. V., Oleinik N.V. Social capital: theoretical approaches to the formation of essence and content. The mechanism of economic regulation,– № 3. – M.: 2014. – p. 84–91.

Портрет государственного коррупционера

Туркова Валентина Николаевна,

старший преподаватель кафедры юриспруденции,
Института экономики, управления и права,
Иркутского национального исследовательского
технического университета
E-mail: v_turkova87@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования и развития государственного и муниципального служащего как коррупционера. Анализируются мотивы и условия вовлечения в коррупционную деятельность, механизмы противодействия этому через этические кодексы и стандарты, морально-этическую экспертизу, позицию руководства и жизненные приоритеты в виде власти и господства и в меньшей степени финансового обогащения тех, кто становится коррупционером. На материалах экспертного исследования делаются основные выводы об истоках и условиях, особенностях и перспективах трансформации портрета государственного коррупционера.

Ключевые слова: коррупционер, государственные и муниципальные служащие, антикоррупционная политика, коррупция, взятка, профилактика коррупции, этика на государственной и муниципальной службе, этические принципы, мораль.

Вопрос несоответствия декларируемых норм государственных служащих и высоких коррупционных рисков выступает на сегодняшний день важной задачей как для теоретиков, разрабатывающих антикоррупционные модели управления, так и практиках – старающихся сформировать максимально прозрачную систему социального взаимодействия чиновников и населения. Несоответствие этическим требованиям государственных служащих подрывает доверие к власти в целом, к ее представителям в частности и само по себе увеличивает коррупционные риски.

Для того чтобы противодействовать коррупции необходимо понимать, как включаются коррупционные риски, как запускается механизм актуализации коррупционной схемы. Тем более, что деятельность государственных и муниципальных служащих изначально ориентирована на интересы народа и общество (закреплено в Конституции РФ), но когда они начинают действовать в личных интересах, то нарушаются интересы профессионального долга (могут быть квалифицированы как административные нарушения или должностные преступления) и соответствующие наказания также активизируются.

Для детального анализа портрета коррупционера, предлагаем рассмотреть модель Д. Форсайта через призму этических норм государственных и муниципальных служащих. «Релятивизм» включает в себя отрицание универсальных моральных правил, «идеализм» трактуется как принятие универсальных моральных установок индивидами (см. таблицу).

Согласно данной типологии, ситуационисты уверены, что обман может быть использован, если он позволяет добиться наилучшего результата в заданной ситуации; абсолютисты считают, что обмана следует избегать, так как он подрывает фундаментальные моральные принципы; субъективисты полагают, что суждения об обмане являются личным делом каждого вовлеченного в подобную ситуацию; а циники (утилитаристы)

убеждены, что если обмана избежать нельзя, то он возможен при использовании соответствующих мер предосторожности. Кроме того, соавторы сделали ряд следственных предположений и пришли к выводу, что абсолютисты, в отличие от представителей трех других этических идеологий, наиболее щепетильно подходят к оценке негативных последствий своего поведения [10].

Таблица. Типологическая модель этических норм чиновников по Д. Форсайту

		Релятивизм	
		Высокий	Низкий
Идеализм	Высокий	Ситуационисты, действующие по ситуации и выстраивающие индивидуальные оправдания в каждом действии и при каждом случае	Абсолютисты, предполагающие, что наилучшего возможного результата всегда можно достичь, следуя универсальным моральным правилам
	Низкий	Субъективисты, основывающие свои оценки на индивидуальных ценностях и взглядах, а не на универсальных моральных принципах	Циники (утилитаристы) в своих суждениях направляются моральными аксиомами, но в то же время прагматично открыты для игнорирования этих правил

На практике это разворачивается в жизненно смысловой вопрос: как действовать – через требования норм и правил (не лги, не воруй и т.д.) и воспринимать это как верное и должное поведение или же принимать решения исходя из максимальной полезности большей части окружающих людей (что особенно актуально для государственных и муниципальных служащих). Важным моментом выступает контроль действий как категория социальной включенности в общественные процессы и социальную мобильность. И результатом ответа на этот вопрос является вовлеченность в коррупционные схемы или их игнорирование.

Теория и методология исследования

В современной литературе раскрываются социально-психологические особенности российских коррупционеров в исторической и социокультурной перспек-

тиве (Д.В. Крылова и А.А. Максименко [10], А.П. Лиферов [11], Н. Мальцева [12], В.А. Скуденков [18–20], Е.П. Тавокин [21], В.И. Цуриков [22]), механизмы антикоррупционной политики (Р.В. Иванов [9]), особенности информационного воздействия на представления россиян о власти, праве и общественных представлениях в сфере коррупции и коррупционеров (Р.Г. Ардашев [1–8], И.М. Силивеев [17]), морально этические вопросы государственной службы и профессиональной этики (О.А. Полюшкевич [13–15], И.А. Журавлева, Г.В. Дружинин [16]) и т.д.

Мы исходили из гипотезы, что чиновники коррупционеры подвержены больше реляционному типу, т.е. отвергают общие универсальные моральные стандарты и вырабатывают собственные критерии и ценности социально и профессионально приемлемого поведения.

Методом исследования стало полуструктурированное интервью государственных и муниципальных служащих, адвокатов, а также представителей федерального и регионального антикоррупционного комитета (n=32).

Логика интервью строилась на изучении социально-психологических черт коррупционера, в т.ч. психологических черт и социальных установок поведения, а также сфер и зон реального или потенциального компромисса норм морали и этики, и профессиональных и должностных обязанностей; на выявлении знаний и готовности им следовать в области морально-этических и морально-профессиональных доктрин поведения, в т.ч. систем профилактики и наказания за коррупционные деяния.

Обсуждение результатов исследования

В результате анализа экспертных интервью мы выявили личные критерии и моральные стандарты государственных и муниципальных служащих, а также необходимые личные и профессиональные качества коррупционера.

Психологические качества и черты государственного и муниципального служащего состоят из: ума, гибкости, хи-

тлости, профессионализма, цинизма, чувства превосходства и чувства вседозволенности.

Коррупционер – это хитрый, умный и высокопрофессиональный специалист, которые знают свою силу и свое превосходство над другими, над ситуацией и может этим пользоваться (Н.Ю., адвокат, 49 лет)

Коррупционер – это компетентный и профессиональный, умный и циничный государственных служащий, которые чувствует свою вседозволенность и использует для получения желаемого (Л.А., руководитель отдела в Администрации Иркутска, 37 лет).

Все респонденты говорили о скептицизме как ключевой черте коррупционера, отсутствии иллюзий в отношении других, опоре на собственные убеждения и ценности. Никто не назвал черты, которые помогли бы нам отнестись к ситуационистам и абсолютистам. Индивидуальная мораль противостоит профессиональной этике.

По мнению экспертов, умение взять кусок для коррупционера оказывается стратегией перераспределения, позволяющей получить самовознаграждение, а не заниматься хищением.

Современные коррупционеры берут не все, а потихоньку забирают кусочки за кусочком, чтобы не спалиться ни перед своими, ни перед чужими. (Н.Е., главный специалист государственной гражданской службы в Аппарате Губернатора и Правительства Иркутской области, 39 лет).

Попадают на взятках те, кто берет часто и много, а те, кто по чуть-чуть незаметны и не интересны ни собственным антикоррупционным комитетам, ни общественности, ни СМИ. (В.Н., 44 года, руководитель службы правового обеспечения министерства культуры Иркутской области).

Государственная служба – это тоже проект личного, социального и профессионального развития. Но мотивационным фактором высыпаяют получаемые финансы, а если их нет, то включается коррупционная схема социального взаимодействия.

В работе Д.В. Крыловой и А.А. Максименко [10] указывается, что среди российских коррупционеров можно выделить два доминирующих типа: субъективисты, руководствующиеся индивидуальными ценностями и взглядами; циники (утилитаристы), у которых ярко выражены чувства вседозволенности и превосходства. Наши данные этот вывод также подтверждают.

Если чиновник не обладает своим видением ситуации, понимания того – как лучше, то из него не очень хороший специалист получится, а еще более плохой руководитель. Но обратной стороной этого процесса выступает наличие альтернативного взгляда на то, что ему позволено, а что нет. Результатом этого становится коррупция. (С.Н., руководитель областного отдела КУМИ, 44 года).

Тот, кто преступает морально-этические нормы автоматически впадает в состояние вседозволенности, особенно если его не поймали. Дальше будет только больше и хуже, так как аппетит приходит во время еды. (И.А., 34 года, руководитель отдела по работе с обращениями граждан Администрации Иркутска).

В работах О.А. Полюшкевич [13,14] указывается на важность морально-этических норм в когнитивном понимании процессов, эмоциональном соучастии в них и готовности реально действовать для подтверждения собственных выводов. В анализе облика коррупционера именно эти параметры указывали эксперты как ключевые в моменте преступления закона и развития незаконной коррупционной деятельности должностными лицами.

Собственная мораль, основанная на ценностях и убеждениях, может стать основой для социального воспроизводства как легитимного пространства, при условии соблюдения норма и дезинтеграции, и разобщения при нарушении легитимности и вовлеченности в коррупционную деятельность. (Д.Л., 42 года, руководитель отдела закупок Администрации Ангарска).

Морально-этический выбор в профессиональной деятельности может

стать точкой нового смысложизненно-го развития, так как фиксирует сторону государственного и муниципального служащего – он на стороне государства и народа (что предписано в его профессиональных обязанностях на уровне Конституции РФ) или он на стороне личных интересов и выгод. (С.С., 46 лет, руководитель отдела работы с высшей школой Министерства образования Иркутской области).

Респонденты убеждены, что коррупция начинается с мелочей – от обеда за чей-то счет или коробки конфет, до серьезных предпочтений в том или ином вопросе. О спесифике и роли подарков, также рассмотрено в работе О.А. Полюшкевич [15].

Коррупционное мышление формируется с малого: с обеда за счет заинтересованного в решении своего вопроса лица или же с незначительных поблажек в регулировании социального взаимодействия (информировании о нюансах торгов, реализации постановлений и т.д.). Кто сидит на хлебном месте не может не зависеть от тех бонусов, что оно может дать и дает. (М.И., 50 лет, руководитель отдела социального взаимодействия Администрации Иркутска).

Коррупционные связи рождаются на основе безобидных подарков и принятых знаков внимания должностных лиц. Конфеты, кофе, цветы – это первый шаг, второй – компромисс и лояльность, третий – действия в выгоде и выигрыше только одного значимого фигуранта. (Т.А., заместитель председателя областной думы Иркутской области).

Современным коррупционерам гораздо больше возможностей и вариантов предлагается из-за несовершенства законодательства, неопределенности и нестабильности будущего развития и невозможности выстроить линию социального моделирования, чем тем, кто был коррупционером в советское время. Больше соблазнов – больше вариантов их реализовать.

Будущее может быть слишком измечено, поэтому опираться на то, что завтра все поменяется – не приходит-

ся. И тогда встает вопрос о коррупции и формах социальной наживы в личных интересах, то есть целенаправленного личного обогащения. Это сопровождается чувством безнаказанности и вседозволенности. (Н.Н., 50 лет, руководитель отдела информационного мониторинга, Аппарата Губернатора и Правительства Иркутской области).

Сейчас можно воспользоваться новыми технологиями, инструментами социального прогресса для получения личных выгод через профессиональную деятельность. Раньше даже на техническом уровне таких возможностей не было, а информационный был сферой личной ответственности чиновников. (О.А., 37 лет, руководитель отдела по информационной безопасности Администрации Иркутска).

По мнению экспертов, коррупционеры берут взятки и участвуют в других коррупционных сферах не потому, что им денег не хватает, а потому что открываются новые возможности, появляется возможность реализации личной власти и воли. А также компенсацией недополученных социальных и материальных вознаграждений.

Коррупционера ведет собственная гордыня и жажда власти, гораздо менее значимы материальные вопросы. (Н.Н., 50 лет, руководитель отдела информационного мониторинга, Аппарата Губернатора и Правительства Иркутской области).

Власть извращает, а не ограниченная власть развращает еще больше. Чиновники идут на преступление в три раза чаще при жажде власти и вседозволенности, чем при желании решить материальные трудности. (Т.А., 55 лет, заместитель председателя областной думы Иркутской области).

Связанный с этим аспектом вопрос справедливости и самооправдания при нарушении профессиональных требований и этических норм.

Справедливость не может быть общей для всех. Тут важно понимание совести и личной ответственности при выборе того или иного стиля поведения. Ну и конечно же системе оправдания то-

го или иного действия. (В.В., зам. руководителя службы статистики Иркутска).

Психологическая составляющая взятки или и другой коррупционной схемы строится на соблюдении моральных норм и догм или их нивелировании и обесценивании. Это личный выбор каждого чиновника и его зона ответственности. Нет и не может быть внешних обстоятельств, других людей и т.д. Есть только внутренняя готовность или не готовность брать на себя ответственность и втягиваться в коррупционную схему или нет. (Д.Л., 42 года, руководитель отдела закупок Администрации Ангарска).

Эксперты выделяют позицию руководства, как ведущую в формировании морально-этических принципов государственного и муниципального служащего. Если нет артикуляции четкого позиционирования в отношении коррупции и соблюдения морального облика сотрудника органа власти, то формируется убеждение у рядовых сотрудников – что наверху тоже берут взятки, значит и мне можно. Если же такая позиция четко артикулируется и преследуется, через административные и иные меры контроля и наказания, то отношение к коррупции и сам факт ее присутствия будет порицаться.

Рыба гниет с головы: если не верху беру взятки, то и на низу можно. Логика проста: если там можно, то и тут можно. Это порочный круг социального аморального поведения в отношении собственной публично-правовой позиции. (Т.А., 55 лет, заместитель председателя областной думы Иркутской области).

Если руководство ничего не делает чтобы предотвратить коррупцию, не показывает на собственном примере что это неприемлемо, то формируется установка на вседозволенность и разрешение включаться в коррупционное поведение. (О.А., 37 лет, руководитель отдела по информационной безопасности Администрации Иркутска).

Тоже верно и к антикоррупционным органам власти.

Если антикоррупционный отдел присутствует в администрации любого уровня формально, то и воздейство-

вать на коррупционную деятельность он может также номинально. Если их работа направлена на анализ и профилактику коррупционных схем, то и эффект формирования морально-этической позиции будет более значимым и ощутимым. (Н.Я., 39 лет, руководитель отдела стратегического развития Администрации Иркутска).

Не надо думать, что антикоррупционные органы должны работать только с последствиями коррупционной деятельности и ее, собственно, выявлению. Основная их задача сформировать культуру антикоррупционного поведения, внедрить морально-этические стандарты антикоррупционных установок и антикоррупционного поведения. (О.Д., 52 года, руководитель антикоррупционной службы Аппарата губернатора и Правительства Иркутской области).

Более того, необходимо усиление формализации этического норм и требований к коррупционному поведению. Это может быть выражено в этическом кодексе государственного и муниципального служащего, а также в других нормативно-правовых актах, направленных не только на акцент на указание, но и на профилактику коррупционного поведения среди служащих.

Сегодня есть нормативно-правовые акты, регламентирующие наказание в результате коррупционной деятельности, но нет нормативно-правовых актов, направленных на формирование антикоррупционной культуры, антикоррупционных ценностей и морально-этических убеждений, выступающих формальным параметром для допуска к государственной и муниципальной службе. (Д.Л., 42 года, руководитель отдела закупок Администрации Ангарска).

На сегодняшний день отсутствует кодекс этики государственного и муниципального служащего, где были бы прописаны стандарты этического, в том числе антикоррупционного поведения, разработаны качества антикоррупционной культуры, по которым можно было бы отбирать кандидатов на необходимые должности и т.д. Это формат социального развития внутрикорпоративных норм

и ценностей разного уровня сотрудников органов власти. (С.С., 46 лет, руководитель отдела работы с высшей школой Министерства образования Иркутской области).

Полученные данные позволяют говорить о личных мотивах социальной и профессиональной реализации государственных и муниципальных служащих, помогающих им выстроиться или включиться в уже работающую коррупционную схему.

Выводы

Итак, многие решения государственных и муниципальных служащих зависят от их социального окружения и сложившихся обстоятельств, от позиции руководства в отношении коррупции и личных притязаний в сфере гордыни, жадности власти и доминирования. Собственные убеждения и социальные и экономические притязания определяют позиции чиновников в решении вопросов разными путями (в т.ч. коррупционными).

Поведение государственных и муниципальных служащих – это зеркало того, что происходит в обществе в целом. Нельзя винить их в том, что происходит со всем обществом. Но можно предложить – начать перемены с их позиции, так как они выступают от лица власти. А именно ей под силу урегулировать социальные диспропорции и перекосы, которые и приводят к коррупции.

Также нами выявлены следующие закономерности:

1. Этические суждения государственных и муниципальных служащих влияют на поведение через намерения. Если намерения не совпадают с этическими требованиями, то возникает чувство вины.
2. Для государственных и муниципальных служащих усиливается значимость контроля (позиция непосредственного руководства и надзорных антикоррупционных органов) над намерениями и реальным поведением. Контроля как личного качества – позволяющего придерживаться «правильных» и общепринятых норм, так

и контроля как общественного регулятора социального поведения.

3. Непредвиденные обстоятельства увеличивают риски коррупционного (неэтичного) поведения государственных и муниципальных служащих. Чем более прогнозируемые ситуации и обстоятельства складываются, тем сложнее нарушать этические нормы. Данная работа требует углубления и продолжения изучения через другие фокусы исследования. Например, воздействия корпоративной культуры на развитие коррупционной деятельности государственными и муниципальными служащими или разработка и внедрение этических стандартов государственной и муниципальной службы и т.д. Но это станет предметом следующих исследований и статей.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 58–64.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональные представления молодежи об антикоррупционной культуре в России // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 44–49.
3. Ардашев Р.Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке. Сборник материалов XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2020». Москва, 2020. С. 13–15.
4. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
5. Ардашев Р.Г. Иррациональное пространство правовых представлений

- россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 255–258.
6. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
 7. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
 8. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 112–115.
 9. Иванов Р.В. Противодействие коррупции: стратегии и модели на муниципальном уровне // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 106–110.
 10. Крылова Д.В., Максименко А.А. Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 230–253.
 11. Лиферов А.П. Российский коррупционер: некоторые психолого-правовые штрихи к портрету // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 1 (37). С. 11–28.
 12. Мальцева Н. Кто он, коррупционер на государственной службе? // Человек и закон. 2017. № 6. С. 14–20.
 13. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.
 14. Полюшкевич О.А. Современное прочтение социологии морали // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 5. С. 50–58.
 15. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение: подарки в современном мире // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 119–126.
 16. Полюшкевич О.А., Журавлева И.А., Дружинин Г.В. Этические основы противодействия коррупции. Учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2019. 192 с.
 17. Силивеев И.М. Оценка влияния роли масс-медиа в формировании представлений о коррупции и антикоррупционной культуре среди различных поколений // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 114–119.
 18. Скуденков В.А. Влияние экономического кризиса на готовность населения нарушать закон // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 104–108.
 19. Скуденков В.А. Динамика экономических притязаний в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 90–97.
 20. Скуденков В.А. Мифы о социальном и экономическом капитале в процессах формирования гражданского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. 2017. С. 94–100.
 21. Тавокин Е.П. Российский коррупционер в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2 (120). С. 87–95.

22. Цуриков В.И. Коррупция и коррупционер в современной России // Социодинамика. 2017. № 4. С. 1–24.

PORTRAIT OF A STATE CORRUPT OFFICIAL

Turkova V.N.

Irkutsk National Research Technical University

The article deals with the formation and development of a state and municipal employee as a corrupt official. The motives and conditions for involvement in corrupt activities, mechanisms to counteract this through ethical codes and standards, moral and ethical expertise, leadership position and life priorities in the form of power and domination and, to a lesser extent, financial enrichment of those who become corrupt officials are analyzed. Based on the materials of the expert study, the main conclusions are made about the origins and conditions, features and prospects for the transformation of the portrait of a state corrupt official.

Keywords: corrupt official, state and municipal employees, anti-corruption policy, corruption, bribe, prevention of corruption, ethics in the state and municipal service, ethical principles, morality.

References

1. Ardashev R.G. The irrationality of the legal consciousness of Russians // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FGBOU VO "ISU"; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. 2020. S. 58–64.
2. Ardashev R.G. Irrational ideas of youth about anti-corruption culture in Russia // Anti-corruption culture and youth in Russia and China: modern state, business, society. Digest of articles. Edited by A.V. Petrova, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, 2020, pp. 44–49.
3. Ardashev R.G. The conflict of the irrationality of the consciousness of modern man // Traditional and new social conflicts in the XXI century. Collection of materials XIV International Scientific Conference "Sorokin Readings – 2020". Moscow, 2020. S. 13–15.
4. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // Sociology. 2021. No. 3. S. 53–61.
5. Ardashev R.G. Irrational space of legal ideas of Russians // Mission of confessions. 2020. V. 9. No. 2 (43). pp. 255–258.
6. Ardashev R.G. The irrationality of public opinion: fears of interaction with representatives of authorities // Mission of confessions. 2020. V. 9. No. 3 (44). pp. 340–344.
7. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // Humanitarian vector. 2020. V. 15. No. 2. S. 76–84.
8. Ardashev R.G. The irrationality of public consciousness: an analysis of everyday practices // In search of social truth. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020. S. 112–115.
9. Ivanov R.V. Anti-Corruption: Strategies and Models at the Municipal Level // Anti-Corruption Culture and Youth in Russia and China: Modern State, Business, Society. Digest of articles. Edited by A.V. Petrova, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, 2020, pp. 106–110.
10. Krylova D.V., Maksimenko A.A. Does the Russian corrupt official have a conscience? Peculiarities of ethical decision-making by Russian civil servants // Public opinion monitoring: economic and social changes. 2022. No. 3. S. 230–253.
11. Liferov A.P. Russian corrupt official: some psychological and legal touches to the portrait // Psychological and pedagogical search. 2016. No. 1 (37). pp. 11–28.
12. Maltseva N. Who is he, a corrupt official in the public service? // Person and law. 2017. No. 6. S. 14–20.
13. Polyushkevich O.A. Moral choice in the structure of prosocial behavior // The problem of correlation between the natural and the social in society and man. 2020. No. 11. P. 127–131.
14. Polyushkevich O.A. Modern reading of the sociology of morals // Humanitarian vector. 2021. V. 16. No. 5. S. 50–58.
15. Polyushkevich O.A. Prosocial Behavior: Gifts in the Modern World // The Problem of the Correlation between the Natural and the Social in Society and Man. 2021. No. 12. P. 119–126.
16. Polyushkevich O.A., Zhuravleva I.A., Druzhinin G.V. Ethical foundations for combating corruption. Tutorial. Irkutsk, IGU, 2019. 192 p.
17. Siliveev I.M. Assessing the influence of the role of mass media in shaping ideas about corruption and anti-corruption culture

- among different generations // Anti-corruption culture and youth in Russia and China: modern state, business, society. Digest of articles. Edited by A.V. Petrova, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, 2020, pp. 114–119.
18. Skudenkov V.A. The impact of the economic crisis on the willingness of the population to break the law // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FGBOU VO "ISU"; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. 2020. S. 104–108.
 19. Skudenkov V.A. Dynamics of economic claims in a pandemic // Health Philosophy: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. S. 90–97.
 20. Skudenkov V.A. Myths about social and economic capital in the processes of formation of civil society // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. 2017. S. 94–100.
 21. Tavokin E.P. Russian corrupt official in the sociological dimension // Public opinion monitoring: economic and social changes. 2014. No. 2 (120). pp. 87–95.
 22. Tsurikov V.I. Corruption and a corrupt official in modern Russia // Sociodynamics. 2017. No. 4. S. 1–24.

Стереотипы патриархального общества в современном мире

Щепина Екатерина Дмитриевна,

бакалавр социологии, Институт социальных наук,
Иркутский государственный университет
E-mail: katidm@mail.ru

Грицких Надежда Викторовна,

кандидат социологических наук, и.о. заведующего
кафедрой культурологии и управления, Института
социальных наук Иркутского государственного
университета
E-mail: nadya_gritskikh@mail.ru

Киселёв Юрий Анатольевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры
культурологии и управления социальными
процессами Института социальных наук
в Иркутском государственном университете
E-mail: yurii54@gmail.com

В статье представлен теоретический анализ подходов, исследующих гендерные стереотипы современного общества. Проведен сравнительный анализ патриархальных стереотипов в отношении образа женщины в современном обществе. На основе онлайн опроса делаются выводы о распространенности патриархальных стереотипов, условиях и формах их укрепления и трансформации.

Ключевые слова: гендер, стереотипы, патриархальное общество, современное общество, социальные представления.

В современном мире в условиях глобальных вызовов и угроз трансформируются все сферы жизнедеятельности. Информатизация дала возможность открыто выражать свое мнение и взгляды на какую-либо проблему, по этой же причине возникает большое количество споров, дискуссий, в том числе и в научном сообществе [5,6]. Такая ситуация влечет за собой утрату значимости «старых» стереотипов патриархального общества, их изменение, а также формирование «новых» в условиях становления нового цифрового общества [11,12]. При этом патриархальная концепция не сменяется концепцией эгалитаризма, она лишь трансформируется под новые реалии вместе со «старыми» стереотипами.

Повторим, что проблемы стереотипизации неразрывно связаны с культурой патриархата, анализ факторов и тенденций соразвития «старых» и «новых» патриархальных стереотипов целесообразно проводить в контексте таких научных дисциплин, как гендерная социология, психология, экономика, культурология, а также в феминистских концепциях, философии, социологии семьи.

Анализом патриархального общества, а также изучением причин появления и влияния на жизнедеятельность людей патриархальных стереотипов в рамках *социологического подхода* занимались Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, У. Липпман, Ф. Энгельс, А.В. Ядов, И. Гофман и др. Ученые сходились во мнении о том, что предпосылками господства патриархата являются не естественные причины, а общественные – социальные (полороловое разделение), экономические (победа частной собственности), политические и т.д.

Эмиль Дюркгейм, французский философ и один из основоположников социологии, в книге «О разделении общественного труда. Метод социологии» [9] поднимает проблему отношений между мужчиной и женщиной в аспекте разде-

ления труда в обществе, выступающее ядром общественного порядка и высшим принципом нравственности. Критикуя специализацию большинства сфер жизни, ученый с помощью социологических методов предпринял попытку решить не экономические, а моральные последствия разделения труда. По мнению социолога, полоролевая дифференциация в трудовой сфере приводит к снижению конфликтов и развитию солидарности. С общественным развитием, развитием супружеской солидарности разделение между мужчинами и женщинами увеличивается, женщина слабеет и глупеет, у нее усиливается экспрессивная функция, она все больше уходит в домохозяйство, в отличие от мужчин. Э. Дюркгейм подчеркивает: «Женщина тех отдаленных времен вовсе не была тем слабым созданием, каким она стала с прогрессом нравственности» [9, с. 58]. Причиной существования в реальной жизни классовой конфронтации и экономического кризиса философ считает аномичное, вынужденное разделение труда.

В отличие от Э. Дюркгейма, Георг Зиммель, немецкий социолог и философ, видел в андрократии существенную проблему, поскольку она ограничивает свободу женщины в ее обособленном от мужчин развитии, участии в культуре. Господство мужчины, половое разделение труда, по мнению ученого, есть причина, по которой женщина рассматривается как «ничто» без мужа и семьи, ее оценивание происходит по мужским критериям, разработанными этими же мужчинами. Г. Зиммель также затронул проблему стереотипов патриархального общества, указывая на существующие представления о том, что мужчинам свойственна непостоянность и решительность, когда женщинам – консерватизм и постоянство [3].

Энтони Гидденс, британский социолог, утверждает, что все известные общества являются патриархальными, при этом женское и мужское предназначение, их роли и обязанности существенно отличаются в зависимости от культуры того или иного общества. Этой же точки

зрения придерживались Э.Б. Тайлор, английский этнолог и культуролог, и Г. Мэн, английский историк права. Ученый также анализировал категорию «гендер», отмечая, что вопрос разделения мужских и женских ролей следует изучать, учитывая не только физические, заложенные природой особенности, но и культурные, психологические и социальные.

Анализируя социологические концепции, а именно положения в них о гендерных стереотипах, необходимо отметить, что большинство представителей марксистской теории не учитывали проблемы женщин, их потребности и цели как части общества, более того, сам Карл Маркс считал, что женские цели и интересы априори сходятся с мужскими. Угнетенное положение женщин есть следствие капитализма, при котором первые выступают массовой рабочей силой пролетариата. В понимании мужчин-классиков объединение двух полов невозможно ни в каких других сферах, кроме семейной, однако и там главенство остается за отцами. По этим причинам полярность мужчин и женщин возрастала вместе с усилением о них стереотипов.

В частности, американскими социологами Т. Парсонсом и Р. Бейлзом была разработана теория «естественной взаимодополнительности полов» в рамках полоролевого подхода, согласно которой разделение ролей в социальной сфере по половому признаку есть обязательное условие, которое будет существовать всегда, оно неустранимо [2]. Исходя из предложенной учеными теории, на мужчину накладывается инструментальная функция (главенство, материальное обеспечение, защита семьи и родины), а на женщину – экспрессивная (чувственность, хозяйственность, воспитание детей).

Питирим Сорокин, основоположник теории социальной стратификации и социальной мобильности, всесторонне изучил шаблоны поведения людей, как они функционируют в обществе и управляют его членами. Фактически ученый проанализировал сущность и механизм действия «стереотипов» без использо-

вания данного термина. Сорокин подчеркивал, что в любой группе имеются «инакомыслящие», не согласные с существующими шаблонами, однако и они ведут себя так, как диктуют социально признанные нормы поведения. О смене стереотипов в социуме социолог пишет: «Моментальная, одновременная и тождественная смена шаблонов поведения у всех членов группы ... в современных обществах почти не дана...» [13, с. 163].

В рамках *психологического подхода* обратимся к И.С. Кону, известному русскому социологу и философу, который в своей работе «Ребенок и общество» [10] анализирует причины стереотипа о разделении труда по половому признаку и объясняет, почему данное разделение напрямую не исходит из биологических функций женщин и мужчин. Ученый подтверждает, что лишь женщина может родить ребенка, на ней лежит ответственность за первые годы его жизни, при этом общественные стандарты влияют на количество детей, их место проживания, а также на то, кто их будет воспитывать. В традиционном патриархальном обществе влияние регламентируемых государством норм было особенно заметно, в настоящее время государство поддерживает гендерное разделение труда с помощью материнских пособий за рожденных детей (сумма растет с количеством детей), материнского капитала, трансляции декретного отпуска по уходу за ребенком преимущественно для матерей (однако в отпуск могут также уйти отец и другие родственники) и т.д. И.С. Кон также отмечал, что стереотипы патриархального общества поддерживают иерархию и власть мужчин над женщинами, они бессознательно контролируют действия и поведения людей в жизни.

Польский специалист в области психологии А. Тэшфел [4] выделял функции стереотипов, реализующиеся на индивидуальном и групповом уровне. К первому уровню ученый относил познавательную и ценностно-защитную функции, ко второму – идеологизирующую и идентифицирующую. Определим функции, которые выполняют патриархальные стереотипы. К таковым относятся:

1. Психологические – когнитивная, ценностно-защитная функции. Стереотипы воздействуют на сознание человека, они помогают в принятии решений, систематизации знаний в повседневной жизни. Кроме того, на основе существующих стереотипов индивид может предугадать будущее, однако ввиду изначальной ложности многих стереотипов, «картинка» в голове может не совпасть с реальной «картиной». Также стереотипы формируют положительный образ индивида или группы, защищают его / их ценности.

2. Социальные – функция социального контроля, социализационная, интегративно-культурная, воспитательная функции. Стереотипы поддерживают образцы поведения, принятые и одобряемые социумом, характеризуются нормативностью и непосредственным влиянием на поведение индивида в зависимости от половой принадлежности. С их помощью также происходит социализация путем передачи опыта и знаний, на основе стереотипных представлений о женских и мужских ролях поддерживается ощущение принадлежности к определенной группе и всему обществу, что укрепляет социальную систему в целом.

Н. Чодороу, американский социолог и психоаналитик, в работе «Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера» в рамках психологического подхода попыталась найти решение проблемы, связанной с неравенством мужчин и женщин в трудовой и семейной сферах. Ученая теоретически обосновала причину выполнения традиционно считающихся «материнскими» функциями исключительно женщинами, ссылаясь на то, что уже с детства воспитание зависит от пола ребенка. Например, о девочках больше заботятся, что формирует у них потребность в близких взаимоотношениях, мальчиков же учат целеустремленности и социальной активности [14].

Феминистский подход. Следует изучить концепции зарубежных представителей феминистского движения, поскольку их теории повлияли на развитие многих научных дисциплин, в их идеях

была затронута тема стереотипов о мужчинах и женщинах, актуализирована проблема негативного влияния патриархального общества на качество жизни женщин и детей.

М. Бутовская, советский и российский антрополог, утверждает, что в каждой культуре существует стереотипы о мужчинах и женщинах, которые ущемляют оба пола с помощью существующей гендерной стратификации и распределении труда, доступа к власти и другим социальным институтам. Она также отмечает, что стереотипы обладают живучестью, ввиду чего даже при изменении поведения мужчин и женщин и их статуса в обществе, стереотипы продолжают сохраняться и влиять на жизнь обоих полов [7]. Это объясняет существование в современном мире «старых» стереотипов, связанных с таким разделением ролей, при котором женщина выступает хранительницей очага, отвечает за воспитание детей, когда мужчина – добытчик, глава семьи, материально обеспечивает ее. Хотя еще в прошлом столетии официально было признано равенство полов, произошла эмансипация женщин, нормы и традиции того времени все также остаются доминантными в жизни людей.

Н. Фолбр, американская экономистка-феминистка, в своем труде «Альтернативы экономической ортодоксальности» [1] связывает патриархат и капитализм, вводя категорию «патриархатный способ производства». Исследовательница по-новому рассмотрела патриархат, с позиции не системы контроля, а отношений господства и подчинения, где первыми выступают мужчины, а вторыми (ущемленными) становятся женщины и дети. Схожий взгляд в определении патриархата как части «системы» имеют сторонники постмодернистского феминизма, связывающие отношения данного типа общества с властью, при которой доминируют мужские дискурсы, а женские – маргинализируются.

В 1949 г. была опубликована книга С. де Бовуар, французской писательницы и идеолога феминистской мысли, «Второй пол», в которой, на основе фи-

лософской методологии экзистенциализма, рассмотрела положение женщины в обществе в рамках исторического подхода, подняла проблему подавления «женского» и представила основные половые различия, существующие и закреплённые в общественном сознании. Писательница отвергает изучение женской природы по причине того, что особую важность и непохожесть природы женской на природу мужскую вообразили представители маскулинного общества. Де Бовуар также касается проблемы стереотипов, отмечая, что поведение человека зависит от довлеющих над ним стереотипов в большей степени, чем от собственных мотиваций, даже если первые он не одобряет. Так, например, социализируется девочки и мальчики, опираясь на предопределённые гендером мысли, чувства и действия. Ввиду наличия гендерно-специфических ценностей и норм возникают половые различия в ожиданиях, закрепляющие, в том числе, стереотипы патриархального общества в мышлении людей, которые отражаются на воспитании следующего поколения.

О существующих стереотипных представлениях пишет Н. Вульф, американская писательница и феминистка, в книге «Миф о красоте: стереотипы против женщин» [8], вышедшей в 1990 году. В ней автор указывает, что «старые» патриархальные догмы отживают свое, но им на смену приходят «новые» стереотипы и способы управления сознанием, ограничивающие свободу так же, как и во время господства патриархата. К последним она относит стереотипы о красоте, существующие общественные стандарты по поводу веса, фигуры, внешности, возраста и т.д., ограничивающие свободу не только женщин (хотя их в большей мере), но и мужчин.

Особенности исследования

В нашем исследовании был использован сайт «Webanketa.com», предоставляющий возможность сбора и обработки информации для своих пользователей.

Исследование было размещено на сайте «Webanketa.com», содержа-

щее 30 вопросов и пункты сведений о респонденте. Была размещена анкета, состоящая из 44 вопросов. Рассылка данного опросника осуществлялась путем распространения в социальных сетях авторов информационного поста с просьбой пройти исследование на указанном сайте. Результаты онлайн-опроса отображаются в личном кабинете на сайте «Webanketa.com» в форме таблиц.

В данном исследовании приняли участие 300 человек (100%). По социально-демографическому статусу в исследовании участвовало 151 мужчина (50,3%), 149 женщин (49,7%). Почти половина респондентов (43,7%) находятся в возрастной группе от 18 до 30 лет, от 31 до 45 лет – 20,3%, от 46 до 60 лет – 26,0% опрошенных. 45,3% респондентов имеют высшее образование, у 31,3% – неоконченное высшее и лишь 5,0% опрошенных имеют образование среднее и ниже среднего. Что касается семейного положения, то здесь примерно одинаковое количество респондентов находятся в браке или не находятся в нем (42,7% и 44,7% соответственно). Большая половина опрошенных имеют социальный статус «работающий».

Анализ результатов исследования

Современное общество в настоящее время характеризуется в категориях цифрового, глобального, постиндустриального и других обществ. Кроме того, прослеживается сохранение патриархата как способа социальной организации, поскольку в социальной системе доминирующие позиции занимают его основные характеристики, а именно: разделение труда в сторону мужского, экономическая зависимость семьи от мужчины, регулирование общественной жизни с помощью традиций и обычаев, четкое разделение и закрепление обязанностей и функций партнеров, членов семьи, общества в целом, а также ввиду устойчивости стереотипов. Значимую роль в данном аспекте занимают традиции и обычаи патриархального общества, сохранению которых способствуют различия в образе, уровне и качестве жизни людей, геопо-

литические различия, доминирование традиционных институтов (институт семьи и брака, институт религии, экономические институты, институт образования и др.), уровень концентрации производства и промышленности (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «В чем, по мнению респондентов, проявляются стереотипы патриархального общества в России», в %

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Наличие определенных предназначений для мужчин и женщин (мужчина – добытчик в семье, женщина – хранительница домашнего очага; приписывание мужчинам хладнокровия, женщинам – чувствительности)	157	21,0%
2.	В доминировании мужчин в обществе по экономическому капиталу, реализации властных полномочий, образовательным возможностям	118	15,8%
3.	Наличие в обществе традиционно принятых «женских» и «мужских» профессий	115	15,4%
4.	В неравенстве мужчин и женщин в различных сферах (экономическая, политическая, социальная, культурная и др.)	105	14,0%
5.	Второстепенная роль женщины в семье, браке	61	8,2%
6.	В ущемлении прав и свобод женщин	59	7,9%
7.	Все вышеперечисленное	50	6,7%
8.	Умение мужчин быстро адаптироваться к общественным трансформациям, глобальным вызовам и угрозам, в отличие от женщин	43	5,7%
9.	В ущемлении прав и свобод мужчин	30	4,0%
10.	Затрудняюсь ответить	10	1,3%
	Всего	748	100,0%

Согласно данным таблицы 1, в современном российском обществе в наибольшей степени распространены многие стереотипы патриархального общества: 21,0% ответов опрошенных посвящены наличию определенных предназначений для мужчин и женщин, 15,8% связаны с доминированием мужчин по экономическому капиталу, 15,4% – с наличием традиционных «женских» и «мужских» профессий.

Уолтер Липпман подчеркивал, что стереотипы характеризуются экспрессивностью, поскольку выступают в качестве оценки какого-либо объекта или явления, они заряжены чувствами и эмоциями. В данной работе мы не говорим о полном уничтожении стереотипов, поскольку, во-первых, полностью уничтожить их не получится, а во-вторых, стереотипы выполняют необходимую функцию, помогая людям в повседневной жизни принимать решения, упрощая социальную среду индивида и категоризируя ее. Следует определить, как формируется стереотип. На первом этапе происходит его «выравнивание», то есть выбирается несколько простых характеристик объекта. На втором этапе, этапе «усиления», выбранные признаки усиливаются, обретают значимость. На последнем этапе, «ассимиляции», строится цельный образ выбранного объекта, при этом используются не все характеристики из предыдущих этапов, а лишь некоторые из них, имеющие особую актуальность.

Итак, прежде чем рассматривать «новые» и «старые» стереотипы, следует определить их природу, функции, области и сферы проявления. Прежде всего, отметим, что патриархальное общество в большинстве случаев ассоциируется с неравенством мужчин и женщин в сфере семейной, экономической и политической. Обратимся к проведенному автором опросу населения (табл. 2).

Практически равные доли опрошенных считают, что права и обязанности мужчин и женщин должны быть равны (35,0%) и скорее равны, чем нет (34,7%). Однако так не считают 9,7% респондентов. Похожие результаты о равенстве

мужчин и женщин были представлены автором в приведенных выше данных вторичных анализов исследования. Преимущество равных прав, по результатам опроса, видятся в: стирании социальной, национальной, этнической дискриминации в трудовой и профессиональной сферах, отсутствии права на исключительность по гендерному признаку, ощущении внутренней и внешней безопасности и гармонизации интересов и потребностей.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как считают респонденты, права и обязанности мужчин должны быть такими же, как права и обязанности женщин», в%

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в%
1.	Да, считаю	105	35,0%
2.	Скорее да, чем нет	104	34,7%
3.	Скорее нет, чем да	50	16,7%
4.	Нет, я так не считаю	29	9,7%
	Всего	300	100,0%

К основным внешним факторам, поддерживающим стереотипы в андрократических современных обществах, респонденты относят: сохранение «старых» традиций и обычаев патриархальных обществ и формирование новых, развитие социальных институтов с сохранением доминирующих позиций традиционных институтов (семья и брак, государство, религия и др.) и трансляцию культурных стереотипов лидерами мнений. Внутренними факторами выступают детерминанты нравственного поведения, а именно: потребность в общественном одобрении, приверженность общественным идеалам и трансляция ценностей и ценностных ориентаций.

Рассмотрим, как проявляются стереотипы патриархального общества в России. Респонденты перечислили:

1. Наличие определённых предназначений для мужчин и женщин (например, мужчина – добытчик в семье, женщина – хранительница домашнего очага; приписывание мужчинам хладнокровности, женщинам – чувствительности);

2. Доминирование мужчин в обществе по экономическому капиталу, реализации властных полномочий, образовательным возможностям;

3. Неравенство мужчин и женщин в различных сферах (экономическая, политическая, социальная, культурная и др.);

4. Наличие в обществе традиционно принятых «женских» и «мужских» профессий;

5. Ущемление прав и свобод женщин;

6. Второстепенная роль женщины в семье, браке;

4. Умение мужчин быстро адаптироваться к общественным трансформациям, глобальным вызовам и угрозам, в отличие от женщин.

Необходимо отметить, что на развитие и укрепление, в том числе «новых», патриархальных стереотипов влияет накладывание двойных стандартов на мужчин и женщин (например, женщина занимается и работой по дому, и карьерой; мужчина должен быть сильным, защитником и в то же время слабым и понимающим и др.), а также развитие индустрии красоты как «нового» способа управления женщинами (например, ежемесячные походы в салоны красоты для сохранения внешней привлекательности женщин для общественного одобрения и желаниа понравиться своему партнеру). Анализом последнего стереотипа более подробно занимались Наоми Вульф, отмечавшая, что небывалый натиск мифа о красоте объясняется тем, что это последняя из прежних идеологий, которая еще может удерживать женщин в повиновении.

При анализе данных в рамках использования различных социологических методов было выяснено, что профессиональная сфера является одной из ключевых сфер, где ярко прослеживается полоролевая дискриминация, причем по большей части женского пола. Проявляется это в сложности получения женщинами традиционно принятой «мужской» работы и наоборот, а также в накладывании высоких требований к внешности женщины, в особенности при ее высоких достижениях в карьере.

Обратимся к нормативно-правовым документам Российской Федерации, а именно к Трудовому кодексу РФ. В ст. 3 ТК РФ говорится, что все граждане имеют равные возможности при реализации своих трудовых прав и свобод. В частности пол, семейное положение, возраст, происхождение и другие обстоятельства, которые не связаны с профессиональными качествами, не могут выступать причиной непринятия. При этом п. 3 отмечено, что существуют ограничения, исключения, предпочтения в определенных профессиях, также есть лица, которым необходима повышенная защита государства. Однако, опираясь на статистические данные и данные социологических исследований, мы наблюдаем несоблюдение данного закона, а именно ущемление женских прав и свобод, труднодоступность или невозможность получения определенных профессий. В приказе Минтруда России от 18.07.2019 № 512н (ред. от 13.05.2021) «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» прописаны профессии, запрещенные женщинам ввиду их опасности. Однако в реальности женщины выполняют большое количество дел дома и на работе, опасные для их здоровья, что противоречит ТК РФ и создает неравенство полов в средней заработной плате, в особенности в зарплате на руководящей должности.

Другая проблема при приеме на работу связана с сексуальной дискриминацией, в большинстве случаев в отношении женского пола. Данный вопрос затрагивает Н. Вульф, раскрывая сущность возникшего в 1960 гг. понятия «Подтверждение профессиональной квалификации», сокращенно «ППК», использующийся в законах некоторых стран (США, Великобритания и др.), который обуславливает половые ограничения при приеме на работу ее спецификой. Ученая вводит термин «профессиональная квалификация красоты» («ПКК») как основное условие при при-

еме на работу женщин, поскольку в реальности «ППК» используется во избежание судебных разбирательств на основании закона.

Таким образом, во второй половине прошлого века был трансформирован «старый» стереотип о женской красоте в сфере труда, который убедил все общество в необходимости женщинам заботиться о сохранении внешней красоты и молодости, и это стало причиной дискриминации как при приеме на работу, так и в ходе ее выполнения. Сегодня этот стереотип воспринимается как данность,

в обществе считается нормальным и даже обязательным для женщины следить за своей фигурой, ходить в салоны красоты, поддерживать молодость с использованием косметических средства и процедур, правильно питать и т.д. Поскольку стереотип о красоте в основном направлен на женщин, мужчины не ощущают его влияния, не осознают серьезность его доминирования. Для подтверждения данного и рассмотрения других стереотипов обратимся к результатам исследования населения Иркутской области (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие респонденты знают стереотипы о женщинах» в зависимости от их пола

№ п/п	Какие респонденты знают стереотипы о мужчинах	Пол респондентов					
		Мужской		Женский		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в%	Кол-во чел.	Доля, в%	Кол-во чел.	Доля, в%
1.	Все вышеперечисленное	69	19,7%	47	9,6%	116	13,8%
2.	Женщина – слабый пол, она должна быть «за» мужчиной	43	12,3%	70	14,2%	113	13,4%
3.	Женское предназначение – семья и дети	28	8,0%	74	15,0%	102	12,1%
4.	Женщина – источник вдохновения для мужчины, она должна всегда быть красивой и привлекательной для него	44	12,6%	51	10,4%	95	11,3%
5.	Женщина должна следить за своей фигурой, сидеть на диетах, тренироваться в зале	38	10,9%	45	9,1%	83	9,9%
6.	Существуют «мужские» профессии, не подходящие женщинам	23	6,6%	52	10,6%	75	8,9%
7.	Женщина должна совмещать карьеру и работу по дому, уход за семьей	17	4,9%	52	10,6%	69	8,2%
8.	Ввиду высокой эмоциональности женщина не может иметь руководящую должность	31	8,9%	37	7,5%	68	8,1%
9.	Салоны красоты и бьюти-процедуры созданы только для женщин	30	8,6%	38	7,7%	68	8,1%
10.	Чтобы доказать свой профессионализм, женщина должна больше работать	20	5,7%	24	4,9%	44	5,2%
11.	Затрудняюсь ответить	7	2,0%	2	0,4%	9	1,1%
12.	Другое	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%
	Всего	350	100,0%	492	100,0%	842	100,0%

По данным таблицы 3 видно, что, самым распространенным стереотипом о женщинах является то, что женщина –

слабый пол, она должна быть «за» мужчиной» (13,4% ответов опрошенных), женское предназначение – семья и дети

(12,1%), и что женщина – источник вдохновения для мужчины, она должна всегда быть красивой и привлекательной для него (11,2% ответов). При этом дифференцированный анализ подтвердил, что некоторые феминные патриархальные стереотипы не знакомы мужчинам, и более устойчивы и «популярны» среди самих же женщин, например, о существовании «мужских» профессий, не подходящих женщинам, знают 6,6% мужчин против 10,6% противоположного пола. Кроме того, стереотип о том, что «женщина должна совмещать карьеру и работу по дому, уход за семьей» опять же больше распространен среди женщин (10,6% против 4,9% у мужчин). Причинами ощущения женщинами на себе двойных стандартов видится в их затаянной исключенности из жизни социума, наличия в последнем обособленного мужского культурного пространства (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие респонденты знают стереотипы о мужчинах», %

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
1.	Мужчина – добытчик, он должен материально обеспечивать семью	138	15,0%
2.	Мужчина думает головой, а не чувствами, следовательно, он лучше ведет бизнес, больше подходит на руководящую должность	110	11,9%
3.	Мужчина должен зарабатывать больше женщины	103	11,2%
4.	Мужчина – глава семьи, все должны подчиняться ему	95	10,3%
5.	Все вышеперечисленное	90	9,8%
6.	Мужчина должен делать все самостоятельно, без чьей-либо помощи	80	8,7%
7.	Мужчина дорожит свободой	75	8,1%
8.	Политика – исключительно мужское дело	72	7,8%
9.	Вся физическая работа по дому лежит на мужчине	66	7,2%

Окончание

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
10.	Весь уход за собой у мужчины сводится к чистой одежде и телу	52	5,6%
11.	Мужчина выбирает независимость и предпочитает одиночество	34	3,7%
12.	Затрудняюсь ответить	7	0,8%
	Всего	922	100,0%

Согласно данным в представленной таблице 4, самым распространенными стереотипами о мужчинах выступают: мужчина – добытчик, он должен материально обеспечивать семью (15,0% ответов), мужчина думает головой, поэтому лучше ведет бизнес и больше подходит на руководящие должности (11,9%), мужчина должен зарабатывать больше женщины (11,2%). Получается, что все стереотипы о мужчинах связаны с их традиционной ролью добытчика и главы семьи. Здесь необходимо отметить, что главенство мужчины в семье выбрали 12,0% и 7,7% женщин и мужчин соответственно, такая же полоролевая дифференциация наблюдается в материальной сфере, что еще раз подтверждает большее влияние стереотипов на женский пол.

В изучаемой проблеме важную роль играет культура взаимопереходов, существующая в обществе на данный момент. Ю.М. Лотман в книге «Культура и взрыв» анализирует взаимопересечение культурных пространств и отмечает, что «культура как сложное целое составляется из пластов разной скорости развития, так что любой ее синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадии. В аспекте рассматриваемой проблемы видится важным изучение данного феномена, поскольку в современную эпоху мы наблюдаем картину, когда «старые» стереотипы пересекаются и переходят в «новые», следствием чего являются социальные и культурные взрывы или даже аномическое состояние общества. По результатам экспертного

интервьюирования, на вопрос о том, в чем проявляется воздействие культуры на изменение «старых» и формирование «новых» стереотипов, эксперты дали следующие ответы: культура делает возможным сосуществование «старых» и «новых» традиций и стереотипов; культура несет воспитательную функцию в мирном сосуществовании «старых» и «новых» традиций и стереотипов; динамика взаимопересечений культурных пространств определяет сосуществование «старых» и «новых» стереотипов; аккумулирование накопленного опыта и традиций.

После рассмотрения наличествующих сегодня патриархальных стереотипов в социуме, целесообразно выявить, какие «старые» традиции и ценности представляется важным возродить, а также какие «новые» стереотипы могут получить развитие в эпоху цифровизации (табл. 5).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какие «старые» традиции, ценности и стереотипы советского и постсоветского времени представляется важным возродить в российском цифровом обществе», в%

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в%
1.	Забота о ценности семьи, семейных отношений	115	18,9%
2.	Важность поддержания безопасности во всех сферах общества	107	17,5%
3.	Сохранение межпоколенных и внутрипоколенных связей	90	14,8%
4.	Сохранение ценности традиционной семьи	86	14,1%
5.	Поддержание стабильности установленных порядков	76	12,5%
6.	Все вышеперечисленное	61	10,0%
7.	Приверженность общественным идеалам	49	8,0%

Окончание

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в%
8.	Затрудняюсь ответить	26	4,3%
	Всего	610	100,0%

Респонденты считают необходимым возродить такие стереотипы советского и постсоветского времени, как «забота о ценности семьи, семейных отношений» (18,9% ответов опрошенных), «важность поддержания безопасности во всех сферах общества» (17,5%), а также «сохранение межпоколенных и внутриспоколенных связей» (14,8%). Это говорит об упадке общепризнанных ценностей в семье, семейных отношениях, в межпоколенческих связях (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Какие «новые» традиции, ценности и стереотипы, по мнению респондентов, могут получить поступательное и/или быстрое развитие в современную эпоху», в%

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в%
1.	Внедрение новых технологий в быту («умный дом», «умная техника», «умный город»)	106	12,3%
2.	Возможности сочетания труда и отдыха	88	10,2%
3.	Равные возможности мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности	85	9,8%
4.	Равный доступ к власти и реализации властных полномочий	83	9,6%
5.	Развитие мобильности и креативности среди мужчин и женщин	76	8,8%
6.	Ценность женского технологического труда в новых цифровых условиях	73	8,4%
7.	Все вышеперечисленное	73	8,4%
8.	Инвестиции в образование и здоровье детей и родителей	62	7,2%

Окончание

№, п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в%
9.	Стирание гендерных различий в одежде	57	6,6%
10.	Формирование престижности путешествий как вида отдыха	56	6,5%
11.	Культура выбора в цифровой среде	47	5,4%
12.	Формирование внешнего образа как признака высокого социального статуса, престижности	34	3,9%
13.	Затрудняюсь ответить	24	2,8%
	Всего	864	100,0%

Таким образом, существенный вклад в развитие «новых» ценностей и стереотипов может внести: «внедрение новых технологий в быту» (12,3% ответов опрошенных), «возможности сочетания труда и отдыха» (10,2%), «равные возможности мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности» (9,8%) и «равный доступ к власти и реализации властных полномочий» (9,6%). Все это будет способствовать установлению равных отношений между мужчиной и женщиной во всех сферах жизни общества.

Таким образом, в современном мире достаточно много стереотипов патриархального общества регулируют жизнь обывателей. Особенно остро они проявляются через стереотипы в отношении роли и места женщины. Сегодня говоря о равноправии, мы понимаем всю неоднозначность социального развития и роли в этих процессах социально приемлемых или не приемлемых норм и догм поведения, мышления, развития.

Литература

1. Folbr N. Alternatives to Economic Orthodoxy I ed. by R. Albeda, C. Gunn & W. Waller li L. M.E. Sharpe, Inc., L. 1996.6. Бовуар де С. Второй пол. В двух томах. М.: Прогресс; СПб.: Алетей, 1997. 832 с.

2. Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. London: Koutledge & Kegan Paul, 2005.
3. Simmel G. Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem // Philosophische Kultur. Leipzig, 1919.
4. Tajfel H. Social Stereotypes and Social groups – In: Turner J.C., Giles H. (eds.) // Intergroup behaviour. – Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 144–167.
5. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
6. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
7. Бутовская М.Л. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино: Век 2, 2004. 348 с.
8. Вульф Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин / Наоми Вульф; Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 445 с.
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 575 с.
10. Кон И.С. Ребенок и общество. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2003. 336 с.
11. Полюшкевич О.А. Гендерные различия в восприятии социальных трансформаций современной России // Актуальные проблемы современной гендерологии. Материалы секции с международным участием «Актуальные проблемы современной гендерологии» в рамках 55 ежегодной научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». 2010. С. 51–55.
12. Полюшкевич О.А. Место гендерных исследований в формировании нового мировоззрения // STUDIUM V. Материалы ежегодной научно-практической конференции студен-

- тов, аспирантов и соискателей. Иркутск, ИГУ, 2004. С. 125–126.
13. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
 14. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 496 с.

STEREOTYPES OF A PATRIARCHAL SOCIETY IN THE MODERN WORLD

Shchepina E.D., Gritskikh N.V., Kiselev Yu.A.
Irkutsk State University

The article presents a theoretical analysis of approaches that study gender stereotypes in modern society. A comparative analysis of patriarchal stereotypes regarding the image of a woman in modern society has been carried out. On the basis of an online survey, conclusions are drawn about the prevalence of patriarchal stereotypes, the conditions and forms of their strengthening and transformation.

Keywords: gender, stereotypes, patriarchal society, modern society, social representations.

References

1. Folbr N. Alternatives to Economic Orthodoxy, I ed. by R. Albeda, C. Gunn & W. Waller or L. M.E. Sharpe, Inc., L. 1996.6. Beauvoir de S. Second half. In two volumes. Moscow: Progress; St. Petersburg: Aletyya, 1997. 832 p.
2. Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. London: Koutledge & Kegan Paul, 2005.
3. Simmel G. Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem // Philosophische Kultur. Leipzig, 1919.
4. Tajfel H. Social Stereotypes and Social groups – In: Turner J.C., Giles H. (eds.) // Intergroup behavior. – Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 144–167.
5. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // Sociology. 2021. No. 3. S. 53–61.
6. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.
7. Butovskaya M.L. Sex secrets. Man and woman in the mirror of evolution. Fryazino: Century 2, 2004. 348 p.
8. Wolf N. The myth of beauty: Stereotypes against women / Naomi Wolf; Per. from English. M.: Alpina non-fiction, 2013. 445 p.
9. Durkheim E. On the division of social labor. Method of sociology / Per. from fr. and afterword by L.B. Hoffmann. M.: Nauka, 1990. 575 p.
10. Kon I.S. The child and society. Textbook for students of higher educational institutions. M.: Academy, 2003. 336 p.
11. Polyushkevich O.A. Gender differences in the perception of social transformations in modern Russia // Actual problems of modern genderology. Materials of the section with international participation “Actual problems of modern gender studies” within the framework of the 55th annual scientific and methodological conference of teachers and students “University science for the region”. 2010. S. 51–55.
12. Polyushkevich O.A. The place of gender studies in the formation of a new worldview // STUDIUM V. Proceedings of the annual scientific-practical conference of students, graduate students and applicants. Irkutsk, IGU, 2004, pp. 125–126.
13. Sorokin P.A. Human. Civilization. Society / General ed., comp. and foreword. A. Yu. Sogomonov. M.: Politizdat, 1992. 543 p.
14. Chodorow N. Reproduction of motherhood: Psychoanalysis and sociology of gender. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2006. 496 p.

Современный патриотизм и особенности формирования патриотических ориентиров российской молодёжи. Результаты экспертного интервью

Калинич Владислав Сергеевич,

ассистент кафедры современной социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: vladislav6988@mail.ru

Данная статья посвящена рассмотрению результатов социологического исследования на тему осмысления современного значения термина «патриотизм», актуальному состоянию патриотического воспитания в России и особенностям формирования ценностных ориентаций современной молодёжи. Анализ экспертного мнения по данным чрезвычайно актуальным вопросам позволит искать эффективные пути решения ряда важных проблем современного российского общества. Экспертное интервью проведено в июле-августе 2022 года.

Ключевые слова: экспертное интервью, социологическое исследование, социальные институты, патриот, патриотизм, патриотическое воспитание, патриотические ориентиры, молодёжь, молодёжная политика, ценности, ценностные ориентации, современное общество.

Актуальность изучения проблемы современного осмысления патриотизма и анализ проблем формирования патриотических ориентиров в современном российском обществе очевидна по ряду причин.

Во-первых, резкое нарастание геополитического противостояния между Россией и странами так называемой «Западной цивилизации» делает очевидной необходимость снижать влияние агрессивной западной культуры и западного образа жизни на русский мир (территорию и население исторической России) и иметь самодостаточную стратегию воспитания граждан в соответствии с традиционными ценностями нашего народа.

Во-вторых, наличие угрозы, связанной с деструктивным влиянием на современную молодёжь извне, вызывает необходимость повышения эффективности и охвата работы современных отечественных институтов воспитания молодёжи.

В-третьих, патриотизм как ценностный ориентир всегда занимал особое место в системе ценностей русского человека. Любовь к Родине – та ценность, которая позволяет нашему обществу преодолевать многие трудности и противостоять любым вызовам и угрозам.

Профессор Т.Н. Самсонова отмечает, что «патриотизм – это «высокий» уровень идентификации личности; он «поднимает» каждого отдельного человека над его этническими корнями, выдвигая на первый план принадлежность к своей стране. Объединительные и интеграционные идеи патриотизма в том, что он «представляет» государство (Родину) как ценность, которая постоянно нуждается в совместных усилиях граждан»¹.

¹ Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в совре-

Среди ключевых субъектов формирования патриотических ориентиров следует выделить следующие:

- семья;
- образовательные организации;
- общественные организации и объединения (федерального, регионального и местного уровней);
- органы государственной власти федерального, регионального уровней и органы местного самоуправления.

Руководители и специалисты сферы молодёжной политики и патриотического воспитания, работающие в указанных субъектах, обладают уникальными знаниями о проблемах формирования патриотических ориентиров молодёжи, о реализации молодёжной политики в целом и патриотическом воспитании в частности. Данные эксперты способны оценить актуальное состояние системы патриотического воспитания, а также выделить особенности взаимодействия субъектов этой сферы между собой.

Социологическое исследование, посвященное проблеме формирования ценностных ориентиров современной молодёжи, патриотизму и патриотическому воспитанию в России проведено в июле-августе 2022 года.

Целью исследования является выявление экспертной оценки актуального состояния патриотического воспитания и особенностей процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодёжи.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих исследовательских задач:

1. Выявить мнение экспертов по поводу основных ценностных ориентиров, которые формируются у современной молодёжи.

2. Уточнить экспертное мнение по поводу образа современного патриота, его личностных качеств.

3. Выяснить мнение экспертов о степени патриотичности современной молодёжи, причинных проблем с формированием патриотических ориентиров.

4. Вывести экспертную оценку об актуальном состоянии современной системы патриотического воспитания, его проблемах и путях решения этих проблем.

Метод сбора данных: экспертное интервью.

В исследовании приняли участие 10 экспертов сферы патриотического воспитания и молодёжной политики:

1. Эксперт 1 – заместитель исполнительного директора Всероссийского общественного движения сферы патриотического воспитания по проектной работе. Опыт работы в сфере патриотического воспитания молодёжи – 7 лет.

2. Эксперт 2 – проректор по воспитательной и социальной работе крупного регионального государственного университета в центральном федеральном округе. Кандидат физико-математических наук. Опыт работы в сфере молодёжной политики – 20 лет.

3. Эксперт 3 – руководитель дирекции коммуникаций и связей с общественностью Всероссийского общественного движения сферы патриотического воспитания. Опыт работы в сфере патриотического воспитания молодёжи – 7 лет.

4. Эксперт 4 – координатор Всероссийской акции «Бессмертный полк» в регионе центрального федерального округа. Опыт работы в сфере патриотического воспитания молодёжи и молодёжной политике – 10 лет.

5. Эксперт 5 – Министр молодёжной политики региона центрального федерального округа. Кандидат психологических наук. Опыт работы в сфере молодёжной политики – 15 лет.

6. Эксперт 6 – заместитель начальника управления по культуре, спорту и делам молодёжи органа местного самоуправления регионального центра центрального федерального округа. Опыт работы в сфере молодёжной политики – 20 лет.

7. Эксперт 7 – начальник управления внеучебной работы крупного регионального государственного университета в центральном федеральном округе. Опыт работы в сфере молодёжной политики – 20 лет.

менной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012, № 2. С. 47.

8. Эксперт 8 – исполнительный директор Всероссийского общественного движения сферы патриотического воспитания. Опыт работы в сфере молодёжной политики – 10 лет.

9. Эксперт 9 – депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Один из руководителей Комитета по молодёжной политике Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Опыт работы в сфере молодёжной политики – 15 лет.

10. Эксперт 10 – руководитель военно-патриотического объединения в региональном центре центрального федерального округа. Опыт работы в сфере патриотического воспитания молодёжи – 50 лет.

Возраст участников интервью – от 25 до 75 лет. 4 участника интервью являются экспертами федерального уровня в сфере патриотического воспитания и молодёжной политики России, 6 участников интервью являются экспертами в сфере патриотического воспитания и молодёжной политики на региональном и городском уровне.

Экспертам были заданы 14 вопросов о формировании ценностных ориентаций современной молодёжи, портрете современного российского патриота, отношении молодёжи к патриотизму, о патриотах России в её истории и современности, об актуальном состоянии патриотического воспитания, его проблемах, недостатках и мерах, которые необходимо принять для усовершенствования современной системы патриотического воспитания в России:

1. Как Вы считаете, какие ценностные ориентиры формирует у молодёжи современное общество и существуют ли какие-то проблемы с формированием этих ценностных ориентаций?

2. Каковы, на Ваш взгляд, критерии поведения, которое можно определить как патриотичное?

3. Какие качества, на Ваш взгляд, присущи людям, являющимися патриотами?

4. Кого, на Ваш взгляд, нельзя считать патриотами?

5. Кого из известных исторических деятелей нашей страны Вы бы могли назвать настоящими патриотами? Кого Вы бы могли назвать истинными патриотами России в настоящее время? С чем связан Ваш выбор?

6. Как Вы считаете, можно ли на данный момент назвать большинство представителей современной молодёжи – патриотами России или нельзя? Почему?

7. Как Вы считаете, оказывается ли на российскую молодёжь внешнее деструктивное влияние, в том числе и с целью подорвать её патриотические настроения? Если оказывается, то кем? Если нет, то почему, на Ваш взгляд, в общественном мнении фигурирует такая идея?

8. На Ваш взгляд, следует ли прививать молодёжи ценности патриотизма? Почему?

9. На Ваш взгляд, необходимо ли систематическое патриотическое воспитание в нашей стране? Почему?

10. Кто, на Ваш взгляд, должен вносить больший вклад в патриотическое воспитание молодёжи?

11. Сейчас часто можно увидеть упоминание слова «патриотизм» в негативном ключе. С чем, на Ваш взгляд, это может быть связано и можно ли как-то исправить данную тенденцию?

12. На Ваш взгляд, необходимо ли повысить уровень патриотического воспитания современной молодёжи? Почему?

13. В чем Вы видите проблемы современного патриотического воспитания в России?

14. Как, на Ваш взгляд, можно усовершенствовать патриотическое воспитание в современных российских реалиях?

На вопрос о формировании ценностных ориентирах молодёжи и проблемах с формированием этих ценностных ориентаций более половины экспертов отмечает ориентацию с одной стороны – на материальное благополучие, с другой стороны – ценность личной свободы. Среди важных ценностных ориентаций отмечают здоровый образ жизни, семью, патриотизм, уважение к старшим, а также получение образования и получение

практических навыков и повышение профессионализма. Указанные ценностные ориентиры отмечены как ключевые в системе ценностных ориентаций современного молодого человека в России.

Среди проблем с формированием этих ценностных ориентаций подавляющее большинство экспертов отмечает отсутствие системы воспитания (в первую очередь – патриотического), слабое восприятие существующих методов и инструментов воспитательной работы, инфантильность, отсутствие личной инициативы (инертность), деструктивное влияние внешних субъектов, пропагандирующих западные «либеральные» ценности, а также утрату эффективных методов воспитания уважения молодых людей к труду и к его результатам.

На вопрос о критериях патриотичности поведения большинство экспертов среди компонентов поведения отмечают созидание или участие в созидательной деятельности, созидательная активность, знание и уважение к истории своей страны, своего родного края, равнодушие, ответственность за себя и других, бережное отношение к культуре и окружающей среде, любовь к Родине, самоотверженность и альтруизм. Эксперты особо отметили деятельный компонент как неотъемлемую часть патриотичного поведения. То есть истинный патриотизм проявляется в конкретных поступках и делах, а не только в вербальном выражении своего чувства и отношения.

Среди качеств, присущих патриотам, эксперты выделяют ответственность, целеустремленность, равнодушие, честность, порядочность, смелость, искренность, самоотверженность, альтруизм.

Характеризуя личностные особенности индивидов, которых нельзя считать патриотами, эксперты, в первую очередь, отмечают деструктивные, анти-системные проявления по отношению к ценностям окружающих. Многие эксперты выделяют деструктивную критику государства, граждан, традиционных ценностей, «критику ради критики», которая ничего не предлагает взамен. Важной чертой антагонистов патриоти-

ческих ценностей является нелюбовь, неуважение к своей Родине как большой, так и малой, к своим согражданам, к нашей общей истории. Эксперты также отмечают эгоизм, следование только личным интересам, меркантильность, лживость и пренебрежительное отношение к своей семье, готовность отказаться от своих корней.

Среди исторических персонажей – патриотов России (рис. 1), эксперты выделили правителей нашей страны, в первую очередь, – Петра I. Также прозвучали имена Екатерины II, Иосифа Сталина, Александра II, Ивана Грозного, Александра Невского. Истинными патриотами назвали известных полководцев, среди которых Александр Суворов, Георгий Жуков, Константин Рокоссовский, Фёдор Ушаков. Патриотами считают и известных ученых, государственных, общественных деятелей, деятелей культуры: Дмитрия Шостаковича, Юрия Гагарина, Петра Столыпина, Василия Ланового, Елизавету Глинку и всех тех, кто работал на благо, процветание и славу России.

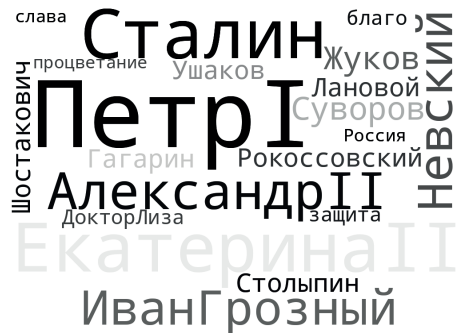

Рис. 1. Патриоты России – исторические личности

Из современников (рис. 2) подавляющее большинство экспертов главным патриотом назвало Президента России Владимира Путина. Среди современных патриотов также были названы следующие граждане:

- политики и государственные деятели – Сергей Кириенко (первый заместитель главы Администрации Президента России), Сергей Шойгу (министр обороны России), Сергей Лавров (министр иностранных дел

- России), Ольга Занко (депутат Государственной Думы ФС РФ);
- деятели культуры – Константин Хабенский (актёр, основатель благотворительного фонда), Владимир Машков (актёр), Григорий Лепс (певец);
- спортсмены – Сергей Карякин (шахматист), Иван Куляк (гимнаст), Илья Ковальчук (хоккеист), Никита Нагорный (гимнаст);
- учёные – Григорий Перельман (математик).

Машков Шойгу Лепс
 Ковальчук
 Путин Куляк
 Хабенский Занко
 Кириенко
 Карякин Лавров Перельман

Рис. 2. Патриоты России – современники

Из непубличных персон экспертами были выделены некоторые представители регионального бизнеса, занимающиеся развитием своего края.

На вопрос, можно ли считать большинство представителей современной молодёжи патриотами России, большая часть экспертов ответила утвердительно. При этом отмечается, что многие молодые люди могут не проявлять свою патриотическую позицию внешне, опасаясь критики со стороны деструктивно настроенных сверстников, или негативно воспринимая слово «патриотизм» как таковое. Эксперты разделяют мнение о значительной доле инертной молодёжи, не имеющей определённой позиции относительно патриотизма. Как правило, эта категория молодых людей не вовлечена в работу системы патриотического воспитания, поэтому патриотические ориентиры не сформированы или формируются стихийно, ситуативно. В целом, потенциал современной молодёжи весьма благоприятен для деятельности по формированию патриотизма, необхо-

димо усиливать работу в этом направлении.

На вопрос о том, оказывается ли на российскую молодёжь внешнее деструктивное влияние, в том числе и с целью подорвать её патриотические настроения, подавляющее большинство экспертов заявили, что такое влияние однозначно оказывается. Два эксперта высказали мнение, что целенаправленного воздействия на молодёжь не ведётся, но многие молодые люди попадают под негативное влияние иностранной общественно-информационной повестки и пропаганды западных ценностей, что негативно влияет на формирование их системы ценностей и критичность мышления.

Среди субъектов такого воздействия эксперты выделяют иностранные организации и государства, а конкретно – государства Западной Европы и Соединённые Штаты Америки. Воздействие идёт главным образом через приобретение молодых людей к их специфической культуре и ценностям, манипулирование фактами, вбросы фейковой информации, а также через пропаганду. Основной проблемой массовости воздействия на современную молодёжь обозначается недостаточная критичность мышления и восприятия информации в силу отсутствия жизненного опыта. Главным каналом воздействия названа сеть Интернет. Основная цель – подрыв безопасности, ослабление России.

На вопрос о необходимости прививать ценности патриотизма эксперты единогласно высказались положительно. По их мнению, патриотически настроенное общество – это залог сохранения России как государства и социума, русского языка – как национального языка России и стран постсоветского пространства, языка международного общения, залог сохранения и развития русской культуры и культуры народов России, экономического и социального благополучия населения России. Патриотизм как созидательное чувство позволяет настроить такую жизненную позицию и двигаться по такой траектории, которая позволит молодым людям доби-

ваться успеха в жизни. Только патриоты смогут построить по-настоящему процветающее общество.

В то же время все опрошенные эксперты обращают внимание на формы и методы привития указанных ценностей. Важно учитывать личные интересы молодых людей и выбирать формы работы, которые будут отвечать их запросам и потребностям, не подходить формально и равнодушно, навязчиво и административно, это может вызвать реакцию отторжения со стороны молодёжи.

Вопрос о необходимости систематического патриотического воспитания также не вызвал разницы мнений у экспертов. Систематичность необходима, необходим охват индивидов непосредственной патриотической работой, в первую очередь, в образовательных организациях, начиная с детского сада, с продолжением в школе, организациях среднего профессионального и высшего образования. Один из экспертов отметил, что есть особая проблема при переходе от учебно-воспитательной работы к внеучебной, проблема бессистемности мероприятий и неувязок различных субъектов. На этом этапе образовательные организации выпадают из систематической воспитательной работы, и дальнейшие задачи патриотического воспитания молодёжи сводятся к мероприятиям институтов молодёжной политики. К числу ранее существовавших проблем относят непоследовательность работы с молодёжью, проектный и ситуативный подход (речь идёт о периоде до 2014 года), последствия которого ощущаются сейчас. Следует отметить, что система должна быть понятной и непротиворечивой, что возможно при консолидации, согласованности и взаимодополняемости работы субъектов формирования патриотических ориентиров.

В вопросе определения тех субъектов, кто должен вносить решающий вклад в патриотическое воспитание молодёжи, мнения экспертов разделились. В пользу семьи высказалась половина участников интервью. Семья оказывает определяющее влияние на формирование системы ценностных ориентаций

молодого человека. Вторая половина экспертов высказалась, что решающий вклад в патриотическое воспитание молодёжи должно оказывать государство в лице государственных институтов молодёжной политики. Контекст мнений был следующим: воспитание патриотов – это приоритетный интерес государства, залог национальной безопасности и конструктивного развития. Все эксперты, высказавшиеся за решающую роль государства в формировании патриотических ориентиров, отметили важность консолидации работы институтов образования, молодёжной политики и гражданского общества. Следует отметить, что то же самое высказали и эксперты, которые говорили об определяющей роли семьи. Таким образом, несмотря на разное мнение о субъектах, вносящих решающий вклад в патриотическое воспитание молодёжи, эксперты оказались единогласны в критической важности консолидации институтов формирования патриотических ориентиров и систематичности работы с населением – начиная с семьи к учреждениям образования, молодёжной политики и далее в течение всей жизни индивида.

Среди причин фигурирования слова «патриотизм» в негативном ключе эксперты выделяют главным образом непоследовательное навязывание и употребление этого слова в разных, не всегда уместных контекстах. Дискредитация слова «патриотизм» происходит из-за чрезмерного его употребления в общественном поле, попыток прикрытия непопулярных или безграмотных управленческих решений соображениями «патриотизма» руководителями разных уровней, что вызывает логичную негативную реакцию у населения, которая проецируется на патриотизм и всё, что с ним связано. Агрессивная пропаганда, резонансные высказывания радикально настроенных индивидов и журналистов, связанные с неуместным употреблением терминов «патриот» и «патриотизм», также образуют негативные ассоциации.

Другой стороной культивирования неприязни к патриотизму и патриотам является целенаправленная работа «пя-

той колонны» – сил, враждебно настроенных к традиционным ценностям нашего общества, традиционной русской культуре и культуре народов России, пропагандирующих ценности и массовую культуру так называемой «Западной цивилизации» – США и части стран Западной, Центральной и Восточной Европы, Австралии и Японии. Силы, которые враждебно настроены к России, её гражданам, их ценностям, культуре и идентичности, можно назвать антипатриотичными.

Молодёжь патриотизм может воспринимать негативно из-за устаревших методов патриотического воспитания, формалистского, административного подхода к этой работе педагогов, специалистов и руководителей, ответственных за формирование патриотических ориентиров у молодёжи. Негативно термин «патриотизм» воспринимается отдельными лицами в связи с тем, что на бытовательском уровне он ассоциируется с военным патриотизмом и милитаризмом. То есть патриотизм связывается с военной сферой, службой в вооружённых силах, военными конфликтами и Великой Отечественной войной как главным историческим и идеологическим сюжетом. Такое искажение явилось следствием послевоенного периода истории нашей страны и особенностей функционирования советской системы патриотического воспитания. Период «Холодной войны» с риском перехода в «горячую» стадию между СССР и США сделал жизненной необходимостью идеологическую и начальную военную подготовку граждан Советского Союза. Развязывание новой глобальной, мировой войны казалось реальным сценарием развития конфликта двух геополитических систем. Другой причиной является обилие трагических тотальных войн на территории нашей страны, прошедших в XX веке (первая мировая война, иностранная интервенция, гражданская война, Великая Отечественная война), через которые прошло практически всё население России, а впоследствии и Советского Союза. Миллионы ветеранов вернулись в мирную жизнь после демо-

билизации из армии. В образовательных организациях, а также кружках, патриотических объединениях воспитательную функцию осуществляли отставные военные, что логично привело к перекосу всей работы по формированию патриотических ориентиров в военное направление.

Необходимость повышения уровня патриотического воспитания современной молодёжи не вызвала расхождения мнений среди опрошенных, это необходимо делать. В то же время ряд экспертов высказался о необходимости некоторого видоизменения патриотического воспитания (речь о методах, которые рассматривались выше) и повышении согласованности среди субъектов этой деятельности. Координация работы всех публичных институтов позволит наладить работу и в сфере патриотического воспитания. Внедрение повседневного использования символов патриотизма (в этом качестве можно использовать государственные флаг, герб, гимн) позволит повышать уровень патриотизма, но на минимальном уровне. Активность через созидание и деятельность в сочетании с другими озвученными ранее мерами даст комплексный положительный воспитательный эффект. Без этих мер сложно повысить уровень патриотизма, а без его повышения – невозможно воспитать патриотов России.

Среди актуальных проблем современного патриотического воспитания эксперты выделили:

- отсутствие системности, системного подхода к данному вопросу;
- директивный и декларативный характер работы органов государственной власти вместо построения системы и единого воспитательного пространства;
- децентрализованность, рабочая оторванность регионов и муниципалитетов от федеральных органов, занимающихся патриотическим воспитанием.

Слабая согласованность действий субъектов формирования патриотического воспитания, их нерегулярное взаимодействие и автономность в разра-

ботке методов, принятии тактических решений сводит всю комплексную работу к фрагментарным, проектным мерам.

В связи с этим вся деятельность несёт мероприятиивный и ситуативный характер. В образовательные программы встроено недостаточно воспитательно-го компонента, в связи с этим образовательные организации не могут взять на себя всю нагрузку по патриотическому воспитанию. Субъекты отрасли молодёжной политики не имеют достаточных ресурсов для массового охвата молодёжи и значительного вовлечения их в патриотическое воспитание.

Одной из насущных проблем эксперты назвали устаревшие методы работы, недоступность того языка и формата, в котором происходит взаимодействие с молодыми людьми. Возможной причиной этого является отсутствие удобных, доступных и качественных методических материалов и большой дефицит подготовленных и квалифицированных кадров, специалистов по патриотическому воспитанию и работе с молодёжью. Как и проблема давления западных «либеральных» ценностей на население нашей страны, постоянная пропаганда этих ценностей по различным каналам и недостаточное противодействие с нашей стороны.

Возможной концептуальной проблемой патриотического воспитания является чрезмерная ориентация в прошлое, в историю страны в ущерб настоящему, сегодняшним дням, современным достижениям России. Недостаток информации о современных героях, которые каждый день трудятся во благо страны, об их патриотизме и их примере для остальных, в первую очередь – для молодёжи.

Среди первоочередных мер по усовершенствованию патриотического воспитания в современных реалиях экспертами были названы:

- разработка актуальных эффективных методов взаимодействия с аудиторией с использованием современных инструментов и технологий;
- устранение административности, формализма, равнодушия специалистов-субъектов патриотиче-

ского воспитания, «патриотов должны воспитывать патриоты». Патриотизм необходимо прививать на понятном для молодёжи языке, эту работу необходимо организовать всеобъемлюще. Современное объяснение патриотизма должно быть актуально и отвечать современным вызовам, способно противостоять тезисам оппонентов нашей страны.

Необходимо создание централизованного профильного института, занимающегося патриотическим воспитанием, координирующего остальные субъекты из смежных отраслей, осуществляющего переподготовку и повышение квалификации специалистов по патриотическому воспитанию. Также необходима разработка единого государственного стандарта, программы патриотического воспитания, систематизация имеющихся практик, диверсификация направлений патриотической работы с молодёжью (с учетом особенностей сфер, в которые будут погружены молодые люди).

Среди других мер эксперты обозначили выделение достаточного финансирования мероприятий по патриотическому воспитанию, выделение отдельных ставок для приглашения профильных специалистов, которые будут погружены в эту работу, чтобы избежать финансирования этой деятельности по остаточному принципу. Возможно привлечение бизнес-структур для финансовой, организационной и информационной поддержки всей сферы.

Резюме итогов исследования: среди ключевых ценностных ориентиров, которые формирует у молодёжи современное общество, можно выделить ориентацию на материальное благополучие и личную свободу. Система ценностей создается во многом ситуативно, и связано это с отсутствием эффективного порядка формирования ценностей и слабым восприятием существующих методов и инструментов работы с молодёжью.

Современный патриот активно участвует в созидательной деятельности, знает, уважает и бережёт историю и культуру своей страны. Обладает та-

кими качествами как альтуризм, самоотверженность, ответственность, целеустремленность, равнодушие и многими другими.

В то же время, патриотами нельзя считать индивидов, деструктивно критикующих ценности окружающих, своё государство, не любящих Родину, меркантильных, эгоистичных, пренебрежительно относящихся к собственной семье. То есть людей, разрушительно настроенных к собственной социальной среде.

Главными патриотами в истории России названы правители страны, укреплявшие её могущество и величие, и выдающиеся полководцы, давшие славу русской армии и русскому оружию. Главным патриотом современности является нынешний Президент России Владимир Путин.

Большая часть современной молодёжи является патриотами, но внешне не проявляет свою позицию, опасаясь критики и агрессии антипатриотов. Значительное количество молодых людей не имеют определённой позиции относительно патриотизма.

На современную молодёжь оказывает внешнее деструктивное влияние иностранными организациями и государствами Западной Европы и США. Данное воздействие осуществляется преимущественно посредством сети интернет через приобщение к западной культуре и ценностям, манипулирование фактами и вбросы фейковой информации с целью подрыва безопасности и ослабления России.

Привитие патриотизма российской молодёжи – залог сохранения и успешного развития нашей страны и нашего общества. Поэтому особо важно выбирать такие методы и формы работы с молодёжью, которые будут отвечать их потребностям и запросам. Необходимо систематичность и значительный, массовый охват молодёжной аудитории. Решающий вклад в формирование патриотических ориентиров должны вносить семья и государственные институты. Консолидация всех институтов формирования патриотических ориентиров критически важна для достижения значимых результатов в этой деятельности.

Негативный окрас слово «патриотизм» приобретает вследствие неуместного употребления и целенаправленной дискредитации деструктивными силами, враждебно настроенными к традиционным ценностям нашего народа. Отрицательное восприятие молодёжью происходит из-за недостатков существующей системы патриотического воспитания. Уровень патриотического воспитания следует повышать, более того необходима актуализация методов патриотического воспитания и усиление созидательной активности. Вкупе эти меры дадут комплексный положительный эффект.

Отсутствие систематичности, директивный и декларативный подход некоторых субъектов, децентрализованность, слабое взаимодействие, как следствие – несогласованность действий субъектов разных уровней, фрагментарность работы, недостаточная обеспеченность материальными ресурсами, нехватка квалифицированных кадров и специалистов на местах – основные проблемы современной системы патриотического воспитания.

Решать упомянутые проблемы можно и нужно комплексно: усовершенствованием методов и технологий взаимодействия с аудиторией, использованием для этого современных инструментов, устранением формализма, повышением мотивации специалистов, непосредственно работающих с молодёжью, разработкой единого государственного стандарта и систематизацией имеющихся успешных практик патриотического воспитания, а также диверсификацией направлений патриотической работы с молодёжью.

Необходимо и системное взаимодействие субъектов воспитания современной молодёжи всех уровней, без их эффективного взаимодействия невозможно достижение значимых результатов. Как справедливо отмечает доктор социологических наук С. О. Елишев, для эффективного функционирования институтов воспитания современной молодёжи необходима координация и взаимодействие субъектов этого процес-

са, создание единого воспитательно-педагогического пространства².

Литература

1. Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 317.
2. Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012, № 2. С. 47.

PATRIOTISM AND THE PECULIARITIES OF THE FORMATION OF PATRIOTIC GUIDELINES OF MODERN RUSSIAN YOUTH. RESULTS OF THE EXPERT INTERVIEW

Kalinich V.S.

Lomonosov Moscow State University

This article is devoted to the consideration of the results of a sociological research on the topic of

understanding the modern meaning of the term «patriotism», the actual condition of patriotic education in Russia and the peculiarities of the formation of value orientations of modern youth. The analysis of expert opinion on these extremely topical issues will allow us to look for effective ways to solve a number of important problems of modern Russian society. The expert interview was conducted in July-August 2022.

Keywords: expert interview, sociological research, social institutions, patriot, patriotism, patriotic education, patriotic guidelines, youth, youth policy, values, value orientations, modern society.

References

1. Elishev S.O. Social manipulation of youth. M.: Canon + ROOI «Rehabilitation», 2019. p. 317.
2. Samsonova T.N. On civic education in the conditions of institutional changes in modern Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2012, No. 2. p. 47.

² См.: Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 317.

Последствия современных миграционных кризисов для социально-экономической ситуации

Ван Цзяньган,

кандидат исторических наук, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: w.j.gang2005@gmail.com

В связи с НТП, а также другими изменениями, произошедшими в обществе, миграция становится все более масштабным явлением. За счет того, что многие из миграционных потоков имеют стихийный характер, меры, принимаемые странами для урегулирования социально-экономической ситуации, не всегда можно назвать эффективными. Цель данной работы – проанализировать основные современные миграционные кризисы. С использованием общенаучных методов, а также системного подхода, в данной статье рассматриваются основные миграционные кризисы, с которыми столкнулось мировое сообщество за последние десятилетия. Проанализированы принятые меры миграционной политики, а также ее последствия как для стран-реципиентов, так и для стран-доноров. На основе проведенного анализа предложены выводы по наиболее релевантным способам борьбы с социально-экономическими, политическими и иными возникшими кризисами.

Ключевые слова: миграция, миграционный кризис, Европейский Союз, рабочая сила.

В последние десятилетия наиболее крупные экономики мира столкнулись с новым глобальным вызовом, последствия которого однозначно оценить сложно – миграционный кризис. Речь идет не только о вынужденной миграции, связанной с масштабным притоком беженцев в десятки стран, но и с добровольной трудовой миграцией, объемы которой продолжают расти. Вместе с тем, миграция, как естественный процесс, возникший вместе с появлением человечества, несет в себе не только негативные последствия, но и может быть полезна для ряда сфер принимающего общества. В данной статье рассматриваются основные миграционные кризисы и методы взаимодействия с ними.

Мексиканский кризис

Одной из самых острых миграционных проблем в современном мире является ситуация на границе США и Мексики. Население США стремительно увеличивается не только за счет рождаемости, но и благодаря процессу иммиграции. Мексиканцы являются самыми многочисленными среди иностранцев, проживающих в США, составляя, по состоянию на 2017 год, 25% от общего числа родившихся за пределами США [16].

Несмотря на протяженную и относительно защищенную 2000-мильную американско-мексиканскую границу, ежегодно в США прибывают сотни тысяч легальных мигрантов. Кроме того, значительную роль здесь играет нелегальный въезд в страну – еще одна характерная особенность американско-мексиканских отношений, т.к. именно по числу нелегальных переходов граница Мексики и США является признанным мировым «лидером». Контролировать перемещения нелегалов гораздо труднее, поэтому большинство оценок строится на приблизительных цифрах, которые варьируются от 0,5 до 1,5 млн человек [2]. Поток нелегальных мигрантов сопровождается

криминализацией: наркоторговлей; уголовными преступлениями; беспорядками и т.д. Все это негативно сказывается на отношениях между данными странами.

Проблема нелегальной миграции в США имеет достаточно глубокую историю. До 1980-х гг. в США не было необходимости вносить поправки, связанные с нелегальной миграцией, страна поощряла въезд в страну легальных мигрантов. Однако, позже, из-за роста проблем, связанных с нелегальной миграцией, в особенности из Мексики, стали проводиться реформы, направленные на усовершенствование миграционной политики. Так, в 1986 г. в США был принят «Закон о реформе и контроле над иммиграцией», который был призван ограничить поток нелегальной миграции в страну.

С течением времени в США появлялись все новые законы, направленные на ограничения нелегальной миграции, рассмотрим то, какие меры были приняты.

Во время президентства Барака Обамы решение миграционного кризиса на южной границе не являлось первоочередной задачей, так как присутствие США в Ираке и экономический кризис являлись наиболее острыми проблемами того периода [3]. Администрация Барака Обамы вела политику сотрудничества с Мексикой в экономических и миграционных вопросах. Так, совместными усилиями двух стран велась борьба с наркоторговлей: «В июне 2009 г. был подписан закон, увеличивший размер бюджетной поддержки предпринимаемых Мексикой контрнаркотических мер. А в 2011 г. Вашингтон дополнительно выделил 500 млн долл. в рамках финансирования вышеупомянутой «Инициативы Мерида». Ускорившийся обмен разведывательной информацией привел к аресту нескольких мексиканских наркобаронов» [3]. Несмотря на активное политическое, экономическое и социальное сотрудничество, Барак Обама принимал и жесткие меры по борьбе с нелегальной миграцией: за время его руководства из США были высланы

почти 3 млн нелегальных иммигрантов, большинство из которых были именно мексиканцы [3].

Дональд Трамп уделял гораздо большее внимание данной проблеме, указывал на неэффективность миграционного законодательства и принимал решительные меры по борьбе с нелегальной миграцией из Мексики. Трамп отождествлял потоки нелегальных мигрантов в страну с нарушением ее безопасности, поэтому одной из самых серьезных и радикальных мер является строительство стены на границе США и Мексики [13].

Согласно результатам анализа данных Государственного департамента Вашингтона, число людей, получающих визы для постоянного въезда в Соединенные Штаты, сократилось на 12 процентов за первые два года пребывания у власти президента Трампа [12].

Следующий президент, Джо Байден, отменил большинство мер, принятых Трампом в рамках ограничения иммиграции, в том числе, прекратил строительство стены между Мексикой и США. Такие меры привели к еще более ужесточившемуся кризису, который ознаменовался рядом катастроф: «В 2021 финансовом году пограничный патруль США произвел более 1,7 миллиона арестов мигрантов, незаконно пересекших американско-мексиканскую границу, что является самым высоким показателем за всю историю» [6].

Согласно данным за последние годы, с 2011–2020 гг., США приняли в общей сложности почти 10,3 миллиона иммигрантов, из которых почти 1,5 миллиона (14,3%) были из Мексики, что более чем в два раза больше, чем в любой другой стране. Таким образом, данный миграционный кризис остается одним из самых крупных в современной мировой истории.

Первостепенное место экономических причин миграции подтверждаются и анализом статистических данных о трудовой миграции из Мексики в США. Указывается на то, что мигранты не только меняют свой социальный статус, но и род деятельности: «В отношении конкретных профессиональ-

ных и отраслевых должностей на протяжении трудовой траектории (как последовательности трудовых отношений на протяжении всей жизни) могут быть обнаружены некоторые статистически значимые закономерности (не случайные, с вероятностью более 99%). Сдвиги в трудовых отношениях между Мексикой и США следуют определенным специфическим закономерностям. В случае поездки из Мексики в США занятие сельским хозяйством фиксировалось лишь в два раза реже, чем ожидалось (от 54 до 112). С другой стороны, последующее трудоустройство происходит значительно чаще, чем ожидалось, в секторе ручного труда или в сферах торговли, администрации и гостиниц-ресторанов, если предыдущее трудоустройство имело место в той же стране (Мексика или США) или в Мексике (то есть смена работы связана со страной переезд из Мексики в США)» [15]. Таким образом, мы видим, что миграция, которая связана с экономическими причинами, чаще способствует смене рода деятельности мигрантов.

Такой массовый наплыв мигрантов из Мексики в США не мог не отразиться на культуре. Помимо популярности мексиканской кухни в Америке, которая, согласно опросам, пользуется популярностью у большинства населения страны [8], происходит и популяризация языка. Так, испанский язык, который является официальным в Мексике, находится на втором месте по популярности в США после английского, на нем говорит 13,4% населения [9].

Таким образом, миграция из Мексики в США оказывает не только экономическое, но и политическое, социальное и культурное влияние на страну пребывания.

Европейский кризис, связанный с Ближним Востоком и Африкой

Гражданская война в Сирии, начавшаяся в 2011 г. и не прекращающаяся по сей день, привела к серьезным последствиям для Европы, которая ежегодно принимает огромное количество беженцев. Изначально беженцы направлялись на в Ев-

ропейские страны, а в Турцию и Иорданию, но со временем справиться с таким потоком страны не смогли. На сегодняшний день в Европу направляются потоки вынужденных мигрантов не только из Сирии, но и из Афганистана, Северной Африки, в частности из Ливии, где тоже продолжается гражданская война, и даже из стран, расположенных южнее Сахары.

В 2021 г. произошел миграционный взрыв:

- Евростат и ОЭСР говорили о 1,3 млн беженцев, из которых сирийцы составляли четверть всех приезжих, афганцы – почти 17%, иракцы – 12%.
- В 2016 г. Евростат дал следующую статистику беженцев в Европе – около 1,2 млн человек.

Таким образом, мы можем говорить о том, что данное явление имеет массовый характер.

Основными причинами, по которым вынужденные переселенцы направляются именно в Европу следующие: социальные выплаты, которые составляют различные суммы, в зависимости от страны. Например, в Германии, которая является лидером по приему беженцев, выплаты составляют 340 евро в месяц. Помимо денег, после оформления документов на политическое убежище, мигранты получают ряд возможностей: они могут легально работать на территории европейского государства; дети мигрантов могут бесплатно получать образование, ходить на языковые курсы и т.д.

Если правительство стран ЕС смотрит на принятие беженцев как на обязанность, которая была определена в Конвенции о статусе беженцев, принятой в ООН в 1951 году, то местное население стран реагирует неоднозначно.

Одной из основных причин недовольства граждан является угроза терроризма. Евростатом было зафиксировано, что с 2015 по 2020 г. в странах ЕС выходцы из Ближнего Востока и Северной Африки совершили 118 терактов, которые стали причиной гибели 382 человек. Как показывает опрос Pew Research Center, кризис беженцев и угроза терроризма очень тесно связаны друг с другом в сознании многих европейцев. В восьми

из 10 опрошенных европейских стран половина или более считают, что прибывающие беженцы повышают вероятность терроризма в их стране [14].

Помимо социально-экономических проблем, многие исследователи считают, что культурные противоречия между беженцами и коренным населением могут привести к серьезным последствиям. Одним из основных культурных отличий беженцев является религия. На восприятие европейцами беженцев частично влияет негативное отношение к мусульманам, уже живущим в Европе. В Венгрии, Италии, Польше и Греции более шести из десяти заявили, что у них неблагоприятное мнение о мусульманах в их стране – мнение, которое разделяет по крайней мере каждый четвертый в каждой опрошенной стране [14].

Кроме того, беженцы не спешат приобщаться к европейской культуре, что, вероятно, связано с мультикультурализмом, принятым в Европе. Исследователи выделяют 4 модели реакции принимающей стороны на мигрантов (полное исключение, дифференциальное исключение (сегрегация), ассимиляция и плюрализм) и 4 базовые модели адаптационной стратегии, используемые мигрантами (пассивная автаркия, агрессивная автаркия, ассимиляция, интеграция). В ЕС действует плюралистическая модель, которая позволяет иммигрантам образовывать общины по этническому принципу, говорить на родном языке, сохранять свою культуру [4].

Таким образом, можно говорить о том, что европейцам трудно принять массовую миграцию. Причиной этому во многом служит то, что вынужденные мигранты не стремятся пройти процесс адаптации, выучить язык, принять культурные особенности. Все это ведет к опасениям, общество не исключает вероятность и роста преступности в ЕС, и даже крупных межэтнических конфликтов.

Миграционный кризис, к которому Европа оказалась не готова, привел к расколу в обществе, в том числе среди политического руководства стран. Так, в Германии, по данным The Guardi-

an, более 10 тысяч человек, прибывших с 2015 года, за пять лет овладели языком настолько, чтобы поступить в учебные заведения. За тот же период более половины прибывших мигрантов устроились на работу и начали платить налоги. Успешная интеграция мигрантов, их положительное влияние на экономику страны, способствовала тому, что Ангела Меркель настаивала на продолжении приема беженцев. Однако, лидеры других стран, например, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан выступал против приема беженцев, указывая на то, что польза для экономики не может перечеркнуть ущерб, который наносят мигранты. Кроме того, одной из причинной выхода Великобритании из ЕС называют потоки мигрантов, которых в страну прибыло более 1 миллиона.

Таким образом, миграционный кризис привел к расколу в Европейском обществе, а также к социально-экономическим проблемам, которые до сих пор остаются нерешенными. Серьезные изменения произошли и в этническом составе, к примеру, в 2015-м на каждые 100 тысяч венгров приходилось 1170 мигрантов. Потоки беженцев в Европу на сегодня являются серьезной опасностью для ее целостности, в следствие чего необходимо принимать меры по усовершенствованию миграционной политики. Кроме того, данная ситуация стала показательной для многих стран.

Украинский миграционный кризис

Как уже было сказано выше, с 2015 года в ЕС не утихают разговоры о миграционном кризисе, который обусловлен притоком вынужденных мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Руководством многих стран ЕС были приняты меры по ужесточению миграционной политики, которые снизили нагрузку, однако, не искоренили проблему. В 2022 году, в связи с событиями на Украине, Европа вновь вынуждена принимать беженцев.

Согласно данным УВКБ ООН от 6 декабря 2022 года, в Европе зарегистрировано 7832 493 беженца. Среди стран ЕС больше всего беженцев приходится

на Польшу (более 1,5 млн чел. на 6 декабря 2022 года). При этом в Польше выплачивается самое низкое пособие среди европейских стран – около 15 евро на человека. Самое большое денежное пособие в Германии – 449 евро на человека. Еврокомиссия выделяет огромные средства на содержание беженцев. Так, только в мае было выделено 248 млн евро в качестве экстренной помощи пяти государствам ЕС, принимающим беженцев – Венгрии, Польше, Румынии, Словакии и Чехии.

Для того, чтобы регламентировать политику приема беженцев, Европейский парламент поднял вопрос о введении в действие Директивы о временной защите (2001 г.). Данный документ о «минимальных стандартах предоставления временной защиты в случае массового притока перемещённых лиц» была разработана в условиях массового приезда беженцев из бывшей Югославии в Германию в 1999 г. Принятие директивы было необходимо в сложившейся ситуации, так как в короткие сроки в страны ЕС пребывали массовые миграционные потоки, с которыми невозможно справиться в обычных условиях. Интересно, что до 2022 года ДВЗ ни разу не была введена в действие, кроме того, она распространяется на все страны ЕС, кроме Дании.

Юридическое значение временной защиты и статуса беженца различны. Если первую категорию украинец может получить сразу же при пересечении границы, что позволит ему направиться в любую страну ЕС, то оформление убежища – длительная процедура, которая может длиться несколько месяцев и больше. Во-многом, мера ДВЗ упрощает работу пограничной службы и частично разгружает страны, которые граничат с Украиной, позволяя использовать их только в качестве транзитной зоны.

Однозначно оценивать отношение европейцев к новому потоку беженцев пока что рано, однако уже сегодня можно говорить о некотором противоречии. В европейском обществе все чаще звучит мнение о том, что к украинским мигрантам отношение более толерантное,

нежели к беженцам из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Более лояльное отношение может объясняться более тесной культурной идентичностью, которая гораздо ближе между европейцами и украинцами, нежели между другими мигрантами в ЕС. Однако, Европа ожидает экономического спада, который может негативно отразиться не только на качестве жизни, но и на отношении к мигрантам. Уже сегодня в Польше были приняты меры, способствующие частичному снятию беженцев с иждивения: там сократили выплаты полякам за размещение украинцев, отменили бесплатный проезд, оставив гарантированную помощь только самым уязвленным категориям. Таким образом, страны ЕС пытаются обезопасить свою экономику. Возможно, сегодняшние вложения и будут со временем окупаться путем вложения вновь прибывших в экономическое, социальное и др. развитие страны, но точных прогнозов на данный счет пока что нет. Наиболее серьезная опасность, которая сегодня назревает в европейском обществе основана на неравных правах и слишком сильно дифференцированном отношении к мигрантам из различных стран, что может привести к социальным конфликтам, межэтническому напряжению. Наряду с данной проблемой все еще стоит вопрос о том, как долго ЕС сможет оказывать экономическую поддержку беженцам и к каким результатам для экономики это приведет.

Миграционные потоки в РФ из Центральной Азии

Миграция из стран Центральной Азии в РФ не связана с военными конфликтами, либо другими серьезными потрясениями. Главной причиной такой миграции является социально-экономическое положение стран выбытия. Именно поэтому, миграции из Центральной Азии в РФ является, в основном, трудовой. По данным МВД РФ, за период январь-октябрь 2022 года число фактов постановки на миграционный учет превысило показатель за аналогичный период предыдущего года примерно на 30%

и достигло 14,16 млн (за тот же период 2021 года – 10,61 млн).

Согласно данным Росстата за 2010–2018 гг., больше всего иммигрантов в РФ пребывает из Таджикистана, Казахстана, Узбекистана. Преобладают среди прибывших люди молодого и среднего возраста.

Согласно данным пограничной службы МВД России за 2021 год, суммарно из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана прибыло 4.580.399 человек, из них 2.255.052 человек указало работу в качестве основной причины. Такие данные также указывают на трудовой характер миграции в РФ из Центральной Азии.

Выгода такой масштабной трудовой миграции для стран Центральной Азии выражается в экономических результатах: согласно Всемирному банку, по итогам 2021 годы объёмы денежных переводов эквивалентны 35% ВВП Таджикистана, 13% ВВП Узбекистана и 33% ВВП Кыргызстана. Такие объёмы говорят о зависимости стран Центральной Азии от миграции в РФ. В Таджикистане, например, денежные переводы из РФ являются основным инструментом по борьбе с бедностью и социально-экономическим неравенством [1]. Однако, такая практика в долгосрочной перспективе не приводит к желательным результатам, так как полученные средства расходуются в основном на краткосрочные цели: питание; одежда; развлечения и т.д., а не на образование, предпринимательскую деятельность и т.д. Таким образом, практика трудовой миграции неспособна искоренить бедность в стране выбытия, однако, оказывает позитивное воздействие на экономическое положение конкретных индивидов.

Экономические последствия трудовой миграции из Центральной Азии для России нельзя оценивать однозначно, так как они имеют как позитивные, так и негативные аспекты. Благоприятное влияние во многом связано с тяжелой демографической ситуацией в РФ, с которой на данный момент сталкивается большинство стран Европы. Естественная убыль населения отражается на мно-

гих факторов, среди которых, конечно, и рынок труда. Доля мигрантов на российском рынке труда составляет до 10% от общего количества работников, а в Москве этот показатель может достигать до 25%, речь идет как о приехавших на заработок иностранцах, так и об уже ассимилированных выходцах из других стран, постоянно проживающих в России и получивших российское гражданство [7]. Можно сказать, что на трех трудоспособных граждан РФ приходится один мигрант. Важно подчеркнуть, что учитывается только легальная миграция, но даже если брать в расчет только ее, очевидно, что рынок труда нуждается в мигрантах. Об этом говорит и реакция в российском обществе на спад миграции в период пандемии в COVID-19, когда в СМИ указывали на нехватку рабочей силы [11]. Таким образом, можно говорить о том, что между РФ и странами Центральной Азии существует взаимная экономическая зависимость.

Другое следствие потока трудовых мигрантов в РФ – удешевление рабочей силы. С одной стороны, такая тенденция позитивно сказывается на местных жителях, которые могут позволить себе большинство услуг, так, например, с оттоком мигрантов, в связи с закрытием границ в пандемию, цены на такси в РФ заметно повысились [10]. С другой стороны, местное население РФ недовольно трудовой миграцией, в связи с падением спроса на рынке труда и низкому росту заработной платы в долгосрочной перспективе. Так, согласно данным опроса ВЦИОМ, «Мнение о том, что иммигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей, разделяют 44% россиян, 37% с ним не согласны, а 16% отчасти согласны, отчасти – нет. Около половины россиян (49%) согласны с суждением, что зарплаты местных жителей повысятся, если на рынке труда не будет мигрантов, треть (31%) с этим не согласны, а 14% частично согласны, а частично не согласны» [5].

Таким образом, миграция из Центральной Азии в РФ имеет как положительные, так и негативные послед-

ствия. С одной стороны, она является взаимовыгодной: страны Центральной Азии посредством переводов борются с бедностью, РФ же восполняет трудовые ресурсы, в которых нуждается из-за отрицательного естественного прироста. С другой стороны, миграция порождает ряд проблем: рост безработицы для местного населения; замедленный рост заработной платы в ряде специальностей; рост преступности; дисбаланс в этническом составе. На наш взгляд, в сложившейся ситуации миграция необходима, однако, важно: содействовать рациональному росту внутренней миграции, посредством которой можно восполнить нехватку трудовых ресурсов в отдельных регионах РФ. Сегодня Россия столкнулась с серьезным дисбалансом: ряд регионов (преимущественно Центральный) переполнены трудовыми ресурсами, в то время как часть регионов (в особенности Дальневосточный) нуждается в трудовых ресурсах. Массовая внутренняя миграция, на наш взгляд могла бы не только стабилизировать данную ситуацию, но и поспособствовала бы решению проблемы бедности, социально-экономического неравенства в стране.

Выводы

Миграционные кризисы являются одной из ключевых проблем современного мира. Они возникают из-за ряда факторов, таких как политическая нестабильность, экономические трудности и насилие в странах-реципиентах. Эти кризисы вызывают серьезные опасения для мигрантов, которые ищут лучшие жизненные условия в новой стране.

Одним из основных опасений является отсутствие безопасных и легальных маршрутов для миграции. Это приводит к тому, что многие мигранты оказываются вынужденными пользоваться услугами людей, организовывающих нелегальную миграцию: торговцев людьми. Это приводит к риску быть задержанными или даже убитыми в пути.

Другим опасением является отсутствие достаточной защиты и поддержки для мигрантов в новой стране. Многие мигранты сталкиваются с дискримина-

цией и предрассудками, а также с проблемами доступа к жилью, здравоохранению и образованию. Это может привести к социальной изоляции и неравенству, а также к неспособности мигрантов полноценно интегрироваться в новую среду.

Также следует отметить, что миграционные кризисы имеют значительное влияние на экономику и общество принимающих стран. В связи с этим, требуется координированная международная реакция на миграционные кризисы, которая будет учитывать интересы и потребности всех сторон.

Именно минимизация рисков и становится сегодня первоочередной задачей науки. Отказаться от миграционных потоков невозможно, именно по этой причине все большее развитие получает организованная миграция, направленная на борьбу с бедностью. Конечно, и такая миграция имеет риски: ее акторы – не только легальные общественно-политические организации, но и криминальные группировки. Перед современной наукой стоит задача не только понять, как снизить миграционные риски, но и как максимизировать положительное влияние миграции. Важно выяснить, возможно ли побороть бедность с помощью грамотной миграционной политики и какие методы наиболее действенны в данном вопросе.

Литература

1. Бедрина Е.Б., Фаизова А.Р. Миграция в Россию как способ решения проблемы бедности Таджикистане // Human Progress. 2019. Том 5, Вып. 6.
2. Гришина А.Е. Миграционное измерение американо-мексиканских отношений // Актуальные проблемы современных международных отношений, 2016 г., С. 26
3. Косевич Е.Ю. Мексикано-американские отношения в период президентства Барака Обамы. – Латинская Америка. 2018. № 1. С. 63–75.
4. Шлапек Е.А., Столкновение идентичностей: интеграция беженцев в Европе (на примере финского города Торнио), 2016 г.

5. «Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie> (дата обращения: 19.01.2023)
6. «Рекордное количество задержаний мигрантов на американо-мексиканской границе» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-59019791> (дата обращения: 19.01.2023)
7. «FinExpertiza составила рейтинг регионов РФ с самой высокой концентрацией трудовых мигрантов». [Электронный ресурс]. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/trud-migrant/> (дата обращения: 19.01.2023)
8. «В каком городе США больше всего мексиканских ресторанов?» [Электронный ресурс] – <https://themoney.co/ru/how-many-mexican-restaurants-are-in-the-united-states/> (дата обращения: 19.01.2023)
9. «Использование языка в Соединенных Штатах», Бюро переписи населения США, 2019 г.
10. «Куда пропали водители: как отток мигрантов сказался на ценах на такси в России». [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20201028/russia-ottok-migrantov-tseny-taksi-1032168054.html> (дата обращения: 12.01.2023)
11. «На стройках РТ из-за нехватки мигрантов на 7% сократилось число рабочих». [Электронный ресурс]. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/62f393829a7947450f57abd3> (дата обращения: 11.01.2023)
12. Эбигейл Хауслонер и Эндрю Бартон о том, как Трамп меняет облик легальной иммиграции // [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: https://www.washingtonpost.com/national/how-trump-is-changing-the-face-of-legal-immigration/2018/07/02/477c78b2-65da-11e8-99d2-0d678ec08c2f_story.html (дата обращения: 19.01.2023)
13. Полная стенограмма CNBC: Передача CNBC “Ваши деньги, ваш голос: Президентские дебаты республиканцев” // [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://www.cnbc.com/2011/11/10/full-transcript.html> (дата обращения: 10.01.2023)
14. «Европейцы опасаются, что волна беженцев будет означать больше терроризма, меньше рабочих мест» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://www.pewresearch.org/global/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/> (дата обращения: 23.01.2023)
15. Прайс, Л. Динамика транснациональных социальных пространств в Мексике-США-миграция. – Сравнительные миграционные исследования. 2019. № 7. С. 34.
16. «Число мексиканских иммигрантов и их доля в общей численности иммигрантов в США, 1850–2017» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: https://translated.turbopages.org/proxu_u/en-ru.ru.a7d3d92b-63ce3f50-33b87858-74722d776562/https/www.statista.com/statistics/674759/share-of-us-immigrants-originating-from-mexico/ (дата обращения: 23.01.2023)

THE CONSEQUENCES OF MODERN MIGRATION CRISES FOR THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION

Wang Jianguang

Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Due to the STP, as well as other changes that have occurred in society, migration is becoming an increasingly large-scale phenomenon. Due to the fact that many of the migration flows are spontaneous, the measures taken by countries to resolve the socio-economic situation can not always be called effective. The purpose of this work is to analyze the main modern migration crises. Using general scientific methods, as well as a systematic approach, this article examines the main migration crises that the world community has faced over the past decades. The

measures of migration policy taken, as well as its consequences for both recipient and donor countries are analyzed. Based on the analysis, conclusions are proposed on the most relevant way to combat socio-economic, political and other emerging crises.

Keywords: migration, migration crisis, European Union, labor force.

References

1. Bedrina E.B., Faizova A.R. Migration to Russia as a way to solve the problem of poverty in Tajikistan // *Human Progress*. 2019. Volume 5, Issue 6.
2. Grishina A.E. Migration dimension of American-Mexican relations // *Actual problems of modern international relations*, 2016, p. 26
3. Kosevich E.Y. Mexican-American relations during the presidency of Barack Obama. – *Latin America*. 2018. No. 1. pp. 63–75.
4. Shlapeko E.A., *Clash of identities: integration of refugees in Europe (on the example of the Finnish city of Tornio)*, 2016
5. “Labor immigrants in Russia: contribution, position, attitude” // [Electronic resource]. – Access mode – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie> (accessed: 19.01.2023)
6. “A record number of detentions of migrants at the US-Mexican border” // [Electronic resource]. – Access mode – URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-59019791> (accessed: 19.01.2023)
7. “FinExpertiza has compiled a rating of the regions of the Russian Federation with the highest concentration of migrant workers.” [electronic resource]. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/trud-migrant/> (accessed: 19.01.2023)
8. “Which city in the USA has the most Mexican restaurants?” [Electronic resource] – <https://themoney.co/ru/how-many-mexican-restaurants-are-in-the-united-states/> (accessed: 01/19/2023)
9. “Language use in the United States”, U.S. Census Bureau, 2019
10. “Where the drivers disappeared: how the outflow of migrants affected taxi prices in Russia.” [electronic resource]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20201028/russia-ottok-migrantov-tseny-taksi-1032168054.html> (accessed: 12.01.2023)
11. “The number of workers at the construction sites of the Republic of Tatarstan has decreased by 7% due to the lack of migrants.” [electronic resource]. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/freeneews/62f393829a-7947450f57abd3> (accessed: 11.01.2023)
12. Abigail Hausloner and Andrew Barton on how Trump is changing the face of legal immigration // [Electronic resource]. – Access mode – URL: https://www.washingtonpost.com/national/how-trump-is-changing-the-face-of-legal-immigration/2018/07/02/477c78b2-65da-11e8-99d2-0d678ec08c2f_story.html (accessed: 19.01.2023)
13. Full transcript of CNBC: CNBC Broadcast “Your money, your voice: The Republican Presidential Debate” // [Electronic resource]. – Access mode – URL: <https://www.cnbc.com/2011/11/10/full-transcript.html> (accessed: 10.01.2023)
14. “Europeans fear that a wave of refugees will mean more terrorism, fewer jobs” // [Electronic resource]. – Access mode – URL: <https://www.pewresearch.org/global/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/> (accessed: 23.01.2023)
15. Price, L. Dynamics of transnational social spaces in Mexico-USA-migration. – *Comparative migration studies*. 2019. No. 7. p. 34.
16. “The number of Mexican immigrants and their share in the total number of immigrants in the United States, 1850–2017” // [Electronic resource]. – Access mode – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a7d3d92b-63ce3f50-33b87858-74722d776562/https://www.statista.com/statistics/674759/share-of-us-immigrants-originating-from-mexico/ (accessed: 23.01.2023)

Отношение студентов юридических факультетов к учебе

Логонова Ирина Анатольевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)
E-mail: okean559@yandex.ru

В статье представлены результаты социологического исследования с целью описания отношения студентов юридического факультета к учебе. Отношение студентов юридического факультета к учебе рассмотрено и изучено через следующие индикаторы: мотивация выбора профессии; позитивные и отрицательные стороны обучения на юридическом факультете; устойчивость в выборе факультета. Рассмотрены подходы к определению категорий «мотивация выбора профессии». Результаты приведенного исследования показали, что в качестве ключевого мотива выбора студенты юридического факультета обозначили интерес к профессии, а также высокий статус и достойная заработная плата. Студенты в целом в большинстве своем позитивно относятся к учебе на юридическом факультете, в том числе благодаря высокому уровню преподавания дисциплин и интересности самого процесса обучения. Также, по словам студентов, имеются и недостатки обучения: невозможностью совмещать учебу с работой и недостаточная практическая ориентированность учебных курсов, несмотря на что, подавляющее большинство опрошенных не имеют желания сменить факультет.

Ключевые слова: студенты юридического факультета, учебная деятельность, мотивы выбора профессии, устойчивость в выборе.

По данным мониторинга качества приема в российские вузы, проводимым Высшей школой экономики совместно с Минобрнауки России, в 2022 году направление подготовки «юриспруденция» по приему абитуриентов заняло четвертое место среди направлений подготовки [1]. Поступив, студенты считают свою задачу выполненной и расслабляются – постепенно отодвигают учебу на задний план и жалуются на чрезмерную нагрузку по специализированным предметам. Как следствие, некоторые из них учебные заведения покидают недоученными, не готовыми к профессиональной деятельности специалистами. Для решения данного вопроса необходимо определить, что определяет отношение студентов юридических факультетов к учебе.

Настоящее исследование проводилось с целью описать отношение студентов юридических факультетов к учебе через ряд индикаторов:

- мотивация выбора профессии;
- позитивные и отрицательные стороны обучения на юридическом факультете;
- устойчивость в выборе факультета.

В качестве респондентов выступали студенты юридических факультетов вузов Самарской области.

В качестве метода сбора информации использовался онлайн опрос.

В соответствии с целями и задачами исследования была разработана анкета.

В ходе исследования всего было опрошено 211 человек. По возрасту практически все опрошенные принадлежат к категории 18–24 лет за исключением одного человека более старшего возраста 25–34 года, что отвечает целевой установке на участие в опросе студентов, которые в большинстве своем принадлежат к этой возрастной группе.

В современном обществе проблема профессионального самоопределения крайне актуальна для каждого.

Выбор направления подготовки, с помощью которого студенты будут строить свою карьеру, играет важную роль в их профессиональном самоопределении и становлении в будущем [2, с. 12], а также оказывает непосредственное влияние на их отношение к учебе уже сегодня.

Какие именно мотивы влияют на решение человека как полноценного члена общества при выборе им будущей профессии? Согласно теории Е. А. Климова, существует 8 факторов, определяющих выбор профессии [3].

1. **Позиция родителей.** Выделяют несколько позиций родителей: первая, когда родители предоставляют возможность своему ребенку самому осуществлять выбор и принимать решение, за которое в дальнейшем необходимо будет нести ответственность; вторая, когда родители хотят, чтобы их ребенок продолжил их профессиональную династию; третья, когда родители навязывают ребенку свое мнение о предпочтительности той или иной профессии, считая его неспособным самостоятельно принять верное решение, компенсируя тем самым свои личные неудачи в профессиональной деятельности. Дети часто поддаются влиянию родителей, рассчитывая на материальную поддержку во время обучения в вузе [4].

2. **Позиция друзей.** Профессиональный выбор друзей (микрогруппы) может сыграть решающую роль при выборе профессии.

3. **Позиция педагогов.** Учителя «любимых» и «нелюбимых» предметов, в том числе, благодаря своим личным качествам играет важную роль при выборе профессии школьниками. Кроме того, учителя могут давать советы тем самым подсказывать выбор профессионального пути.

4. **Личные профессиональные планы.** У каждого молодого человека есть какие-то представления о своем будущем, о том, чем он хочет заниматься. Он имеет определенные цели, желания, и именно эти представления формируют его поведение, пути достижения профессиональных планов.

5. **Способности.** Способности, проявляющиеся как в учебной деятельности, так и в хобби влияют на уровень профессиональной пригодности.

6. **Склонности.** Для молодого человека склонности крайне важны, именно различного уровня успехи в дополнительных профессиональных увлечениях определяют выбор будущей профессии.

7. **Информированность.** Одно из самых важных условий выбора профессии – информированность. Недостаточная информация о какой-либо специальности как следствие неправильного выбора профессионального пути.

8. **Уровень признаний на общественное признание.** Профессиональная сфера играет важную роль в структуре общества в целом. Популярность и престижность профессии также является определяющим фактором при ее выборе.

Если говорить о мотивации выбора профессии, то базовым мотивом здесь будет интерес к профессии. Подавляющее большинство опрошенных (78,2%) мотивировались именно этим при выборе факультета, см. рисунок 1. Более половины респондентов (56,9%) руководствовались представлениями о статусности профессии юриста. Значительное число (43,1%) выбрали юридический факультет в расчете на возможность устроиться на интересную работу.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о мотивации выбора профессии

Принципиальных различий в мотивации студентов разного пола не выявлено: иерархия мотивов у девушек и юношей идентична, см. рисунок 2.

Но можно отметить, что девушек чаще привлекает статус профессии, а юно-

ши больше ценят возможность быстро найти работу

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о мотивации выбора профессии в зависимости от пола

С.Л. Рубинштейн видит цель учения в подготовке к будущей самостоятельной трудовой деятельности [5]. Следовательно, на уровень успеваемости в учебной деятельности студента, также влияет его мотивация. А.К. Маркова, анализируя деятельность обучающихся, выделяет внешние (социальные мотивы) и внутренние мотивы (познавательные) [6]. Так, как же относятся студенты к учебной деятельности на юридических факультетах, какие позитивные и отрицательные стороны обучения они выделяют?

Абсолютное большинство опрошенных студентов (92,9%) заявили о том, что им нравится учиться на юридическом факультете, см. рисунок 3. Доля тех, кто выразил противоположное мнение – «не нравится учиться» – чуть больше одного процента. Это, безусловно, очень высокие показатели удовлетворенности учебой.

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, нравится ли студентам учиться на юридическом факультете

Основными причинами высокой удовлетворенности являются уровень преподавания и интересное содержание обучения, см. рисунок 4.

ПОЧЕМУ ВАМ НРАВИТСЯ УЧИТЬСЯ?

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, почему им нравится учиться

Тем не менее, студенты вполне определенно сформулировали и те стороны обучения, которые вызывают у них недовольство, см. рисунок 5. Это прежде всего:

- невозможность совмещать учебу с работой,
- недостаточная практическая ориентированность учебных курсов,
- сложная для усвоения программа.

Далее перейдем к вопросу устойчивости в выборе факультета. Так, под устойчивостью выбора мы понимаем

его константность как показатель внутренней непротиворечивости вне зависимости от каких-либо внешних обстоятельств.

ПОЧЕМУ ВАМ НЕ НРАВИТСЯ УЧИТЬСЯ?

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, почему им не нравится учиться

Если говорить об устойчивости в выборе факультета, то о высоком уровне удовлетворенности учебой и позитивном отношении к ней будущих юристов говорит и тот факт, что в ситуации повторного выбора подавляющее большинство не стали бы менять факультет (85,3%), см. рисунок 6.

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, если бы была возможность, сменили бы они факультет

Каждый десятый студент (10%) еще не осознал до конца, правильный ли выбор специальности сделал. Неустойчивы в своем выборе и могли бы поменять специальность только 4,7% опрошенных. Среди тех, кто хотел бы изменить свой выбор и поменять факультет, абсолютное большинство – 90% – составляют девушки.

Не смотря на малочисленность групп тех, кто предпочел бы сменить фа-

культет, анализ причин такого решения представляет определенный интерес. Представим весь спектр указанных в анкетах причин (без указания долей в%, т.к. статистически данная группа очень мала):

- разочаровался в профессии;
- не смогу устроиться по специальности;
- нашел /нашла новую, интересную специальность;
- не смогу хорошо зарабатывать, работая по специальности;
- мне неинтересно учиться;
- не хочу учиться на факультете, предложенном родителями;
- не смогу работать в правовой системе, которая основывается не на праве.

Таким образом, следует подчеркнуть, что популярность юридического образования среди абитуриентов объясняется интересом к профессии, как ключевым мотивом их выбора. При этом представления о высоком статусе и достойной заработной плате юристов также стали для многих студентов решающими при выборе факультета.

В целом практически у всех опрошенных сложилось позитивное отношение к учебе на юридическом факультете: студентам либо очень нравится, либо скорее нравится учиться. Число тех, кто не удовлетворен учебой, минимально.

Можно утверждать, что профессорско-преподавательский состав юридических институтов и факультетов вузов Самарской области успешно справляется с удовлетворением познавательных запросов студентов, т.к. основными причинами их удовлетворенности стали именно высокий уровень преподавания дисциплин и интересность самого процесса обучения.

Тем не менее, есть и недостатки в процессе обучения. По словам студентов, они связаны, во-первых, с невозможностью совмещать учебу с работой. Строго говоря, это сложно назвать недостатком, т.к. полноценное очное обучение в вузе не предполагает трудовую занятость. Во-вторых, – недостаточная практическая ориентированность учеб-

ных курсов. В отличие от первого, этот момент – актуальная «боль» отечественного высшего образования, которое зачастую сильно фокусируется на фундаментальных и теоретических знаниях в ущерб формированию практических навыков.

При столь высоких показателях удовлетворенности обучением абсолютно закономерными выглядят и результаты замера устойчивости выбора специальности. Подавляющее большинство опрошенных не имеют желания сменить факультет и в ситуации гипотетического повторного выбора вновь выбрали бы юридическую специальность.

Литература

1. Мониторинг качества приема в вузы [Электронный ресурс] / Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. – 2022. – Режим доступа: <https://ege.hse.ru/rating/2022/91645072/all/> (дата обращения: 10.02.2023)
2. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. М.: ООО «Вариант», 2015. – 234 с.
3. Климов Е.А. Как выбирать профессию. М.: Просвещение, 1991. – 158 с.
4. Некрасова О.Н. Мотивы выбора профессии // Вестник Прикамского социального института. – 2016. – № 3 (75). – С. 121–124.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Издательство «Питер», 2000–712 с.
6. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. – 96 с.

THE ATTITUDE OF STUDENTS OF LAW FACULTIES TO STUDY

Loginova I.A.

Samara National Research University

The article presents the results of a sociological study in order to describe the attitude of students of the Faculty of Law to study. The attitude of students of the Faculty of Law to study is considered and studied through the following indicators: motivation for choosing a profession; positive and negative aspects of studying at the Faculty of Law; stability in the choice of faculty. Approaches to the definition of the categories of “motivation for choosing a profession” are considered. The results of this study showed that students of the Faculty of Law identified interest in the profession, as well as high status and decent wages as a key motive for choosing. Students in general, for the most part, have a positive attitude towards studying at the Faculty of Law, including due to the high level of teaching disciplines and the interestingness of the learning process itself. Also, according to students, there are also disadvantages of training: the inability to combine study with work and the lack of practical orientation of training courses, despite this, the vast majority of respondents have no desire to change.

Keywords: students of the Faculty of Law, educational activities, motives for choosing a profession, stability in the choice.

References

1. Monitoring the quality of admission to universities [Electronic resource] / National Research University Higher School of Economics. – 2022. – Access mode: <https://ege.hse.ru/rating/2022/91645072/all/> (date of access: 10.02.2023)
2. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Sociology of professions: analytical perspectives and research methodology. M.: ООО “Variant”, 2015. – 234 p.
3. Klimov E.A. How to choose a profession. M.: Enlightenment, 1991. – 158 p.
4. Nekrasova O.N. Motives for choosing a profession // Bulletin of the Kama Social Institute. – 2016. – No. 3 (75). – PP. 121–124.
5. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Piter Publishing House, 2000–712 p.
6. Markova A.K. Formation of learning motivation at school age: A guide for the teacher. M.: Enlightenment, 1983. – 96 p.

Влияние телекоммуникационных технологий на функционирование образовательной среды в России в период пандемии

Скуратов Алексей Борисович,

кандидат социологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: alex-skuratov@ya.ru

В статье рассматривается влияние телекоммуникационных технологий на функционирование образовательной среды в России в период пандемии. Проанализирована и систематизирована специфика современного интернет-образования. Рассмотрено влияние Интернета на образование – специальную сферу социальной жизни. В рамках дистанционного интернет-обучения возможна реализация авторских индивидуальных образовательных программ, способных удовлетворить различные образовательные потребности обучающихся и отвечающих критериям, связанным с развитием карьеры студента на перманентно трансформирующемся рынке труда. Только лишь освоение цифровых технологий не является единственным условием для того, чтобы трансформация образовательного пространства пошла полным ходом. Как иллюстрирует опыт других стран, без системных изменений, требующих вовлечения всех сотрудников школы, учащихся, родителей, представителей органов власти, переход от некоторых успехов использования цифровых технологий к улучшению работы массового образования невозможен. Опыт пандемии с экстренным повсеместным внедрением онлайн-технологий показал, что пока школы и университеты не перешли на качественно новый уровень деятельности, т.к. цифровая трансформация образования – это обновление и планируемых образовательных результатов, и содержания образования, и методов, организационных форм, оценивания учебной работы каждого обучающегося.

Ключевые слова: интернет-образование; пандемия; образование в России; образовательная среда.

Сеть Интернет многолика и обладает многими функциями. Это и современный канал сбора и распространения информации, и многофункциональная среда, в которой множество возможностей – от развлечений до научных изысканий, и масштабное коммуникативное пространство, в котором индивидuum выступает в полилогическом, диалогическом и монологическом форматах, и самый различный контент.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, «характерные черты Интернета – интерактивность, открытость, подлинная демократичность, выражающаяся в том, что каждый отдельный человек (индивидuum) может свободно выразить свое мнение, отношение к происходящему, обменяться идеями, найти сторонников, перестать чувствовать себя одиноким» [1].

В ядре интернет-коммуникации находится индивидuum как субъект речевой деятельности, VR (виртуальной реальности) и виртуального общения. Интернет-коммуникация включает в себя большое количество различных сетевых практик. Возможности гипертекста и различные интерактивные форматы позволяют субъекту коммуникации выполнять собственную навигацию в тексте. Коммуникация в Интернете анонимна, добровольна, осуществляется на дистанции, эмоциональна и креативна.

Рассмотрим влияние Интернета на **образование** – специальную сферу социальной жизни, представляющую собой «организованный процесс целенаправленных передачи и приобретения систематизированных знаний, умений, навыков, качеств и нравственных ценностей» [2]. Безусловно, появление таких понятий, как «интернет-образование», «дистанционное образование», практически повсеместная доступность цифровых технологий (если говорить о России, то смартфоны, планшеты, компьютеры есть во многих семьях, особенно в се-

мьях со школьниками) изменило образовательный рельеф.

Прежде всего, Сеть подвергла трансформации традиционную иерархию в получении образования. Преподаватель, книга и библиотеки перестали быть ведущими источниками знаний. Сборники цифровых учебных материалов, профессиональные онлайн-сообщества, сетевые издания, онлайн-энциклопедии и самые разнообразные поисковые ресурсы дают учащимся и преподавателям быстрый доступ к необходимым материалам в режиме 24/7. Ключевым фактором в процессе образования становится не наличие и объем доступной информации, а умение эту информацию находить и использовать.

Нужно отметить и роль сетевых сообществ – локальных (класса, курса, школы, вуза) и глобальных. Благодаря им обучающиеся могут получать советы, обмениваться идеями, обсуждать задания, в том числе совместные.

Интернет помогает оперативнее решать проблемы качества и устаревания знаний – ведь сегодня такое понятие, как «срок жизни информации», обладает первостепенным значением. Учащиеся и студенты могут общаться в онлайн-режиме с выдающимися исследователями и преподавателями, знакомиться с их лекциями и практикумами дистанционно. Сами преподаватели получают дополнительные возможности профессионального роста, коммуницируя и обмениваясь в Интернете знаниями с коллегами и партнерами, оценивая эффективность тех или иных технологий обучения посредством Сети.

Специфика интернет-образования допускает географическую отдаленность преподавателя и обучающегося, что попутно решает и проблему дефицита помещений для офлайн-взаимодействия. Кроме этого, образовательная коммуникация может быть синхронной или асинхронной. Передовые технологии, преодолевая минусы традиционного обучения, активно используют такие средства, как дополненная и виртуальная реальность, анимация и т.д.

Обучающийся имеет возможность в соответствии со своими интересами

изучить необходимую только ему лекцию или селективно выбрать специализированные учебные материалы.

Помимо указанного, необходимо отметить такие преимущества внедрения в образовательный процесс новых технологий, как увеличение количества предложений на рынке образовательных услуг, активизацию межинститутского и междуниверситетского взаимодействия. Сама технология интернет-обучения при этом становится значительно более прозрачной. Лектор делает свои учебные материалы доступными для большего числа потенциальных обучающихся. Провайдером курса может стать любое учебное заведение. Студенты получают возможность выбирать для себя учебные материалы в соответствии со своими индивидуальными критериями (содержание, качество, стоимость и др.).

В рамках дистанционного интернет-обучения возможна реализация авторских индивидуальных образовательных программ, способных удовлетворить различные образовательные потребности обучающихся и отвечающих критериям, связанным с развитием карьеры студента на перманентно трансформирующемся рынке труда.

Одновременно с этим даже опыт пандемии с экстренным повсеместным внедрением онлайн-технологий показал, что пока школы и университеты не перешли на качественно новый уровень деятельности. Ведь полноценная «цифровизация» образовательной среды, переход к следующей «образовательной эпохе» не может заключаться, к примеру, в том, что учитель проверяет не бумажную тетрадь, а фотографию работы, написанной в этой тетради, или в том, что преподаватель выкладывает напечатанную лекцию в Интернет, а не читает ее в аудитории. Цифровая трансформация образования – это обновление и планируемых образовательных результатов, и содержания образования, и методов, организационных форм, оценивания учебной работы каждого обучающегося.

Опыт повсеместного дистанционного обучения во время пандемии 2020 года показал, что не всегда учитываются

все взаимодействующие составляющие образовательного процесса. Так, хотя во ФГОС в качестве одного из существенных результатов образовательной деятельности закреплена норма об освоении учащимися способности самостоятельно учиться, но конкретные механизмы ее реализации, распределение ответственности за отдельные блоки между субъектами (учителями, воспитателями и наставниками, родителями) и показатели результативности не установлены достаточно четко. Кроме того, отсутствуют успешные попытки разработать процедуры, позволяющие оценить, сформирована ли способность учиться у учащихся. В итоге, с точки зрения организации этого процесса, работа по освоению заявленной во ФГОС способности самостоятельно учиться, которая так необходима для новой цифровой эпохи, не произведена, что в какой-то мере и стало болезненной точкой в ситуации удаленного обучения.

Эксперты приводят следующий пример – обучение с учетом интересов учащихся и индивидуальных особенностей, необходимость которого определяет закон «Об образовании» и ФГОС. В случае необходимости преподаватели могут найти варианты описания результатов обучения с разными уровнями углубленного изучения материала, использовать различные методические разработки и учебники, в которых присутствует необходимое содержание обучения и описаны методы работы с учащимися.

При этом для регулярной и разноуровневой работы учащихся необходимо, зачастую, организовывать специализированные классы или школы. При организации такой деятельности в обычном классе педагоги встречают серьезные сложности. Среди них: недостаточное количество методических материалов и средств для индивидуализации работы учащихся, существенно ограниченные возможности учителя поддерживать и контролировать такую работу в классе, отсутствие валидной разноплановой оценки образовательных результатов и др. Трансформация образовательных технологий под влиянием сети Интернет

помогает в решении подобных проблем, но пока в полной мере образовательная система не освоила те возможности, которые предоставляют новые инструменты и сервисы [4].

Современные технологии и умение пользоваться ими не достаточны для того, чтобы трансформация образовательного пространства пошла полным ходом. Как иллюстрирует опыт других стран, без системных изменений, требующих вовлечения всех сотрудников школы, учащихся, родителей, представителей органов власти, переход от некоторых успехов использования цифровых технологий к улучшению работы массового образования невозможен. Необходима масштабная по сложности и своему объему педагогическая работа, чтобы перевести школу в инновационный режим [3].

Эту деятельность следует разделить на три группы: наращивание цифровой инфраструктуры образования, развитие цифровых учебно-методических материалов, инструментов и сервисов, создание и распространение моделей организации учебной работы.

По мнению экспертов по инновационной педагогике, образовательные организации в процессе трансформации образовательной среды должны обновить (изменить) цели и содержание педагогической работы; перейти от воспитания и обучения по стандартной модели для всех к воспитанию и обучению каждого, скорректировав структуру и методы образовательной работы; оптимизировать коллекции учебно-методических решений, информационных сервисов, инструментов и материалов; провести ревизию классических бизнес-процессов, включив в эту деятельность всех заинтересованных (прежде всего, педагогов и учащихся); применять все преимущества цифровых технологий для автоматизации всех видов работы с данными [5].

Закончить эту статью хотелось бы словами заведующего кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ Александра Асмолова «Пора осознать очевидный факт. Кажущаяся нам естественной, как цвет глаз, классно-урочная система обучения, созданная

гением Яна Амоса Коменского и являющаяся непрерываемым символом школы как закрытого социального и профессионального института, должна занять в истории человечества новое достойное место. Это должно произойти подобно тому, как в познании мира классическая физика Ньютона стала лишь частью картины мира после появления релятивистской физики Эйнштейна» [6].

Литература

1. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации. -М.,- 2008. – 343 с.
2. Баринаева Т.М., Гарипова И.О., Каранова В.В. [и др.]. Терминологический словарь-справочник по психолого-педагогическим дисциплинам. / Баринаева Т.М., Гарипова И.О., Каранова В.В. [и др.]. – Магадан – 2011. – 112 с.
3. Уваров А.Ю. Как перевести школу в инновационный режим // Управление школой. – 2013. -Февраль. С. 28–33
4. Артамонова И.С. Эмерджентная технология управления социальными проектами в области экологического образования и развития личности подростков // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 1. С. 11–17
5. Уваров А.Ю., Ван С., Кан Ц. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае. II Российско-китайская конференция исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект». – М., –2019. – 472 с.
6. Асмолов А.Г. Шок настоящего // Образовательная политика, 2010. № 3 (41). С. 2–4

THE IMPACT OF TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES ON THE FUNCTIONING OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN RUSSIA DURING THE PANDEMIC

Skuratov A.B.

Ural Federal University them. the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article examines the impact of telecommunication technologies on the functioning of the educational environment in Russia during the pandemic. The specificity of modern Internet education is analyzed and systematized. The influence of the Internet on education, a special sphere of social life, is considered. Within the framework of online distance learning, it is possible to implement author's individual educational programs that can satisfy the various educational needs of students and meet the criteria related to the development of a student's career in a permanently transforming labor market. Only the development of digital technologies is not the only condition for the transformation of the educational space to go in full swing. As the experience of other countries illustrates, without systemic changes requiring the involvement of all school employees, students, parents, and government representatives, the transition from some success in the use of digital technologies to improving the work of mass education is impossible.

The experience of the pandemic with the urgent widespread introduction of online technologies has shown that so far schools and universities have not moved to a qualitatively new level of activity, because. digital transformation of education is an update of planned educational results, and the content of education, and methods, organizational forms, evaluation of the educational work of each student.

Keywords: Internet education; pandemic; education in Russia; educational environment.

Referents

1. Ter-Minasova S.G. War and peace of languages and cultures: issues of theory and practice of interlingual and intercultural communication. -M.,-2008. – 343 p.
2. Barinova T.M., Garipova I.O., Karanova V.V. [and etc.]. Terminological dictionary-reference book on psychological and pedagogical disciplines. / Barinova T.M., Garipova I.O., Karanova V.V. [and etc.]. / – Magadan – 2011. – 112 p.
3. Uvarov A. Yu. How to transfer the school to an innovative mode // School management. – 2013. – February. -FROM. 28–33
4. Artamonova I.S. Emergent technology for managing social projects in the field of environmental education and personality development of adolescents // Russian Economic Bulletin. 2021. V. 4. No. 1. P. 11–17

5. Uvarov A. Yu., Wang S., Kan Ts. Problems and prospects of digital transformation of education in Russia and China. II Russian-Chinese conference of education researchers "Digital transformation of education and artificial intelligence" – M., –2019. – 472 p.
6. Asmolov A.G. The shock of the present // Educational policy, 2010. No. 3 (41). pp. 2–4

К 140-летию И.А. Ильина: идеи мыслителя о политическом устройстве российского государства и их значение для современной политической науки и практики

Тихонова Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Институт технологий управления МИРЭА, Московский технологический университет
E-mail: svetlanavt@list.ru

Статья посвящена научному творчеству выдающегося российского мыслителя И.А. Ильина. Рассмотрена концепция «сильной власти» в интерпретации И.А. Ильина. Проанализированы классификации существующих в мире политических режимов и специфика монархии – в частности. Отмечается, что для монархии, по И.А. Ильину, характерен религиозный фундамент властных полномочий политического лидера. Монархический тип политического строя отличается семейственностью и патриархальностью, консерватизму и традиционализму. Рассмотрены концепции веры, духовности, религии в понимании И.А. Ильина. Выделены те идеи И.А. Ильина, которые сегодня не только не утратили своей актуальности, но и обрели новый смысл и перспективу. Сделан вывод о том, что механика создания и поддержания «сильной власти», описанная И.А. Ильиным более столетия назад, выглядит вполне современно и сегодня. Особенно актуальными в текущих реалиях представляются идеи о критериях эффективности государственного администрирования, о социальной результативности власти, о воспитании общества, о нравственной грани деятельности властных структур.

Ключевые слова: государственность, духовность, нравственность, религия, властный режим, монархия, демократия, республика, тоталитаризм

Иван Александрович Ильин (1883–1954 гг.) – выдающийся и признанный, в том числе мировым научным сообществом, российский философ. Его воззрения не утрачивают актуальности и по сей день, в связи с чем к его трудам периодически обращаются отечественные и зарубежные политологи, социологи, психологи, педагоги и представители иных научных отраслей. И.А. Ильин учился, преподавал и занимался научной деятельностью в Московском университете до 1922 г., когда его жизнь кардинальным и драматическим образом изменилась: он был выслан в эмиграцию за границу на одном из известных «философских пароходов». Октябрьская революция 1917 г. И.А. Ильиным была воспринята как одна из величайших в российской истории трагедий; более того, как свидетельствуют источники, он продолжал оставаться оппонентом советской идеологии на протяжении всей своей жизни. Находясь в Берлине, И.А. Ильин принимал активное участие в общественно-политической деятельности русской диаспоры; в последующем – занял пост декана зарубежного Русского научного института. В дальнейшем деятельность мыслителя столкнулась с другими идеологическими барьерами, на этот раз воздвигнутыми властями Германии (более того, множество его печатных трудов, рукописных и опубликованных, были арестованы гестапо) [3, с. 256]. Последующие десятилетия и до смерти мыслитель проживал в Швейцарии, однако, мысли его всегда были устремлены в направлении России, ее исторического прошлого и политического будущего [4, с. 317].

Научно-творческое наследие И.А. Ильина колоссально по своей значимости и объему: архив трудов философа, к примеру, размещался в 100 ящиках; позднее материалы архива были

обработаны и собраны специалистами МГУ в 27-томную серию изданий. Спектр тематик и проблемных аспектов функционирования общества, науки, человека и государства, к которым обращался И.А. Ильин, был, как несложно догадаться, также весьма широк; тем не менее, традиционно считается, что главными сферами цивилизационного и личностного бытия, интересующими исследователя, выступали вопросы взаимодействия компонентов триады «государство – право – нравственность», а также вопросы о «русской идее», формировании и поддержании государственной идеологии, о властных режимах и сущности российской государственности.

Будучи видным общественным и научным деятелем, И.А. Ильин многократно сталкивался с общегосударственными, общественными и личными драматическими поворотами, обусловленными социальными и политическими переменами, происходящими в России и в мире. В данной связи одной из ключевых идей, пронизывающих весь научный массив, накопленный мыслителем, и лейтмотивом проходящий через все его творчество, стала идея о поиске идеального политической устройства.

Сегодня человечество находится на тревожном пороге парадигмального политического сдвига, в связи с чем все чаще в научных кругах возникают дискуссии о том, каким должен быть властный режим в идеальном государстве будущего и какой должна быть концепция политического устройства в России. Интересующая нас предметная область в научно-философском творчестве русского философа сформировалась на рубеже XIX–XX веков и продолжила развитие в течение эмиграционного периода. Данный период в России совпал с эпохой становления государственности нового типа – социалистического.

По И.А. Ильину, государство должно стремиться к созданию «сильной власти»: только мощная централизованная властная система способна консолидировать общество, тогда как власть слабая, недееспособная есть роскошь, доступная немногим из тех государств,

которые имеют крайне благоприятные исходные условия для жизни. Таким образом, И.А. Ильин, оценивая меру эффективности, результативности, нравственности, легитимности структур государственного управления, вводит терминологическую категорию «сила власти».

«Сила государства» или «сила власти», согласно И. А. Ильину, представляет собой реализованную способность власти действовать следуя заданному ей вектору в контексте конкретных политических обстоятельств. Сила власти обусловлена как ее конституционным базисом, так и направлениями деятельности, функционалом, «волевой энергией и волевым соблюдением права и свободы», а также – «всенародными духовными корнями» [7, с. 404]. Параметр «силы власти», таким образом, не отождествляется со степенью авторитаризма режима правления. Государство, сильное исключительно за счет авторитаризма, должно быть всеведущим, всепредвидящим, всемогущим, что априори недосяжимо, утопично.

И.А. Ильин говорил также и о том, что факторами, ограничивающими «сильную власть», выступают, во-первых, благо народа, во-вторых – правовые конструкции национального законодательного массива. «Сильное государство», таким образом, обладает четырьмя атрибутивными признаками: полноценность, авторитетность (в противовес авторитарности), легитимность и деятельность в рамках правового поля. Именно в таком качестве оно способно четко выполнять присущие государству социальные функции: «только духовный опыт – опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности... – только он может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть» [8, с. 30].

Важное место в политическом устройстве «правильного» государства занимает духовный аспект. Государство, по мнению исследователя, должно являть собой духовную сущность, ведь го-

сударство как таковое есть не что иное, как совокупность людей, объединенных единой духовной судьбой, духовной культурой и сознанием. Соответственно, источником любой власти в целом и базисом «сильной власти» в частности является именно духовное единение граждан, преобразующее «хаотичность и разрозненность различных социальных групп в целенаправленное функционирование государственных и общественных институтов» [1, с. 95]. Следуя логике вышеописанных тезисов, И.А. Ильин определил сущность целеполагания государственной власти следующим образом: «организовывать и защищать родину на основе права и справедливости, исходя из благородной глубины здорового правосознания» [9, с. 239].

Духовность, как отмечено выше, является важным компонентом существования общества и власти. При этом духовность автор определял как совокупность ценностных установок, исходящих из православного вероучения, априорной духовности человека и общественности, идеалистических представлений о государственности и праве. Религия, при этом, присуща любому государству, обладающему «сильной властью»: религиозное миропонимание, по его мнению, позволяет соединить человека с Богом, наполнив человеческий дух содержанием. Правосознание на зрелой стадии своего развития неизменно обретает религиозный характер; религиозное мировоззрение обеспечивает правосознание граждан и правопорядок государства.

Исторические события, свидетелем которых стал И.А. Ильин, глубоко повлияли на дальнейшее развитие его концепций и укрепили его веру в том, что именно духовность, в ее религиозной – православной – интерпретации, становится единственно возможным основанием для поддержания патриотизма, народного единения, формирования зрелой государственности. «Отпавшее от Бога» человечество непременно столкнется с глубочайшим кризисом; мировая война, антимонархизм, большевизм, фашизм – все эти события и тенденции

И.А. Ильин считал индикаторами кризиса цивилизационного развития человечества.

Будучи убежденным монархистом, И.А. Ильин довольно часто подвергал обстоятельному анализу иные формы существования государственной власти. Согласно типологии И.А. Ильина, режимы правления могут быть монархическими (абсолютными и ограниченными конституционными нормами) и республиканскими, которые, в свою очередь, разделяются на демократические, аристократические и олигархические. Специфической чертой его авторской классификации властных режимов является то, что, помимо общепризнанных формально-юридических признаков монархии и республики, И.А. Ильин исходит из религиозных, нравственных и психологических критериев форм правления.

Каждый из режимов власти соотносится со свойственным ему духовным правосознанием граждан. Монархическое правосознание, единственно верное по мнению И.А. Ильина, строится в большей степени на иррационально-интуитивном и мистическом мировосприятии общественности. Историческое прошлое государства и народа, текущий статус функционирования общества, власть и созданная ей правовая система – все это есть закономерный результат Божьего промысла. Монарх, в свою очередь, – исполнитель воли Бога, что избавляет его от ограничений властных полномочий, присущих иным властным режимам, и, при этом, наделяет его исключительной мерой ответственности.

Религиозный фундамент властных полномочий политического лидера монархического типа иррационально связывает монарха и народ, позволяя ему проявлять мудрость, жертвенность и стремление к самовоспитанию. Монархический тип отличается от общественного типа семейственностью и патриархальностью, консерватизмом и традиционализмом. Следовательно, монарх не склонен и не должен проводить радикальных общественных реформ, избегать излишнего новаторства и оформ-

лять желаемые черты общественного бытия постепенно и взвешенно.

И.А. Ильин обращается к вопросу о различиях между автократией и монархизмом, которые, на первый взгляд, обнаруживают немало общих черт. Ключевым отличием властного режима монархического типа является специфика мотивации подданных к проявлению лояльности. В условиях «сильной власти» монархического типа человек, указывает исследователь, будучи осознанной религиозной, нравственной, свободной единицей, самостоятельно решает для себя вопрос о повиновении власти [3, с. 257]. В автократии же степень повиновения также высока, но источником повиновения является принуждение. Именно в этом монархия обнаруживает свое основное преимущество и потенциал для будущего стабильного функционирования. Следовательно, жизнеспособность монархии обеспечивается лишь тогда, как народ достигает фазы зрелости монархического правосознания.

Режимом, прямо оппонирующим монархии, И.А. Ильин называет республику. Республиканская власть отличается утилитарным, прагматическим подходом к власти и ее функциям; Божье провидение не имеет отношение к реализации власти, формированию правовой системы и общественного политического сознания. Государственная власть – механическое соединение функционеров, а мировосприятие народа, избравшего республиканский режим, базируется на культе независимости, личного успеха, карьеризма, критике власти. Демократия, таким образом, жизнеспособна исключительно в индивидуалистском обществе; в России же демократия способна мутировать во вседозволенность и раскол [5, с. 56–58]. В данном аспекте можно обнаружить прямую связь воззрений И.А. Ильина с классическими теориями о культурных измерениях Г. Хофстеде, представленных в 1970-х гг. [12]. Коллективные культуры, в число которых входит и культура русского народа, характеризуются высокой дистанцией власти (т.е. почитанием лидеров и отсутствием критического восприятия их

действий), они ориентированы на коллективное благо – это культуры «соборные», традиционные, консервативные. В данной связи можно рассмотреть исторические властные режимы восточных государств – Китая, Японии – и увидеть в них многие из черт, описываемых И.А. Ильиным как черты «сильной власти». Индивидуалистские культуры, к которым зачастую относят страны Запада, детерминированы тяготением к личным целям, прагматизмом, генетически «вшитым» в ментальность. Фактически, И.А. Ильин на 50 лет раньше Г. Хофстеде сформировал тезисы о культурных измерениях – хотя и в контексте анализа властных режимов и духовного компонента правосознания.

Одним из важнейших векторов творческих изысканий И.А. Ильина являются вопросы истории. Исторический путь российского государства исследователь рассматривает с целью понять истоки современного ему положения страны и проникнуть в глубины российской государственности, духовности и правовой морали. По мнению И.А. Ильина, непростой путь эволюции российского государства был связан с противоречиями между свободой народа и жесткостью государства, между присущей русской ментальности деструктивностью и склонностью к анархии и, в то же время, коллективизмом, соборностью и инстинктом национального самосохранения.

Дихотомия «хаос – порядок» в конечном итоге смогла разрешиться в пользу последнего, и монархия стала той формой существования общества, которая оказалась способной упорядочить аксиологию общественного сознания и направить ее в конструктивное русло. При этом иррациональность, чувственность, хаотичность – все это не позволило бы сформировать государство формально-юридически, как в других странах. Только монархия, основанная на «непрагматических» мотивах религии, нравственности и коллективизма, обеспечила единство российской общественности. Монархи, которые вписывались в концепцию И.А. Ильина, были высоко оцене-

ны исследователем: соответствующими истинным идеям монархизма он считал, к примеру, многих русских царей Средневековья, а также русских монархов XIX в. – Николая I и Александра II.

Следует отметить, что подход И.А. Ильина, несмотря на кажущуюся радикальность, был достаточно взвешенным; власть «сильного» монарха, по его мнению, может и должна быть ограниченной, но не парламентом, а собственными нравственными убеждениями, волей народа, стратегическими общегосударственными целями и национально-правовой системой. Ограничений, как можно заметить, в монархии достаточно много, хотя во множестве современных исследований абсолютная монархия безоговорочно отождествляется со вседозволенностью. Таким образом, в научных разработках была представлена совершенно новая интерпретация монархического строя, ключевыми особенностями которой можно считать духовность (религиозный базис) и совокупность неформальных ограничивающих факторов, направляющих монарха при принятии решений государственной важности.

Многие идеи И.А. Ильина оказываются созвучными современным общественно-политическим реалиям. Приведем в качестве примера некоторые из идей И.А. Ильина, которые сегодня не только не утратили своей актуальности, но и обрели новый смысл и перспективу. Во-первых, философ отвергал как левый, так и правый радикализм; любая форма экстремизма, по его мнению, приводит к гибели государства – как монархического, так и республиканского типа. Во-вторых, анализируя роль объединений черносотенцев в России – «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела», И.А. Ильин пришел к выводу, что любые политические устремления, направленные на защиту олигархических интересов, обречены на провал. В-третьих, И.А. Ильин говорил о том, что государство не имеет права реализовывать политики, формирующие ситуации культурного притеснения этнических меньшинств или про-

воцирующие антисемитизм [10, с. 39]. В-четвертых, исследователь констатировал то, что «сильная власть» не может быть основана на слепом повиновении или на популистских идеях – она строится на глубоких нравственных и духовных убеждениях общечеловечности. В-пятых, И.А. Ильин указывал на то, что тоталитаризм является чуждым российскому менталитету, а большевики, пришедшие к власти, унижают нацию и избавляют ее от присущей народу духовности, лишая его нравственной и духовной опоры [3, с. 259]. Новый патриотизм, насаждаемый большевиками, являет собой искусственный конструкт, тогда как патриотизм истинный основан на общем духовном опыте народа, духовном творчестве, национальной самобытности [2, с. 61]. Историческая память, по И.А. Ильину, – это то, что в конечном итоге позволит российской нации возродиться после коммунистического тоталитаризма: «русская способность – незримо возрождаться в зримом умирании» [8, с. 23]. Россия представлялась им в качестве птицы Феникс, возрождающейся через самоуничтожение [11, с. 238].

«Сильная власть» опирается как на прошлое – историческую память народа, так и на будущее – воспитание личности и гражданина. Вопросы дидактики и психологии в учениях И.А. Ильина получали политическое преломление: будущее любой страны напрямую зависит от того, какая воспитательная система реализуется в государстве. Следовательно, Россия должна выработать особую систему воспитания, адаптированную под особые условия существования российской нации, и решение этой задачи в конечном итоге определит будущее государства [4, с. 317; 6, с. 238].

В заключение отметим: механика создания и поддержания «сильной власти», описанная И.А. Ильиным более столетия назад, выглядит вполне современно и сегодня. Особенно актуальными в текущих реалиях представляются идеи о критериях эффективности государственного администрирования, о социальной результативности власти, о воспитании общества, о нравственной грани

деятельности властных структур. Можно предположить, что идея сильной государственности актуализируется именно в периоды исторических переломов – тогда, когда существующие политико-правовые структуры демонстрируют отставание от реально складывающихся общественных отношений.

Литература

1. Белов, Л.П. Идея сильного государства: позиция И.А. Ильина / Л.П. Белов // Государственная служба. – 2020. – № 5 (127). – С. 93–97.
2. Беспалова, Т.В. Патриотизм как духовное состояние в социально-философской интерпретации И.А. Ильина / Т.В. Беспалова // Философия права. – 2009. – № 3. – С. 59–61.
3. Жуков, В. Н. И.А. Ильин о государстве, праве и политике / В.Н. Жуков // Образование и право. – 2018. – № 10. – С. 256–260.
4. Журавлева, Л. А. И.А. Ильин о национальном воспитании / Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубина, А.В. Ручкин, Н.Н. Симачкова, И.П. Чупина // Образование и право. – 2021. – № 7. – С. 314–320
5. Ильин, А.А. Демократия как политический Режим или селекция элит: идея народоуправства в учениях П.И. Новгородцева и И.А. Ильина / А.А. Ильин // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2018. – № 4. – С. 52–59.
6. Ильин, И. А. О воспитании в грядущей России / И.А. Ильин // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. – М.: МП «Рарог», 1992. – Т. 2. – С. 237–241.
7. Ильин, И. А. О грядущей России: Избр. Статьи / И.А. Ильин. – М., 1993.
8. Ильин, И. А. О России. Три речи. 1926–1933 / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 6, кн. 2. – С. 7–34.
9. Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с.
10. Ильин, И. А. О сущности правосознания // И.А. Ильин // Собр. соч.: В 10 т.

Т. 4 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Худож. Л.Ф. Шканов. – М., 1994.

11. Пономарев, Е.Р. Отечество в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции / Е.Р. Пономарев // Studia Litterarum. – 2021. – № 3. – С. 222–243.
12. Hofstede, G.H. Cultures and organizations: software of the mind / G.H. Hofstede. – Mc Graw Hill. – 2015. – 279 p.

TO THE 140TH ANNIVERSARY OF I.A. ILYIN: THE THINKER'S IDEAS ON THE POLITICAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN STATE AND THEIR SIGNIFICANCE FOR MODERN POLITICAL SCIENCE AND PRACTICE

Tikhonova S.V.

Institute of Control Technologies MIREA Moscow Technological University

The article is devoted to the scientific work of the outstanding Russian thinker I.A. Ilyin. The concept of strong power in the interpretation by I.A. Ilyin is considered. The classifications of political regimes and the monarchy in particular are analyzed. It is noted that the monarchy, according to I.A. Ilyin, is characterized by the religious foundation of the powers of the political leader. The monarchical type of public is distinguished by nepotism and patriarchy, conservatism and traditionalism. The concepts of faith, spirituality, religion in the understanding of I.A. Ilyin are considered. Identified are those ideas of I.A. Ilyin, which today not only have lost their relevance, but have also acquired a new meaning and perspective. It is concluded that the mechanics of creating and maintaining strong power, described by I.A. Ilyin more than a century ago, seem quite modern even today. Particularly relevant in the current realities are the ideas about the criteria for the effectiveness of public administration, about the social effectiveness of power, about the education of society, about the moral facet of the activities of power structures.

Keywords: state, spirituality, morality, religion, power, monarchy, democracy, republic, totalitarianism.

References

1. Belov, L.P. The idea of a strong state: the position of I.A. Ilyin / L.P. Belov // Public service. – 2020. – No. 5 (127). – S. 93–97.

2. Bespalova, T.V. Patriotism as a spiritual state in the socio-philosophical interpretation of I.A. Ilyin / T.V. Bespalova // *Philosophy of Law*. – 2009. – No. 3. – S. 59–61.
3. Zhukov, V. N. I.A. Ilyin on the State, Law and Politics / VN Zhukov // *Education and Law*. – 2018. – No. 10. – S. 256–260.
4. Zhuravleva, L. A. I.A. Ilyin on national education / L.A. Zhuravleva, E.V. Zarubina, A.V. Ruchkin, N.N. Simachkova, I.P. Chupina // *Education and right*. – 2021. – No. 7. – pp. 314–320
5. Ilyin, A.A. Democracy as a political regime or selection of elites: the idea of people's rule in the teachings of P.I. Novgorodtsev and I.A. Ilyin / A.A. Ilyin // *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. – 2018. – No. 4. – S. 52–59.
6. Ilyin, I.A. About education in the future Russia / I.A. Ilyin // *Our tasks. The historical fate and future of Russia: articles of 1948–1954: in 2 volumes* – M.: MP "Rarog", 1992. – V. 2. – S. 237–241.
7. Ilyin, I.A. About the coming Russia: Selected. Articles / I.A. Ilyin. – M., 1993.
8. Ilyin, I.A. About Russia. Three speeches. 1926–1933 / I.A. Ilyin // *Collection. cit.: in 10 volumes* – M.: Russian book, 1996. – T. 6, book. 2. – P. 7–34.
9. Ilyin, I.A. Collected works: in 10 volumes. T. 2. Book. 1. / I.A. Ilyin. – M.: Russian book, 1993. – 496 p.
10. Ilyin, I.A. On the essence of legal consciousness // I.A. Ilyin // *Sobr. cit.: In 10 volumes. Vol. 4 / Comp. and comment. Yu.T. Foxes; Artistic L.F. Shkanof*. – M., 1994.
11. Ponomarev, E.R. Fatherland in the philosophical constructions of I.A. Ilyin: literary projections / E.R. Ponomarev // *Studia Litterarum*. – 2021. – No. 3. – S. 222–243.
12. Hofstede, G.H. Cultures and organizations: software of the mind / G.H. Hofstede. – Mc Graw Hill. – 2015. – 279 p.

Реализация инструментов сокращения социального неравенства в экономическом, политическом и культурной сферах общества

Чжан Хаопэн,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: st072557@student.spbu.ru

Эволюция социальной стратификации в Китае после реформ и открытости характеризуется двумя отличительными чертами: неравенством и полным спектром неравенства – от экономического до политического и культурного. Эволюция социальной стратификации в Китае – это процесс, в котором трехмерные структуры экономики, политики и культуры работают вместе и постоянно дифференцируются. Эта дифференциация является результатом изменений в структуре материальных интересов, а также феномена «классовой сегрегации», вызванного конкуренцией, играми, конфликтами и проникновением между различными классами. В экономической сфере разрыв в доходах увеличивается слишком быстро; в политической сфере «чиновничество» и «партийная власть и правительство», в которых доминирует властная элита, серьезно влияют на гражданские права; в культурной сфере существует структурное напряжение между расширением доступа к образованию и изменениями в социальной стратификации. Решение этих проблем является неотложным вопросом в процессе реформ в Китае и требует согласованного взаимодействия между тремя измерениями – политической системой, экономической системой и социальной структурой.

Ключевые слова: социальная стратификация; несправедливость; неравенство.

Китайское общество претерпело ряд социальных изменений после реформы и открытия страны, и с изменениями времени социальная стратификация также претерпела большие изменения. Во всем процессе социальной стратификации неравенство в экономическом, политическом и культурном аспектах является проблемой, которую нельзя игнорировать. После реформы и открытости, в процессе преобразования экономической системы и трансформации социальной структуры, социальная структура Китая также претерпела большие изменения и корректировки. Одной из наиболее очевидных и важных особенностей является увеличение разрыва в доходах между различными классами и внутри них, что привело к широкому спектру политического, экономического и культурного неравенства. Согласно данным, опубликованным Национальным бюро статистики, общая численность населения Китая в 2003 году составляла приблизительно 1,49 миллиарда человек, при этом плотность населения составляла 28481 человек на квадратный километр по данным регистрации домохозяйств; валовой национальный продукт на душу населения составлял всего 20930 долларов США. В 2004 году общая численность населения Китая составляла около 1,12 миллиарда человек, средняя плотность населения – около 9200 человек на квадратный километр по данным регистрации домохозяйств, а ВНП на душу населения – около 15400 долларов США на человека на квадратный километр. С экономической точки зрения, национальный доход Китая быстро рос в десятилетия до реформ и открытости (1952–1978), но темпы роста национального дохода на душу населения были крайне низкими (1978–1982); после реформ и открытости экономика Китая быстро росла, но валовой на-

циональный доход на душу населения оставался очень низким (1982–2003) [1]. С политической точки зрения, до реформы и открытости в Китае существовала политическая система «под руководством партии» и «под руководством правительства», которые сосуществовали и конкурировали друг с другом внутри страны, и внутри которой существовало очевидное неравенство и неравноправие (например, чиновники имели приоритет в распределении ресурсов).

Что касается увеличения неравенства в доходах, то после реформ и открытости неравенство в доходах в Китае увеличилось и ускорилось, достигнув своего наивысшего уровня около 2000 года, а затем сократилось, но все еще остается на высоком уровне. С увеличением разрыва в доходах люди из разных классов по разным причинам сформировали различные социальные группы. С одной стороны, «экономический рост привел к разделению интересов» [2]: с другой стороны, «различия в социальных структурах, созданные экономическим развитием, также привели к социальному расслоению» [3]. В текущем процессе увеличения неравенства доходов в Китае существует своего рода «двуглавая власть» [4], то есть монополярная власть в экономической системе связывает экономическую власть с политической властью посредством экономической деятельности, формируя механизм передачи политической власти предприятиям с целью получения экономических выгод. Это одна из основных причин огромного неравенства между богатыми и бедными, усиления стратификации и ускорения социального расслоения после реформы и открытости. С начала нового века китайская экономика демонстрирует большой динамизм, расширяет торговлю и инвестиции на международном рынке, но по разным причинам доходы населения Китая долгое время существенно не увеличивались. Динамичный процесс социальной стратификации показал, что в Китае су-

ществуют различные противоречия и конфликты между социальными классами.

В соответствии с несправедливым и неравным распределением доходов, китайское общество также страдает от различных форм стратификации, явления, которое проявляется в различных формах с различным содержанием в различных областях: во-первых, процесс экономического развития создал различия в экономическом статусе между различными классами внутри общества, тем самым создавая неравенство внутри страны в целом и между группами. В статье, опубликованной исследователем Ву Чжунминем, в качестве примера приводится город Синьян в провинции Хэнань: при одинаковом или похожем уровне экономического развития существует большой разрыв между городской и сельской местностью и между регионами [5]. ВВП на душу населения между городской и сельской местностью в городе Синьян провинции Хэнань составил 41510 юаней (2000) и 35900 юаней (2005), заняв 5-е место в стране, но располагаемый доход на одного городского жителя в городе Синьян составил всего около 27000 юаней (2003). По мере повышения уровня экономического развития разрыв между городской и сельской местностью становится все больше и больше. Во-вторых, психологическая структура и когнитивная психология, сформированные восприятием и оценкой членами общества своего социального статуса, их установками и поведенческим выбором в отношении экономического обращения, политической власти и распределения других благ, а также их личными ценностями, ценностными исканиями и стилями поведения, постоянно меняются. И снова культурные факторы играют роль в статусной идентичности членов общества. Культурный фактор – это неявное влияние, которое в основном воздействует на членов организации через их духовное богатство и формирует их представление об обществе и стремление к ценностям. Наконец, с реформой и открытием и развитием социалистической

рыночной экономики погоня за деньгами и властью в экономической жизни китайского народа стала более очевидной. Можно сказать, что эти аспекты не только разделили китайские социальные классы в плане материальных интересов, но и создали психологическое неравенство между китайским народом и другими группами в мире.

С точки зрения «несправедливости», увеличение разрыва в доходах из-за изменений в структуре материальных интересов, усиление сегрегации классов в распределении доходов и взаимопроникновение классов привели к росту социальной дифференциации. В распределении доходов существуют два класса: класс государственных и общественных администраторов и менеджеров, которые наиболее материально обеспечены и наиболее сильно стратифицированы, и класс промышленных рабочих и сельскохозяйственных рабочих, которые находятся во втором периоде социальной трансформации [6]. Существуют четкие различия в статусе этих двух групп. В результате экономических, политических и культурных различий и вызванного ими социального разделения в Китае возникло политическое, образовательное, культурное и профессиональное неравенство (на что часто жалуются в настоящее время). В соответствии с экономическим и социальным развитием, существует «равенство возможностей в образовании» и «оптимальное распределение образовательных ресурсов». Масштабы высшего образования в Китае растут, но его структура не является рациональной. В культурном плане также сосуществуют понятия «элитарность» и «элитное образование». Эти проблемы являются важными факторами в формировании и развитии социальной структуры, но их нельзя просто рассматривать как основную причину, а следует анализировать с экономической, политической и культурной точек зрения.

Современная модель социального расслоения в китайском обществе характеризуется экономическими, а также политическими и культурными факторами. Экономическое неравенство в ос-

новном отражается в различиях между городскими и сельскими районами и внутри отраслей, а политическое неравенство в основном отражается в различиях между различными уровнями и классами внутри партии. Поэтому для решения проблемы неравенства и несправедливости в стратифицированной социальной структуре Китая необходимо учитывать интересы всех социальных слоев и цели национального макроконтроля. С одной стороны, необходимо найти баланс между справедливостью экономического роста и предотвратить негативное влияние на социальную стабильность чрезмерного разрыва между богатыми и бедными, вызванного чрезмерным распределением; с другой стороны, необходимо в полной мере использовать макроконтрольную роль государства (такую как фискальная политика и монетарная политика), чтобы направлять рациональное распределение социальных ресурсов и усилить власть социального контроля в процессе экономического развития, чтобы избежать серьезного социального разделения и классового конфликта. В процессе построения политической системы необходимо уделять внимание защите и руководству интересами различных типов групп.

Эволюция социальной стратификации в Китае – это сложный и нелинейный исторический процесс, имеющий свою внутреннюю логику и тесно связанный с политическими, экономическими и культурными аспектами. В статье, прежде всего, рассматривается эволюция социальной стратификации в Китае после реформы и открытия страны. Во вторых, в статье представлен подробный анализ роли, которую играют экономические, политические и культурные измерения в эволюции социальной стратификации. Наконец, в статье предлагается уникальный взгляд на ключевой вопрос, стоящий перед нынешним процессом реформ и открытости, а именно: как построить честное, справедливое, открытое, гармоничное и упорядоченное общество. Вопросы, рассматриваемые в данной работе, не являются специфическими для конкретного исторического

периода, это скорее явление и проблема, которая возникает или существовала во все времена. Сейчас Китай переживает период глубоких перемен, длительных и важнейших для каждой эпохи, которые станут важнейшим шагом на пути к модернизации и мировому могуществу в ближайшие годы. В этом процессе мы должны увидеть как позитивный ответ на новые изменения в социальной структуре, отношениях социальных интересов, распределении доходов и социальном расслоении в результате экономического процветания и прогресса Китая, так и множество серьезных вызовов и проблем, с которыми сталкивается нынешний процесс развития. Правильный путь к достижению цели «всеобщего процветания» и великого омоложения китайской нации – это противостояние вызовам, активное реформирование и оперативное решение уже существующих проблем.

Литература

1. Статистический ежегодник Китая. Федеральное бюро статистик. 2010.
2. Ху Фуминг. Реформа и открытость и теоретические инновации [J] / Цзяннаньский форум, 2008 (на кит. яз.).
3. Гао Пэйюн. «Городские финансы» вряд ли могут координировать городское и сельское развитие [J] / Сяокан, 2006 (на кит. яз.).
4. У Шен Яо. Социальная стратификация и ее политические последствия в современном Китае [J] / Академический ежеквартальник Шанхайской академии общественных наук 2000 (на кит. яз.).
5. У Чжунмин. Искоренение другого вида бедности – социальной бедности [J] / Вестник науки и техники, 1994 (на кит. яз.).
6. У Чжунмин. От классового анализа к современным исследованиям социальной стратификации [J] / Academia, 2004 (на кит. яз.).
7. Ли Цян. Десять лекций о социальной стратификации (2-е изд.) / Издательство литературы по общественным наукам, 2011 (на кит. яз.).
8. Ли Цян. Политическая стратификация и экономическая стратификация [J] / Социологические исследования, 1997 (на кит. яз.).

IMPLEMENTATION OF TOOLS TO REDUCE SOCIAL INEQUALITY IN THE ECONOMIC, POLITICAL AND CULTURAL SPHERES OF SOCIETY

Zhang Haopeng

St. Petersburg State University

The evolution of social stratification in China since reform and opening up is characterised by two distinctive features: inequality and a full spectrum of inequality, from economic to political and cultural. The evolution of social stratification in China is a process in which the three-dimensional structures of economy, politics and culture work together and constantly differentiate. This differentiation is the result of changes in the structure of material interests as well as the phenomenon of «class segregation» caused by competition, games, conflict and penetration between different classes. In the economic sphere the income gap is growing too fast; in the political sphere 'bureaucracy' and 'party power and government', dominated by power elites, are seriously affecting civil rights; in the cultural sphere there is a structural tension between increasing access to education and changes in social stratification. Addressing these issues is an urgent issue in China's reform process and requires coherent interaction between the three dimensions – the political system, the economic system and the social structure.

Keywords: social stratification; injustice; inequality.

References

1. Statistical Yearbook of China. Federal Bureau of Statistics. 2010.
2. Hu Fuming. Reform and Openness and Theoretical Innovation [J] / Jiangnan Forum, 2008 (in Chinese).
3. Gao Peiyun. «Urban finance is unlikely to coordinate urban and rural development [J] / Xiaokang, 2006 (in Chinese).
4. Wu Sheng Yao. Social stratification and its political implications in contemporary China [J] / Academia Quarterly of the Shanghai Academy of Social Sciences 2000 (in Chinese).

5. Wu Zhongmin. Eradicating another kind of poverty – social poverty [J] / Bulletin of Science and Technology, 1994 (in Chinese).
6. Wu Zhongmin. From class analysis to contemporary studies of social stratification [J] / Academia, 2004.
7. Li Qiang. Ten Lectures on Social Stratification (2nd ed.) / Social Science Press, 2011.
8. Li Qiang. Political Stratification and Economic Stratification [J] / Sociological Studies, 1997 (in Chinese).

Отношение студенческой молодежи к проблеме экстремизма

Логонова Ирина Анатольевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
E-mail: okean559@yandex.ru

Полянский Виктор Владимирович,

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
E-mail: polansky.v@gmail.com

Гатен Юлия Вадимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
E-mail: gaten.ssau@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена ростом преступлений экстремистской направленности в России. Наиболее уязвима социальная группа, способствующая распространению экстремизма – молодежь. Цель статьи заключается в исследовании отношения студенческой молодежи к проблеме экстремизма и определении социального профиля студентов, подверженных воздействию идеологии экстремизма. Исследование базируется на классической количественной методологии. Авторами выявлен низкий уровень вовлеченности студенческой молодежи в экстремистскую деятельность в позиции объекта воздействия и наличие у большинства студентов устойчивой установки на неприятие экстремизма на поведенческом уровне. Тем не менее, определена небольшая группа студентов, неустойчивых с точки зрения противостояния экстремизму, демонстрирующие нейтральное или неопределенное отношение к этому явлению. Это является доказательством необходимости активизации информационно – просветительской работы в вузах по проблемам экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, студенческая молодежь, толерантность.

Распространение экстремизма во всех его проявлениях является актуальной проблемой для российского общества. В соответствии с опубликованными статистическими данными МВД РФ количество преступлений экстремистской направленности в России за одиннадцать месяцев 2022 года выросло более чем на 43% по сравнению с прошлым годом. В январе – ноябре 2022 года зарегистрировано 1407 преступлений экстремистской направленности (+43,1%) [1, с. 4.].

«Экстремизм» (от фр. *extremisme*, от лат. *extremus* – крайний) «представляет собой приверженность к крайним взглядам и, в особенности, мерам» достижения поставленных целей, решения важных для субъекта задач. В России определение экстремизма закреплено в Уголовном кодексе РФ и в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2].

Многими исследователями отмечается, что наиболее уязвима социальная группа, способствующая распространению экстремизма – молодежь. Так Д.В. Громов отмечает, что «экстремистские проявления имманентно присущи поведению молодежи» [3]. Большую роль в этом играют особенности возрастного развития личности в молодости. По мнению Т.М. Тхазеплова, «молодые люди в силу своих социальных характеристик, юношеского максимализма и особенностей восприятия событий и обстановки острее чувствуют, активнее выступают, и больше поддерживают крайние меры решения тех или иных проблем» [4, с. 67]. С.Р. Ананичева считает, что это связано с тем, что «молодежь, не имея средств реализовать свои потребности в короткие сроки легитимными способами, начинают использовать другие способы, в том числе зачастую и экстремальные» [5, с. 18]. Крайность и максимализм суж-

дений, являющийся естественным для молодежи, в свою очередь, делает её объектом воздействия радикальных идеологий и групп, а также потенциальным резервом различных движений экстремистского толка [6, с. 18].

Проблема экстремизма среди молодежи привлекает всё больше ученых разных научных направлений. В отечественной социологии изучение молодежного экстремизма активно стало осуществляться с начала 2000-х гг. Одними из первых отечественных исследователей экстремизма в молодежной среде в социологическом аспекте являются А.А. Козлов, В.Н. Томалинцев, Т.Э. Петрова [7], Г.Л. Бардиер и Н.В. Суханова [8].

Изучение социальных представлений молодежи об экстремизме в центре внимания таких исследователей как А.Р. Тузиков [9], М.Т. Ногерова, Т.А. Догучаева, М.Р. Кочкарова [10], Т.Б. Крюкова, С.Ю. Лисова [11], а также Н.В. Муценкова, О.С. Солодухина, К. Дребенштедт, Т.С. Бочкарёва, Ю.Н. Гурьянов, А.А. Гайворонская, Н.В. Муращенкова, Г.П. Кулешова, Ю.В. Дадаева и др.

Социально-психологические аспекты, факторы и причины экстремистских настроений у молодежи рассматривают Д.А. Лазарев [12], В.И. Чупров, Ю.А. Зубок [13], В.В. Никуленков, Н.А. Никитина, И.А. Дроздова [14], С.А. Суценко, Е.С. Жидяева, С.И. Самыгин [15], Т.А. Малыгина [16].

Таким образом, исследование отношения молодежи к проблемам экстремизма является актуальным и своевременным в условиях роста распространения экстремистской идеологии и вовлечения в экстремистскую деятельность молодого поколения.

Цель данного исследования – выявление отношения студенческой молодежи к проблеме экстремизма.

Для достижения этой цели предполагается решение следующих исследовательских задач:

- 1) исследовать опыт/вовлеченность студенческой молодежи в экстремистскую деятельность в позиции объекта воздействия для получения сведений

- о степени распространенности экстремистских проявлений в обществе и включенности в них студентов;

- 2) определить уровень одобрения/осуждения деятельности экстремистских организаций;

- 3) выявить наиболее виктимные социальные группы студенческой молодежи (чаще всего становящихся объектами экстремизма).

Методика исследования

Исследование базируется на классической количественной методологии. Метод сбора информации – анонимный выборочный онлайн опрос.

В соответствии с целью и задачами исследования был разработан опросник, представляющий собой комбинацию вопросов разного типа.

Анализ и обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета «SPSS for Windows». При анализе данных кроме традиционных методов анализа (построение частотных и комбинационных таблиц) использовались следующие специфические техники:

- 1) формирование социального профиля методом структурных коэффициентов. Результаты опроса позволяют не просто зафиксировать долю студентов, демонстрирующих ту или иную модель поведения, но и ответить на вопрос: какие социальные группы студентов обращаются к этой модели в большей степени? Для этого выявлялся так называемый социальный портрет (или профиль) студентов. В данном исследовании в социальный портрет помимо традиционных социально-демографических характеристик были включены и психографические особенности (уровень активности). Профиль характеризуется преимущественной представленностью тех или иных социальных групп среди выделенных типов студентов. Для определения профиля использовался метод структурных коэффициентов (или метод расчета индекса соответствия признака);

- 2) поиск зависимостей между признаками на основе критерия Хи-квадрат. Все приведенные в статье зависимости

подтверждены значимыми значениями критерия Хи-квадрат (на уровне значимости не ниже 0,05).

Исследование было выполнено Общественным советом при ГУ МВД России по Самарской области с привлечением Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева.

Объект исследования – студенты вузов Самарской области.

В онлайн опросе приняли участие студенты 18 учебных заведений Самарской области – 17 вузов (СамГУПС, СамГМУ, СамГТУ, МИР, ПГУТИ, СГСПУ, СЮИ ФСИН, СФ МГПУ, Филиал СамГТУ в г. Сызрани, СГИК, ТГИК, ТГУ, ТАУ, Самарский университет, ПВГУС, Реавиз, Филиал СамГТУ в г. Новокуйбышевске, СГЭУ).

Средний возраст опрошенных – 19,6 лет (47,2% в возрасте от 19 до 20 лет, 27,5% от 16 до 18 лет, 25,3% от 21 года и старше). Структура выборки по полу и возрасту достаточно однородна (55,6% женщин, 44,4% мужчин), что позволяет говорить о представленности в исследовании мнений основных половозрастных групп студентов.

Всего обработано и проанализировано 4815 анкет. Выборка исследования – стихийная нерепрезентативная, что типично для опросов в сети, характеризующихся высоким уровнем анонимности и трудностью контроля ключевых выборочных характеристик.

Результаты исследования

Важной задачей исследования являлось изучение опыта вовлеченности студенческой молодежи в экстремистскую деятельность в позиции объекта воздействия. Более половины опрошенных (53,7%) уверенно отвечают, что никогда не сталкивались с проявлениями экстремизма. Каждый третий (32%) не может ответить на этот вопрос. Это еще раз косвенно подтверждает вывод о том, что заметная часть молодых людей испытывает сложности с идентификацией экстремизма. Доля тех, кто имел опыт столкновения с экстремизмом в реальной жизни составила 14,3%. При этом

8,4% из них утверждают, что это было не единожды.

В качестве примеров проявлений экстремизма, с которыми приходилось сталкиваться в реальной жизни, студенты называли чаще всего: экстремистский контент в социальных сетях, ложные сообщения о минировании (школ, ТЦ и т.п.), буллинг (травля) в учебном заведении, оскорбления и унижения лиц иных национальностей, унижения и оскорбления верующих, общение со скинхедами и представителями радикальных субкультур, пропаганда фашизма, несанкционированные митинги.

Анализ социально-демографических факторов показал, что значимое влияние на опыт столкновения с экстремизмом оказывает пол: среди мужчин доля тех, кто имел подобный опыт 15,7%, среди женщин – 13,2%. На первый взгляд, разница небольшая. Однако, на данном объеме выборки, она является статистически значимой (что подтверждается значимыми значениями критерия Хи-квадрат). Таким образом, можно уверенно говорить, что юноши чаще сталкиваются с экстремизмом, чем девушки.

Аналогично высокую значимость показали и коэффициенты связи возраста и уровня материального статуса с опытом столкновения с экстремизмом: 1) чем старше студент, тем чаще он сталкивается с экстремизмом; 2) частота столкновения с экстремизмом снижается с ростом материального благосостояния.

Социальный профиль группы студентов, чаще всего сталкивающихся с экстремизмом представлен на Рисунке 1.

Преимущественно это представители мужского пола с более низким, чем в среднем по выборке уровнем дохода, но с более активной жизненной позицией.

Для получения важнейшей информации об отношении студентов к экстремизму мы исследовали уровень одобрения/осуждения деятельности экстремистских организаций, представления об актуальности проблемы экстремизма для России и наиболее опасных формах проявления экстремизма.

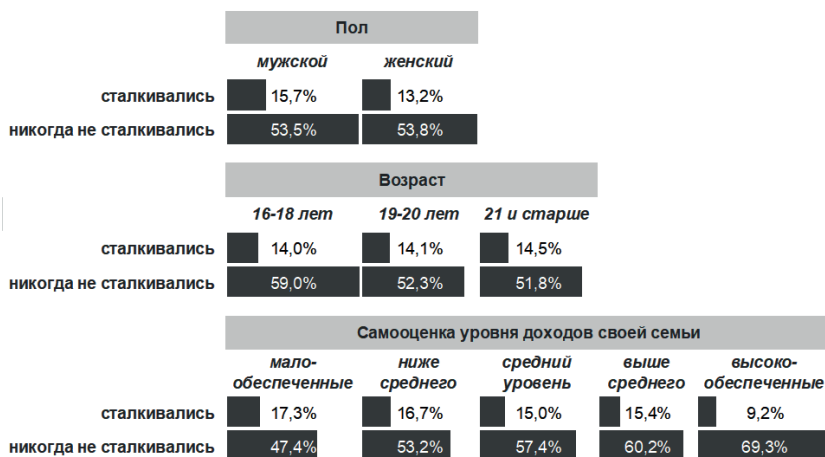

Рис. 1. Социальный профиль студентов, имеющих опыт столкновения с экстремизмом

Студенты декларируют негативное отношение и осуждение действий экстремистов и экстремистских организаций (74,4%). Об одобрении их действий заявили только 1,6% опрошенных. В рамках данной методологии невозможно оценить, соответствуют ли эти заявления реальным мнениям или это некое сознательное искажение в условиях анонимности опроса. В любом случае 1,6% – это незначительная доля, в рамках погрешности исследования.

Более пристальное внимание следует обратить на то, что каждый десятый опрошенный демонстрирует нейтральное отношение, и еще 13% не смогли однозначно ответить на этот вопрос. Практически четвертая часть студентов не сформировали определенного отношения к проблеме экстремизма.

Для выявления представления студентов об актуальности проблемы экстремизма в РФ в закрытом вопросе анкеты был сформулирован тезис о том, что экстремизм уже не локальная или региональная проблема, а масштабное общероссийское явление. Полученные результаты приведены на рисунке 2.

Студенты не разделяют этот распространенный общественно-политический дискурс: менее 40% признают важность этой проблемы, более трети считают, что есть более важные проблемы, пятая часть не имеет мнения на этот счет. Па-

радоксально, но среди тех студентов, кто имел опыт столкновения с проявлениями экстремизма, меньше доля считающих эту проблему важной и актуальной, чем среди тех, кто такого опыта не имели.

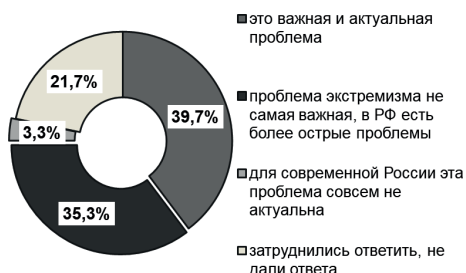

Рис. 2. Актуальность проблемы экстремизма в РФ

Относительно актуальности проблемы экстремизма для Самарской области студенты сомневаются еще больше. Мнения опрошенных по этому вопросу разделились на три практически равные части: каждый третий (33,9%) признает экстремизм в той или иной степени актуальным явлением для Самарского региона. При этом чуть более трети (34,8%) не смогли выразить свое мнение на этот счет, а 31,4% считают данную проблему не актуальной в реалиях Самарской области.

Наиболее опасными проявлениями экстремизма студенты считают крайние формы его выражения, т.е. те, что связаны с применением физического на-

сия: захват заложников для достижения своих политических целей (53,7%), акции протеста с применением насилия (поджоги, взрывы, уличные беспорядки) (39,4%), политические убийства и физические расправы (36,7%). Унижение и оскорбления по национальному признаку, угрозы в адрес людей иных национальностей, вероисповеданий (27,2%), пропаганда фашизма, включая использование фашистской символики, одежды, приветствий (24,4%) также вызывают опасения у значительного числа опрошенных.

Проявления экстремизма, связанные с поправлением прав и свобод, равно как и политические призывы радикального толка не кажутся студентам опасными: провозглашение преимущества прав одной нации над другими (15,0%), запугивание, преследование политических противников (10,7%), провозглашение преимущественных прав одной религии над другими (10,5%), призывы к насильственному свержению правительства (7,8%), призывы к ликвидации свободы печати (5,8%), призывы к запрету существующих партий и движений (3,7%), осквернение памятников, могил, храмов (16,3%). Затруднились ответить на этот вопрос 10,8%, а также не считают, что экстремизм опасен 1,7% респондентов.

Заключение

Исследование фиксирует низкий уровень вовлеченности студенческой молодежи в экстремистскую деятельность в позиции объекта воздействия, т.к. только 14,3% уверенно говорят о том, что имели опыт столкновения с экстремизмом. В данном случае следует признать, что эта цифра вряд ли соответствует реальности, и на самом деле, она гораздо выше. Дело в том, что студенты не вполне четко понимают, что следует считать экстремизмом, отсюда и возможные искажения при ответе на данный вопрос. Неслучайно, каждый третий затруднился определенно ответить на вопрос о том, приходилось ли ему сталкиваться с экстремизмом.

Спектр экстремистских проявлений, с которыми чаще всего сталкивается мо-

лодежь, достаточно широк. Это еще раз указывает на важность формирования у студентов навыков определения контента как экстремистского.

Относительно факторов, влияющих на частоту столкновения с экстремизмом, и наиболее уязвимых социальных групп студенческой молодежи (чаще всего становящихся объектами экстремизма) можно сказать следующее. Однозначно, что это чаще всего юноши, доход которых ниже, чем в среднем по выборке. При этом, как показывает опрос, для них характерна более активная жизненная позиция (состоят в организациях, участвуют в университетских мероприятиях). Но последнее, скорее всего, связано с тем, что именно эта категория активных студентов лучше осведомлена о том, что такое экстремизм, и потому они чаще говорили, что имели опыт столкновения с ним. Частота столкновения с экстремизмом увеличивается с возрастом, но снижается с ростом материального благосостояния.

Данные исследования позволяют говорить о наличии у большинства студентов устойчивой установки на неприятие экстремизма на поведенческом уровне: студенты заявляют о своей неготовности содействовать экстремизму, даже на выгодных для себя условиях. Тем не менее, есть небольшая группа тех, кто не отказался бы от такого предложения (4,7%). Социальный профиль этой потенциально «слабой», неустойчивой с точки зрения противостояния экстремизму группы студенческой молодежи представлен следующими характеристиками. Гендерный состав характеризуется доминированием мужчин. По уровню материальной обеспеченности среди них больше, чем в выборке, лиц с доходами ниже среднего, либо, напротив – с очень высокими доходами. Также среди них больше молодых людей с активной жизненной позицией (состоят в каких-либо формальных и неформальных организациях, принимают активное участие в университетских/факультетских мероприятиях). Они чаще общаются с друзьями онлайн или вообще не имеют близких друзей. Последнее настораживает, а по-

этому требуется воспитание у молодежи чувства гуманизма, со товарищества, содружества, взаимопомощи.

Таким образом, отношение студентов к деятельности экстремистских организации и непосредственно к самим экстремистам негативное, что вполне закономерно, т.к. экстремизм – явление социально неодобряемое, и естественно, на вербальном уровне студенты в большинстве своем его осуждают. Тем не менее, ощутимая часть студенчества (порядка четверти опрошенных) демонстрируют нейтральное или неопределенное отношение к этому явлению. Это еще одно доказательство необходимости активизации просветительской работы в студенческой среде по проблемам экстремизма.

Литература

1. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2022 года / Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Режим доступа: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_.pdf (дата обращения: 10.02.2023)
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Ст. 1 (с изменениями от 28 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
3. Громов Д.В. Молодежь: конструирование экстремальности // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / сост. И.А. Морозов. – М.: Индик, 2007. – С. 67–83.
4. Тхазеплов Т.М. Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи // Право и управление. – 2022. – № 5. – С. 67–69.
5. Ананичева С.Р. Проблема распространения идеологии экстремизма среди российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 8. – С. 15–19.
6. Антипов К.А., Лазукова Е.А., Разинский Г.В., Стегний В.Н. Отношение молодежи к идеологии и практике экстремизма: теоретико-методологический аспект // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2020. – № 2. – С. 23–34.
7. Козлов А.А., Томалинцев В.Н., Петрова Т.Э. Молодежный экстремизм / под общ. ред. А.А. Козлова; С.-Петербург. гос. ун-т, Науч.-исслед. ин-т комплекс. соц. исслед. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 140 с.
8. Бардиер Г.Л., Суханова Н.В. Исследование представлений студентов об экстремизме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2004. – № 1. – С. 76–88.
9. Тузиков А.Р. Социологические основы исследований специфики экстремизма в идентификациях российской молодежи // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6–3. – С. 151–155.
10. Ногерова М.Т., Догучаева Т.А., Кочкарова М.Р. Гражданская идентичность в структуре детерминации представлений студентов об экстремизме // Научное мнение. – 2016. – № 4–5. – С. 60–65.
11. Крюкова Т.Б., Лисова С.Ю. Категории «экстремизм» и «терроризм» в социальных представлениях студенчества (по результатам социально-психологического исследования) // Интеллигенция и мир. – 2021. – № 2. – С. 77–86.
12. Лазарев Д.А. Социологический подход к изучению молодежного экстремизма в современной России // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2018. – № 1. – С. 51–53.
13. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. – Москва: Academia, 2009. – 320 с.
14. Никуленков В.В., Никитина Н.А., Дроздова И.А. К анализу факторов и обстоятельств, влияющих на распространение идеологии экстремизма и терроризма в молодежной сре-

- де // The Newman in Foreign Policy. – 2020. – Т. 1. – № 52(96). – С. 27–30.
15. Сущенко С.А., Жидяева Е.С., Самыгин С.И. Экстремизм в среде российской молодежи: социальные и психологические истоки возникновения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 10. – С. 71–74.
 16. Малыгина Т.А. Основные факторы, детерминирующие проявления экстремизма в молодежной среде // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 11. – № 2(40). – С. 197–202.

THE ATTITUDE OF STUDENT YOUTH TO THE PROBLEM OF EXTREMISM

Logina I.A., Polyansky V.V., Gaten Yu.V.
Samara National Research University

The relevance of the article is due to the growth of extremist crimes in Russia. The most vulnerable social group contributing to the spread of extremism is the youth. The purpose of the article is to study the attitude of student youth to the problem of extremism and to determine the social profile of students exposed to the ideology of extremism. The study is based on classical quantitative methodology. The authors revealed a low level of involvement of students in extremist activities in the position of the object of influence and the presence of a stable mindset on the rejection of extremism at the behavioral level among the majority of students. Nevertheless, a small group of students was identified who were unstable in terms of countering extremism, demonstrating a neutral or indefinite attitude towards this phenomenon. This is evidence of the need to intensify information and educational work in universities on the problems of extremism.

Keywords: extremism, extremist activity, student youth, tolerance.

References

1. The state of crime in Russia for January – November 2022 / Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation FKU “Main Information and Analytical Center”. – Access mode: URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_.pdf (Accessed: 10.02.2023).
2. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 “On Countering Extremist Activity”. Article 1

- (as amended on December 28, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – St. 3031.
3. Gromov D.V. Molodezh: konstruktivnaya ekstremnosti / D.V. Gromov // Men’s collection. Vol. 3. A man in an extreme situation / comp. I.A. Morozov. – M.: Indrik, 2007. – PP. 67–83.
 4. Tkhezeplov T.M. Prevention of extremism and terrorism among youth // Law and Management. – 2022. – No. 5. – PP. 67–69.
 5. Ananicheva S.R. The problem of spreading the ideology of extremism among the Russian youth // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2019. – No. 8. – PP. 15–19.
 6. Antipiev K.A., Lazukova E.A., Razinsky G.V., Stegnyy V.N. Attitude of youth to the ideology and practice of extremism: theoretical and methodological aspect // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. – 2020. – № 2. – PP. 23–34.
 7. Kozlov A.A., Tomalintsev V.N., Petrova T.E. Youth extremism / ed. ed. A.A. Kozlov; St. Petersburg. state un-t, Nauch.-issled. in-t complex. social research St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. un-ta, 1996. – 140 p.
 8. Bardier G.L., Sukhanova N.V. Study of students’ ideas about extremism // Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relationships. – 2004. – No. 1. – PP. 76–88.
 9. Tuzikov A.R. Sociological foundations of research on the specifics of extremism in the identifications of Russian youth // Kazan Pedagogical Journal. – 2015. – No. 6–3. – PP. 151–155.
 10. Nogerova M.T., Doguchaeva T.A., Kochkarova M.R. Civil identity in the structure of determination of students’ ideas about extremism // Scientific opinion. – 2016. – No. 4–5. – PP. 60–65.
 11. Kryukova T.B., Lisova S. Yu. Categories “extremism” and “terrorism” in the social perceptions of students (according to the results of socio-psychological research) // Intelligentia and the world. – 2021. – № 2. – PP. 77–86.
 12. Lazarev D.A. Sociological approach to the study of youth extremism in modern Russia // Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly). – 2018. – No. 1. – PP. 51–53.
 13. Chuprov V.I., Zubok Yu.A. Youth extremism: essence, manifestation forms, tendencies. – Moscow: Academia, 2009. – 320 p.

14. Nikulenkov V.V., Nikitina N.A., Drozdova I.A. To the analysis of factors and circumstances influencing the spread of the ideology of extremism and terrorism among the youth // *The Newman in Foreign Policy*. – 2020. – Vol. 1. – No. 52(96). – PP. 27–30.
15. Sushchenko S.A., Zhidyayeva E.S., Samygin S.I. Extremism among Russian youth: social and psychological origins // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. – 2017. – No. 10. – PP. 71–74.
16. Malykhina T.A. The main factors that determine the manifestations of extremism in the youth environment // *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2020. – Vol. 11. – No. 2(40). – PP. 197–202.

Выявление факторов профессиональной социализации обучающихся: на примере вузов пожарно-технического профиля МЧС России

Яковлева Ольга Ивановна,

аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
E-mail: Olga200663@gmail.com

В статье обобщены результаты нескольких социологических исследований, проведенных автором в вузах Государственной противопожарной службы МЧС России в 2015–2020 гг., которые позволили выявить роль отдельных факторов профессиональной социализации в сфере пожарной охраны. Для профессий, связанных с высоким риском, содержание профессионализма определяется не только наличием профессиональных знаний и навыков, но и другими составляющими: личностными качествами, ценностями, пониманием роли и институциональной специфики, профессиональной идентичностью. В ходе серии опросов курсантов и выпускников были исследованы три группы факторов: качество и условия обучения; взаимодействие с ключевыми фигурами – профессионалами; предварительная (семейная) социализация. Было выявлено, что качество и условия обучения положительно влияют на формирование профессиональной идентичности и ролевой готовности, но не на результаты обучения. Ключевые фигуры, прежде всего преподаватели, имеют значение для формирования отдельных профессионально-личностных качеств. Предварительная социализация оказывает амбивалентное воздействие: положительно влияя на ряд значимых профессионально-личностных качеств, она негативно сказывается на аспектах профессиональной идентичности и ролевой готовности. Исследование агентов социализации показало, что организационная среда ведущего профильного вуза является умеренно-благоприятной для профессиональной социализации.

Ключевые слова: профессиональная социализация, пожарная охрана, ГПС МЧС России, высшее образование, профессионализм.

Введение

Профессиональная социализация – ключевой социальный процесс, обеспечивающий воспроизводство институциональной системы, долговременную устойчивость и функциональность профессиональных институтов. Подобно тому, как общая социализация обеспечивает формирование норм, знаний и моделей поведения, необходимых для жизни в обществе, профессиональная социализация создает условия для превращения новичков в профессионалов, способных выполнять специфические для того или иного института или рода деятельности задачи. Однако в отличие от общей, профессиональная социализация характеризуется высоким разнообразием факторов, действующих в различных сегментах профессиональных институтов и связанных со спецификой видов деятельности и выполняемых функций. Другими важными особенностями являются более активная роль новичка, способного рефлексивно оценивать и влиять на условия своей социализации, а также наличие институционального уровня в самом процессе социализации [1]. Этот уровень предполагает целенаправленное создание целей и условий профессиональной социализации, в частности, в виде профессиональных или образовательных стандартов, правил и требований, касающихся обучения профессионалов, их адаптации на рабочем месте и др.

Как и многие другие профессиональные институты, сфера пожарной безопасности характеризуется спецификой деятельности, отличающей ее не только от «гражданских», но также и от других институтов «силовой» направленности. Данная сфера относится к числу профессий, связанных с высоким уровнем риска, главным функциональным требованием к которым является способность устойчиво и надежно выполнять свои за-

дачи при высоком уровне риска [2]. Как и другие военные и парамилитарные организации, пожарная безопасность предъявляет особые требования к физическим, психологическим и социальным навыкам профессионалов. Однако в отличие от военных и правоохранительных органов, сфера пожарной безопасности имеет дело с особым типом рисков (природных и техногенных), причем для некоторых категорий линейного персонала эти риски действуют постоянно в ходе выполнения профессиональных задач.

Несмотря на то, что пожарная охрана – один из старейших общественных институтов, вопрос о том, что составляет ядро профессионализма, и, соответственно, является предметом социализации в этой сфере, остается открытым. Традиционно, профессионализм связывается, прежде всего, с профессиональными знаниями и навыками, которыми владеет работник. Однако дискуссии последнего времени заставляют предположить, что успешное освоение роли пожарного включает гораздо более широкий перечень требований, в котором личностные, психологические, социальные и этические компоненты могут играть даже более существенную роль, чем технические компетенции [2–6].

Отсутствие консенсуса относительно точного содержания профессионализма в пожарной сфере затрудняет выявление системы факторов, обуславливающих успешную социализацию. Эта проблема усугубляется недостаточностью исследований, которые позволяли бы надежно выявить значимые факторы. В существующей литературе, как зарубежной, так и российской, называется достаточно широкий круг факторов, значимых для профессиональной социализации пожарных. К таковым, в частности, относятся важность предварительного профессионального выбора и социализации в семье [2; 7], неформальные взаимодействия с ключевыми носителями профессиональных ролей [6; 8], организационные факторы [7; 9]. Однако общее понимание значимости различных факторов на сегодняшний день остается низким.

Цель данной статьи заключается в выявлении основных факторов, значимых для успешной профессиональной социализации в сфере пожарной безопасности, а более конкретно – факторов, действующих на этапе обучения в профильных российских вузах, подведомственных МЧС. В статье приводятся основные результаты серии социологических исследований, проведенных в вузах государственной противопожарной службы (ГПС МЧС России) в период с 2015 по 2020 гг. Исследования проводились методами опроса и интервью среди курсантов, выпускников и преподавателей вузов (прежде всего – Академии ГПС МЧС России), а также среди руководящих работников подразделений ГПС. Хотя в ходе исследований были изучены различные аспекты обучения и профессионального развития, в данной статье мы приводим только основные результаты и выводы, касающиеся факторов успешной профессиональной социализации.

Социологическое исследование факторов успешной профессиональной социализации в ходе обучения в вузах ГПС МЧС России

Оценка роли факторов успешной социализации предполагает установления связи между некоторыми процессами и обстоятельствами, действующими внутри или вне образовательной организации, а также достигнутыми результатами. Достоверное измерение и того, и другого сопряжено со значительными трудностями, в том числе из-за концептуальной неопределенности того содержания, которое определяет профессионализм специалистов пожарной охраны. Одним из возможных источников информации об успешности профессиональной социализации являются оценки, даваемые самими обучающимися и выпускниками. Несмотря на неизбежную субъективность, они стоят перед необходимостью выхода на рынок труда в сложной профессиональной сфере, что требует оценки собственной готовности к службе.

В ходе серии социологических опросов, проведенных среди курсантов и выпускников вузов ГПС, успешность профессиональной социализации оценивалась с точки зрения четырех компонентов:

- формирования **профессиональной идентичности**, выражающейся в удовлетворенности выбором профессии, уверенности в ее выборе и нежелании менять профессию;
- формирования **готовности** к профессиональной роли, выражающейся в уверенности своего знания служебных обязанностей и особенностей службы, а также субъективной готовности к выполнению обязанностей офицера пожарной охраны;
- сформированности отдельных **профессиональных качеств**, список которых был составлен на основе известного в отрасли перечня из модели выпускника Ивановского института ГПС МЧС России [10, с. 97];
- **результатов обучения**, выражающихся в субъективной оценке своей успеваемости и оценке дефицитности приобретенных технических знаний.

Обратим внимание, что узкопрофессиональные компетенции, с которыми, прежде всего, традиционно ассоциируется профессиональная социализация, рассматривается лишь как один из компонентов, необходимых для успешного выполнения роли профессионала пожарной охраны.

В ходе исследований были изучены три группы факторов, которые, предположительно, влияют на успешную социализацию:

- **факторы качества и условий обучения**, интегральным показателем которых служит удовлетворенность обучением;
- **факторы ключевых фигур профессионалов**, которые выявлялись при помощи индикаторов, связанных с оценкой степени влияния известных фигур в отрасли, преподавателей и командиров на профессиональное становление;
- **факторы предварительной социализации**, связанные с влиянием ро-

дителей и семейной традиции на профессиональный выбор.

Для оценки роли различных факторов выявлялась их связь с каждым типом результатов профессионального обучения. Использование различных статистических мер связи, зависящих от характера доступных данных и типов шкал, позволило выявить следующие основные зависимости и взаимосвязи.

Качество и условия обучения. Наименее устойчиво и достоверно этот фактор связан с показателями профессиональной идентичности. По результатам нескольких опросов можно утверждать, что курсанты, удовлетворенные своим обучением в профильном вузе, также больше удовлетворены своим выбором профессии, более уверены в нем и испытывают меньшее желание сменить профессию.

Также достаточно надежным и достоверным можно считать положительную связь качества обучения с формированием ролевой готовности. Студенты, удовлетворенные обучением в вузе, чувствуют себя лучше готовыми к роли профессионала в сфере пожарной охраны, как в техническом (с точки зрения знаний), так и в психологическом смысле.

Вместе с тем значимых и достоверных связей между качеством и условиями обучения с результатами обучения и успешностью формирования профессиональных качеств в ходе исследований выявлено не было.

Ключевые фигуры. Несмотря на то, что субъективные оценки курсантов отводят большую роль ключевым фигурам, как внутриорганизационным (преподаватели, командиры), так и внешним (лидеры профессии), исследования не позволили подтвердить их существенного влияния на профессиональную социализацию. Единственным исключением стал индикатор, связанный с оценкой вклада преподавателей в освоение профессии. Этот фактор значимо связан с отдельными элементами профессиональной идентичности, способствуя удовлетворенности выбором профессии, а также с формированием отдельных профессиональных качеств. Более конкретно,

высокая оценка роли преподавателей способствует формированию:

- отношения к служебному долгу ($\chi^2=18,8, p<0,01$);
- взаимовыручке и коллективизму ($\chi^2=11,5, p=0,02$);
- способности брать на себя ответственность ($\chi^2=11,2, p=0,03$);
- командно-организаторских способностям ($\chi^2=9,9, p=0,04$).

Предварительная социализация.

Имеются данные о связи предварительной социализации и профессиональной идентичности, однако она не является достаточно устойчивой. Проявляясь лишь в некоторых исследованиях, она показывает, что родители и семейная традиция оказывают негативное влияние на уверенность в выборе профессии и положительное – на желание сменить ее. Этот результат выглядит противоречащим представлениям о роли профессиональных династий и социализирующем эффекте общения в семье. Однако необходимо иметь в виду, что социализация взрослого человека носит рефлексивный характер, и курсанты способны критично оценить влияние родителей, их представлений и оценок, в свете собственного жизненного опыта и стратегий. Иными словами, курсанты, получившие собственный профессиональный опыт, могут прийти к выводу, что их выбор профессии, обязанный родителям и семьям, был неверным. Кроме того, высокая роль родителей и семьи в принятии ключевых жизненных решений может уменьшать чувство автономности и самодетерминированности человека, которые в современных теориях представляются основой внутренней мотивации человека.

Предварительная социализация, а именно роль родителей, также отрицательно связана с ролевой готовностью. Хотя эта зависимость также проявляется не во всех исследованиях, она согласуется с предыдущим результатом и может объясняться теми же механизмами.

Предварительная социализация, а именно, роль родителей, оказывают влияние и на формирование профессиональных качеств. Более конкретно,

выявлена положительная связь этого фактора с формированием следующих качеств:

- смелость и готовность к разумному риску ($\chi^2=11,3, p<0,01$);
- взаимовыручка и коллективизм ($\chi^2=9,2, p<0,01$);
- физическая и ментальная выносливость ($\chi^2=9,1, p<0,01$);
- навыки межличностного общения ($\chi^2=4,7, p=0,04$);
- способность адекватно оценивать обстановку ($\chi^2=4,6, p=0,04$);
- способность работать в экстремальных условиях ($\chi^2=4,6, p=0,04$);
- командно-организаторские способности ($\chi^2=4,5, p=0,04$).

Изучение сформированности профессиональных качеств проводилось только в ходе одного исследования, поэтому сложно оценить, насколько устойчивыми являются эти результаты. Тем не менее, они могут означать, что регулярное взаимодействие с профессионалом пожарного дела в семейном контексте приводит к усвоению важных элементов профессиональной роли в значительной мере имплицитным путем, через передачу «неявного знания» и типичных моделей поведения. Тем самым роль предварительной социализации оказывается амбивалентной: усвоение отдельных элементов профессиональной роли, причем в наиболее значимых профессионально-личностных аспектах, возможно, компенсируется снижением чувства автономности и самостоятельности при выборе профессиональной карьеры и жизненного пути.

При всей важности оценок, даваемых курсантами и выпускниками, достоверное выявление факторов профессиональной социализации только на их основе не может быть достаточно достоверным и надежным. Преподаватели и другие агенты социализации, а также руководители подразделений, в которые устраиваются выпускники, позволяют дать альтернативную и независимую оценку результатам профессиональной социализации и, отчасти, значимости отдельных факторов.

Согласно результатам опросов преподавателей и руководителей подразделений ГПС уровень подготовленности выпускников в плане специальных знаний и навыков не в полной мере отвечает потребностям профессии. Еще важнее то, что они, особенно руководители подразделений, склонны более критично оценивать уровень профессиональной готовности выпускников, чем сами обучающиеся. В особенности это касается управленческих знаний и навыков, степень сформированности которых сильно недооценивается курсантами и особенно выпускниками. Если среди руководителей дефицит таких знаний отметили 55,6% респондентов, то среди курсантов таковых оказалось 34,1%, а среди выпускников – только 20,2% (исследования 2015–2017 гг.). Также внешние независимые оценки говорят о недостаточной готовности выпускников к профессиональной роли: 75,6% руководителей считают, что выпускники представляют себе особенности будущей службы лишь в общих чертах, а 20,5% – что вообще не имеют представления о них. Эти цифры в два раза превышают оценки самих курсантов и выпускников.

Результаты опроса преподавателей и внешних специалистов не позволяют напрямую оценить влияние отдельных факторов на результаты профессиональной социализации. Однако они позволяют оценить те организационные и институциональные условия, в которых разворачивается этот процесс во время обучения и в которых работают непосредственные агенты социализации. Это позволяет косвенно оценить, в какой мере организационная среда российских профильных вузов обеспечивает формирования ключевых профессиональных навыков и других составляющих успешной социализации. Главные результаты могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, общее качество обучения признается как среднее, хотя оценки преподавателей существенно различаются. Несмотря на это, общепризнанной является недостаточная способность вуза в формировании необходимых прак-

тических навыков. В целом, потенциал профильных вузов в освоении профессиональных компетенций реализован не полностью.

Во-вторых, преподавательский состав достаточно активно участвует в профессиональной социализации не только в рамках учебной деятельности, но и в других форматах работы с курсантами: воспитательная работа (регулярно участвуют 71,4%), индивидуальные консультации (52,1%), вовлечение в научную работу (52,1%). Учитывая имеющиеся данные о роли неформальных коммуникаций в успешной социализации пожарных [8], можно говорить о наличии достаточно благоприятных условий для социализации через взаимодействие с ключевыми фигурами. Вместе с тем следует отметить, что участие в таких форматах работы в значительной мере обусловлено институциональными и организационными требованиями к ГПС, а значит, имеет формальную основу. В этих условиях эффективность таких механизмов социализации зависит от уровня мотивации работников.

В-третьих, опрос выявил, что уровень удовлетворенности и мотивации работников ведущего профильного вуза является умеренным. В полной мере удовлетворены своей работой 51,3%, частично – 25,2%, в той или иной степени не удовлетворены – 22,0%. К числу двух основных факторов привлекательности работы в вузе относятся возможность реализовать свои способности (63,0%) и стабильность заработка (49,6%). Дополнительный анализ показал наличие положительной связи между удовлетворенностью работой и важностью мотива самореализации ($\chi^2=9,9$, $p=0,04$) и отсутствие такой связи в случае материального мотива. Преподаватели с преобладанием внутренней мотивации, в свою очередь, способны наполнить формальную внеучебную работу ценным содержанием, важным для формирования профессиональной идентичности и усвоения профессиональной роли. В совокупности эти данные позволяют утверждать, что большая часть преподавателей, в целом, способна активно

участвовать в неформальной социализации курсантов, что, по-видимому, и обеспечивает признание их значительной роли со стороны самих обучающихся. В то же время очевидно, что социализирующий потенциал неформальных коммуникаций реализован не в полной мере, так как значимая часть ППС имеет не подходящий для этого мотивационный профиль.

Заключение

Результаты серии социологических исследований имеют определенные ограничения, связанные с числом изученных факторов социализации, средствами измерения и особенностями выборок, что делает актуальными дальнейшие исследования. Тем не менее они показывают сложную внутреннюю структуру как результатов, так и факторов успешной социализации профессионалов пожарной дела. Профессионализм в сфере пожарной охраны включает качественно различающиеся компоненты, формирование которых находится под действием различных, иногда разнонаправленных сил. Качество и условия обучения наиболее важны для формирования профессиональной идентичности и готовности к профессиональной роли. Взаимодействие с ключевыми фигурами профессии, как внутри вуза, так и за его пределами, имеет значение для формирования некоторых важных профессионально-личностных качеств. Предварительная социализация оказывает разностороннее, но амбивалентное воздействие, способствуя развитию важных профессионально-личностных качеств, но затрудняя формирование профессиональной идентичности из-за угрозы личной автономности новичка. Организационная среда, характерная для ведущих вузов ГПС, в целом, имеет условия для профессиональной социализации, в том числе посредством неформальных коммуникаций, однако ее потенциал реализован далеко не в полной мере.

Полученные нами результаты показывают необходимость более явного включения в институциональные цели системы профильного образования

элементов профессионализма, не связанных исключительно с качеством обучения и уровнем профессиональных знаний. Как на организационном, так и институциональном уровне необходимо более комплексное понимание как самой сущности профессионализма в пожарной сфере, так и условий успешной профессиональной социализации.

Литература

1. Саенко Л.А., Затева Т.Г. Профессиональное образование как базовый процесс профессиональной социализации // Дискуссия. – 2014. – № 5. – С. 123–127.
2. Майерс К.К. Горящее желание // Management Communication Quarterly. – 2005. – Vol. 18. – No.3. – P. 344–384.
3. Болотин А.Э., Аганов С.С., Довженко М.С. Структура готовности выпускника вуза ГПС МЧС России к профессиональной деятельности // Научно-аналитический журнал Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. – 2015. – № 1. – С. 159–163.
4. Коррейя Т. Характер, установки и ценности: определение «хорошего» пожарного // Пожарная техника. – 28.01.2021. – URL: <https://www.fireengineering.com/commentary/character-attitudes-and-values-defining-the-good-firefighter/> (дата обращения: 25.07.2022).
5. Ко Ю.-С. Добавленная стоимость // Журнал FRM. – 2008. – April. – P. 48–49.
6. Шубин В.А. Профессиональная социализация курсантов вузов государственной противопожарной службы. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. – Пенза, 2011. – 23 с.
7. Десмонд М. Обеспечение возможности развертывания пожарных // Качественная социология. – 2011. – Т. 34. – С. 59–77.
8. Майерс К.К. Обобществление организационных знаний: неформальная социализация посредством взаимодействия в рабочей группе // Коммуникация и организационные зна-

ния: современные проблемы теории и практики / под ред. Х.Э. Кэнэри, Р.Д. Макфи. – Нью-Йорк; Лондон: Ратледж, 2011. – С. 285–303.

9. Ко Ю.-С., Као Х.С.Р. Влияние военизированной дисциплины на психологию пожарных // Предотвращение стихийных бедствий и управление ими. – 1993. – Т. 2. – № 3. – С. 26–34.
10. На рубеже веков и поколений: Очерки и материалы по истории Ивановского института ГПС МЧС России. – Иваново: Издательство «Ивано-во, 2006. – 248 с.

IDENTIFICATION OF FACTORS OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF STUDENTS: THE EXAMPLE OF UNIVERSITIES OF FIRE AND TECHNICAL PROFILE OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

Yakovleva O.I.

Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The article summarizes the results of several sociological studies conducted in the universities of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia in 2015–2020, which made it possible to identify the role of selected factors of professional socialization in fire service. For high-risk professions, the content of professionalism is determined not only by knowledge and skills, but also by other components: personal qualities, values, understanding of the role and institutional specifics, professional identity. In the course of a series of surveys of cadets and graduates, three groups of factors were investigated: the quality and conditions of education; interaction with key figures of professionals; preliminary (family) socialization. It was found that the quality and conditions of education have a positive effect on the formation of professional identity and preparedness for the role, but not on learning outcomes. Key figures, primarily faculty staff, are important for the formation of several professional and personal qualities. Preliminary socialization has an ambivalent effect: positively influencing a number of important professional and personal qualities, it negatively affects aspects of professional identity and preparedness for the role. The study of socialization agents showed that the organi-

zational environment of the leading university in profession is moderately favorable for professional socialization.

Keywords: professional socialization, fire service, EMERCOM, higher education, professionalism.

References

1. Saenko L.A., Zateeva T.G. Professional Education as the Basic Process of Professional Socialization // Discussion. – 2014. – № 5. – С. 123–127.
2. Myers K.K. A burning desire // Management Communication Quarterly. – 2005. – Vol. 18. – No.3. – P. 344–384.
3. Bolotin A.E., Aganov S.S., Dovzhenko M.S. Structure of readiness of a graduate of the State Fire Service of Russia to professional activity // Scientific and analytical journal Vestnik of St. Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia. – 2015. – № 1. – С. 159–163.
4. Correia T. Character, attitudes, and values: defining the 'Good' Firefighter // Fire Engineering. – 28.01.2021. – URL: <https://www.fireengineering.com/commentary/character-attitudes-and-values-defining-the-good-firefighter/> (accessed 25.07.2022).
5. Ko Y.-C. Value added // FRM Journal. – 2008. – April. – P. 48–49.
6. Shubin V.A. Professional socialization of cadets of higher education institutions of the state fire department. Autoref. dissertation. Candidate of Social Sciences. – Penza, 2011. – 23 с.
7. Desmond M. Making firefighters deployable // Qualitative Sociology. – 2011. – Vol. 34. – P. 59–77.
8. Myers K.K. Socializing organizational knowledge: informal socialization through workgroup interaction // Communication and Organizational Knowledge: contemporary issues for theory and practice / Ed. by H.E. Canary, R.D. McPhee. – New York; London: Routledge, 2011. – P. 285–303.
9. Ko Y.-C., Kao H.S.R. The effects of paramilitary discipline on the psychology of fire-fighters // Disaster Prevention and Management. – 1993. – Vol. 2. – No.3. 26–34.
10. At the Turn of the Centuries and Generations: Essays and Materials on the History of Ivanovo Institute of the Russian Ministry of Emergency Situations. – Ivanovo: Ivanovo Publishing House, 2006. – 248 с.

Эволюция социальной роли регистрации домохозяйств Китая («Хукоу»)

Чжан Хаопэн,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет,

E-mail: st072557@student.spbu.ru,

Формирование системы регистрации домохозяйств – длительный и сложный процесс, а его влияние на социальную стратификацию носит постоянный и длительный характер. В ходе длительного процесса социальных изменений движение населения, развитие городов, реформа образования и промышленная структура – все это повлияло на систему регистрации домохозяйств, что привело к существованию и перемещению различных социальных слоев. После реформы и открытия Китая, особенно в 21 веке, система хукоу еще больше трансформировалась в процессе урбанизации (особенно в мегаполисах), но все еще сохраняет некоторые свои элементы. Система регистрации домохозяйств – это социальное явление, продукт определенного исторического этапа существования общества, имеющий свою специфическую функцию на определенном этапе. На макроуровне можно увидеть, что великие достижения китайского экономического развития за последние сорок лет реформ и открытости оказали значительное влияние на экономическое и социальное развитие современного Китая. На микроуровне структура и мобильность социальных классов Китая тесно связаны с системой хукоу.

Ключевые слова: социальная стратификация, система регистрации домохозяйств, Хукоу.

Система регистрации домохозяйств Китайской Народной Республики – это политика управления населением, основанная на домохозяйствах, проводимая Китайской Народной Республикой в отношении своих граждан. Это социальная система, которая возникла с появлением государства и подразумевает исследование, регистрацию и декларирование населения домашних хозяйств в пределах его юрисдикции через органы власти всех уровней, а также установление, классификацию, зонирование и составление домашних хозяйств в соответствии с определенными принципами. Это была главная основа для того, чтобы правитель мог взимать и собирать налоги, осуществлять управление и обеспечивать соблюдение законов, а также важный способ морального воспитания крестьян и восстановления их личной свободы [1].

Система регистрации домохозяйств, основанная на регистрации и управлении «хукоу», является не только основной системой социального управления в Китае, но и системой, тесно связанной с распределением ресурсов и льгот. В определенной степени система хукоу используется в качестве критерия для повседневной жизни людей, включая питание, одежду, жилье, транспорт, жизнь, болезнь и смерть, обучение и трудоустройство, а также защиту благосостояния. Основные элементы системы хукоу включают систему двойной идентификации, которая делит граждан на сельскохозяйственных и несельскохозяйственных хукоу, а также строгий административный контроль за передачей хукоу между различными местами в соответствии с принципом юрисдикции хукоу. Сегодня система хукоу претерпела различные формы реформирования, такие как реформа хукоу в малых городах в середине 1980-х годов и эффективное хукоу в местных городах, пробное введение системы удостоверений

личности жителя, замаскированная продажа хукоу в 1990-х годах путем оплаты «преобразования крестьян в непостоянных жителей» и пилотная реформа хукоу в 21 веке. Особенно в процессе рыночной трансформации все больше людей из сельской местности и городов стали переезжать в крупные и средние города, где они работают в качестве временных работников, контрактных работников и трудовых мигрантов или занимаются индивидуальной трудовой деятельностью, и тот факт, что они могут жить в городах как обычно без формального перемещения своего хукоу, заставляет людей чувствовать, что хукоу сегодня не имеет значения. Но с другой стороны, иногда хукоу имеет особое значение, начиная с поступления детей в школу и заканчивая развитием карьеры, поскольку наличие местного хукоу является необходимым условием для доступа к этим институциональным ресурсам. В современном китайском обществе наличие местного хукоу не считается преимуществом, а наоборот – препятствием.

Система регистрации домохозяйств имеет долгую историю в Китае и является социальным институциональным механизмом для целей социального контроля. Еще во времена династий Ся и Шан люди начали вести учет домохозяйств на основе «лицзя» (хукоу). В «Люй ши чунь цю» («Весенние и осенние анналы Лу») говорится, что «всех людей мира охраняли лицазя, и если лицазя не входил, многие люди покидали свои дома» [2]. Аналогичное утверждение содержится в «Гоюй»: «Тот, кто имеет лицазя в народе, не может управляться без великого чиновника» [3]. В период Весны и Осени и в период Воюющих государств государство Цинь ввело систему регистрации земли, основанную на «реестре домохозяйств», чтобы усилить управление крестьянами. Реестр домохозяйств выполнял полезную функцию в социальной жизни, регистрируя, обобщая статистику и анализируя информацию на основе «реестров». После объединения Китая первым императором династии Цинь был издан ряд законов и постановлений, включая «Шесть законов», ко-

торые предусматривали «систему лицазя», а во времена династии Хань была создана строгая система регистрации домохозяйств, с подробным регламентом объектов, содержания и процедур регистрации домохозяйств: жители делились на военные и гражданские домохозяйства. Во времена династии Восточная Хань был издан Закон о чиновниках девятого класса; в период Троецарствия была введена система регистрации домохозяйств; во времена династии Две Цзинь была введена регистрация и управление домохозяйствами, полями и домами, браками; во времена Северной и Южной династий были изданы Закон о домохозяйствах и Закон о разном, а также указы и постановления об управлении домохозяйствами; во времена династии Суй были сформулированы Закон о домохозяйствах Суй и постановления об управлении регистрацией домохозяйств; во времена династии Тан была законодательно введена национальная система регистрации домохозяйств. Династия Мин под влиянием «восьминогого экзамена» провела ряд реформ, заменив традиционный императорский экзамен на судебный экзамен (также известный как экзамен), которым руководило министерство чиновников, и уточнив содержание и процедуры экзамена. Экзамен также был строгим требованием при приеме на работу государственных служащих [4].

Система регистрации домохозяйств в Китае в определенном смысле является проявлением государственных средств контроля и основной функционирования традиционного китайского общества; до 1950-х годов в Китае существовала плановая экономика и административная иерархия между городскими и сельскими районами. Введение в действие Положения Китайской Народной Республики о регистрации домохозяйств в 1956 году создало институциональное разделение между городскими и сельскими районами. Когда городские жители отправлялись в сельскую местность, чтобы подать заявление на получение удостоверения личности, перенести регистрацию домохозяйства и выполнить

другие задачи по управлению хукоу, им приходилось обращаться в бюро общественной безопасности своего района или уезда для прохождения процедур и заполнения бланков. Если они не могут поселиться в данном районе, то они должны подать заявление на получение временного вида на жительство. В рамках этой системы передвижение людей ограничивается и контролируется: хукоу и удостоверение личности являются формой идентификации: «разрешение на временное проживание» является законным документом, удостоверяющим личность для краткосрочного проживания; «удостоверение личности» является подтверждением регистрации домохозяйства; а «книга хукоу» – это подробная регистрация каждого человека с указанием даты рождения, пола, профессии, места происхождения и т.д. Система «хукоу» не только привязывает крестьян к их сельской земле, но и препятствует свободному передвижению большого числа городских жителей, создавая объективное социальное расслоение. Многие проблемы, возникающие в связи с системой регистрации домохозяйств, сосредоточены на трудностях перемещения между городскими и сельскими районами и социальном обеспечении, что создает серьезную социальную несправедливость и увеличивает разрыв между городскими и сельскими районами.

Социальная стратификация – это большое понятие, которое включает в себя множество аспектов: профессиональная стратификация, возрастная стратификация и т.д., и все эти аспекты тесно связаны с межклассовой мобильностью и развитием. Однако долгое время наши исследования этих аспектов были сосредоточены на движении и развитии между классами с точки зрения экономического и социального развития, игнорируя при этом более важный элемент системы регистрации домохозяйств. Мы знаем, что социальный статус человека во многом определяется социальным классом, в котором он живет, одним из основных источников которого является уровень полученного им образования. Наиболее прямой

переменной является уровень образования, который играет роль в социальном статусе и развитии человека, в отрыве от более важной переменной системы регистрации домохозяйств. Выбор человека и его право изменить (или отказаться) свою идентичность и поведение в зависимости от социального класса, в котором он живет, и т.д. Но мы видим, что система регистрации домохозяйств, по сути, является «невным» социальным разделением труда с сильным дискриминационным подтекстом [5]. Роль системы регистрации домохозяйств в социальном статусе и развитии личности не только искусственно стратифицирует и ограничивает индивидуальную свободу, но и оказывает глубокое воздействие. Она также определяет статус и развитие гражданина в рамках его социального класса и то, что он может получить в плане образа жизни в соответствии с интересами своего класса.

После 1970-х годов, по мере ускорения реформ и открытости Китая и темпов развития социалистической рыночной экономики, разрыв между городом и деревней постепенно сокращался, и эта тенденция стала особенно очевидной после 1980-х годов [6]. Вследствие этого неравенство в распределении доходов между городскими и сельскими районами и между различными социальными классами в Китае стало более значительным. В настоящее время основной разрыв в распределении доходов в Китае обусловлен двумя аспектами: во-первых, низким уровнем доходов от заработной платы, а во-вторых, несправедливым владением собственностью. Система регистрации домохозяйств, как средство социального контроля, в определенной степени сыграла свою роль в регулировании разрыва в доходах между жителями и содействии социальному равенству. Система регистрации домохозяйств как средство социального контроля повлияла на различия в уровне доходов между разными регионами и отраслями в Китае, и, как следствие, на различия в доходах и имуществе между разными классами. Система хукоу оказала значительное вли-

ание на образ жизни городских жителей: во-первых, традиционный состав населения Китая в основном состоит из горожан и крестьян, которые имеют собственное жилье и финансовые средства и не теряют соответствующих льгот в результате приобретения хукоу; во-вторых, существует значительная разница между городскими и сельскими жителями, при этом сельскохозяйственные хукоу подвергаются дискриминации и во многом ограничены; в-третьих, городские жители имеют доступ к здравоохранению, образованию и социальному обеспечению. Однако мы должны признать, что система «хукоу» в Китае является давно установленным и высоко дифференцированным средством социального контроля.

Система регистрации домохозяйств вызвала изменения в социальной стратификации Китая и оказала значительное влияние на изменения в структуре социальной стратификации, которых не избежать при реформировании и строительстве современных политических и социальных систем Китая. Если дуалистическая система «город-село» создала социальное расслоение, то система «хукоу» закрепила это социальное расслоение.

В Китае система регистрации домохозяйств была не только системой демографической информации в общем смысле, но и часто являлась базовой основой для управления народом, сбора дани, регулирования питания, поощрения военной службы и организации армии. Сам регистр домохозяйств не только отличается по названию и содержанию от одного исторического периода к другому, но и является непрерывным по своим основным характеристикам, включая тот факт, что он был создан государством (правителем), с домохозяйством (включая определенную организацию, семью или индивида) в качестве основной единицы и населением или его частью в качестве основного содержания, а в некоторые периоды он также включал землю, имущество и налогообложение, и часто содержал или скрывал большое количество вопросов, связан-

ных с людьми и домохозяйствами. В некоторые периоды оно также включало в себя землю, собственность и сервитут, и часто содержало или скрывало большое количество других значений и функций, связанных с людьми и домохозяйствами. С точки зрения институциональной экономики, китайская система регистрации домохозяйств является не только институциональным механизмом для регистрации рождений, смертей, браков и другой демографической информации в «встроенной» институциональной структуре, но также часто сочетается с земельной системой, системой сервитута и системой иерархии для предоставления конкретных прав и обязанностей конкретным регистром домохозяйств или конкретным лицам или группам в регистрах домохозяйств. Это тип институционального устройства и структуры, которая контролирует людей и их права (ресурсные возможности) и, следовательно, другие ресурсы. Таким образом, система регистрации домохозяйств в значительной степени является узлом индивидуальных прав и социального контроля, и изменения в системе регистрации домохозяйств в определенной степени отражают логику эволюции индивидуальных прав и социального контроля. Система регистрации домохозяйств существует в Китае уже тысячи лет, и по сей день она в той или иной степени влияет на личные права и повседневную жизнь каждого жителя страны. Вероятно, он продолжит оказывать влияние на ход развития китайского общества в будущем, являясь одним из самых важных институтов в Китае на протяжении веков.

Литература

1. Ван Тайюань. Эволюция и реформа китайской системы хукоу (I): обзор китайской системы управления хукоу / CNKI, 2004 (на кит. яз.).
2. Люй Бувэй, перевод Се Кайхуй. Весна и осень Люя / Народное издательство Внутренней Монголии, 2009 (на кит. яз.).
3. Хуан Юнтан. Полный перевод национального языка / Народное издательство Гуйчжоу, 1995 (на кит. яз.).

4. Ван Вэйхай. Древнекитайская система регистрации домохозяйств / Шанхайское издательство культуры, 2005 (на кит. яз.).
5. Лу Илун. Система регистрации домохозяйств: контроль и социальные различия / Коммерческая пресса—Пекин, 2003 (на кит. яз.).
6. Сяо Вентао. Защищает ли система регистрации домохозяйств дуалистический рынок труда? / Китайская сельская экономика, № 3, 2004 (на кит. яз.).
7. Лу Илун. За пределами хукоу: интерпретация китайской системы регистрации домохозяйств / Издательство общественных наук Китая—Пекин, 2004 (на кит. яз.).

THE EVOLUTION OF THE SOCIAL ROLE OF CHINA'S HOUSEHOLD REGISTRATION («HUKOU»)

Zhang Haopeng

St. Petersburg State University

The formation of the household registration system is a long and complex process and its impact on social stratification is permanent and long lasting. During the long process of social change, population movement, urban development, education reform and industrial structure have all influenced the household registration system, resulting in the existence and displacement of different social strata. After China's reform and opening up, especially in the 21st century, the hukou system has been further transformed in the process of urbanisation (especially in megacities), but still retains some of its

elements. The household registration system is a social phenomenon, a product of a certain historical stage of society, with its specific function at a certain stage. At the macro level, it can be seen that the great achievements of China's economic development in the past forty years of reform and opening up have had a significant impact on the economic and social development of modern China. At the micro level, the structure and mobility of China's social classes are closely related to the hukou system.

Keywords: social stratification, household registration system, Hukou.

References

1. Wang Taiyuan. Evolution and Reform of Chinese Hukou System (I): A Review of Chinese Hukou Management System / CNKI, 2004 (in Chinese).
2. lui buwei, translated by Xie Kaihui. Spring and Autumn of Liu / Inner Mongolia People's Publishing House, 2009 (in Chinese).
3. huang yuntang. The Complete Translation of the National Language / Guizhou People's Publishing House, 1995 (in Chinese).
4. Wang Weihai. Ancient Chinese System of Household Registration / Shanghai Cultural Publishing House, 2005 (in Chinese).
5. Lu Yilong. The Household Registration System: Control and Social Differences/ Commercial Press—Beijing, 2003 (in Chinese).
6. Xiao Wentao. Does the household registration system protect the dualistic labor market? / Chinese Rural Economy, #3, 2004 (in Chinese).
7. Lu Yilong. Beyond Hukou: An Interpretation of the Chinese Household Registration System / Chinese Social Science Publishers – Beijing, 2004 (in Chinese).

Повышение эффективности управления в условиях дифференциации применения стилей руководства: на примере сержантского состава сухопутных войск вооруженных сил Российской Федерации

Кириенко Ярослав Юрьевич,

соискатель, кафедра Социологии Военного университета МО РФ им. князя А. Невского, майор
E-mail: nikitafarael@gmail.com

В статье рассматриваются основные стили руководства, используемые в процессе формирования управленческой системы. Отмечается, что применение определенных стилей руководства позволяет повысить эффективность управления личным составом подразделения. Обосновывается важность формирования командно-методических навыков у сержантского звена сухопутных войск вооруженных сил Российской Федерации. В качестве самостоятельных рассмотрены вопросы, взгляды на стили руководства и концепции менеджмента в социологии управления, а также история подготовки сержантских кадров. Установлено, что управленческие системы, используемые при формировании сержантов, как младшего управленческого звена, имеют большое разнообразие. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что в современной подготовке сержантского состава недостает практики преподавания основ менеджмента и развития командно-методических навыков. Анализ реализации роли сержантского состава свидетельствует о том, что развитие навыков применения различных стилей руководства позволит повысить эффективность деятельности младших командиров на местах службы и сократить период адаптации на командных должностях.

Ключевые слова: лидерство; стили руководства; сержантский состав, системы управления, менеджмент.

Стремительное движение прогресса вперед, стало требовать от руководителей новых решений в сфере управления персоналом. Поиск новых подходов к эффективному взаимодействию с подчиненными дал мощный толчок к развитию социологии управления как науки. Исследования в области управления в вооруженных силах показали, что пусть там и сохранилась определенная консервативность в иерархичности руководства, как неотъемлемая часть специфики данной сферы, но появление более молодых поколений солдат, сделало востребованным внедрение некоторых современных менеджерских решений.

Вопрос развития систем управления в различных организациях объективно сопутствует вопросу повышения ее успешности, как на местном, так и на глобальном уровне. Выбор стиля руководства зачастую определяется рядом факторов, такими как личностные особенности менеджера, его мотивацией и различными социальными условиями. Руководство организацией можно назвать эффективным, если оно способствует достижению целей организации, затрачивая при этом наименьшее количество ресурсов.

Стиль управления напрямую влияет на успех организации, ведь оказывает большое влияние не только на деятельность подчиненных, но и на их мотивацию, стремление к самосовершенствованию, чувство ответственности и заинтересованность в общей победе.

Под стилем руководства понимают «способ обращения руководителей с подчиненными, характер отношений с сотрудниками в процессе исполнения служебных обязанностей, обобщенный тип поведения руководителя в отношениях с подчиненными в процессе достижения поставленных целей». [1]

Одна из наиболее известных систем классификации стилей управления была представлена Куртом Левином. Он выделил три основных стиля управления: 1) авторитарный стиль; 2) демократический стиль; 3) либеральный стиль.

Авторитарный стиль руководства характеризуется тем, ориентацией лидера на собственные интересы, снижением творческого потенциала сотрудников и ухудшением психологического климата в коллективе. Применение административных методов воздействия является эффективным на первых порах становления рабочего коллектива. Дисциплинарные меры воздействия на подчиненных снижает их желание работать снижает интерес к деятельности организации. В вооруженных силах часто данного командира считают деспотичным, отказ от взаимодействия с инициативными подчиненными и активом подразделения приводит к развитию неприязни к своему начальнику и потере им уважения в глазах подчиненных.

Демократический стиль руководства характеризуется тем, что сохраняет принципы единоначалия, при этом дает возможность принимать участие в принятии решений. Это позволяет принимать более верные решения, путем анализа различных мнений участников рабочего процесса. Демократическое управление подразумевает контроль за психологическим климатом в коллективе, применение объективных систем оценивания работы личным составом. Происходит рост творческой активности, создание благоприятной атмосферы взаимопомощи и коллективизма. В вооруженных силах применение данного стиля дает возможность подчиненным почувствовать себя важными для коллектива и сплотиться вокруг лидера, для эффективного взаимодействия и осознания ответственности за общее дело.

Либеральный стиль руководства характеризуется тем, что управленец устанавливает рамки выполнения задачи и доверяет его выполнение своим подчиненным. Он принимает минимальное участие в делах сотрудников, ограничившись консультативной формой взаимо-

действия. Руководитель применяющий данный стиль старается избегать принятия решений возлагая большую часть ответственности на подчиненных.

Редко встречаются руководители, применяющие исключительно один стиль управления. Но именно грамотное сочетание этих стилей является отличительной чертой хорошего командира.

Анализ формирования стиля управления в вооруженных силах показывает, что вопрос изучения управленческих стилей, рассматривался еще в 1712 году, были изданы обязанности и управленческие функции начальников всех рангов.

К. Клаузевиц отмечал: «чтобы достичь выдающихся результатов в войне, и на низших и на высших ступенях требуется своеобразный гений». [2]

Военные социологи России выделяли, что увеличение военного компонента в социальной практике привлекает внимание к различным аспектам воинского труда. Выполнение управленческих функций заключалось в постановке командиром цели и обозначение подчиненным путей ее достижения. В теории и практике управленческой деятельности военных кадров в период становления Красной Армии, под влиянием политической конъюнктуры социология управления утратила свою самостоятельность, а в управленческой практике выделился авторитарный подход.

В науке сформировалась такая категория, как «Функция управления», а под влиянием идеологической монополии коммунистической партии, не произошло дальнейших изменений в сфере управленческих стилей, а комплексный подход утвердился в практике военного управления. Рассмотрение военного управления стало зависимо от общеполитического контекста, а военные отрасли науки стали само изолированными с ориентацией на идеологический аппарат государства.

Вплоть до конца XX века вся управленческая деятельность в войсках и силах подчинялась коммунистической партии. Главными детерминантами характера руководящих стилей стали: лич-

ный опыт военной службы, нормативно-правовые документы, партийные нормы. Но распад СССР стал катализатором многих процессов в обществе, в том числе и обновлению различных систем в вооруженных силах. Процесс реформирования вооруженных сил сделал необходимым решение определенного ряда проблем. Социальные изменения в обществе не могли не отразиться на личном составе, и военным теоретикам того периода пришлось искать формы и методы реализации инноваций в области управления. Методом проб и ошибок происходило совершенствование и развитие командирской школы. Участие обновленной армии в локальных конфликтах на рубеже веков позволило на практике апробировать различные методики управления. Нарастает противостояние между приверженцами старых систем управления и командирами, видящими необходимость в принятии изменений. Руководство в рамках одного стиля становится менее эффективным и поиски решения по оптимизации управленческой деятельности приводят к выделению закона об «оптимальном соответствии методов и средств управления организационной структуре, назначению и боевым свойствам». [3]

Зачастую отсутствие эффективной управленческой системы стало выражаться в больших потерях среди личного состава в ходе чеченских кампаний. Прослеживалась тенденция поиска решений возникающих проблем не апробированными методами и коэффициент продуктивности данного опыта был незначителен. Поиск наиболее эффективного стиля руководства не теряет актуальности и в современных условиях.

Социальная функция стиля заключается во всесторонней оценке качеств субъекта управления, влияющих на процесс принятия решений. Стиль всегда отражает индивидуальность командира, его способность использовать личностные характеристики в совокупности с объективной оценкой сложившейся обстановки. От способности командира подстраивать систему управления под решение конкретных задач является

основным показателем его эффективности.

Формирование собственного стиля происходит на основе взаимодействия с личным составом, в процессе совместной деятельности. Стиль руководства складывается исходя из целей, которые преследует командир.

Опыт службы в сухопутных войсках показывает, что наиболее эффективной является расширенно-многомерная схема управления. Грамотное сочетание различных стилей позволяет командиру сохранить высокий уровень централизации власти, при этом наладить успешное взаимодействие с подчиненными на различных уровнях. [4]

Важно отметить, что стиль руководства должен сочетать в себе стабильность и при этом сохранять динамичность в стремлении к совершенствованию. Субъект управленческой деятельности становится основным фактором эффективности, так как определяет необходимый инструментарий воздействия на подчиненные подразделения. Современные тенденции к индивидуализации создают необходимость к учету личностных особенностей подчиненных военнослужащих. Стиль руководства выделяемый как один из важнейших элементов успешной деятельности организации, приводит к выводу, что важным фактором эффективного выполнения задач становится квалификация руководителя. Именно квалификация командира является признаком, позволяющим спрогнозировать перспективы развития подразделения. Задача по подготовке высококвалифицированных кадров является одной из важнейших задач как Вооруженных сил, так и любой другой организации. Развитие командно-методических навыков управленцев определяет долгосрочный успех организации в целом. Знания о различных стилях руководства и навык их ситуационного применения развивают разносторонний взгляд на проблему и способствуют эффективному взаимодействию с личным составом. Эффективность выполнения подразделением, стоящих перед ним задач, будет напрямую зависеть от коррект-

ности подбора стиля руководства, для конкретно взятой ситуации. Благодаря применению расширенно-многомерной схемы управления, командир минимизирует риски ошибки и обеспечивает высокое качество работы, нежели применяя жесткую стилевую модель.

В вооруженных силах первичным руководящим звеном является сержантский состав. В последнее время его ценность была заметно снижена в общем понимании, но еще маршал Победы Г.К. Жуков говорил: «Армией команду я и сержанты». Сержантский состав является опорой вооруженных сил, так как обеспечивают на местах контроль за выполнением поставленных задач, находясь в непосредственном взаимодействии с личным составом. [5]

Вопросом подготовки сержантского состава как менеджеров первой ступени управления занимаются со времен деятельности генералиссимуса А.В. Суворова, ведь сержант становится для солдата наставником в ходе всего времени боевой подготовки. В мирное и военное время передача своего опыта рядовому составу становилось основой подготовленности личного состава к выполнению стоящих перед подразделением задач.

«Суворовская» школа подготовки сержантов была направлена на повышение эффективности обучения солдат по средству постановки на сержантские должности представителей того же сословия, что и рядовой состав. В отличие от офицеров, принадлежащих к аристократии, сержанты были близки солдатам, так как изыскались на близком для них «слэнге», были выходцами из тех же губерний и имели опыт деятельности в мирной жизни, схожий с тем, что вели молодые солдаты до поступления на службу. Их авторитет рос не за счет административно-дисциплинарного ресурса, а за счет опыта и наличия навыков необходимых для успешной служебной деятельности. [6]

Эти постулаты частично сохранились и в советской армии, так как на сержантские должности ставились наиболее опытные военнослужащие, но выбор нередко падал не на обладателя раз-

витых лидерских качеств и командно-методических навыков, а на солдат, обладающих высокими специальными навыками.

Но командно-методические навыки являются неотъемлемой частью сержантской деятельности, ведь сержант несмотря на другие роли в военной структуре остается младшим командиром. Зачастую навыки управления личным составом данной категорией командиров, приобретается стихийно, с опорой на образы командиров с которыми сержант встречался в своей служебной практике. Отсутствие в подготовке сержантского состава обучения концептуальным моделям управления приводит к увеличению периода адаптации к руководящей должности. Время для приобретения собственного командного опыта снижает эффективность работы и не позволяет субъекту раскрыться как управленцу.

Вывод

Подводя итог сказанному выше, отметим, что внедрение в систему подготовки сержантского состава мероприятий по обучению основам управления персоналом позволит сделать более эффективным младшее командное звено в целом. Обучение различным стилям руководства с решением ситуационных кейсов по их применению позволит сформировать индивидуальные модели руководства, опирающиеся на научно-методическую базу, раскрыть личностные навыки сержантов и сократить адаптационный период на командных должностях. Выработка системы оценки эффективности управленческой деятельности сержантского состава позволит своевременно устанавливать пробелы в командных навыках сержантского состава и применять различные механизмы по проведению мероприятий дополнительной подготовки.

Литература

1. Бураканова Г. «Корпоративный менеджмент». «Стиль руководителя и эффективность управления». Из материалов сайта «Проблемы

- теории и практики управления» // М. 2009
2. Клаузевиц К. О войне. – М.: Воениздат, 1941.
 3. Сосюра О. В., Пятков В.П. Теоретические основы оценки эффективности управления войсками. // Военная мысль. – No 11. – с. 34.
 4. Фененко Ю.В. Стиль управленческой деятельности военного руководителя / Ю.В. Фененко. – М.: ВИУ, 2001. – 69 с.
 5. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: 1 т. //М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
 6. Владимир А. Александр Суворов. Воспитание солдата. //М., Держава, 2021–64 с.

IMPROVING MANAGEMENT EFFICIENCY IN THE CONTEXT OF DIFFERENTIATION IN THE USE OF LEADERSHIP STYLES: ON THE EXAMPLE OF THE INFANTRY SERGEANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION ARMY.

Kiriyenko Ya. Yu.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after duke A. Nevsky

The article discusses the main management styles used in the process of forming a management system. It is noted that the use of certain leadership styles makes it possible to increase the effectiveness of the management of the personnel of the unit. The importance of the formation of command and methodological skills of the sergeants of the ground forces of the armed forces of the Russian Federation is substantiated. The issues, views on leadership styles and

management concepts in the sociology of management, as well as the history of the training of non-commissioned officers are considered as independent ones. It is established that the management systems used in the formation of sergeants, as a junior management level, have a wide variety. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the modern training of non-commissioned officers lacks the practice of teaching the basics of management and the development of command and methodological skills. Analysis of the implementation of the role of non-commissioned officers indicates that the development of skills in the application of various leadership styles will improve the effectiveness of junior commanders in the field and reduce the period of adaptation in command positions.

Keywords: leadership; leadership styles; sergeants, management systems, management.

References

1. Burakanova G. "Corporate management". "Leadership style and management efficiency". From the materials of the website "Problems of theory and practice of management".//M. 2009
2. Clausewitz K. About the war. – М.: Voениzdat, 1941.
3. Sosyura O. V., Pyatkov V.P. Theoretical foundations for evaluating the effectiveness of command and control. // Military thought. – No11. – p. 34.
4. Fenenko Yu.V. The style of managerial activity of a military leader / Yu.V. Fenenko. – М.: VIU, 2001. – 69 p.
5. Zhukov G.K. Memoirs and reflections: 1 vol. //Moscow: OLMA-PRESS, 2002.
6. Vladimir A. Alexander Suvorov. Education of a soldier. // М., Derzhava, 2021–64 p.

Воздействие социальных регуляторов на развитие духовно-нравственной сферы личности

Мешков Евгений Петрович,

кандидат социологических наук, старший преподаватель Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: meshkovtula@mail.ru

Статья посвящена исследованию процессов социального управления и регулирования. В основе изложенного материала положены изыскания различных исследователей касающиеся проблематики процессов управления коллективами и предприятиями. Автор статьи кроме характеристик современного социального управления представляет реализующийся процесс социального регулирования в обществе с системообразующим элементом в виде человека.

В материале особое внимание уделено роли социальной ответственности, ее трансформации в процессе реализации необходимых и насущных задач. Реализующимся в настоящее время методами регулирования социальными процессами.

Анализируются различные подходы и новации по реструктуризации административно-бюрократических систем, подвергнувшихся процессам деформации, деградирующих в процессе своей деятельности.

Автор материала демонстрирует, что именно социальное регулирование происходящее только во время определенной коммуникации людей имеет приоритет над регулированием материальным. Его воздействие не диктуется исторической практикой, однако имеет огромное влияние на результативность, что преимущественно оценивается практическим отношением.

Подчеркивается, что конкретные социальные регуляторы, заложенные в социальной ответственности и духовно-нравственных ценностях, не искажают саму деятельность, а логично увязывают творческую самостоятельность человека и управленческие запросы в современном обществе.

Ключевые слова. Социальное регулирование, социальная ответственность, социальное управление, человек, семья, обязанность, технологии, СМИ.

Введение

Информация всегда выступала как важное средство управления людьми и социальными коллективами являясь если не ключевой, то неотъемлемой частью социального регулирования.

Общество в определенный момент времени всегда фиксирует социальную роль человека, отражая это не только в информационных документах предписывающего или нормативного порядка, но и в открытых источниках¹. Именно на основании зафиксированных различным образом происходивших, когда либо, или происходящих в настоящее время событий, всегда определялся уровень способностей и качеств современного человека необходимых для решения конкретных задач. Интересы и потребности самого человека в лучшем случае рассматривались лишь в заключительных фазах происходящего. При этом, роли и соответствующие им формирующие их функции, реализуемых определенными субъектами общества с одной стороны будут неразрывно связаны с самим обществом, а с другой будут находиться в постоянной зависимости от характера потребностей, и соответствующих интересов.

Для того чтобы более определенной становилась роль человека в любом процессе, очень часто исследователи в качестве стартовой общественной единицы берут отдельного индивида, а не его семью. Хотя, по нашему мнению, это за собой влечет существенную ошибку в систематизированных и окончательных выводах различных специалистов.

Систематические наблюдения² за происходящей коммуникацией в от-

¹ Автором в качестве открытых источников информации рассматриваются различные медийные ресурсы, информационные продукты электронных и традиционных СМИ, сферу киноиндустрии и социальных сетей.

² Наблюдения проводились в иерархических бюрократических ведомственных системах различного уровня в период с 2010 по 2022 год.

дельном институте общества выявило яркую закономерную тенденцию. Любое действие по социальному регулированию имело начало с определения социальной роли каждого индивида, его места в семье, на производстве (службе), в коллективе (формальная, неформальная), а также соблюдению прав, качества выполнения им функциональных обязанностей, эффективности по реализации отдельных функций.

Общеизвестно, что любая деятельность в области информационного обеспечения приводит человека к обмену информацией на различных уровнях, постоянному обновлению имеющихся сведений с тем, чтобы успешно выполнять свою конкретизированную социальную роль, эффективно управлять производствами, коллективами людей и т.д., в том числе и самим собой. То есть именно коммуникация на любом уровне и в любом ее проявлении становится определяющей движущей силой. Именно эта деятельность человека становится обязательным условием его жизнедеятельности, функционирования и развития современного общества. Эту же тенденцию старается продемонстрировать и совершенствующийся цифровой алгоритм – являющийся основой искусственного интеллекта. У современности такая деятельность рассматривается как далеко идущая перспектива.

В этом случае социальная информация, выходящая на первый план, становится логичной и эффективной для современного управленца. Особенно важным это является в процессе его стремления к получению любого, даже незначительного управляющего эффекта, потому как она всегда будет увязываться с целесообразностью. Отсюда такие три составляющие, как: логика, эффективность и целесообразность, становятся неизменным основанием для принятия любого решения. Но не стоит забывать о развивающихся технологиях. Современный человек, в настоящее время в информационном плане существенно изменился. Сегодня пришел потребитель информации с особым складом мышления и стратегией поведения в ин-

формационном мире [Макашова 2021; 1. С. 201]. В связи с этим для управленца социальная информация, базирующаяся на трех основаниях не просто приобретает все более возрастающее значение. Она становится неким ключом к восприятию социальных ролей, определяющих не просто характер, а параметры действий или поступков любого человека.

Что же касается информационного поля, то в нем управление определенно носит селективный характер. Опосредованно, оно конечно связано с переработкой получаемой информации, отбора наиболее ценной – способствующей решению насущных задач. Однако необходимо четко представлять, что такая избирательность информации будет всегда характеризовать субъективное мнение управленца в ходе его приближения к мнимой или конкретизированной цели. Усвоение же человеком конкретной социальной роли будет восприниматься, как делом личным. Процесс усвоения всегда решается через обучение или образование. А наполнение деятельности преимущественно происходит в процессе труда и может быть растянут на весь период жизни, но совершенно очевидно, что он не может быть обусловлен только биологической предрасположенностью или определенной уникальностью субъекта.

Исполнение человеком социальной роли в обществе обеспечивается не только правом, контролем и санкциями, но и системами материального и морального стимулирования, реализующиеся посредством применения как методов убеждения, так и принуждения. А вот качество выполнения человеком своей роли зависит от его мировоззренческой подготовки, организованности, дисциплинированности. И надо заметить, что формируются они исключительно под влиянием общественной среды, или через окружение, которая осуществляет определяющее воздействие на человека как личность.

Поэтому в этом случае, преимущественно социальная нормативная информация будет отличаться императивностью, сочетанием предписывающих

и оценочных сведений, оформленностью в соответствующих документах, эстетичностью и даже идеальными формами [Леньков 1972; 4. С. 129].

Ключевым элементом социального регулирования обеспечивающее выполнение человеком своей социальной роли, и выступающая неким регулятором общественных отношений становится социальная информация. А нормативная информация, в этом случае будет выступать как средство ориентации и контроля.

Однако, перед рассмотрением процесса социального регулирования в обществе, необходимо предельно ясно представлять, что такие процессы как управление и регулирование ни в коем случае не могут быть тождественны.

Как бы ни хотелось упростить эти понятия, в соответствии с кибернетической теорией развития коммуникаций³, различия будут уже на уровне информационного обеспечения отдельно взятого института государства.

В нем, само представление о социальной ответственности уже кажется не таким отдаленным, как на уровне групп и даже сообществ. Её механизм становится все более очерченным, обретая актуальность. К сожалению, необходимо констатировать тот факт, что даже там ответственность, до сих пор не присутствует в системе управленческих решений, соответствующих экономическим, правовым и духовно-нравственным установкам и нормам, а значит, не может выступать регулятором этих отношений.

Кроме этого, остается все так же нерешенной проблема обратной связи, и конечно не определены контрольные функции социальной ответственности. Исполнительные органы не принимают управленческих решений адекватных потребностям граждан, а больше озабочены мнением отдельных персон – формальных лидеров. Эта недалевидная

³ Автор в своем суждении ссылается на труды исследователей института философии РАН Крушанова А.А. по понятию «управление» в кибернетике [5. С. 225] и Уланова Г.М. в Докладе Академии наук СССР по кибернетике и теории регулирования [6. С. 2].

и опасная тенденция может активизировать необратимые негативные последствия в обществе, провоцируя вызванные безысходностью революционные настроения.

Административно-командный стиль управления в таких институтах, призванный регулировать деятельность хозяйственных, управленческих и специальных служб занимается духовно-нравственными проблемами в обществе, отсюда коррупция, вседозволенность и подрыв доверия к институту власти находящемуся на государственном уровне.

Анализируя ситуацию глубже, приходим к выводу, что между законодательной и исполнительной властью отсутствует механизм реализующий адекватную меру социальной ответственности. Однозначно, в современном обществе подобный стиль управления не может определять общую стратегию сохранения и развития общенародных ценностей, а будет лишь учитывать интересы лишь конкретных личностей.

С нашей точки зрения, социальное управление – это прежде всего определение главных целей, основных курсов, разработка фундаментальных программ, подготовка решений общественной жизнедеятельности. Однако в настоящее время очень хорошо представляется, что такая деятельность не будет приоритетной. В действительности, основным регулятором выступают материальные процессы и их зависимости. Это связано прежде всего, с тем, что ключевую роль играют компетенции в государственных региональных и местных установлениях, а не мировоззрение, здравый смысл, идеалы, авторитеты.

В соответствии с тем, что все замыслы будут всегда преобразовываться в конкретные действия, грань между ними останется всегда подвижной. Управление всегда будет диктовать «что делать», а регулирование определять «как это делать».

Отсюда выявляется строгая закономерность – в любом обществе невозможно управлять, не регулируя, а регулируя, невозможно не подвергаться

управлению. Одно не жизнеспособно без другого. Управление жизнеспособно, сохраняя позиции крайне неэффективных действий.

В качестве примера можно привести бюрократические проволочки, которые любое умное решение, даже подкрепленное конкретными исследованиями не притворяет в жизнь всего лишь по причине его несоответствия интересам или представлениям формальных лидеров в органе управления. Прежде отчитывающийся орган управления перед обществом становится диктующим, приводящий к неработоспособности механизма обратной связи или его ликвидации за ненадобностью. Адекватная неотвратимая ответственность утрачивает свою необходимость.

Отечественный исследователь К.С. Хуснудинов еще 15 лет назад, анализируя развивающуюся систему социального регулирования в России, отмечал присутствие в ней нормативно-правовых, административно-организационных и самоорганизующиеся элементов. Причем выдвигая идею о главенствующей роли государства в этой системе подчеркивал, что государственный механизм не может исключать конфликта интересов. Это связывалось, прежде всего, со сложной бюрократической государственной системой, включающей в себя еще и ее различные ведомства. В ходе изысканий ученый сделал вывод о необходимости создания некой надстройки над уже существующими бюрократическими аппаратами – «государственное регулирование должно выполняться координационным советом, который необходим при главе исполнительной власти» [Хуснутдинов, Тузиков 2006; 3. С. 197–198].

Особое внимание, заслуживает тот факт, что исследователь был не одинок в своих изысканиях. До него доктор философских наук А.И. Ореховский на пороге начала нового столетия отмечал необходимость в различении неудачных и объективно необходимых средств регламентации в имеющихся «правовых джунглях» отличающихся своей противоречивостью и бессистемностью [Оре-

ховский 1999; 2. С. 4]. Тем самым остро реагируя на уже имеющиеся конфликты между собой регулятивные предписания.

Социальные предписания, являясь фундаментом любого регулятора определяли спектр поиска средств регулирования. Именно они определяют меру необходимой свободы выбора действий, не отрицая свободу личности.

Личность реализуя свои цели, не может игнорировать потребности общества, потому как какую бы она не исполняла, она остается важной составляющей существующего общества. Обязательно считается с имеющимися социальными интересами, а в некоторых случаях вынуждена с ними соглашаться, замещая свои интересы многообразием социальных. В связи с этим, представляется целесообразным предположить, что на основе некоего соглашения в сущности и проявляется сам процесс социального регулирования. Где социальные предписания могут выступать в качестве своеобразного средства социальной коммуникации. Взаимодействий на бюрократическом уровне. Их упорядочивание будет осуществляется посредством реализации конкретных дел и поступков. Отсюда, не осознавать положительное значение социального регулирования не представляется возможным, даже с учетом негативно проявляющихся крайностей, применения насилия или ущемления свободы. Это заключение касается и стихийно возникающих коммуникативных связей.

В прогрессивный век силового информационного реформирования происходит если не фундаментальная перерождения человека, то как минимум существенная перетасовка жизненных акцентов, и следующая за ней переоценка ценностей в социальных группах.

Надо полагать, что важным базисом социального регулирования должно стать утверждение современных духовно-нравственных, а не гуманистических ценностей как главных ориентиров человеческой деятельности.

Увеличивающийся разрыв в цифровых, а сейчас уже виртуальных мировоз-

зрениях между ближайшими поколениями свидетельствует, что добиться через нижний уровень изменений в экономике, политике, социальной и духовной сферах не получится. Электронное, а затем цифровое развитие создало между поколениями такую пропасть, что вернуть общество к прежним истокам теперь не представляется возможным, без основательного реформирования потребительской культуры человечества.

Очевидно, что совершенствование механизма, влияющего на соотношение прав и обязанностей, должно отвечать не только персональным интересам лидеров обществ и групп, но и самим интересам общества. Всякое начало, должно стартовать с семьи, устроенности людей на производствах и рабочих местах, а затем только в местных, региональных, областных, республиканских и федеральных структурах власти. Ориентиром для принятия решений во власти вероятно должна стать чувствительность к социальным неурядицам в семье, а не наоборот. Выработка именно таких необходимых установлений, должна стать основополагающим требованием любого государства. Государственная и ведомственная бюрократизация, в настоящее время пресекающая криминальную вседозволенность и административно-командный произвол постепенно должна уступить место целесообразной регуляции.

Конечно, создание эффективных форм социального регулирования потребует немало времени, но надо полагать – времени виртуального. То есть для человеческого индивида все будет происходить стремительно, а вот осознание произошедшего напротив будет сверхдолговременным. Это коснется всех, в том числе и современных поколений текущего столетия.

Ожидаемо, что наиболее прогрессивному изменению, будут подвергнуты неустраиваемые принципы справедливости существующих моральных и правовых норм ввиду непрозрачности их распределительных отношений.

Неправильным будет и допускать самостоятельное течение развития со-

циального регулирования, а тем более делать его саморегулируемым объектом доверяя альтернативу в принятиях решений математическим алгоритмам – «искусственному интеллекту». Саморегуляция не приведет ни к управлению, ни к неотвратимой ответственности, а только продемонстрирует ее формальное наличие. При саморегуляции право, нравственность и мораль смогут только быть балансирами, как палка у канатоходца в цирке.

При проявлении обратной зависимости будет происходить активное размытие четких связей между управлением и регулированием, а разрастающиеся проблемы превратят балансир в неподъемный утяжелитель, стремящийся сорвать канатоходца вниз. А ввиду того, что главным регулятором управления останутся только материальные процессы, имеющиеся цели рассогласуются и начнется острая фаза противоречий в самих целевых установках.

Очевидно, что научно обоснованные компетенции послужат основой создания своеобразного гироскопа, урегулирующего или даже дифференцирующего работу двух взаимосвязанных механизмов, управление и регулирование. Это в свою очередь минимизирует последовательно возникающие негативные экономические и социальные последствия. С другой стороны, стимулируя позитивную активность участников общественных отношений, он под действием центробежной силы вытаскивает на поверхность возникающие на ранней стадии неразрешимые противоречия между управленческими установлениями и моральными правилами пронизанных духовными традициями существующего общества.

Дальнейшее моделирование системы регуляторов и конкретных видов деятельности, выявленных в точках пересечений интересов современной науки, направит участников общественных отношений на создание рациональных технологий, эталонов у представителей совместного труда. Кроме этого выявленная последовательность, сбалансированность и пропорциональность ло-

кализуют всю деятельность, и что самое важное упорядочат отношение ответственности к социальным структурам.

Затем во всех современных программируемых системах, определяющих конкретные ценностные ориентиры, произойдет качественное изменение сначала мировоззренческих установок, а затем последовательно принципов поведения. Отдельные параметры социальных результатов станут прогнозируемыми, директивы и критерии социальных оценок предметными. В конечном итоге появится интегральный показатель, который выявит социальные и предметные предписания, адекватные правовые нормы, духовные и моральные принципы, проявит себя эстетическая деятельность людей в обществе.

Видится, что сам процесс регулирования должен быть построен на человеческой активности в творческой деятельности, каждый раз совершенствуя его циклы. Характер и частотность реакций людей на деятельность исполнителей социальных ролей, облеченных властью, станут будущими точками отсчета. В целом станет возможным не только подготовка нового исполнителя социальной роли, но и подтягивание прежнего к приемлемому для современного общества уровню.

Рис. 1. Симуляция деятельности людей

В подтверждении своего предположения приведу пример профессора А.И. Ореховского, который утверждает, что в социальном регулировании доминирует стимуляция социально-позитивной деятельности людей (см. рис. 1), считая, что социальное регулирование протекает по трем взаимосвязанным взаимопроникающим линиям [Ореховский 1999; 2. С. 15].

Однако повсеместно проявляющиеся индивидуальные и массовые протесты, с перерастанием в беспорядки и даже вооруженных проявлений неповиновения в современных институтах, а иногда и государствах говорит об отсутствии социального регулирования. Самостоятельное и неконтролируемое его происхождение проецируется альтруистической активностью людей в борьбе с негативными отклонениями в обществе, которая не только крайне неэффективна, но и как показывает практика последнего десятилетия управляема реакционными течениями. Кроме того, вся эта альтруистическая деятельность всегда сопровождается неконтролируемым лавинообразным разрастанием не разрешаемых противоречий, которая проявляет себя подменой изначальных целевых установок.

Что же касается современной науки, то в основном она приводит примеры лишь строгих структурных концепций. Применение концепции «окнон Овертона»⁴, являющийся негативным для любого государственного образования. Либо ответственность управляющих лиц постепенно переходит от немислимых в радикальные, из радикальных превращаются в приемлемые, затем в разумные и популярны, а они в свою очередь заканчиваются новыми установленными нормами.

Анализируя открытые источники информации, в основном такие, как СМИ и разнообразные социальные сети, развивающиеся на различных медийных платформах в интернете, для управленцев представляется следующая технология по достижению максимального снижения ответственности за произведенные неадекватные действия (см. рис. 2).

Этот закономерный процесс обусловлен:

- ненадлежащим или полным отсутствием информационного обеспечения этого вида деятельности;

⁴ Автор приводит конкретную социологическую концепцию, как самую распространенную в связи с тем, что человек всегда для себя или группы – если он лидер, создает рамки допустимых мнений, в которых затем продолжительное время функционирует.

– неработающим механизмом ответственности сначала со стороны морали, а затем и права.

Искаженная, политическая, правовая и информационная оценка окружающей действительности, формирует негативное влияние на общественность, демонстрируя новый деформированный образ.

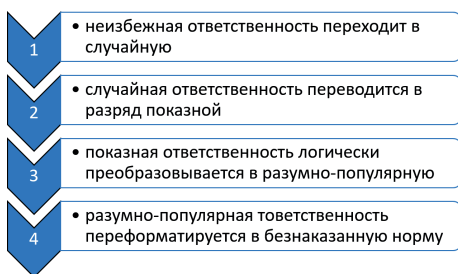

Рис. 2. Технология снижения ответственности

Административные сотрудники и управленцы в такой обновленной системе не несут ответственности, а просто временно переходят из одного статуса в другой, затем возвращаясь на прежнее место. Они всегда выступают демонстрантами дисфункциональности существующей системы управления. А становясь индикаторами появления ранее неразрешенных проблем провоцируют на ответную негативную реакцию членов всего общества, нанося ущерб его устоям.

Одновременно с этим, действительные правовые нормы используются в качестве хитроумных ходов, исполняющих желание личностей, наделенных властью. Действенные же управленческие решения, имеющие общественную ценность, скрываются за заявлениями реализующие в качестве основной цели – уход от контроля и подотчетности. В таком обществе подвергаются разрушению нравственные и духовные ценности, стремительно возрастает социальная неупорядоченность и безответственность.

Социальное регулирование напротив, имеет ярко выраженную тенденцию доминирования над материальным регулированием. Социальное регулирование происходит только во время определен-

ной коммуникации людей, а воздействие происходит прямо на ее результативность и не диктуется развитием исторической практики.

Кристаллизуются конкретные социальные регуляторы, понятным образом увязывающие творческую самостоятельность и управленческие требования, не извращая саму деятельность по социальному регулированию.

Социальная значимость содеянного будет оцениваться практическим отношением общества. Будут складываться прочные экономические, технологические, экологические и даже некоторые бытовые зависимости. Появится фундамент для правовых, политических, моральных и духовных установок.

Социальное регулирование будет пронизывать все социальные принципы, нормы и оценки любой личности. В принципах будет фиксироваться то, что имеет ценность. Нормы будут конкретизировать, за что «хвалить» или «обвинить». Оценка направит всю деятельность, а контроль выступит условием развития духовности и нравственности в обществе.

Общеизвестно, что общественное мнение чутко улавливает имеет ли отражение суждения о действительном состоянии общественной жизни, мерах предпринятых для пресечения аморальных поступков. Поэтому в социальном регулировании используются санкции преимущественно трех типов: поощрительные, положительные и отрицательные.

Однако при этом не учитывается, что регуляторы не должны иметь в своем составе авторитарно-бюрократического подхода или попросту произвола, интерпретируемого в качестве некоего стимула, не взирая на его отрицательную роль. Потребительская вседозволенность таких административных работников в основном будет негативно влиять на органы управления, на сам институт и подрывать доверие к нему. Взрывной негативной реакции не последует, исчезнет доверие. Именно поэтому саморегуляция не сможет выровнять имеющиеся или возникшие перекосы, а деформиру-

ет сам механизм социального регулирования. Все вышестоящие во власти управленцы будут ждать пожар, а на деле будет происходить процесс активного гниения (сгорание структуры изнутри). Особенно важно, что внешнее отражение происходящих в глубине необратимых разрушительных тенденций будет временно нести позитивный и иногда радужный характер.

Такая ситуация опасна тем, что в случае выявления существенного социального вреда, нанесенного управленцем неисполнением своих ролевых функций, однозначное освобождение руководителя от служебных обязанностей и даже лишения права им в дальнейшем занимать подобные должности не спасает всю систему. Стадия гниения купируется, а стойкость или жесткость всей административной конструкции уже может быть рассчитана только с учетом обновленных данных, так сказать степенью износа. Строить дополнительные конструкции на основе пораженной системы становится весьма неоправданно и непродуманно. Необходимо будет искать новационные способы предупреждения повторения такого стечения обстоятельств и менять полностью пораженную конструкцию, что естественно будет крайне дорого. Однако в таких случаях экономическую целесообразность необходимо было просчитывать заранее, а не ставить ее во главу угла при замене пораженного структурного элемента или конструкции.

Заключение

В современности принято считать, что деформация или негативное регулирование проявляется там, где моделируются способы деятельности, противоречащие интересам коллектива или общности.

Однако будет ошибочным считать, что природа возникновения этих нарушений видится только в неэффективном взаимодействии права и морали. Ключом клонирования проблем будет, в неправильном выстраивании зависимостей взаимоотношений духовно-нравственной культуры общества и социальной ответственности перед людьми,

наделенного властью административного работника.

Поэтому в основу социального регулирования должна быть заложена социальная ответственность и духовно-нравственные ценности, а не санкционные судебные решения, выступающие базисом применения правовых средств в государстве и как данность в текущем современном обществе.

Требуется определить нравственные и духовные зависимости в регулятивных отношениях, а также морально-правовую и социальную ответственность. Только в таком случае соотношение прав и обязанностей всех участников социальной коммуникации станет основанием стабильности всего механизма. Тем более, общеизвестно, что полная свобода личности, отрицающая целесообразность подотчетности обществу является утопией, а значит существовать не может.

Литература

1. Макашова В.В. Мультимедийные технологии в журналистском образовании: проблемы и тенденции / В.В. Макашова // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций: Материалы III международной научной конференции, Таганрог, 15 октября 2021 года. – Таганрог – Екатеринбург: [б.и.], 2021. – С. 196–201. – EDN FC-TRZZ.
2. Ореховский А.И. Социальное регулирование и ответственность. Сибирский Гос.ун-т. Телекоммуникаций и информатики – Новосибирск, 1999. С. 4–15.
3. Хуснутдинов К.С., Тузиков А.Р. Социальное регулирование значимости массового спорта: Монография. Казан. Гос. Технол.ун-т. – Казань, 2006. С. 197–198.
4. Пеньков Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности. Некоторые вопросы методологии и теории. М., «Мысль», 1972. – 198 с.
5. Крушанов А.А. Понятие «управление» в кибернетическом контексте / А.А. Крушанов // Vox. Философский журнал. – 2017. – № 23. – С. 220–

279. – DOI 10.24411/2077–6608–2017–00020. – EDN YMDFLU.

6. Уланов М.Г. Оптимизация систем автоматического регулирования и теория К(Д)-изображений /Кибернетика и теория регулирования // Доклады Академии наук СССР 1962. Том 144, № 6 С. 1–2.

THE IMPACT OF SOCIAL REGULATORS ON THE DEVELOPMENT OF THE SPIRITUAL AND MENTAL SPHERE OF THE INDIVIDUAL

Meshkov E.P.

Financial University under the Government Russian Federation

The article is devoted to the study of the processes of social management and regulation.

The material presented is based on the research of various researchers concerning the problems of management processes of collectives and enterprises. The author of the article, in addition to the characteristics of modern social management, presents the ongoing process of social regulation in a society with a system-forming element in the form of a person.

In the material, special attention is paid to the role of social responsibility, its transformation in the process of implementing the necessary and urgent tasks. Implemented at the present time methods of regulation of social processes.

Various approaches and innovations are analyzed for the restructuring of administrative-bureaucratic systems that have undergone processes of deformation, degrading in the course of their activities.

The author of the material demonstrates that it is social regulation that occurs only during a certain communication of people that has priority over material regulation. Its impact is not dictated by historical practice, but it has a huge im-

pact on performance, which is mainly assessed by practical attitude.

It is emphasized that specific social regulators embedded in social responsibility and spiritual and moral values do not distort the activity itself, but logically link the creative independence of a person and managerial needs in modern society.

Keywords. Social regulation, social responsibility, social management, person, family, duty, technology, media.

References

1. Makashova V.V. Multimedia technologies in journalistic education: problems and trends / V.V. Makashova // The current state of media education in Russia in the context of global trends: Proceedings of the III International Scientific Conference, Taganrog, October 15, 2021. – Taganrog – Yekaterinburg: [B.I.], 2021. – pp. 196–201. – EDN FCTRZZ.
2. Orekhovsky A.I. Social regulation and responsibility. Siberian State University. Telecommunications and Informatics – Novosibirsk, 1999. pp. 4–15.
3. Khusnutdinov K.S., Tuzikov A.R. Social regulation of the importance of mass sports: Monograph. Cauldron. State Technol. un-T. – Kazan, 2006. pp. 197–198.
4. Penkov E.M. Social norms – regulators of personality behavior. Some questions of methodology and theory. M., «Thought», 1972. – 198 p.
5. Krushanov A.A. The concept of “management” in a cybernetic context / A.A. Krushanov // Vox. Philosophical Journal. – 2017. – No. 23. – pp. 220–279. – DOI 10.24411/2077–6608–2017–0.
6. Ulanov M.G. Optimization of automatic control systems and theory of K(D)-images /Cybernetics and theory of regulation // Reports of the USSR Academy of Sciences 1962. Volume 144, No. 6, pp. 1–2.

Мотивирование роста профессиональных компетенций работников в структуре стратегии развития предприятий

Потемкин Валерий Константинович,

д.э.н., профессор, ЗДН РФ, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
E-mail: dept.ksoocupr@unecon.ru

В статье на основании многолетних социологических исследований проводится оценка процессов мотивирования роста профессиональных компетенций работников предприятий полного технологического цикла. Одновременно, приводятся данные эмпирического исследования, характеризующие результаты самооценивания работниками собственных профессиональных компетенций и условий, создаваемых на предприятиях для их роста и соответствия формируемой стратегии инновационного развития. Сформулированы предложения по созданию алгоритма персонализации управленческой деятельности, обеспечивающей на предприятии процесс активизации роста профессиональных компетенций различных профессионально-квалификационных и статусных групп персонала.

Ключевые слова: работник, компетенция, профессиональная деятельность, управление, стратегия, интересы, ориентация, коммуникации, самооценка, качество, способности, роли, технологии, алгоритм, персонализация.

Постоянно обновляющаяся трансформация экономики Российской Федерации требует повышенного внимания к оценке и мотивированию профессионально важных качеств работников предприятий. Данная проблема не теряет своей актуальности уже более 40 лет. Б.Е. Патон подчеркивал, что процесс производства ставит непрерывно все новые и новые задачи «постоянного роста квалификации работников, совершенствования их знаний и навыков и тем самым общего повышения квалификационного и образовательного уровня», без решения которых невозможен его дальнейший прогресс [8].

На протяжении последних 35–40 лет стратегия развития российских предприятий сформировалась с учетом сложившейся политической среды, доступности к различного рода ресурсам, обеспечивающим производство товаров и услуг; профессиональных компетенций работников, которые были приобретены до так называемого перестроенного периода и приобрели черты выживания в ситуациях неопределенности; адаптационных действий, обеспечивающих работу коллектива исходя из потребностей потребительского рынка; комбинирования деятельности с целью создания сегмента конкурентоспособного производства товаров и услуг, а также инновационных преобразований в производственной, экономической и социальной среде функционирования предприятий. В этих условиях, видимо, трудно представить рациональную модель формирования профессиональных компетенций персонала предприятий с различными траекториями своего развития. Стратегия «удержания» работников на предприятиях без решения многочисленных проблем их функционирования не способствовала росту профессиональных компетенций, а приводила к их стагнации [11].

В профессиональных компетенциях работников постепенно утрачивался принцип созидательности и преобладающим становился принцип исполнительности. Как следствие, в современных условиях процесс мотивирования роста профессиональных компетенций работников предприятий приобретает высокий уровень актуализации.

Внимание к мотивированию персонала вполне оправдано в связи с тем, что изменения, произошедшие в государстве, привели к тому, что идеологическая компонента в структуре мотивов перестала быть определяющей, большинство работников утратили понимание критерия нормального существования, нормальной заработной платы, что в условиях люмпенского сознания является существенным ограничением процессов рационализации на инновационной основе деятельности предприятий. В этой связи предпринята работа по поиску путей трансформации мотивационного механизма персонала, которые обеспечивали бы эффективную и качественную работу предприятия, в частности, гуманизацию социальных отношений, возрастание роли интеллектуальной составляющей в деятельной позиции личности работника, повышение социокультурного уровня всех без исключения профессионально-квалификационных и статусных групп работников, расширение спектра возможностей самореализации, признание профессиональных качеств и опыта человека как одной из важнейших ценностей общественного развития [11].

Теоретический посыл в понимании мотивирования профессионально важных качеств работников предприятий связан с работами отечественных исследователей, в частности, Л.И. Петражицкого, который полагал, что изучение деятельности индивида должно опираться на субъективную психологию человеческих мотивов [9]; А.С. Лаппо – Данилевского, отмечавшего, что деятельность индивида является следствием «непрерывности его действий», «непрерывности его сознания», социального взаимодействия и устойчивой системы со-

циальных отношений [5]; П.Н. Ткачёва, по которому профессиональные компетенции работников должны формироваться вполне осознанно с учётом «выбора социального пути» [12].

Не менее важен в деятельности современных предприятий и фактор побуждения работников к приобретению новых знаний, опыта, профессиональных качеств взаимодействия с различными группами персонала. Процесс мотивирования роста профессиональных компетенций работников связан, во-первых, с определением базовых компетенций для определенного вида деятельности, во-вторых, с созданием системы материального и нематериального стимулирования работников и расширением диапазона применения своих знаний, умений, навыков в работе; в-третьих, с созданием организационных, правовых, экономических и социально-психологических условий развития профессиональных компетенций; в-четвертых, с побуждением работников к самооценке, самоорганизации, саморазвитию своих профессиональных качеств, адекватных миссии, целям и задачам функционирования предприятий.

Система базовых мотивов работников, несомненно, зависит от характера производственной деятельности, то есть относительно жестко фиксированного в пространстве и времени целесообразного ряда операций, функций, технологий, совершаемых различными категориями работников предприятий с целью решения общественно значимых задач. Производственная деятельность, как известно, независимо от способов, применяемых средств и результатов работы характеризуется целым рядом свойств, на которые необходимо обращать внимание при создании на предприятии матрицы профессиональных компетенций, в частности:

технико-технологическая и организационно – экономическая определенность трудовых операций и состава различных профессиональных квалификационных и статусных групп работников;

определённость пространственно-временных параметров осуществления

профессиональной деятельности работников;

структурированность профессионального и межпрофессионального взаимодействия различных категорий персонала при решении общественно значимых задач;

преобладание социально-профессиональных установок работников над узко функциональными интересами отдельных индивидов;

определённость производственного поведения работников, фиксация уровня удовлетворенности результатами своего труда и т.д.

В производственной деятельности мы сталкиваемся с функциональным алгоритмом, который в определенных организационных, производственно-технологических и социально-экономических условиях способствует достижению планируемых результатов, которые, в свою очередь, требуют постоянного совершенствования профессионально важных качеств работников предприятий, к которым мы относим:

высокий уровень социализации и адаптации работников к условиям функционирования предприятий;

развитие способностей в усвоении технологий инновационных преобразований в сфере труда и управления;

гибкость поведения работников в различных ситуациях функционирования предприятий;

определение ролевых характеристик, юридически и функционально закрепляющих профессионально-квалификационный статус работников;

осознанность каждым работником меры своей ответственности за результаты деятельности коллектива предприятия;

социально-профессиональные ориентиры работников в профессиональной деятельности;

степень жизнеобеспечения деятельности работников на предприятии и т.д.

Не вызывает сомнений, что формирование профессионально важных качеств персонала предприятия, во многом, зависит от сложившейся социокультурной среды, признаками которой

являются: формальные и неформальные среды профессионального и межпрофессионального взаимодействия работников; условия профессиональной подготовки и переподготовки работников на специализированных курсах как в структуре управления предприятиями так и в сфере учебных заведений; сложившийся стереотип квалификационного и статусного формирования персонала; процессы и институты социального партнерства различных категорий работников, а также их социальной защиты; установленные на предприятиях социальные нормы и стереотипы поведения работников; вовлеченность работников в процессы инновационного развития, разработку и реализацию управленческих решений [10].

Можно утверждать, что на содержание и динамику роста профессиональных компетенций работников оказывают влияние и ситуации, складывающиеся в процессе профессиональной деятельности, такие как: одобрение результатов работы руководством предприятий; материальное и моральное стимулирование достижений в сфере трудовой деятельности; свобода общения как формального, так и неформального в процессе выполнения функциональных обязанностей различными категориями работников; создание условий для самореализации в процессе труда знаний, умений, опыта работы и, несомненно, формирование стереотипа инновационного поведения персонала предприятий.

Как следствие, в росте профессиональных компетенций работников прослеживаются основные доминирующие мотивы сопричастности к результатам деятельности предприятий, которые в своем большинстве «не прописаны» в стратегии развития предприятий и их структурных подразделений.

Л.И. Абалкин подчеркивал необходимость формирования ясной стратегии развития предприятий, в основе которой гуманизация социально-трудовых отношений и управления производственным производственными процессами и которая бы учитывала интересы не отдельной какой-то группы работников, а все-

го персонала предприятия [3]. Но если в стратегии развития предприятий отводится предпочтение топ-менеджерам, собственникам или группам работников лояльных руководству, то, достаточно сложно представить устойчивую ориентацию личности на определенный вид деятельности не связанный с ростом благосостояния работников; установки личности на эффективность и качество работы; формирование соответствующего поведения при выполнении закрепленных за работниками сфер приложения труда; определить профессиональные и жизненные перспективы занятости работников на предприятии; наличие чувства профессионального долга, являющегося атрибутом осознанной деятельности коллектива предприятия; соблюдение норм профессиональной деятельности и трудового по-

ведения работников. Данные социально-профессиональные качества и установки работников в профессиональной деятельности являются, с одной стороны, важным резервом стратегии развития предприятий, а с другой, определяющим мотивом роста профессиональных компетенций работников.

Важно подчеркнуть и характер «подключенности» работников к конкретной профессиональной деятельности, освоению новых технологических принципов работы и более осмысленного применения своих социально профессиональных резервов в практической работе.

Для определения профессиональных качеств работников предприятий нами предложена методика их самооценки на трех предприятиях полного технологического цикла (N 524) (см. табл. 1).

Таблица 1. Самооценка профессиональных качеств работниками предприятий

	Варианты ответов									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Профессиональные знания	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2. Профессиональные умения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
3. Заинтересованность в высоком результате	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
4. Чувство конкуренции	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
5. Творческий потенциал	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
6. Уровень применения творческого подхода	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
7. Общий уровень знаний, позволяющих успешно адаптироваться	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
8. Удовлетворенность своим статусом	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
9. Навыки общения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
10. Навыки убеждения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11. Желание уделять деятельности и вне рабочее время	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
12. Наличие собственной библиотеки профессионально-ориентированной литературы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Как видно из представленных показателей самооценки профессиональных качеств работников, такие показатели

как знания, умения, заинтересованность, конкурентность, творчество находятся в пределах 5–9 баллов; удовлетворен-

ность, навыки общения, навыки убеждения, внерабочая деятельность, формирование профессиональных знаний – в пределах 4–6 баллов. То есть оценки самовыражения превышают оценки са-

моререализации. Эти показатели побудили нас к следующему этапу исследования – оценке способностей и способов их реализации в профессиональной деятельности.

Таблица 2. Оценка работниками предприятий способностей и способов их реализации в профессиональной деятельности

Показатели оценки	Баллы оценки (1-10)									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Творческое мышление										
2. Темп работы										
3. Возможности адаптации к меняющимся условиям работы										
4. Лидерские качества										
5. Способность доказать ценность своих идей										
6. Возможность самореализации и профессионального роста										
7. Чувство правовой защищенности										
8. Внедрение новых технологий										
9. Профессиональная компетентность										
10. Комфортность работы в коллективе										
11. Ответственность										
12. Уровень взаимопонимания с непосредственным руководителем										
13. Согласие с идеей и стратегией работы предприятия										
14. Возможность повышения квалификации и карьерного роста										
15. Рационализм										
16. Правовая компетентность										
17. Повышение ценности для предприятия										
18. Интерес к проблемам развития предприятия										
19. Наличие устойчивых традиций в коллективе										

Группы показателей оценки способностей работников и способов их реализации в практической деятельности различаются: первые из них оцениваются в 4–8 баллов, а вторые в 3–7 баллов. То есть желание формирования профессиональных компетенций работниками предприятий не всегда совпадает с возможностями их реализации в практической деятельности. В подтверждение этому выводу представляем оценки позиции работников в развитии и реализации своих интеллектуальных резервов.

Как видно из представленных данных показатели, характеризующих творческий потенциал, качество выполняемой работы, рациональные способы деятельности и реализацию собственных интел-

лектуальных резервов, находятся в пределах 5–9 баллов, а показатели, характеризующие процесс взаимодействия работников в процессе труда и ограничения реализации интеллектуального потенциала в пределах 3–5 баллов.

Можно утверждать, что в стратегии деятельности современных предприятий слабо отражается необходимость гуманизации социально трудовых отношений и не учитывается значение и возможности формирования и использования новых профессиональных компетенций работников, адекватных процессам социально-экономического развития. В то же время, Л. Миллер и его коллеги в стратегии развития предприятий определяли спектр наиболее важ-

ных профессиональных компетенций работников:

22% работодателей настаивали, чтобы все их работники обладали единым набором или схемой базовой ком-

петентности (причем 10% работодателей включали дополнительные требования к поведенческой компетентности менеджеров и других штатных сотрудников);

Таблица 3. Оценка позиции работников в развитии и реализации своих интеллектуальных резервов

Вопросы для самооценки	Варианты ответов									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Постоянно ищу более рациональные способы деятельности, которые стараюсь применять на практике, о чем сообщаю руководству	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2. Постоянно ищу более рациональные способы деятельности, но возможности делиться опытом нет	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
3. Считаю, что творческий подход к деятельности руководством не поощряется, стараюсь использовать привычные методы работы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
4. Качество выполняемой работы выше, чем у остальных работников	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
5. Интеллектуальный резерв использую в полной мере	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
6. Для полноценного творчества не хватает навыков и знаний	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
7. Интеллектуальный потенциал лучше раскрылся бы в другом коллективе	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
8. Нынешняя деятельность не позволяет раскрыться моему интеллектуальному резерву	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

48% ограничивались компетентностью в определенных видах работы, выполнении отдельных функций или работе в определенных подразделениях;

у 20% работодателей была обязательная для всего штата схема базовой компетентности, включающая в себя поведенческую компетентность, а также набор требований в отношении технической/функциональной компетентности и компетентности на уровне подразделения [1].

В ходе последующих исследований (2002) удалось установить следующее.

у 25% работодателей, использовавших поведенческую компетентность, была базовая схема компетентности;

19% дополняли базовую схему дополнительным набором компетентности для отдельных групп, например менеджеров [2].

В структуре стратегии развития современных российских предприятий «прибыльная мотивация», без акцентации на потребности, социальные ожидания и рост профессиональных компетенций работников так и не нашла своего практического применения [7]. Совер-

шенно очевидно, что технологический детерминизм как основополагающая модель стратегического развития предприятия, отводящий человеку чисто исполнительную роль в производственных процессах является очевидным анахронизмом. Повышение роли и значение человеческого фактора на всех стадиях производственного процесса по новому ставит вопрос о воспроизводстве профессиональных компетенций работников, мотивации трудовой активности в решении общественно значимых задач. Однако, в этом процессе необходимы программные действия, обеспечивающие непосредственное участие работников в процессах мотивирования и самомотивирования роста своих профессиональных компетенций. Однако, формирование программных действий, обеспечивающих рост профессиональных компетенций работников, должно иметь «точку отсчета или своеобразного начала» и это начало можно характеризовать следующим образом:

При анализе квалификационных характеристик трудового потенциала ИТР установлено, что только 49,1% опрошенных работников трудится по специальности, полученной при обучении; у 38,2% ИТР специальность лишь частично соответствует полученной при обучении, у 11,1% – совсем не соответствует. Почти половина инженеров не удовлетворена возможностями профессионального роста (47,5%), и сама работа им не интересна (43,7%); среди инженеров, считающих, что работа не дает им возможности стать полноценным специалистом, 71,4% работников, чья специальность частично или полностью не соответствует диплому. Таково мнение о своей работе 14,4% выправлении главного технолога, 11,2%, работающих в техотделах производств, 23,9% мастеров и других линейных руководителей, 9,1% конструкторов в ГСКБ. Как видим, по мере «приближения» рабочего места непосредственно к производству растет и недовольство работников своей работой [10]. Здесь мы наблюдаем несоответствие латентной структуре ценностных ориентаций

и ранжированной структуры оценок их степени значимости для работников в данных конкретных условиях показывает противоречие между нормативными установками личности и теми интересами, которые формируются производственной средой предприятия и определяют производственное поведение работников.

Отсутствие мотивации на высококачественный труд показывает распределение оценок «внутрипроизводственного ориентира», т. е. основной установки в производстве. 77,0% ИТР считают, что таким ориентиром является «выполнение плана любой ценой», 4,9% ответили, что основная установка в производстве «наша продукция – дефицит, реализуем и некачественную», 2,9% респондентов не дали ответа, и только 15,2% заявили, что «план нужен, но качество должно быть обеспечено независимо от выполнения плана» – это почти 80,0% руководителей (см. рис. 1).

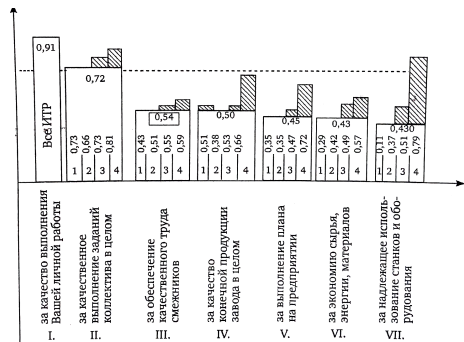

Рис. 1. Степень осознания ответственности ИТР (max, min = 1.00): 1 – конструкторы; 2 – технологи УГТ; 3 – технологи производства; 4 – мастера

Удовлетворенность трудом у ИТР оказалась низкой, индекс удовлетворенности рассчитывался как средневзвешенная оценка по десяти основным параметрам содержания труда. Контрольный индекс исчислен на основе ответов респондентов на прямой вопрос об удовлетворенности трудом. Оба индекса совпали и равняются 0,55 (при оптимуме = 0,70). Рис. 2 дает представления о степени удовлетворенности по нескольким параметрам.

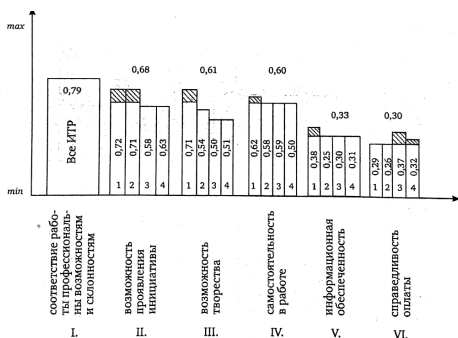

Рис. 2. Степень удовлетворенности ИТР элементами содержания труда (max, min = 1.00): 1 – конструкторы; 2 – технологи УГТ; 3 – технологи производства; 4 – мастера

У ИТР высока критичность по отношению к руководителям и неудовлетворенность стилем управления на предприятии. Так, если удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами равна 0,78, то стилем управления – 0,56, а отношением руководителей к критике – 0,50 (норма – выше 0,70); 53,2% опрошенных заявили, что на предприятии обычен зажим критики и преследование за нее. Практически все, кто выдвигал какие-либо предложения или критические замечания (88,1%), отметили, что руководство болезненно реагирует на критику, предложения остаются без ответа, не обсуждаются гласно в коллективах. Это в определенной мере объясняет пассивность ИТР в борьбе за улучшение производства. Причем активность инженеров потенциально в норме: 63,3% работников готовы взять на себя большую нагрузку при условии адекватного материального и морального стимулирования. Пять человек из шести всегда готовы временно повысить свою нагрузку, чтобы помочь коллегам. Анализ данных о поданных предложениях, критических замечаниях за последние пять лет также подтверждает достаточно высокую потенциальную активность ИТР, хотя на протяжении всех пяти лет она имеет тенденцию к снижению.

Участие в управлении производством является показателем как отношения к труду, так и стиля управления на предприятии. В разработке планов работ подразделения принимало участие

только 37,0% ИТР – почти все руководители и всего 16,0% рядовых инженеров. Стил управления хорошо характеризуется и отношением работников к собраниям трудовых коллективов, общественных организаций и т.д. Только 17,8% ИТР (и всего около 16,0% рядовых инженеров) проявляют активность на собраниях, внимательно слушают докладчиков. 70,7% ИТР никогда не выступают и не следят за ходом собрания. Как следствие, ИТР в своем большинстве практически не верят призывам и словам, произносимым с трибуны. Так, например, когда идет разговор о качестве, только 1,3% ИТР верит в то, что слова будут, подкреплены делами. Если эти 1,3% – практически только руководители, то налицо девальвация доверия инженеров к лозунгам и призывам администрации.

По сути, представленные эмпирические данные подчеркивают невнимание руководителей предприятий к условиям формирования качественно новых профессиональных компетенций работников, что является существенным ограничением процесса формирования программных действий по повышению их роли в стратегии развития предприятий. В современных исследованиях процессов профессионализации работников предприятий не всегда учитывается и такая важная характеристика жизнедеятельности и жизнеспособности работников, как их потребности.

Заметим, что А. Маршалл писал, что «каждый новый шаг вперед следует считать результатом того, что развитие новых видов деятельности порождает новые потребности» [6].

Здесь же необходимо отметить и обратное: потребности обуславливают необходимость формирования новых видов деятельности. Причём, профессиональные компетенции по отношению к потребностям работников должны носить первоочередной или приоритетный характер. И это важно, по определению М. Кастельса, в связи с тем, что «в отношении всех проявлений основных технологических изменений люди, предприятия и учреждения ощущают глубину изменений, но часто оказываются не в со-

стоянии разобраться в них, поскольку не осознают последствий таких изменений [4].

Включенное наблюдение на ряде предприятий показало, что профессиональные компетенции работников различных сфер приложения труда не обладают целостностью, то есть размыты, что сказывается на общих оценках управленческих решений, среди которых:

не созданы условия для роста профессиональных компетенций работников – 68,0%;

отсутствуют центры инновационного развития, создающие условия применения новых знаний, навыков и опыта работы – 34,0%;

проведение экспериментов в преобразованиях технико-технологической структуры производства, применение экономических методов совершенствования производственной деятельности ограничивается временным параметром осуществления основной плановой деятельности предприятия – 72,0% и т.д.

И совершенно не случайно более 60,0% респондентов полагают необходимым создание в структуре управления предприятиями инновационных центров; 85,0% зон экономической ответственности за результаты своего труда; 42,0% – бизнес-инкубаторов, в которых зарождались бы научные идеи; повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции; 40,0% – создание внутрифирменных и межотраслевых научно-технических программ, объединяющих специалистов самых различных специальностей; 28,0% – организацию стажировок творческих работников в лучших мировых корпорациях; 25,0% участие в международных научно-технических программах и проектах. Процессы формирования и реализации в практической деятельности профессиональных компетенций работников представляет собой набор специальных заранее определенных функций, норм и предписаний, регулирующих совокупность управленческих решений и направленных на их интеграцию в организационно-экономическую, научно-техническую и социальную,

включая идеологическую и ценностную структуры производственной деятельности. По сути речь здесь может идти о институционализации управленческих решений, обеспечивающих определенную деятельность на предприятии по созданию системы налаживания устойчивых программных действий вовлечения в производственный процесс профессиональных компетенций работников. Алгоритм программных действий представлен на рис. 3.

Реализация алгоритма действий по вовлечению профессиональных компетенций в деятельность предприятий по крайней мере в экспериментальном контексте позволило бы установить, что идеи, позволяющие действительно более качественно решать задачи производства, применяются в полном объеме – 15,0%; имеют место трудности реализации идей на стадии общения с непосредственным руководителем – 85,0%; имеют место трудности реализации интеллектуальных резервов, связанные с несовершенством правового аппарата на предприятии – 75,0%; основные трудности связаны с финансированием проектов – 40,0%; реализации идей мешает отсутствие понимания у коллег на работе – 18,0%.

По самооценкам респондентов (N 202) внимание со стороны менеджмента предприятий к реализации профессиональных компетенций работников в практической работе стало бы основанием для:

роста профессиональной и общественной активности – 22,0%;

внедрения новых управленческих решений – 28,0%;

роста профессионального самосознания – 18,0%;

развития творческого потенциала – 51,0% и т.п.

Можно полагать, что не только факт теоретических обобщений процессов формирования и реализации профессиональных компетенций работников, самомотивирования приобретения новых знаний, опыта, квалификации, но и эмпирические оценки, характеризующие отношение к воспроизвод-

ству способностей и роли различных профессионально-квалификационных и статусных групп персонала в произ-

водственной деятельности может стать новым и важным этапом стратегии развития предприятий.

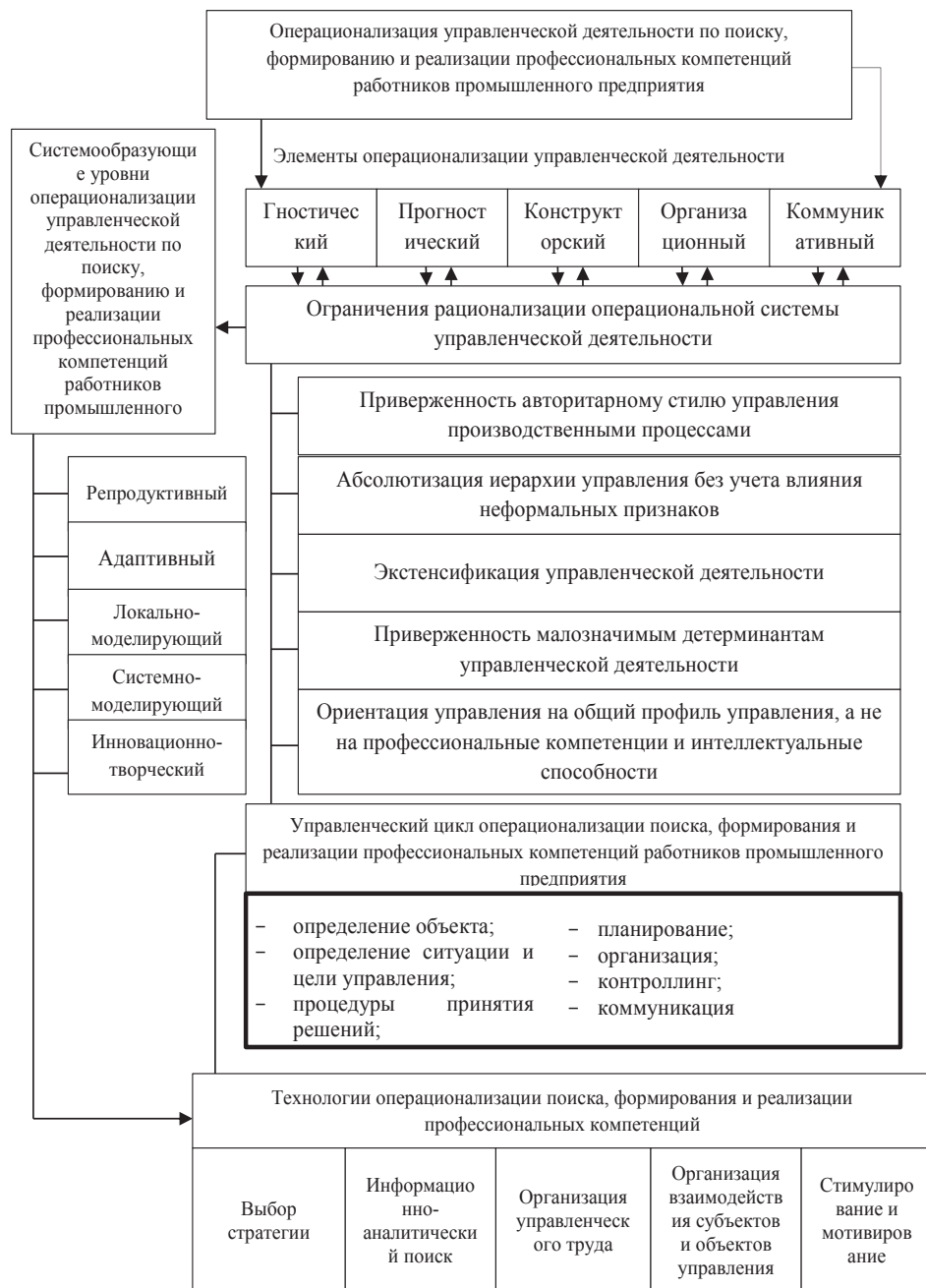

Рис. 3. Алгоритм операционализации управленческой деятельности по формированию и реализации профессиональных компетенций работников промышленного предприятия

Литература

1. Miller L., Rankin N. Competency Frameworks in UK Organizations, CIPD, London, 2001.
2. Rankin N. Raising performance through people: the ninth competency survey, Competency & Emotional Intelligence, January, 2002, pp. 2–21
3. Абалкин Л.И. К самопознанию России – М.: Институт экономики РАН, 1995, с. 163–169.
4. Кастельс М. Воздействие Интернета на общество: глобальные перспективы, MIT Technology Review, 08.09.2014 <https://www.technologyreview.com/2014/09/08/171458/the-impact-of-the-internet-on-society-a-global-perspective/>
5. Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта. – В кн.: проблемы идеализма. – М.: 1902. – 391 с.
6. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. 1. – М.: Прогресс, 1983, с. 83.
7. Мотивация начала бизнеса: избыточная мотивация. В кн.: Стратегия и тактика антикризисного управления фирмой. СПб.: Спец.лит. 1996. С. 115–122.
8. Патон Б.Е. Наука-техника-производство. В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР. – М.: Изд-во “Наука”, 1983, с. 6–7.
9. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. – СПб.: 1908. – 45 с.
10. Потемкин В.К. Личностный фактор в сфере профессиональной деятельности. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2012. – 320 с.
11. Потемкин В.К. Реформирование экономики и политика занятости населения в Российской Федерации. *Ekonomika Pracv-wyzwania procesu transformacji ustrojowej*. Materialy z konferencji naukowej organizowanej przez Prywatna Wyzsza Szkole Businessu i Administracji w Warszawie 24–25.02/2003 – S. 35–45

12. Ткачев П.Н. Избр.соч., Т. 3.М. 1933. – 192 с.

MOTIVATING THE GROWTH OF PROFESSIONAL COMPETENCIES OF EMPLOYEES IN THE STRUCTURE OF AN ENTERPRISE DEVELOPMENT STRATEGY

Potemkin V.K.

Saint-Petersburg State Economic University

Based on many years of sociological research, the article assesses the processes of motivating the growth of professional competencies of employees of enterprises with a full technological cycle. At the same time, empirical research data are presented that characterize the results of self-assessment by employees of their own professional competencies and the conditions created at enterprises for their growth and compliance with the innovative development strategy being formed. Proposals are formulated for creating an algorithm for personalization of managerial activity, which ensures the process of enhancing the growth of professional competencies of various professional qualification and status groups of personnel at the enterprise.

Keywords: employee, competence, professional activity, management, strategy, interests, orientation, communications, self-assessment, quality, abilities, roles, technologies, algorithm, personalization.

References

1. Miller L., Rankin N. Competency Frameworks in UK Organizations, CIPD, London, 2001.
2. Rankin N. Raising performance through people: the ninth competency survey, Competency & Emotional Intelligence, January, 2002, pp. 2–21
3. Abalkin L.I. To self-knowledge of Russia – M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 1995, p. 163–169.
4. M. Castells, The Impact of the Internet on Society: A Global Perspective, MIT Technology Review, 09/08/2014 <https://www.technologyreview.com/2014/09/08/171458/the-impact-of-the-internet-on-society-a-global-perspective/>
5. Lappo-Danilevsky A.S. Basic principles of O. Kont's sociological doctrine. – In the book: problems of idealism. – M.: 1902. – 391 p.

6. Marshall A. Principles of political economy. T.1. – M.: Progress, 1983, p.83.
7. Motivation for starting a business: profitable motivation. In: Strategy and tactics of anti-crisis management of the firm. SPb.: Spets.lit. 1996, pp. 115–122.
8. Paton B.E. Science-technology-production. In: Dialectics in the sciences of nature and man. Man, society and nature in the age of scientific and technological revolution. – M.: Publishing house «Nauka», 1983, p.6–7.
9. Petrazhitsky L.I. Introduction to the study of law and morality. – St. Petersburg: 1908. – 45 p.
10. Potemkin V.K. Personal factor in the sphere of professional activity. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2012. – 320 p.
11. Potemkin V.K. Reforming the economy and employment policy in the Russian Federation. *Ekonomika Pracy-wyzwania procesu transformacji ustrojowej. Materiały z konferencji naukowej organizowanej przez Prywatna Wyższa Szkoła Businessu i Administracji w Warszawie 24–25.02/2003* – S. 35–45
12. Tkachev P.N. Selected works, T.3.M. 1933. – 192 p.

Актуальные проблемы управления в современных организациях: социальные аспекты и основные тенденции развития

Чимитдоржиев Жан Жанович,

кандидат медицинских наук, доцент, Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Дальневосточная государственная академия физической культуры
E-mail: jeanjean@mail.ru

Золотова Яна Владимировна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и таможенное дело» ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права»
E-mail: rozohka@mail.ru

Мешкова Галина Владимировна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры инновационного предпринимательства, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
E-mail: gvmeshkova@bmsu.ru

Макушкин Сергей Анатольевич,

кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный социальный университет
E-mail: S_makin2009@mail.ru

Аралова Елена Викторовна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)»
E-mail: arlenk@yandex.ru

В статье освещена актуальная проблематика социальных аспектов и тенденций развития управления в современных организациях. Раскрыты сущность понятий «организация» и «управление» как социальных феноменов. Управление современными организациями рассмотрено с позиции системного и системно-деятельностного подходов. Показано, что в социальном управлении ведущими компонентами управления выступают люди как субъекты социальных групп и организаций. Информатизация сферы производства и общественных отношений сегодня оказывает огромное влияние на развитие организации и системы социального управления. Раскры-

та сущность информационного управления и его роли в современных организациях. Отмечено, что информационное управление может носить манипулятивный характер, что приводит к рискам информационных противоречий и к угрозе информационной безопасности объектов управления. Раскрыты преимущества информатизации и цифровизации процессов управления современными организациями. Показано, что наблюдается переход от традиционной управленческой парадигмы к инновационному типу публичного управления, который предъявляет новые требования к личности субъекта управления. Отмечена роль информационной и правовой компетенций субъекта управления в современных организациях.

Ключевые слова: организация, система управления, субъект управления, объект управления, информационное управление, публичное управление.

Социальные аспекты проблем и тенденций развития системы управления в современных организациях являются предметом научных дискуссий в силу их высокой теоретической и практической значимости для решения приоритетных задач развития организаций как части социальной системы и общества в целом. Управление в современных организациях как предмет исследования рассматривается с позиции системного подхода, который позволяет анализировать функционально-динамические особенности организации как социальной системы, многофакторную природу внешнего влияния на систему управления организации, а также комплекс внутренних структурных элементов, входящих в организацию и оказывающих влияние на специфику развития системы управления. Анализ современных проблем и перспектив развития современной организации предполагает понимание того, что «организация – это специфический и достаточно сложный социальный объект, который в наиболее концентрированном виде фокусирует в себе многие свойства социальных систем, а также наиболее отчетливо отражает проблемные ситуации, имеющие как научное, так и прикладное значение» [7, с. 161].

Междисциплинарный характер понятия управления заключается в том, что оно используется в различных дисциплинах научного знания, в самом общем виде обозначая функцию поддержания определенной структуры и режима деятельности, реализацию программ и целей, которая присуща организованным системам разного вида, в частности биологическим, техническим, социальным и др. В отличие от других видов организованных систем, в социальном управлении ведущими компонентами управления выступают люди как субъекты социальных групп и организаций, либо организационные социальные общности в целом. Ведущими категориями социального управления являются «организация», «субъект и объект управления», которые исследуются как управляющая и управляемая системы (подсистемы)

организации, в комплексе взаимосвязей, образующих систему управления организации. Организация с этих позиций понимается как «социальное образование, которое неизбежно возникает в виде коллективного субъекта целодостижения в процессе и по поводу совместной деятельности [7, с. 164]. При этом социальные субъекты находятся в сложной системе управленческих взаимоотношений, могут выступать как субъектами, так и объектами процесса управления. Субъектом управления социальными системами в общем случае выступают «структурно-обозначенные объединения людей и руководители на персональном уровне, наделенные управленческими полномочиями и осуществляющие управленческую деятельность» [4, с. 56]. Объектом управления в организации выступают «отдельные люди или социальные группы, на которые направлены организованные, систематические, планомерные воздействия субъекта управления» [4, с. 56].

С позиции системно-деятельностного подхода современное понятие «управление» отражает процесс координации различных деятельностей субъектов и объектов управления с учетом их целей и задач, условий выполнения, типов принятия решений, способов и этапов реализации этих решений, а также стиля управленческой деятельности в организации [7; 8]. Основной целью управления с этих позиций является «заранее обозначенное, запрограммированное состояние системы, достижение которого в процессе управления позволяет решить нужную задачу» [4, с. 56]. Важными функциями управления функционированием любой организации являются функции планирования, принятия управленческих решений и контроль их выполнения на основе анализа необходимой информации [7; 8]. С другой стороны, учитывая социальную природу организации, следует отметить, что достижение ее целей связано «во-первых, с определенным ограничением свободы людей, участвующих в совместной деятельности; во-вторых, в переориентации их изначальной активности в определенное

социально приемлемое русло; в-третьих, в контроле за использованием заданных форм проявления этой активности; наконец, в закреплении и воспроизводстве работающих образцов поведения и деятельности в создаваемой или функционирующей организации» [7, с. 162].

Одним из ведущих факторов, определяющих развития современной организации, является ее функционирование в условиях информационного общества и информатизации общественных отношений. Информационное общество представляет «систему связей и отношений между индивидами, основанную на обмене информацией в социальной и экономической деятельности» [6, с. 114], а информатизация отражает процесс использования информационных технологий для производства, переработки, хранения и распространения информации, в котором интегрированы социальные, технологические, экономические, политические и культурные механизмы. Поэтому управление современными организациями предполагает высокий уровень информационного обеспечения, развитые информационные и телекоммуникационные технологии информационного обмена и информационной обратной связи.

Ведущие тенденции развития управления современными организациями определяются информатизацией и цифровизацией процессов управления, автоматизацией процессов принятия решений, которые позволяют повысить эффективность управления организацией. За последние десятилетия цифровые системы управления и системы сбора и анализа данных прочно закрепились в организациях бизнес-среды и органов власти. Преимущества данных процессов заключаются в том, что «цифровизация позволяет снизить риски в управлении и нивелировать неполноту информации при принятии решений. При соблюдении норм информационной безопасности цифровизация способна обеспечить рост эффективности всех управленческих процессов» [3, с. 23]. Итак, внедрение и использование современных информационных технологий

в управленческой деятельности обеспечивает информационно-аналитическую поддержку принятия управленческих решений на всех уровнях, сопровождает информационную поддержку развития современной организации.

Переход к построению информационного общества привел к формированию нового вида управления в современной организации – к информационному управлению, которое понимается как «процесс выработки и реализации управленческих решений в ситуации, когда управляющее воздействие носит неявный характер и объекту управления представляется определяемая субъектом управления информация о ситуации (информационная картина)» [4, с. 57]. В свою очередь, информационное управление можно рассматривать как разновидность мотивационного управления, которое является составной частью общего процесса управления в организации, «обеспечивающее осознание и выбор способов преобразования воздействий внешней и внутренней среды на основе оценивания ситуации, целеполагания, принятия решений, ожидания и корректировки соответствующих результатов деятельности на уровне индивидов, организации социальных систем посредством согласования их ценностных ориентаций, норм и интересов» [4, с. 57–58].

Информационное управление «может носить манипулятивный характер и осуществляться с применением средств и методов информационно-психологического воздействия» [4, с. 56]. В свою очередь, манипулятивный характер информационного управления обуславливает риски информационных противоречий и угроз информационной безопасности объектов управления в современной организации. В современных организациях, функционирующих в информационном обществе, управление социальными системами реализуется «с помощью комплексных организационных технологий информационно-психологического воздействия» [4, с. 100]. Информационно-психологическое воздействие, в свою

очередь, понимается как деятельность, осуществляемая с «использованием разнообразных специфических способов и средств, скоординированных во времени, пространстве и реализуемых как отдельными лицами, так и различными социальными организациями» [4, с. 100].

Другим перспективным направлением системы управления в современных организациях является переход от традиционной управленческой парадигмы к инновационному типу публичного управления, которое предъявляет новые требования к личности субъекта управления. В настоящее время существуют многочисленные модели управленческой деятельности и личности руководителя, в основу которой положены свойства, качества, функции и компетенции субъекта управления. В информационном обществе на передний план выходят информационные компетенции субъекта управления, которые позволяют успешно реализовывать цели информационно-психологического воздействия на сознание объектов управления, образующих информационно-коммуникационную систему организации. Субъект управленческой деятельности, который «производит знания-решения в конкретных ситуациях на основе поиска и анализа информации, обладает возможностью оказывать существенное (а иногда и определяющее) влияние на протекающие процессы и других субъектов (участников) коммуникации» [4, с. 79].

Отдельного внимания в вопросах эффективного управления современными организациями заслуживает проблема правовой компетентности субъекта управления. Правовая компетентность, по мнению Т. Парсонса, выступает «исходным источником легитимизации социального управления, обеспечивая разведение управленческих и исполнительских ролей» [5, с. 33]. Правовую компетентность определяют как «интегративное свойство личности, позволяющее эффективно разрешать проблемно-правовые ситуации в профессиональной деятельности» [1, с. 72], как «сложная интегративная характеристика лично-

сти, отражающая уровень правовой осведомленности, осознанное восприятие социально-правового опыта, готовность и способность строить свое социально-профессиональное поведение в соответствии с действующими правовыми нормами» [2, с. 165]. Несмотря на то, что к определению правовой компетентности субъектов управления существуют различные точки зрения, общим является ее понимание как многомерного профессионально-личностного образования, которое наряду с информационной компетентностью позволяет успешно разрешать проблемы управления современными организациями в правовом и публичном поле.

Развитие института публичного управления, которое нашло свое воплощение в организациях органов власти, бизнес-среды, в общественных организациях отвечает современным вызовам. Развитие институтов публичного управления современной организацией актуализировали вопросы ее анализа как открытой системы. Под организацией как открытой системой понимается «такая ее идеально-типическая модель, в которой организация описывается не только, как обменивающаяся ресурсами и продуктами с окружением, но которая проявляет себя как пластичная образование, активно реагирующее на изменения окружения и синхронно с ним меняющая свои свойства» [7, с. 170]. Отличие публичного управления от других концепций управления заключается в том, что основывается на «самодиагностике проблемы; самоформулировании; самоопределении лучшего варианта политики; самоопределении проблемы; самовыведении решения проблемы; самопринятии плана действий; самоконтроле и самооценке; предусматривает привлечение архетипов демократии» [3, с. 26–27]. Таким образом, публичное управление следует рассматривать как естественный этап развития системы управления в современных организациях.

Итак, актуальными тенденциями развития системы управления в современных организациях выступают информационное и публичное управление, кото-

рые отвечают современным вызовам информационного общества. Широкое применение современных информационных технологий в управленческой деятельности обеспечивает информационно-аналитическую поддержку принятия управленческих решений и развития современной организации. В свою очередь, информационное управление может носить манипулятивный характер, что приводит к рискам информационных противоречий и к угрозе информационной безопасности объектов управления в современных организациях.

Литература

1. Агамиров А.К. Самопроектирование как эффективный способ формирования профессионально-правовой компетентности будущих специалистов неюридического профиля // Вестник Тамбовского университета. – Тамбов, 2008. – № 12 (68). – С. 72–76.
2. Жигулин А. А. Структурно-содержательная характеристика правовой компетентности современного специалиста-неюриста // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – Новосибирск 2011. – № 18. – С. 55–60.
3. Муковнин М.А. Информационное обеспечение публичного управления в условиях цифровизации: дис. ... кандидата экономических наук. – Курск, 2021. – 201 с.
4. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.
5. Парсонс Т.П. Система современных обществ /Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
6. Пидоймо Л.П., Бутурлакина Е.В. Сущность категорий «информационное общество», «информационная экономика» // Современная экономика: проблемы и решения. – 2010. – № 4. – С. 112–118.
7. Тощенко Ж.Т. Социология управления. Учебник. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. – 300 с.
8. Урбанович А.А. Психология управления: учебное пособие для студентов и курсантов учреждений высшего образования по специальности «Государственное управление и право». – Минск: Академия МВД, 2019. – 311 с.

ACTUAL PROBLEMS OF MANAGEMENT IN MODERN ORGANIZATIONS: SOCIAL ASPECTS AND MAIN DEVELOPMENT TRENDS

Chimitdorzhiev Zh. Zh., Zolotova Ya.V., Meshkova G.V., Makushkin S.A., Aralova E.V.

Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Khabarovsk State University of Economics and Law Russia; Bauman Moscow State Technical University; Russian State Social University; K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University)

The article highlights the current issues of social aspects and trends in the development of management in modern organizations. The essence of the concepts of «organization» and «management» as social phenomena are revealed. The management of modern organizations is considered from the standpoint of system and system-activity approaches. It is shown that in social management the leading components of management are people as subjects of social groups and organizations. Informatization of the sphere of production and social relations today has a huge impact on the development of the organization and the system of social management. The essence of information management and its role in modern organizations is revealed. It is noted that information management can be manipulative, which leads to the risks of information contradictions and a threat to the information security of control objects. The advantages of informatization and digitalization of management processes in modern organizations are revealed. It is shown that there is a transition from the traditional management paradigm to an innovative type of public administration, which imposes new requirements on the personality of the subject of management. The role of informational and legal competences of the subject of management in modern organizations is noted.

Keywords: organization, management system, subject of management, object of management, information management, public administration.

References

1. Agamirov A.K. Self-projecting as an effective way to form professional and legal competence of future non-legal specialists // Bulletin of the Tambov University. – Tambov, 2008. – No. 12 (68). – P. 72–76.
2. Zhigulin A.A. Structural and content characteristics of the legal competence of a modern specialist-non-lawyer // Psychology and Pedagogy: Methods and Problems of Practical Application. – Novosibirsk 2011. – No. 18. – P. 55–60.
3. Mukovnin M.A. Information support of public administration in the context of digitalization: dis. ... candidate of economic sciences. – Kursk, 2021. – 201 p.
4. Manoilo A.V. State information policy in special conditions: Monograph. – M.: MEPhI, 2003. – 388 p.
5. Parsons T.P. The system of modern societies / Per. from English. L.A. Sedova, A.D. Kovalev. Ed. M.S. Kovaleva. – M.: Aspect Press, 1998. – 270 p.
6. Pidoimo L.P., Buturlakina E.V. The essence of the categories “information society”, “information economy” // Modern economy: problems and solutions. – 2010. – No. 4. – P. 112–118.
7. Toshchenko Zh.T. Sociology of management. Textbook. – M.: Center for Social Forecasting and Marketing, 2011. – 300 p.
8. Urbanovich A.A. Psychology of management: a textbook for students and cadets of institutions of higher education in the specialty «Public Administration and Law». – Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2019. – 311 p.

Выявление миграционных установок провинциальной молодежи: на примере учащихся российских и белорусских образовательных учреждений

Грунт Елена Викторовна,

доктор философских наук, профессор, кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

Титаренко Лариса Григорьевна,

Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет
E-mail: larisa166@mail.ru

Беляева Екатерина Александровна,

кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной работы департамента политологии и социологии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: ekaterina.podergina@mail.ru

Миграция изменила демографический состав городов и народов. Россия и Республика Беларусь – важные игроки на постсоветском пространстве. Сегодня наиболее активными мигрантами является молодежь, терять которую малым городам, селу, странам нежелательно, т.к. данная категория населения представляет собой экономический и демографический потенциал этих территорий. Цель исследования – изучить миграционные установки провинциальной учащейся российской и белорусской молодежи.

Материалы и методы исследования – анкетный опрос молодежи и глубинные интервью с информантами.

Данные нашего исследования показали, что молодёжная миграция в России носит внутрироссийский характер в целом и внутрирегиональный, в частности. Для молодого населения малых городов характерна внутренняя миграция по направлению «город (село) – город». Молодежная миграция в Республике Беларусь носит внешний, международный характер. Для молодого населения провинции внешняя миграция направлена «город (село) – зарубежные страны». Исследование выявило «выталкивающие» факторы миграции учащейся молодежи применительно к малым городам и селам России и Республики Беларусь.

Ключевые слова: провинциальная учащаяся молодежь, миграционные установки, молодежная миграция, Россия, Республика Беларусь.

Введение

Каждый день люди принимают решение покинуть свой родной город или свою страну и переехать в другое место, чтобы работать, учиться, выйти на пенсию или воссоединиться со своими семьями. Миграция изменила демографический состав городов и народов.

Сельско-городская миграция в Советском Союзе считалась благоприятной для экономического развития страны. В 30-е годы за счет переселенцев из сел и малых городов осуществлялась индустриализация страны. Молодые юноши и девушки, практически работая за идею «о лучшей жизни», жили в бараках, при этом они учились, занимались общественной работой и пр. В 50–60 –е годы в крупных городах СССР на промышленных предприятиях ощущалась острая необходимость в рабочей силе, которая восполнялась за счет притока молодежи из сел и малых городов. Так появилась прослойка населения, которая называлась «лимита» (или «лимитчики»). Это были люди, заключившие контракт с предприятием по «лимиту прописки». В основном, это была провинциальная молодежь, работающая на промышленных предприятиях, проживающая в общежитиях, в надежде на получение прописки. Часть молодежи оставалась в селах и малых городах, развивая сельское хозяйство, живя сельским образом жизни.

Сегодня сельско-городская миграция стала одной из самых острых проблем в территориальном развитии России и Белоруссии. Миграция из сельской местности в город происходит с разной скоростью в каждой стране. Переход от преимущественно сельского общества к урбанизированному миру влияет на все аспекты жизни человека. Одним из последствий является депопуляция сельской местности и неэффективность

местного производства из-за потери рабочей силы. Такая миграция превращает малые города в еще более мелкие поселения с перспективой полного исчезновения. Сегодня наиболее активными мигрантами является молодежь, теряя которую малым городам, селу нежелательно, т.к. данная категория населения представляет собой экономический и демографический потенциал этих территорий.

Таким образом, в этой связи проблема миграции молодежи из малых городов и сельской местности, а также выявление факторов, которые к ней приводят, является весьма актуальной.

В последние 20 лет проблема миграции молодежи активно исследуется в российском [2], [3], [4], [5], [6], [7] и зарубежном [8], [9], [10], [11] и др. научном дискурсе.

В рамках новой экономической теории говорится о том, что миграция будет продолжаться до тех пор, пока ожидаемые доходы (заработная плата плюс вероятность трудоустройства) не будут выровнены между территориями. Таким образом, миграционные решения в соответствии с этой теорией принимаются индивидуумом и обусловлены различиями на рынках труда [12]. Основным стимулом для миграции является не столько увеличение доходов, сколько избегание рисков [13], [14].

В теории двойного (или сегментированного) рынка труда отмечается, что основной причиной миграции является структурный спрос в странах с развитой экономикой как на высококвалифицированных, так и на низкоквалифицированных работников [15], [16].

В рамках концепции «притяжения-выталкивания» (pull-push) Э. Ли выделяет четыре типа факторов, которые формируют горизонтальную мобильность (зона прохождения – факторы толчка (именно эти факторы относятся к той территории, откуда прибывает мигрант), зона назначения (факторы, относящиеся к территории, куда прибывает мигрант), зона вмешательства \ препятствия, личностные факторы) [17]. По его мнению, на каждой из территорий дей-

ствуют различные факторы миграции. Выталкивающими (push factors) факторами территорий выбытия могут являться экономическая и политическая нестабильность на проживаемой территории, войны, природные катаклизмы, религиозное и политическое преследование личности т.д. Притягивающими факторами (pull factors) территорий входа мигрантов, как правило, являются противоположные факторы, о которых мы говорили выше. Что касается личностных факторов, то ими могут быть восприятие потенциальным мигрантом жизни на своей и чужой территории, стереотипы и пр.

Исследователи большое внимание уделяют проблеме миграционных установок молодежи [17], [18], говоря о степени их сформированности, причинах их формирования и пр.

Несмотря на то, что тема молодежной миграции достаточно изучена в социологии. Проблема компаративного анализа миграционных установок провинциальной российской и белорусской молодежи до сих пор остается вне поля зрения социологов. Наше исследование пытается заполнить этот пробел.

Особенности организации исследования и интерпретация результатов

В 2020 г. в трех малых провинциальных городах Свердловской области (Россия) и ряде малых городов и сел Республики Беларусь было проведено социологическое исследование.

Цель исследования – изучить факторы, влияющие на миграционные установки провинциальной российской и белорусской учащейся молодежи.

Исследование было проведено с использованием количественной и качественной стратегии. В анкетном опросе приняло участие 400 представителей провинциальной учащейся молодежи – учащиеся выпускных классов школ (жители малых городов Свердловской области). Было также опрошено 200 студентов 1 курса вузов г. Екатеринбурга, приехавших на обучение в уральский мегаполис. Выборка – случайная. В гендер-

ном отношении в опросе приняло участие 49,7% девушек и 50,3% юношей. Возрастное деление представлено следующим образом: 16-летних – 36,5%, 17-летних – 53,3% и 18–19 – летних – 10,2%. Территориальное распределение респондентов выглядит так: 26,3% – из г. Камышлова, 33,5% – из г. Богдановича и 40,8% – из г. Талицы. Анкета состояла из 36 вопросов.

Результаты исследования анализировались пакетом SPSS и открытые вопросы изучались при помощи трансимбовлического анализа.

Также были проведены глубинное интервью (n=10). Информаторами выступили специалисты отдела по делам молодежи Министерства образования и молодежной политики Свердловской области (n=5), представители администрации малых городов (n=5). Гайд интервью содержал 15 вопросов, касающихся темы исследования. Продолжительность интервью 50 минут.

Исследование в Республике Беларусь проведено количественным методом. В анкетном опросе приняло участие 200 человек провинциальной учащейся молодежи (учащиеся выпускного класса средней школы). Выборка – случайная. В гендерном отношении в опросе приняло участие 60,0% девушек и 40,0% юношей. Анкета состояла из 36 вопросов.

В основу нашего исследования было положена миграционная теория факторов Э. Ли (pull-push) «притяжения» и «отталкивания» учащейся молодежи из провинции.

Миграционная установка – фиксированная в социальном опыте личности предрасположенность и готовность к территориальной мобильности.

Результаты исследования и обсуждение

Исследование показало, что российская учащаяся молодежь из малых провинциальных городов (35%) выезжает за пределы своего родного города один раз в месяц, 21% респондентов это делает 1 раз в неделю, 18,6% – 1 раз в 3 месяца, и лишь 10,2% респондентов выезжает 1 раз в год за пределы своего населенного

пункта. Сопоставимую картину мы получили при изучении мобильного опыта белорусской провинциальной молодежи. Все это говорит о достаточно высокой социальной (территориальной) мобильности учащихся.

Что касается целей поездок, то абсолютное большинство респондентов (около 70%) выезжают за пределы своего родного города \ села в другое место с целью отдыха, развлечения. 40% респондентов ездят к родственникам. Поездки с целью профилактики здоровья и лечения занимают третье по популярности место (30%).

Исследование зафиксировало различие в географии краткосрочных поездок российской и белорусской провинциальной учащейся молодежи (Таблица 1). Из Таблицы 1 видно, что 60% респондентов в России ездят в уральскую столицу (областной центр). Более трети посещают другие города. Иными словами, можно сказать, что молодежная мобильность носит внутривосточный характер в целом и внутривосточный в частности. Интересно, что, если смотреть в муниципальном разрезе, то более половины (59,7%) респондентов из Талицы 1 в качестве территориального направления отметили Тюмень. Это, с нашей точки зрения, можно объяснить действием географического фактора, а именно: из всех трех городов именно Талица является самым дальним городом от Екатеринбурга (219 км) и самым близким к Тюмени (131,7 км).

Исследование показало, что большинство учащейся молодежи из провинции в Республике Беларусь (39,9%) в краткосрочные поездки ездят за границу. Такими странами являются, страны ЕС (43,0%), Россия (26,8%), страны СНГ (25,4%). Такая ситуация может быть объяснена, с одной стороны, привлекательностью стран ЕС (хорошая инфраструктура, места отдыха и пр.), а с другой, – близостью границ. Таким образом, исследование зафиксировало, что молодежная мобильность в Республике Беларусь носит в большей степени международный характер.

Таблица 1. География краткосрочных поездок российской и белорусской провинциальной молодежи (в % к числу опрошенных)

Направления в России			Направления в Беларуси		
Екатеринбург	Другие города	За границу	Минск	Другие города	За границу
59,9	32,9	3,0	6,0	7,2	39,9
Иное	4,2		20,5		
Нет ответа	0		26,5		

Вопрос, где получать высшее образование выпускнику школы, является для нас важным, так как он характеризует миграционные установки учащейся молодежи малого города. Подавляющее большинство российских респондентов (95,8%) на момент исследования уже определилось с территориальным местом обучения, и выбор остановился на другом городе – Екатеринбург, Тюмень, Санкт-Петербург, Москва и т.д. Это значит, что после получения школьного аттестата вчерашний выпускник покинет родной дом и уедет получать профессию в ином месте. Причинами этого является отсутствие колледжей и университетов в провинциальных малых городах и селах. Аналогичная ситуация наблюдается в Республике Беларусь. Отсутствие колледжей и вузов в селе и малых городах вынуждает молодежь уезжать в крупные города или за рубеж.

Говоря о сроках миграции, необходимо отметить, что часть учащейся молодежи из малых городов Свердловской области готовы уехать навсегда, т.е. сменить место постоянного жительства. Такую готовность выразили почти 40% респондентов – школьников и 65% – студентов 1 курса вузов. Если к этому проценту прибавить тех респондентов, кто ответил, что готов уехать на срок более 6 лет, что означает на практике то же самое, то получится около 54% школьников, которые склоняются к невозвратной миграции.

Вторым по популярности стал срок до 6 лет. Это более 20% школьников и 12,5% студентов. Данный период совпадает со сроком обучения в ВУЗе (4 года – бакалавриат и 2 года – магистратура). 20% респондентов еще

не определились. Как мы видим, желание невозвратной миграции в малый город возрастает у студентов. Это объясняется разницей в качестве жизни в родном городе и уральском мегаполисе. Что касается белорусской провинциальной учащейся молодежи, то больше половины (61,1%) респондентов ответили, что хотели бы уехать в другую страну, из них 40,0% в страны ЕС; 19,4% респондентов ответили, что хотели бы переехать в Минск, 6,6% – в ближайший город, а 5,6% респондентов ответили, что не хотели бы переезжать. Однако, эксперты отмечают, что миграционные установки у белорусских респондентов на переезд в страны ЕС осуществляются лишь в 10,0% случаев.

В исследовании нас интересовал вопрос о предполагаемой готовности вернуться в малый город после завершения обучения в вузе или остаться в своем городе. Исследование зафиксировало, что более 50% российских респондентов выразили намерение в будущем не возвращаться в свой родной город, не оставаться в нем; 31,3% опрошенных могут вернуться или остаться в провинции, но при определенных условиях. И только 10% российской провинциальной молодежи выразили желание однозначно вернуться в малый город, остаться жить в нем.

Как российская, так и белорусская учащаяся молодежь отмечает, что факторами притяжения могли бы стать: наличие работы по специальности, хорошая зарплата, хорошие бытовые условия, условия для проведения досуга. 45,0% респондентов отметили экологию как фактор притяжения для родной территории. Что касается экологии,

то на фоне Екатеринбурга, который занимает шестое место среди городов-миллионников по количеству легковых автомобилей на душу населения, и за которым закрепилось название, ярлык «Грязьбург», другие города (Камышлов, Богданович и Талица) получили более высокие оценки. Однако, несмотря на этот важный фактор, большинство учащейся молодежи говорит о невозвратной миграции в свой родной город.

Анализ готовности остаться в городе, где было получено образование, также вызывает наш интерес. Мнения российских экспертов по этому вопросу расходятся. Одни отмечают экономические обстоятельства: *«в процессе обучения они адаптировались к новым условиям, получили связи во время прохождения практики, стажировки, что позволяет им найти подходящую работу, возможно с более высокой заработной платой и лучшими условиями труда, нежели в регионе проживания»* (Ольга, специалист по работе с молодежью, 36 лет) Вторые объясняют это социально-психологическими моментами; *«...банальная привычка, ведь за 4–6 лет новый город (не имеет значения какой, большой или малый) буквально затягивает человека, становится его новой повседневностью, а «нарушение повседневности» (в данном случае – возвращение на «малую родину»), чисто с социологической точки зрения, это всегда кризис и стресс для молодого человека, актуализирующий поиск им новых механизмов социальной адаптации»* (Наталья, специалист по работе с молодежью, 44 года).

Личностный фактор также становится барьером для возвращения в родной город/село. Каждый второй опрошенный студент указал на то, что если он вернется в город, то он будет неудачником. Часть экспертов поддерживает мнение молодежи: *«... одни будут отрицательно относиться к возвращению, так как посчитают, что она не для этого училась/лась. Другие будут считать его неудачником. А остальные (родственники, соседи и проч.) скорее не поймут и будут удивлены такому поступку»* (Елена, пред-

ставитель администрации, 51 год). Ряд опрошенных нами экспертов заявили, что в этом вопросе все очень субъективно и зависит от многих факторов. Так, например, есть и другое мнение *«... если он возвращается и устраивается на работу по специальности, причем на престижное место, получает от государства финансовую поддержку (жилье, подъемные и т.д.), то это вызовет только уважение. Я сам после получения образования вернулся в родной город. Нисколько не жалею об этом»* (Олег, представитель администрации, 35 лет).

Исследование выявило «выталкивающие» факторы миграции применительно к малым городам и селам. К ним можно отнести:

1. Образовательный фактор – отсутствие учреждений высшего и среднего профессионального образования в малых городах и селам. После распада Советского Союза в России открывались новые вузы и колледжи. В малых городах открывались их филиалы, где могла обучаться молодежь. В последние десять лет филиалы начали закрываться. Молодежь вынуждена уезжать из родных мест для получения образования.

2. Экономические факторы, которые заключаются в практически полном отсутствии возможности трудоустройства на хорошую (высокооплачиваемую) работу и карьерного роста в малом городе и селе. Высокую заработную плату и перспективу вертикальной карьеры могут дать или обеспечить только крупные компании и организации. В рассматриваемых нами городах таких нет, т.к. они не относятся к моногородам, т.е. населенным пунктам, экономическая деятельность которых сильно зависит от единственного крупного предприятия, которое называют «градообразующим». На Среднем Урале таких муниципальных образований насчитывается 17 из 94 муниципалитетов. Аналогичная ситуация выявлена и с белорусской провинциальной учащейся молодежью.

Разрыв в заработной плате между территориями стал дополнительным демотиватором возвращения на «малую» родину. Получается, что за одну

и ту же работу, выполняемую в разных местах, платятся разные деньги. Например, средняя зарплата по Камышлову – 33,9 тысячи рублей, в Свердловской области – 35,7 тыс., а в Екатеринбурге – 38–39 тысяч.

На данный фактор указывает в своем экспертном интервью российский информант: *«не устраивают ограниченные возможности трудоустройства по специальности, ограниченные возможности карьерного роста (отсутствие перспектив профессионального развития), низкая заработная плата, неразвитая социальная инфраструктура»* (Олег, представитель администрации, 35 лет).

3. Социальные факторы. Респонденты негативно оценивают уровень развитости социальной инфраструктуры малых городов и сел. Под ней понимают обычно количество учреждений, предприятий и организаций, обеспечивающих жизнедеятельность населения. Социальная инфраструктура состоит из двух частей – социально-бытовой и социально-культурной. Первая направлена на создание условий для воспроизводства человека как биологического существа и удовлетворения его потребностей в надлежащих условиях жизни. Социально-культурная инфраструктура способствует воспроизводству духовных, интеллектуальных качеств индивида. В составе социально-бытовой инфраструктуры различают следующие компоненты: жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание населения, торговля и общественное питание, пассажирский транспорт и связь для обслуживания населения и т.д. Социально-культурная инфраструктура охватывает здравоохранение, рекреационное хозяйство, физическую культуру и спорт, социальное обеспечение, образование, культуру и искусство, культовые сооружения и т.д.

Исследование показало, что учащаяся молодежь малых городов и сел России (75,0%) и Республики Беларусь (67,6%) данную сферу рассматривает как мало или недостаточно развитую. Иными словами, ей хотелось бы, чтобы ситуация была противоположной. Как

нам представляется, для такой оценки существуют объективные причины. В качестве примера можем привести ситуацию в российской медицине, которая стала предметом обсуждения и на высшем государством, уровне. Реформа здравоохранения, которая началась в 2010 году, заключалась в оптимизации расходов за счет закрытия «неэффективных» больниц. В результате, в 2017 году эксперты Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР) на основании данных Росстата подсчитали, что в период с 2000 по 2015 год количество больниц в России уменьшилось в два раза – с 10,7 тыс. до 5,4 тыс. Количество поликлиник за тот же период снизилось на 12,7% – до 18,6 тыс. учреждений.

Опрошенные нами эксперты особо подчеркивают плохо развитую социальную инфраструктуру в малых городах. *«Прежде всего, это ограниченные возможности для получения качественного высшего или среднего специального образования, а также низкий потенциал каналов социальной мобильности. Как следствие – неудовлетворенность условиями для самореализации в малом городе. Во вторую очередь, молодежь не устраивает городская инфраструктура (здравоохранение, транспорт, рекреационное пространство, спорт и т.п.)»* (Наталья, специалист по работе с молодежью, 44 года).

4. Досуговые факторы отметило большинство респондентов – это отсутствие полноценного, интересного досуга. Другими словами, речь идет об отсутствии рекреационных объектов. Многие люди, особенно молодежь, уезжают из родных мест в крупные города, где они могут найти больше мест для отдыха. В малых городах отсутствуют большие кинотеатры и театры, развлекательные парки, модные кафе и рестораны, фитнес – центры и пр. Нет такого многообразия магазинов (торговые центры, магазины модной одежды, аутлеты).

Мегаполисы предлагают яркий и шумный образ жизни. Общая доступность удобств, таких как супермаркеты, магазины, клубы, бары, заведения и на-

личие потенциальной работы, означает, что молодые люди не должны вести строго спланированный образ жизни. Одной из привлекательных черт городской жизни является также тот факт, что общественный транспорт развит лучше и доступнее, что делает вас менее зависимым от личного автомобиля. Культура городов также является более яркой и учитывает множество различных событий. На это указало большинство российских и белорусских респондентов.

5. Личностные факторы. Ведущим личностным фактором является наличие у учащейся молодежи стереотипа «неудачника» при возвращении в родной город или село.

Исследование показало, что вопреки существующему мнению о том, что белорусская учащаяся молодежь желает эмигрировать из-за ухудшающейся политической ситуации в стране, основными причинами являются плохое экономическое положение, отсутствие работы и сферы досуга в провинции. Таким образом, политический фактор не влияет на миграционные установки учащейся российской и белорусской молодежи.

В заключении можно сделать следующие выводы. Молодёжная миграция в России носит внутрироссийский характер в целом и внутрирегиональный в частности. Для молодого населения малых городов характерна внутренняя миграция по направлению «малый город (село) – крупный город\ мегаполис». Молодежная миграция в Республике Беларусь носит внешний, международный характер. Для молодого населения провинции внешняя миграция направлена «малый город (село) – зарубежные страны». Однако во многом она носит потенциальный характер. Из желающих молодых людей эмигрировать в страны ЕС, осуществляет свою мечту каждый пятый молодой человек. На практике, сельская молодежь и жители малого города уезжают в крупные города Беларуси или в Россию.

Исследование показало, что вопреки существующему мнению о том, что белорусская учащаяся молодежь желает эмигрировать из-за ухудшающейся по-

литической ситуации в стране, основными причинами являются плохое экономическое положение, отсутствие работы и сферы досуга в провинции.

Исследование выявило «выталкивающие» факторы миграции учащейся молодежи применительно к малым городам и селам России и Республики Беларусь. К ним можно отнести: образовательные, экономические, социальные, рекреационные (досуговые), личностные (наличие стереотипа «неудачника», который вернулся, потому что не смог реализовать себя в крупном городе).

Мы считаем, что наше исследование поможет понять масштабы и мотивы оттока учащейся молодежи из малых и средних городов, сел в мегаполисы и за границу, а также поможет разработать грамотную и эффективную социально-экономическую политику на региональном и муниципальном уровнях в России и Республике Беларусь.

Наше исследование проводилось до проведения специальной военной операции (СВО) Россией. СВО существенно изменила социальную реальность, в том числе и миграционные процессы (закрытие границ между государствами, отъезд части мужского населения россиян за рубеж, санкции и пр.). Все это, так или иначе, влияет на миграционные установки учащейся молодежи. Поэтому дальнейшее исследование будет посвящено анализу миграционных установок провинциальной учащейся молодежи в России и Республике Беларусь в условиях проведения СВО.

Литература

1. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>
2. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203. DOI: 10.17323/1814–9545–2016–3–169–203

3. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Миграция молодежи в России // Демоскоп Weekly. 2016. № 703–704. С. 1–30.
4. Флоринская Ю.Ф. Выпускники школ из малых городов России: образовательные и миграционные стратегии // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vypuskniki-shkol-iz-malyh-gorodov-rossii-obrazovatelnye-i-migratsionnye-strategii> (дата обращения: 18.11.2020)
5. Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и регуляторы // Регион: Экономика и Социология. 2018. № 1. С. 116–141.
6. Эндрюшко А.А. Масштабы и направления миграции молодежи Иркутской области (1989–2015 гг.) // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 32–43.
7. Darren P. Smith, Patrick Rérat & Joanna Sage. Youth migration and spaces of education, *Children's Geographies*, 12:1, 1–8, DOI: 10.1080/14733285.2013.871801
8. Cooke T. J., Boyle P. The Migration of High School Graduates to College. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, vol. 33, no 2, 2011, pp. 202–213.
9. Van Mol C., Timmerman C. Should I Stay or Should I Go? An Analysis of the Determinants of Intra-European Student Mobility // *Population, Space and Place*. Vol. 20. No 5. 2014, P. 465–479.
10. Castles S., Miller M. *The Age of Migration*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: MacMillan Pres Ltd. 2009.
11. Borjas G.J. Immigrant and Emigrant Earnings: A Longitudinal Study // *Economic Inquiry*. 1989. № 27(1). P. 21–37
12. Borjas G.J. Assimilation, Changes in Cohort Quality, and the Earnings of Immigrants // *Journal of Labor Economics*. 1985. № 3. P. 463–489
13. Borjas G.J. Self-selection and the Earnings of Immigrants // *American Economic Review*. 1987. № 77, P. 531–553.
14. Stark O., Bloom D.E. The New Economics of Labor Migration // *American Economic Review*. 1985. № 75(2). P. 173–178;
15. Stark O., Levhari D. On migration and risk in LDCs // *Economic Development and Cultural Change*. 1982. № 31 (1). P. 191–196.
16. Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. № 3.
17. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // *Социальная психология и общество*. 2013. № 4. С. 34–45
18. Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Фещенко А.В. Разработка шкалы миграционных установок личности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 83–90.
19. Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // *Вестник НГУ*. Серия: Социально-экономические науки. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlekatelnost-goroda-kak-faktor-formirovaniya-migratsionnyh-ustanovok-studentov> (дата обращения: 10.10.2020).
20. Simonyan R.H. Migration attitudes of Russian youth: a regional dimension. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.

IDENTIFICATION OF MIGRATION ATTITUDES OF PROVINCIAL YOUTH: ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF RUSSIAN AND BELARUSIAN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Grunt E.V., Titarenko L.G., Belyaeva E.A.

Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; Belarusian State University

Migration has changed the demographic composition of cities and peoples. Russia and the Republic of Belarus are important actors in the post-Soviet space. Today, young people are the most active migrants, and it is not desirable for small towns, villages, countries to lose them, because this category of the population repre-

sents the economic and demographic potential of these territories.

The aim of the research is to study the factors influence the provincial Russian and Belarusian youth's migration attitudes.

Research methods are a questionnaire survey of young people and in-depth interviews with informants

Results. Youth migration in Russia is of an intra-Russian nature in general and intra-regional in particular. The young population of small towns is characterized by internal migration in the direction "town (village) – city". Youth migration in the Republic of Belarus has an external, international character. For the young population of the province, external migration is directed "town (village) – foreign countries".

The study has found the "push-out" factors of youth migration in relation to small towns and villages in Russia and Belarus.

Keywords: provincial students' youth, migration attitudes, youth migration, factors, Russia, the Republic of Belarus.

References

- Mkrтчyan N.V. Migration of youth from small towns of Russia // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2017. No. 1. P. 225–242 (in Rus.)
- Kashnitskiy I.S., Mkrтчyan N.V., Leshukov O.V. Interregional migration of youth in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics // *Education Issues*. 2016. No. 3. P. 169–203 (in Rus.)
- Kashnitskiy I.S., Mkrтчyan N.V., Leshukov O.V. Migration of Youth in Russia // *Demoscope Weekly*. 2016. No. 703–704. S. 1–30 (in Rus.)
- Florinskaya Yu.F. School graduates from small towns of Russia: educational and migration strategies // *Problems of forecasting*. 2017. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vypuskniki-shkol-iz-malyh-gorodov-rossii-obrazovatelnye-i-migratsionnye-strategii> (date accessed: 18.11.2021) (in Rus.)
- Sergienko A.M., Ivanova O.A. Migration of rural youth in the agrarian region: trends and regulators // *Region: Economics and Sociology*. 2018. No. 1. P. 116–141 (in Rus.)
- Andryushko A.A. The scale and directions of migration of young people in the Irkutsk region (1989–2015) // *Regional studies*. 2018. No. 2. P. 32–43 (in Rus.)
- Darren P. Smith, Patrick Rérat & Joanna Sage (2014) Youth migration and spaces of education, *Children's Geographies*, 12:1, 1–8, DOI: 10.1080/14733285.2013.871801
- Cooke T. J., Boyle P. (2011) The Migration of High School Graduates to College. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, vol. 33, no 2, 2011, P. 202–213.
- Van Mol C., Timmerman C. (2014) Should I Stay or Should I Go? An Analysis of the Determinants of Intra-European Student Mobility // *Population, Space and Place*. Vol. 20. No 5. P. 465–479.
- Castles S., Miller M. *The Age of Migration*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: MacMillan Pres Ltd. 2009.
- Borjas G.J. Immigrant and Emigrant Earnings: A Longitudinal Study // *Economic Inquiry*. 1989. № 27(1). P. 21–37.
- Borjas G.J. Assimilation, Changes in Cohort Quality, and the Earnings of Immigrants // *Journal of Labor Economics*. 1985. № 3. P. 463–489.
- Borjas G.J. Self-selection and the Earnings of Immigrants // *American Economic Review*. 1987. № 77. P. 531–553.
- Stark O., Bloom D.E. The New Economics of Labor Migration // *American Economic Review*. 1985. № 75(2). P. 173–178.
- Stark O., Levhari D. On migration and risk in LDCs // *Economic Development and Cultural Change*. 1982. № 31 (1). P. 191–196.
- Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. № 3.
- Kuznetsova S.A. Migration attitudes as a subject of socio-psychological research // *Social psychology and society*. 2013. No. 4. P. 34–45.
- Kuznetsova S.A., Kuznetsov I. Yu., Feshchenko A.V. Development of the scale of migration attitudes of the individual // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*. 2014. No. 1. S. 83–90.
- Lychko S.K., Mosienko N.L. The attractiveness of the city as a factor in the formation of students' migration attitudes // *Vestnik NSU. Series: Socio-economic sciences*. 2014. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlekatelnost-goroda-kak-faktor-formirovaniya-migratsionnyh-ustanovok-studentov> (date accessed: 10.10.2020).
- Simonyan R.H. Migration attitudes of Russian youth: a regional dimension. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.

Актуальные проблемы современного общества: социальный аспект и тенденции развития

Ковалева Анна Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Социальная работа и психология», Тихоокеанский государственный университет
E-mail: lagrima777@yandex.ru

Фокина Елена Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент; кафедра социальной работы и психологии, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: golden_jena@mail.ru;

Потапова Ольга Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии и прикладных коммуникаций, Российский государственный гидрометеорологический университет
E-mail: oe27@mail.ru

Положенцева Ирина Вениаминовна,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии профессионального образования; Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)
E-mail: vipperh@yandex.ru;

Олейников Сергей Викторович,

доктор политических наук, профессор филологического факультета, кафедры литературы и журналистики, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Республика Молдова

симулякров и симуляции действительности. Поэтому современная проблематика связана с гуманитарными аспектами человеческого существования и проблемой подлинности человеческого мироощущения. Описаны проблемы «общества риска», к которым относятся социально-экономическое и информационное неравенство, рост миграционных потоком, разрушение ценностно-нормативных оснований общественного развития и развитие «мозаичной культуры». Проблемы «общества риска» обуславливают необходимость комплексного или ситуативного преобразования общественных ситуаций и отношений. Решение проблем общественного развития определяется социальными ресурсами общества.

Ключевые слова: общество, общественное развитие, социальные проблемы, виртуальная среда, миграция, социальное неравенство.

В статье проанализированы актуальные проблемы и тенденции развития современного общества. Показано, что современное общество постмодерна находится в состоянии аномии. Для современных общественных систем характерны противоречия, риски, сложности и уязвимость общественного развития. Современные общественные системы являются «обществом риска». В настоящее время происходит информатизация социальных институтов и виртуализация общественных отношений. Внедрение информационных технологий способствует доступности и открытости информационно-коммуникативного пространства социальных институтов, консолидации социальных действий разных социальных групп. В то же время информатизация общества приводит к виртуализации общественных отношений, появлению

Социальные аспекты современного общества, анализ социальных механизмов и факторов, детерминирующих его развитие, являются актуальной проблемой современного гуманитарного знания. Развитие современного общества связано со снижением уровня доверия населения к имеющимся социальным институтам, деформацией и трансформацией ценностей, которые длительный исторический период определяли развитие европейской и мировой культуры, виртуализацией культурной жизни. Данные факторы определили формирование новой социальной реальности, которую У. Бек назвал обществом риска. На современном этапе социального развития, как отмечает автор, происходит трансформация общества модерна, исчезают присущие индустриальному обществу социальные формы в виде слоев и классов, девальвируются традиционные гендерные и семейные отношения [1]. Социальные системы начала XXI в. можно «характеризовать проявлениями сложной, многоуровневой, диверсифицированной структуры, которая не сводится к классовым, сословным и пр. сегментам. Речь идет о взаимосвязи социально-статусных позиций индивидов, групп, общностей по различным основаниям – уровню дохода, положению в экономической и политической системе, этническим, социокультурным особенностям» [5, с. 30–31]. Ключевое отличие современности и нового общественного миропорядка от прежних вариантов мироустройства заключается в «распространении риска во всех сферах жизни человека и их постоянное умножение» [2, с. 87]. Как пишет Н.А. Гаршин, «риск всё больше включается не только в сферу деятельности представителей различных профессий (экономистов, политологов или же специалистов по работе с чрезвычайными ситуациями), но и в жизнь обычных людей» [2, с. 87].

Анализируя современное общество России, связанное с переходными трансформациями, необходимо отметить существование многих нерешенных социальных проблем, которые проецируются на социально-экономическое развитие

страны и оказывают влияние на качество жизни населения. Острыми социальными проблемами в современной России являются бедность, безработица, социальное расслоение, депопуляция, рост заболеваемости, беспризорность и безнадзорность детей, низкий уровень жизни населения. Современное российское общество определяется «как общество риска, так как различным жизненным угрозам подвергается значительное количество россиян, особенно социально незащищенные слои населения» [5, с. 44]. При этом необходимо отметить, что в настоящее время в российском обществе ведущими становятся социальные установки массовой культуры потребления, которые оказывают «значительное влияние на систему ценностей, идеологию, мировоззрение, мироощущение россиян» [5, с. 36].

Итак, современное общество пост-модерна характеризуется рисками, сложностью текущего состояния, уязвимостью общественного развития, что характерно для аномийного состояния общественных систем. Противоречия и неопределенность в оценках событий, ресурсов, свойств и качеств общественного развития позволяет анализировать вариативную модель трансформации социальных отношений в современном мире [6].

Другой важнейшей характеристикой развития общества в настоящее время являются информатизация социальных институтов и виртуализация общественных отношений. С одной стороны, внедрение современных информационных технологий в различных сферах общества способствует доступности и открытости информационно-коммуникативного пространства социальных институтов, консолидации социальных действий разных социальных групп, что является позитивной тенденцией виртуализации социальных отношений. В то же время и негативные феномены общественной жизни, такие как «социальное напряжение, конфликты переходят в информационную сферу, часто становятся элементом виртуальной, информационно-компьютерной сферы,

отнодь не утрачивая свою актуальность и значимость в социальной системе» [5, с. 63]. С другой стороны, «цифровые технологии, по мере своего совершенствования и вплетения в культурно-исторический контекст, все в большей степени приобретают виртуальный характер, перестают отражать и начинают симулировать действительность» [4, с. 94]. Рассматривая влияние виртуальной реальности на жизнь современного общества, необходимо отметить, что она постепенно трансформируется в инструмент «вытеснения отражения действительности ее симуляцией и, как результат, формирования виртуальных форм идентичности» [4, с. 92]. Сложность социальной ситуации заключается в том, что посредством масс-медиа симулякры приобретают особую устойчивость, при которой уже не требуется связь с реальностью. Поэтому, можно сделать вывод, что характерной чертой развития современного общества является симуляция и симулякры, которые можно рассматривать в качестве специфической характеристики постмодернистского мироощущения человека. Симуляция вошла «неотъемлемой деятельностной компонентой практически во все подсистемы информационного общества» [4, с. 92].

Таким образом, в настоящее время в условиях расширения виртуализации общественной жизни, перехода к высокотехнологичной реальности современная проблематика связана не столько с инструментально-технологическими аспектами, сколько с гуманитарными аспектами человеческого существования.

Актуальные социальные ситуации развития в мировых общественных системах складываются как под влиянием многочисленных, порой противоречивых и неустойчивых геополитических факторов, так и под влиянием социокультурных и национальных особенностей общественной системы отдельных стран, что подчас приводит к противоречиям и неопределенностям внутреннего общественного развития. Развитие общественной системы, которая интегрирует многочисленные социальные отноше-

ния, обеспечивается в том числе устойчивостью ее элементов. В противоречивых и проблемных ситуациях социального развития под действием неблагоприятных социальных факторов и условий возникает необходимость комплексного или ситуативного преобразования общества. Отдельного внимания заслуживают проблемы социального развития современного общества, которые определяются «существованием факторов общественной жизни, прямо или косвенно влияющих на состояние общества, а также требующие коллективных усилий для их решения» [8, с. 98]. Научный подход к анализу социальных проблем был заложен в странах Западной Европы и США еще в XIX веке, когда были предприняты первые попытки научного осмысления трудных жизненных ситуаций, определяемых как социальные проблемы. Исследование социальных проблем включает не только изучение их сущности, типологии и содержания, но и способов и алгоритмов социальной деятельности, направленных на их изменение и разрешения.

В современном обществе сегодня, как в общественных системах разных стран мира, так и в российском обществе, остается актуальной проблема развития новых форм социального неравенства и бедности. Бедность, определяемая как «социально-экономическое положение индивидов и социальных групп, которое предполагает невозможность удовлетворения определенной совокупности минимальных потребностей, необходимых для полноценной жизни, сохранения состояния трудоспособности, продолжения рода» [5, с. 41–42], продолжает оставаться одной из острых проблем современности. Сегодня появились и новые формы неравенства, в частности информационное неравенство, которое представляет «дифференциацию населения на имеющих доступ к информации и информационным ресурсам в полном объеме» [5, с. 78–79].

Отметим, что целевым ориентиром развития социальных систем сегодня провозглашается достижение социального благополучия населения, которое

отражает «наличие ресурсов, позволяющих личности, группе, социуму ощущать уверенность в сегодняшнем дне и потенциал для сохранения стабильного состояния в ближайшем и отдаленном будущем» [7, с. 268]. Несмотря на это, проблемы социального неравенства, низких социально-экономических ресурсов определенных слоев населения многих стран мира продолжают оставаться нерешенными. Характеризуя развитие современного общества как общества риска, отметим что такая организация общественных систем, согласно У. Беку, повышает актуальность таких проблем как: «неравенство, показывающее, что экономическое благополучие человека является важным условием минимизации риска; ответственность человека за свои действия, так как доверие к ближайшему окружению и экспертам, как основным агентам влияния не всегда приводят к положительному результату; глобализация, которая подтверждает проблему вездесущности риска и опасности» [9, с. 65]. Современное российское общество также сегодня трансформировалось в общество «всеохватывающего риска», так как «создание и трансляция рисков постепенно приобрело всеобщий характер, пронизывая общество от макро- до микроуровня. Такая ситуация способна привести к потере обществом ресурсов для сохранения нормального жизнеобеспечения, безопасности и функционирования» [9, с. 70–71].

Важной тенденцией развития современных общественных систем является многократное усиление миграционных потоков из бывших колоний и из зон военных конфликтов в страны Западной и Восточной Европы. Миграционные процессы, как отмечает Н.А. Гаршин, повысили негативные тенденции в области сохранения социальных ценностей и норм, регулирующих социальные процессы и придающие им устойчивость, обусловили развитие «мозаичной культуры», при которой «структура ценностей утрачивает системность, замкнутость, завершённость, она становится осколочной, незавершённой» [2, с. 71].

Решение проблем общественного развития определяется социальными ресурсами общества, которые по структурным признакам можно представить следующим образом: «ресурсы, упорядоченные жестко (в государственных и коммерческих организациях); религиозные и политические блоки социальных ресурсов в коллективах и организациях; группы по интересам, профессиональные группы, поддерживающие связи и отношения; идеи, индивидуальные решения, способы организации жизни, в ряде случаев выживания (микросоциологический уровень); дистанционные и виртуальные социальные сообщества; индивидуальные социальные инициативы; массовые общественные объединения, включая протестные движения» [3, с. 117]. Перспективным направлением решения социальных проблем современного общественного развития является появление новых форм коммуникаций в виртуальном пространстве социально-политического взаимодействия, которое «в состоянии выступать генератором идей, перспективных проектов, сами виртуальные действия представляют акты абстрактного формирования новых идей, срастаясь по своим характеристикам со сферой социальных отношений» [3, с. 158]. В качестве примеров развития новых форм социальной коммуникации в виртуальном пространстве современного социума выступают возможности социальной мобилизации населения, «агитации в пространстве массмедиа, формирование альтернативных СМИ источников социальной и политической коммуникации» [3, с. 158]. Целевым компонентом социальных ресурсов являются направленность на достижение высокого уровня социального благополучия с учетом социальных потребностей различных социальных групп населения.

Таким образом, генезис социального развития, значительно изменяющийся с ходом истории социальные и экономические условия, выдвигают новые требования к пониманию факторов, закономерностей и тенденций развития различных социальных систем. Актуальными тенденциями развития обще-

ства постмодерна на современном этапе являются развитие «общества риска», для которого характерны сложности и уязвимость общественного развития. Ключевыми проблемами современного общественного развития являются бедность, социальное неравенство, в том числе и его новые формы, увеличение миграционных потоков, информатизация социальных институтов и виртуализация общественных отношений.

Литература

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
2. Гаршин Н.А. Деформация толерантности в условиях «общества риска»: дис. ... кандидата философских наук. – Воронеж, 2021. – 165 с.
3. Головацкий Е.В. Политические нововведения: социальные ресурсы в условиях современных российских трансформаций: дис. ... доктора социологических наук. – СПб., 2021. – 360 с.
4. Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3 (23). – С. 86–97.
5. Зенин К.А. Инновационные формы развития общества и проблема социального неравенства в современной России: дис. ... кандидата социологических наук. – Краснодар, 2016. – 178 с.
6. Кравченко С.А. «Нормальная аномия» в России и современном мире: коллективная монография; под общ. ред. С.А. Кравченко. – М.: МГИМО-Университет, 2017. – 281 с.
7. Киселева Л.С. Благополучие российского населения: архитектура, субъективное восприятие и региональное своеобразие: дис. ... доктора социологических наук. – Санкт-Петербург, 2020. – 361 с.
8. Привалова О.А. К вопросу о социальных проблемах современного общества // Международный научный журнал «Символ Науки». – 2017. – № 6. – С. 94–96.

9. Каченко О.В. Социальные риски в потребительском поведении населения современной России: региональный аспект: дис. ... доктора социологических наук, 2017. – 379 с.

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN SOCIETY: SOCIAL ASPECT AND DEVELOPMENT TRENDS

Kovaleva A.V., Fokina E.S., Potapova O.E., Polozhentseva I.V., Oleinikov S.V.

Pacific National University; Russian State Hydrometeorological University; K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University); Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko

The article analyzes the current problems and trends in the development of modern society. It is shown that the modern postmodern society is in a state of anomie. Modern social systems are characterized by contradictions, risks, complexities and vulnerabilities of social development. Modern social systems are a «risk society». At present, the informatization of social institutions and the virtualization of social relations are taking place. The introduction of information technologies contributes to the accessibility and openness of the information and communication space of social institutions, the consolidation of social activities of different social groups. At the same time, the informatization of society leads to the virtualization of social relations, the emergence of simulacra and the simulation of reality. Therefore, modern problems are connected with the humanitarian aspects of human existence and the problem of the authenticity of the human worldview. The problems of the «risk society» are described, which include socio-economic and informational inequality, the growth of migration flows, the destruction of the value-normative foundations of social development and the development of a «mosaic culture». The problems of the «risk society» necessitate a complex or situational transformation of social situations and relations. The solution of the problems of social development is determined by the social resources of the society.

Keywords: society, social development, social problems, virtual environment, migration, social inequality.

References

1. Beck W. Risk society: on the way to another modernity. – М.: Progress-Tradition, 2000. – 383 p.

2. Garshin N.A. Deformation of tolerance in the conditions of "risk society": dis. ... candidate of philosophical sciences. – Voronezh, 2021. – 165 p.
3. Golovatsky E.V. Political innovations: social resources in the conditions of modern Russian transformations: dis. ... doctor of sociological sciences. – St. Petersburg, 2021. – 360 p.
4. Emelin V.A. Simulacra and virtualization technologies in the information society // National Psychological Journal. – 2016. – No. 3 (23). – P. 86–97.
5. Zenin K.A. Innovative forms of development of society and the problem of social inequality in modern Russia: dis. ... candidate of sociological sciences. – Krasnodar, 2016. – 178 p.
6. Kravchenko S.A. «Normal anomie» in Russia and the modern world: a collective monograph; under total ed. S.A. Kravchenko. – M.: MGIMO-Universitet, 2017. – 281 p.
7. Kiseleva L.S. Well-being of the Russian population: architectonics, subjective perception and regional identity: dis. ... doctor of sociological sciences. – St. Petersburg, 2020. – 361 p.
8. Privalova O.A. On the issue of social problems of modern society // International scientific journal «Symbol of Science». – 2017. – No. 6. – P. 94–96.
9. Tkachenko O.V. Social risks in the consumer behavior of the population of modern Russia: a regional aspect: dis. ... doctor of sociological sciences, 2017. – 379 p.

Этническая хореографическая культура и ее функции

Лаво Роза Сулеймановна,

доцент, доктор философских наук, профессор
кафедры арт-бизнеса и рекламы ФГБОУ ВО
«Краснодарский государственный институт
культуры»
E-mail: lavorozo@ranbler.ru

Чэнь Цзе,

аспирант, ФГБОУ ВО «Краснодарский
государственный институт культуры»
E-mail: jie786373303@qq.com

Хореографическая культура является значимым структурным элементом социокультурной системы каждого социума. Она включает в себя как элементы духовной, так и материальной культуры – воспроизводство и репрезентацию аксиологических оснований этнической культуры, смыслов и ценностей духовной жизни общества в символизированной форме танца, являющейся основанием генерирования и ретрансляции культурного, символического, музыкального и эмоционального капиталов, с одной стороны, и воспроизводство и репрезентацию артефактов материального контекста танцевального творчества в виде костюмов, музыкальных инструментов, оформления танцевального пространства, выбора целевых аудиторий – с другой стороны.

Статья посвящена этнической хореографической культуре как социокультурному явлению в целом и опирается на анализ воспринимаемых в различных социокультурных контекстах проявлениях и репрезентациях этнической хореографической культуры на материале русской и китайской хореографических культур на основе привлечения разнообразных материалов проведенных культурологических исследований. Этот анализ позволил выявить и описать универсальные типологические черты и социологические функции этнической хореографической культуры, выработать терминологические основания для последующего структурно-функционального изучения этнических хореографических культур, который позволит, опираясь на сформированный инструментарий осуществлять кросс-культурные исследования этнических хореографических культур различных этнокультурных сообществ.

Ключевые слова. Этническая хореографическая культура, культурологическая парадигма, структурно-функциональный анализ, социокультурные функции.

Актуальность. Хореографическая культура является значимым структурным элементом социокультурной системы каждого социума. Она включает в себя как элементы духовной, так и материальной культуры – воспроизводство и репрезентацию аксиологических оснований этнической культуры, смыслов и ценностей духовной жизни общества в символизированной форме танца, являющейся основанием генерирования и ретрансляции культурного, символического, музыкального и эмоционального капиталов, с одной стороны, и воспроизводство и репрезентацию артефактов материального контекста танцевального творчества в виде костюмов, музыкальных инструментов, оформления танцевального пространства, выбора целевых аудиторий – с другой стороны.

Степень научной разработанности проблемы. Различные вопросы этнического хореографического искусства в рамках культурологической парадигмы изучались в работах В.Е. Баглай, М.Я. Жорницкой, Э.А. Королевой, Е.В. Самойленко, Н.А. Терентьевой, В.И. Уральской, Т.А. Филановской. Вместе с тем, этническая хореографическая культура как системное явление до сих пор остается на периферии исследовательского интереса.

Цель, задачи и предмет исследования. Целью исследования в настоящей статье является определение и анализ социальных функций этнической хореографической культуры как системного социокультурного явления. Для достижения поставленной цели необходимо выделить системообразующие функции этнической хореографической культуры и дать их описание как предмета исследования.

Научная новизна исследования. Научная новизна представленной статьи заключается в обосновании и анализе социокультурных функций этнической хореографической культуры.

Методология и методы исследования. Методологическим основанием

представленной статьи является опора на труды ученых – приверженцев структурно-функционального анализа. К ним относятся работы западных исследователей П. Бергера, К. Леви-Стросса, Н. Лумана, Т. Парсонса, М. Фуко, российских представителей структурно – функционального анализа – В.В. Иванова, В.М. Розина, В.С. Спирина, В.Н. Топорова, китайских ученых – последователей структурно-функционального анализа – Айто Чжао, М Лю, Мэнхуа Чэнь, Фун Сина, Ян Чжао и др.

Основная часть. Хореографической культуре до сих пор в научной литературе по культурологии уделяется недостаточно внимания. Согласно точке зрения Т.А. Филановской, одной из немногочисленных авторов, уделивших внимание обозначенной проблеме, хореографическая культура состоит из ядра подсистемы – хореографического искусства и «институтов, транслирующих произведения искусства» [1, с. 78]. В расширенном определении хореографической культуры Н.А. Терентьевой, под хореографической культурой понимается «комплекс исторически выработанных эстетических художественных ценностей и культурных смыслов, инструментованных стилистически соответствующей им системой выразительных средств, воплощающих и транслирующих образно-смысловое содержание посредством музыкально-пластических текстов (живое общечеловеческое достояние)» [2, с. 77–78].

В культурологической парадигме выделяют пять основных социокультурных функций танцевальной культуры – эстетическая, развлекательная, воспитательная, обучающая и коммуникативная [3, с. 58]. Близкой по смыслу к указанным являются пять универсальных функций танцевальной культуры – коммуникативная, идентификационная, регулятивная, гедонистическая и интегративная. [4, с. 150] Однако, как полагают авторы статьи, представленные функции не вполне отражают весь спектр социокультурных функций этнической хореографической культуры.

С точки зрения структурно-функционального анализа этническая

хореографическая культура реализует следующие функции:

- воспроизводство и развитие этнической хореографической культуры;
- функция социализации человека в сфере этнической хореографической культуры;
- воспитательно-образовательная функция в этнокультурной хореографической культуре;
- функция социокультурной интеграции в данной социокультурной среде и самоопределения социокультурной идентичности человека посредством этнической хореографической культуры;
- функция адаптации к социокультурной динамике развития сферы культуры в социальной системе и кросс-культурным взаимодействиям в этнической хореографической культуре;
- функция реализации и визуализации религиозных ритуалов и обрядов в этнической хореографической культуре;
- коммуникативная функция в этнической хореографической культуре;
- деятельностно-творческая функция в этнической хореографической культуре;
- релаксационная функция в этнической хореографической культуре.

Рассмотрим перечисленные функции подробнее.

Функция воспроизводства и развития этнической хореографической культуры реализует габитус этнокультурного сообщества, к которому принадлежит человек. Габитус метафорически можно рассматривать как наследуемое социокультурное бессознательное, обусловленное накопленным опытом и закрепленное в виде ментальных норм и моделей поведения в рамках этнокультурного сообщества. [5, 6] Это соответствует, в общем и целом, понятию этнокультурного архетипа. Воспроизводство этнической хореографической культуры опирается на предшествующие структурированные практики, которые обеспечивают стабильность социокуль-

турным практикам (в нашем случае – этническим хореографическим социокультурным практикам), детерминированную эволюцией социокультурной сферы жизни общества. Стабильность же воспроизводства во времени обеспечивается высокой инерционностью социокультурных процессов (мифологем, религиозных представлений, форм проявления массовой народной хореографической культуры). [7,8]

Функция социализации в этнической хореографической культуре рассматривается представителям примордиалистского направления в этно-антропологических исследованиях в качестве «недобровольной («involuntary») группы людей, которые разделяют одинаковую культуру», которая и усваивается в процессе освоения этнической художественной хореографической культуры. [9, p. 120; 10, с. 87–88; 11]

Воспитательно-образовательная функция в этнической хореографической культуре реализуется посредством «единство материального и духовного аспектов, процессуальность существования, ...как способ познания мира и себя». В ходе развития эстетических аспектов культуры обучение танцам становится частью школьных образовательных программ. [12, с. 20; 13]

В процессе реализации воспитательно-образовательной функции в этнической хореографической культуре происходит приобретение и накопление человеческого капитала, возрастание личности человека, усвоение социокультурного опыта и способов и средств самореализации человека в танце. [14, 15; 16, 17, 18,19]

Функция социокультурной интеграции и самоопределения социокультурной идентичности человека в этнической хореографической культуре проявляется в как в биологически обусловленной телесной идентичности и психосоматических свойствах этнокультурного сообщества, так и в закреплении этих базовых этнокультурных категорий в процессе танцев различной ориентации, направляющих и обуславливающих закреплению этнокультурных констант в сознании

и социокультурных практиках человека. [20, 21, 22, 23]

Функция адаптации к социокультурной динамике развития сферы культуры в социальной системе и кросс-культурным взаимодействиям в этнической хореографической культуре реализуется в синкретизме этнокультурных оснований традиционных танцев и заимствованных в ходе проникновения в этническую хореографическую культуру инокультурных хореографических элементов – хореографических жанров (балетного искусства и бальных танцев – как в Китае XVIII века, так и в России XVIII века) создания «характерных танцев» как в китайской хореографической культуре, так и в русской хореографической культуре).

Функция реализации и визуализации религиозных ритуалов и обрядов в этнической хореографической культуре проявляется в исполнении религиозных ритуально-обрядовых действий и раскрытии визуальных аспектов религиозно-магических действий в целях вовлечения в действия всех участников и наглядного представления ценностно-смыслового содержания происходящего. [24, 25, 26, 27, 28]

Коммуникативная функция в этнической хореографической культуре в генерировании и поддержании устойчивого коммуникативного взаимодействия в этнической хореографической культуре в иконической триаде коммуникации – боги и их метафорическая визуализация в форме культовых артефактов – медиаторы-посредники (в лице исполняющих ритуально-обрядовые действия и танцы) – участники ритуально-обрядовых действий. [29, 30, 31] Как справедливо, по мнению диссертантки, отмечал Я. Ассман, «Ритуальная коммуникация и идентичность тесно связаны в единую систему. Обряды – это каналы, “жилы”, в которых течет обеспечивающий идентичность смысл, инфраструктура идентификационной системы» [32, с. 143; 33].

Деятельностно-творческая функция в этнической хореографической культуре реализуется в творческом подходе

де танцорам как к сложившимся в этнической хореографии социокультурным традициям, так и к их развитию в условиях кросс-культурных взаимодействий в хореографической культуре в соответствии с динамикой развития социокультурной сферы общества. [34,35,36,37]

Эстетическая функция в этнической хореографической культуре ретранслирует эстетические нормы и их аксиологические основания в хореографической культуре этноса. Л.Н. Стоялович обнаруживал в эстетической ценности бинарность содержания – пробуждающую эмоцию актуальную реальность и латентное наполнение представляемой эстетической ценности аксиологическими смыслами. [38,39,40,41] Эстетическая направленность этнической хореографической культуры в Китае, как и в России, находила воплощение в аксиологической и эмоциональной сферах традиционной культуры, в том числе и в процессе ее эволюции и кросс-культурных взаимодействий в китайской и российском обществах.

Релаксационная функция этнических танцев соответствовала как выражению эмоционального состояния танцующих, так и сопровождению праздничных этнокультурных обрядов и традиций, что проявлялось как в обрядовых календарно-праздничных танцах и плясках, так и в публичных выступлениях танцоров. [42, 43, 44] Праздничные традиционные торжества и традиционные пляски и танцы во время их проведения позволяют как поддержать межпоколенные родственные коммуникации ориентированные по вертикали и соседские поселенческие коммуникации, ориентированные по горизонтали, осуществить укрепление семейной, локальной, региональной и цивилизационной социокультурной идентичности в рамках отрефлектированного и принимаемого всеми членами этих сообществ отношения к представлениям о прошлых событиях или коммеморации. [45,46]

Заключение. Проведенный анализ показал сложность и многосоставность социокультурного феномена этнической хореографической культуры.

Архетипические и символические основания этой формы социокультурного воспроизводства позволяют в рамках структурно-функционального подхода в рамках культурологической парадигмы раскрыть разнообразные аспекты этнокультурного содержания и, в определенной степени, общности проявлений этнической хореографической культуры России и Китая, что позволяет углубить представления об эволюции различных сфер социокультурной жизни в различных цивилизациях с различными путями исторического развития.

Литература

1. Филановская, Т.А. Системный подход в исследованиях хореографической культуры / Т.А. Филановская. – Текст: непосредственный // Культурогенез и культурное наследие (Культурологические исследования' 09): Сборник научных трудов. – СПб.: «Астерион», 2009. С. 77–83.
2. Терентьева, Н.А. Классический балет: роль и функции в художественной культуре современности (общероссийский и региональный аспекты). Дис...канд. культурологии. Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры. Челябинск, 2014. – 207 с. (на правах рукописи). – Текст: непосредственный.
3. Никулина, Е.А. Танец как предмет культурологического исследования / Е.А. Никулина. – Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2 (68). – № 2. – С. 55–61;
4. Самойленко, Е.В. Танцевальная культура: проблема дефиниции, структура, ведущие функции. – Текст: непосредственный // Наука и современность. – 2011. – № 12–1. – С. 147–152.
5. Bourdieu, P. Esquisse d'une théorie de la pratique / P. Bourdieu. – Genève: Éd. de Droz, 1972. – 269 p. – Text: direct.
6. Подгорный, Б.Б. Габитусы российского населения: методология и классификация / Б.Б. Подгорный. – Текст: электронный // Современные ис-

- следования социальных проблем. – 2020. – Vol. 12. – № 2. – С. 280–301. URL: <http://soc-journal.ru> (дата обращения: 12.02.2023).
7. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации / Э. Гидденс; [Пер.: Тюрина И.]. – М.: Академический проект, 2003. – 525 с. – Текст: непосредственный
 8. Archer, M. Culture and agency. the place of culture in social theory / M. Archer. – Cambridge, Cambridge university press, 2004. – xxix, 351 p. – Text: direct.
 9. Isajiw W.W. Definitions of ethnicity. / W.W. Isajiw. – Text: direct // Ethnicity. – 1974. – Vol. 1. – P. 111–124.
 10. Василенико, В.П. Художественная самодеятельность и фольклор: учебное пособие / В.П. Василенко – М.: Просвещение, 1979. – 186 с. – Текст: непосредственный.
 11. Шэнь, Ли. Особенности китайского хореографического искусства / Ли Шэнь. – Текст: непосредственный // Хореографическое искусство и образование: теория, история, практика. Сборник материалов конференции. – М.: МГИК, 2022. С. 271–275.
 12. Кистова, А.В. Образовательная функция художественной культуры / А.В. Кистова, М.Г. Смолина, Н.Н. Пименова, М.В. Тарасова. – Новосибирск: Сибирский федеральный университет, 2013. – 158 с.
 13. Ли, Цзыцзянь История становления хореографического образования в Китае / Цзыцзянь Ли. – Текст: непосредственный // Хореографическое искусство и образование: теория, история, практика. Сборник материалов конференции. – М.: МГИК, 2022. С. 152–156.
 14. Афанасьева, А.Б. «Диалог культур» в музыкально-хореографическом фольклоре: история и современность, социокультурные и педагогические аспекты / А.Б. Афанасьева. – Текст: непосредственный // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. – 2016. – № 1 (42). – С. 88–96;
 15. Громов, Ю.И. Воспитание танцем / Ю.И. Громов. – СПб.: СПбГУП, 2004–210 с. – Текст: непосредственный.
 16. Чэнь, Цзин. Педагогические основы развития национальных традиций хореографии Китая. Автореф. дис...к. пед.н.: специальность: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования. – М., 2012. – 25 с. – Текст: непосредственный.
 17. Гаврилова, А.О. Компоненты и функции педагогического потенциала русской народной культуры / А.О. Гаврилова. – Текст: непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире: материалы VIII Международной научно-практической конференции, 16 дек. 2014 г. Т. 3. – СПб.: Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего», 2014. С. 106–111.
 18. Гаврилова, А.О. Сущность педагогического потенциала русской народной культуры / А.О. Гаврилова. – Текст: непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2. – С. 4280–4285.
 19. Гаврилова, А.О. Этнокультурные основы художественного образования подростка в России и Китае / А.О. Гаврилова. – Текст: непосредственный // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 16–18 мая 2016 г.). Вып. 6 / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Издательство БГПУ, 2016. С. 398–406.
 20. Луговая, Е.К. Роль традиционных танцев в сохранении культурной идентичности / Е.К. Луговая. – Текст: непосредственный // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. – 2015. – № 4 (39). – С. 162–166.
 21. Дряева, Э.Д. Социокультурная идентичность в условиях современных коммуникаций и базовая идентичность индивида / Э.Д. Дояева, Д.И. Дубровский. – Текст: непосредственный // Философские науки. – 2007. – № 8. – С. 63–75.

22. Ляушева, С.А. Религиозная идентичность в современной культуре / С.А. Ляушева, А.А. Нагой. – Текст: непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – Вып. 1. – С. 196–198.
23. Бочарникова, И.С. Народная культура в современных условиях: стратегия сохранения национальной идентичности: монография / И.С. Бочарникова, Н.А. Калюжная, С.И. Кулибаба. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. – 265 с. – Текст: непосредственный.
24. Чэ, Тунбо. Социоантропные константы в религиозной культуре Китая / Тунбо Чэ. – Автореф. дис...канта философ. наук: Специальность: 09.00.14 – Философия религии и религиоведение. – Чита, 2011. – 25 с.
25. Сун, Мэньинь. Сборник исследований культуры храмового торжества / Мэньинь. Сун. – Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ. 1994. – 324 с. (на кит. языке) – Текст: непосредственный.
26. Кучера, С. Музыка и культ в Древнем Китае: проблемы восприятия музыки и ее исполнения во время религиозных действий / С. Кучера. – Текст: непосредственный // Установления династии Чжоу (Чжоу ли): Разд. 1 Небесные чиновники. Цзюань 1 – М.: Восточная литература РАН, 2010. С. 343–390.
27. Пивоваров, Д.В. Визуальная сущность религии: монография / В.И. Жуковский, Д.В. Пивоваров – Красноярск: КрасГУ, 2006. – 460 с. – Текст: непосредственный.
28. Чистов, К.В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов / К.В. Чистов. – Текст: непосредственный // Фольклор и этнография: обряды и обрядовый фольклор. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. С. 9–18.
29. Нарожная, В.Д. Этнокультурные функции иконических жестов в невербальной коммуникации танце / В.Д. Нарожная. – Текст: непосредственный // Язык: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 94–104.
30. Вычужанова, Л.К. Язык хореографии: философский анализ: автореф...дис. канд. философ.н. Специальность: 09.00.01 – онтология и теория познания / Л.К. Вычужанова. Уфа, 2009. – 21 с. – Текст: непосредственный.
31. Жиленко, М.Н. Танец как форма коммуникации в социокультурном пространстве / Мария Николаевна Жиленко: автореф. дис. ... кандидата культурологии. Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры. – М., 2000. – 22 с. – Текст: непосредственный.
32. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – Текст: непосредственный.
33. Кораблева И.С. Китайские народные праздники, их коммуникативные особенности, спланирующие идеи и традиции / И.С. Кораблева. – Текст: непосредственный // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2018. – Т. 3. – № 4. – С. 117–121.
34. Бутенко, Э. Сценическое перевоплощение: Теория и практика / Э. Бутенко. – М.: Прикосновение, 2005. – 476 с. – Текст: непосредственный.
35. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 434 с. – Текст: непосредственный.
36. Попова Е.Н. Анализ видов деятельности танцовщика по созданию художественного образа / Е.Н. Попова. – Текст: электронный // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – № 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vidov-deyatelnosti-tantsovschika-po-sozdaniyu-hudozhestvennogo-obraza> (дата обращения: 11.02.2023).
37. Голейзовский, К. Образы русской народной хореографии / К. Голейзовский. – М.: Искусство, 2014. – 326 с. – Текст: непосредственный.
38. Стоялович Л.Н. Природа эстетической ценности / Л.Н. Стоялович. – М.:

- Политиздат, 1972. – 271 с. – Текст: непосредственный.
39. Ю, Линь. Эстетические особенности китайских традиционных народных танцев разных национальностей / Линь Ю. – Текст: непосредственный // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 1 (15). – С. 108–112.
 40. Есаулов, И.Г. Введение в эстетику классической хореографии. Письма к Ж.Ж. Новерру / И.Г. Есаулов. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005–296 с. – Текст: непосредственный.
 41. Танцы и традиционная культура. – Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2011. – 308 с. (на кит. языке). – Текст: непосредственный.
 42. Хейзинга, Й. Человек играющий = Homo ludens: Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга; Сост. и пер. [с нидерл.] Д.В. Сильвестров. – [2. изд., испр.]. – М. Айрис пресс, 2003. – 486, [1] с. – Текст: непосредственный.
 43. Богданов, Г.Ф. Самобытность русского танца / Г.Ф. Богданов. – М.: Изд-во МГУКИ, 2001. – 224 с. – Текст: непосредственный.
 44. Гао Цзя, Синь. Функции и семантика национального китайского танца: традиции и современность / Синь Гао Цзя, Д.А. Николаева. – Текст: непосредственный // Современная научная мысль. – 2019. – № 3. – С. 205–209.
 45. Романовская, Е.В. Идентичность как социальный феномен / Е.В. Романовская. – Текст: непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12. – Вып. 4. – С. 34–37.
 46. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М.: Канон+, РО-ОИ «Реабилитация», 2007. – 480 с. – Текст: непосредственный.

Choreographic culture is a significant structural element of the socio-cultural system of each society. It includes both elements of spiritual and material culture – the reproduction and representation of the axiological foundations of ethnic culture, the meanings and values of the spiritual life of society in a symbolized form of dance, which is the basis for the generation and retransmission of cultural, symbolic, musical and emotional capital, on the one hand, and reproduction and representation of artifacts of the material context of dance creativity in the form of costumes, musical instruments, design of the dance space, selection of target audiences – on the other hand.

The article is devoted to ethnic choreographic culture as a sociocultural phenomenon in general and relies on the analysis of the manifestations and representations of ethnic choreographic culture perceived in various sociocultural contexts based on the material of Russian and Chinese choreographic cultures based on the involvement of various materials of cultural studies. This analysis made it possible to identify and describe universal typological features and sociological functions of ethnic choreographic culture, to develop terminological grounds for the subsequent structural and functional study of ethnic choreographic cultures, which will allow, based on the formed toolkit, to carry out cross-cultural studies of ethnic choreographic cultures of various ethno-cultural communities.

Keywords: Ethnic choreographic culture, cultural paradigm, structural and functional analysis, sociocultural functions.

References

1. Filanovskaya, T.A. Systematic approach in the study of choreographic culture / T.A. Filanovskaya. – Text: direct // Cultural genesis and cultural heritage (Culturological research' 09): Collection of scientific papers. – St. Petersburg: "Asterion", 2009. S.77–83.
2. Terentyeva, N.A. Classical Ballet: Role and Functions in the Artistic Culture of Modernity (All-Russian and Regional Aspects). Dis... cand. cultural studies. Specialty: 24.00.01 – theory and history of culture. Chelyabinsk, 2014. – 207 p. (as a manuscript). – Text: direct.
3. Nikulina, E.A. Dance as a subject of cultural research / E.A. Nikulin. – Text: direct // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philoso-

ETHNIC CHOREOGRAPHIC CULTURE AND ITS FUNCTIONS

Lavo R.S., Chen Jie
Krasnodar State Institute of Culture

- phy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – No. 2. – S. 55–61;
4. Samoilenko, E.V. Dance culture: the problem of definition, structure, leading functions. – Text: direct // Science and modernity. – 2011. – No. 12–1. – S. 147–152.
 5. Bourdieu, P. Esquisse d'une théorie de la pratique / P. Bourdieu. – Geneve: Ed. de Droz, 1972. – 269 p. – Text: direct.
 6. Podgorny, B.B. Habitus of the Russian population: methodology and classification / B.B. Podgorny. – Text: electronic // Modern studies of social problems. – 2020. – Vol. 12. – No. 2. – P. 280–301. URL: <http://soc-journal.ru> (date of access: 02/12/2023).
 7. Giddens, E. Organization of society: Essay on the theory of structuration / E. Giddens; [Transl.: Tyurina I.]. – M.: Academic project, 2003. – 525 p. – Text: direct
 8. Archer, M. Culture and agency. the place of culture in social theory / M. Archer. – Cambridge, Cambridge university press, 2004. – xxix, 351 p. – Text: direct.
 9. Isajiw W.W. Definitions of ethnicity. /W.W. Isajiw. – Text: direct // Ethnicity. – 1974. – Vol. 1. – P. 111–124.
 10. Vasilenko, V.P. Amateur art and folklore: textbook / V.P. Vasilenko – M.: Education, 1979. – 186 p. – Text: direct.
 11. Shen, Li. Features of Chinese choreographic art / Li Shen. – Text: direct // Choreographic art and education: theory, history, practice. Collection of conference materials. – M.: MGIK, 2022. S.271–275.
 12. Kistova, A.V. Educational function of artistic culture / A.V. Kistova, M.G. Smolina, N.N. Pimenova, M.V. Tarasova. – Novosibirsk: Siberian Federal University, 2013. – 158 p.
 13. Li, Zijian The history of the formation of choreographic education in China / Zijian Li. – Text: direct // Choreographic art and education: theory, history, practice. Collection of conference materials. – M.: MGIK, 2022. P. 152–156.
 14. Afanas'eva, A.B. "Dialogue of cultures" in musical and choreographic folklore: history and modernity, socio-cultural and pedagogical aspects / A.B. Afanasiev. – Text: direct // Bulletin of the Academy of Russian Ballet. A. Ya. Vaganova. – 2016. – No. 1 (42). – P. 88–96;
 15. Gromov Yu.I. Dance education / Yu.I. Gromov. – St. Petersburg: SPbGUP, 2004–210 p. – Text: direct.
 16. Chen, Ching. Pedagogical foundations for the development of national traditions of choreography in China. Abstract disk. ped.n.: specialty: 13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education. – M., 2012. – 25 p. – Text: direct.
 17. Gavrilova, A.O. Components and functions of the pedagogical potential of Russian folk culture / A.O. Gavrilova. – Text: direct // Fundamental and applied research in the modern world: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, December 16. 2014. T. 3. – St. Petersburg.: Information Publishing Educational and Scientific Center "Future Strategy", 2014. P. 106–111.
 18. Gavrilova, A.O. The essence of the pedagogical potential of Russian folk culture / A.O. Gavrilova. – Text: direct // Fundamental research. – 2015. – No. 2. – P. 4280–4285.
 19. Gavrilova, A.O. Ethno-cultural foundations of the art education of a teenager in Russia and China / A.O. Gavrilova. – Text: direct // Russia and China: history and prospects for cooperation: materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk – Heihe, May 16–18, 2016). Issue. 6 / holes ed. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. – Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2016. S. 398–406.
 20. Lugovaya, E.K. The role of traditional dances in the preservation of cultural identity / E.K. Lugovaya. – Text: direct // Bulletin of the Academy of Russian Ballet. A. Ya. Vaganova. – 2015. – No. 4 (39). – S. 162–166.
 21. Dryaeva, E.D. Sociocultural identity in the conditions of modern communications and the basic identity of the individual / E.D. Doyaeva, D.I. Dubrovsky. – Text: direct // Philosophical sciences. – 2007. – No. 8. – S. 63–75.
 22. Lyausheva, S.A. Religious identity in modern culture / S.A. Lyausheva, A.A. Naked. – Text: direct // Bulletin of the Adyge State University. Series: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. – 2009. – Issue. 1. – S. 196–198.
 23. Bocharnikova, I.S. Folk culture in modern conditions: a strategy for preserving national identity: monograph / I.S. Bocharnikova, N.A. Kalyuzhnaya, S.I. Kulibaba. – Astrakhan: Publishing House "Astrakhan University", 2010. – 265 p. – Text: immediate.
 24. Che, Tongbo. Socioantronic constants in the religious culture of China / Tongbo Che. – Abstract. dis ... can-that philosopher. Sciences: Specialty: 09.00.14 – Philosophy

- of Religion and Religious Studies. – Chita, 2011. – 25 p.
25. Song, Mengyin. Collection of studies of the culture of the temple celebration. / Mengyin. Sun. – Lanzhou: Gansu life chubanshe. 1994. – 324 p. (in Chinese) – Text: direct.
 26. Kuchera, S. Music and cult in ancient China: problems of perception of music and its performance during religious activities / S. Kuchera. – Text: direct // Establishment of the Zhou Dynasty (Zhou Li): Sec. 1 Heavenly officials. Juan 1 – M.: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 2010. S. 343–390.
 27. Pivovarov, D.V. Visual essence of religion: monograph / V.I. Zhukovsky, D.V. Pivovarov – Krasnoyarsk: KrasGU, 2006. – 460 p. – Text: direct.
 28. Chistov, KV Actual problems of studying traditional rituals / KV Chistov. – Text: direct // Folklore and ethnography: rituals and ritual folklore. – L.: Nauka, Leningrad branch, 1974. S. 9–18.
 29. Narozhnaya, V.D. Ethnocultural functions of iconic gestures in nonverbal dance communication / V.D. Narozhnaya. – Text: direct// Language: history and modernity. – 2017. – No. 4. – S. 94–104.
 30. Vychuzhanova, L.K. The language of choreography: philosophical analysis: autoref... dis. cand. philosopher.n. Specialty: 09.00.01 – ontology and theory of knowledge / L.K. Vychuzhanov. Ufa, 2009. – 21 p. – Text: direct.
 31. Zhilenko, M.N. Dance as a form of communication in the socio-cultural space / Maria Nikolaevna Zhilenko: author. dis. ... candidate of cultural studies. Specialty: 24.00.01 – Theory and history of culture. – M., 2000. – 22 p. – Text: direct.
 32. Assman, I. Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / J. Assman. – M.: Languages of Slavic culture, 2004. – 368 p. – Text: direct.
 33. Korableva I.S. Chinese folk holidays, their communicative features, rallying ideas and traditions / I.S. Ship. – Text: direct // Communicology: electronic scientific journal. – 2018. – T. 3. – No. 4. – S. 117–121.
 34. Butenko, E. Stage reincarnation: Theory and practice / E. Butenko. – M.: Touch, 2005. – 476 p. – Text: direct.
 35. Ilyin, E.P. Psychology of creativity, creativity, giftedness / E. P. Ilyin. – St. Petersburg: Peter, 2009. – 434 p. – Text: direct.
 36. Popova E.N. Analysis of the activities of a dancer to create an artistic image / E.N. Popov. – Text: electronic // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2011. – No. 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vidov-deyatelnosti-tantsovschika-posozdaniyu-hudozhestvennogo-obraza> (date of access: 02/11/2023).
 37. Goleizovsky, K. Images of Russian folk choreography /K. Goleizovsky. – M.: Art, 2014. – 326 p. – Text: direct.
 38. Stoyalovich L.N. The nature of aesthetic value / L.N. Stoyalovich. – M.: Politizdat, 1972. – 271 p. – Text: direct.
 39. Yu, Lin. Aesthetic features of Chinese traditional folk dances of different nationalities / Lin Yu. – Text: direct // Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts. – 2011. – No. 1 (15). – S. 108–112.
 40. Yesaulov, I.G. Introduction to the aesthetics of classical choreography. Letters to J.J. Noverre / I.G. Esaulov. – Izhevsk: Publishing House “Udmurt University”, 2005–296 p. – Text: direct.
 41. Dances and traditional culture. – Beijing: Beijing Daxue Chubanshe, 2011. – 308 p. (in Chinese). – Text: direct.
 42. Huizinga, J. Playing man = Homo ludens: Articles on the history of culture / J. Huizinga; Comp. and trans. [from the Netherlands] D.V. Silvestrov. – [2. ed., rev.]. – M. Iris press, 2003. – 486, [1] p. – Text: direct.
 43. Bogdanov, G.F. Originality of Russian dance / G.F. Bogdanov. – M.: Publishing House of MGUKI, 2001. – 224 p. – Text: direct.
 44. Gao Jia, Xin. Functions and semantics of national Chinese dance: traditions and modernity / Xin Gao Jia, D.A. Nikolaev. – Text: direct // Modern scientific thought. – 2019. – No. 3. – P. 205–209.
 45. Romanovskaya, E.V. Identity as a social phenomenon / E.V. Romanovskaya. – Text: direct // Proceedings of the Saratov University. New episode. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2012. – T. 12. – Issue. 4. – S. 34–37.
 46. Megill, A. Historical epistemology / A. Megill. – M.: Canon +; ROOI “Rehabilitation”, 2007. – 480 p. – Text: direct.

Представления молодежи о браке в феминологии (на примере Китая)

Лю Ханвэй,

магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: 2785208765@qq.com

В последние годы в связи с изменением социального статуса и позиционирования женщин в семейных ролях происходит реформирование традиционной гендерной системы и гендерных концепций, а субъектная идентичность женщины и гендерные отношения находят отражение в отношении к браку. Посредством определения понятия брака и его коннотации в статье систематически разбираются основные результаты исследований трех наиболее часто используемых взглядов на проблему выбора супруга, понятие брака и любви, и указывается, что существующие исследования основаны на объекте исследования, содержании исследования и недостаточных методах исследования. Исходя из этого, в данной статье выдвигаются перспективы исследования и предложения концепции брака с точки зрения феминологии, то есть изучение концепции брака должно настаивать на критическом выявлении неравных гендерных отношений и гендерной системы, а также способствовать теоретическому построению гендерного равенства. В то же время необходимо сломать дуалистическое мышление о личном и общественном, сосредоточить внимание на связи между личным опытом и общественными вопросами и обратить внимание на исследования концепций брака во временно-историческом и пространственно-реляционном измерениях.

Ключевые слова: концепция брака; проблема выбора супруга; концепции брака и любви; феминистская критика.

С развитием социальной экономики и смешением мультикультурализма сфера брака сталкивается с беспрецедентными проблемами, такими как снижение числа браков и увеличение количества разводов из года в год. Влияние на стабильность традиционной семьи отражает огромные изменения в представлениях людей о браке, а академический энтузиазм в отношении изучения концепции брака также продолжает расти.

По сравнению с другими дисциплинами феминология, по сути, является изучением женщин как человеческих существ, гендерного закона выживания и развития и эволюции их статуса в отношениях между полами. Исходя из этого, в данном исследовании будут рассмотрены основные достижения существующих исследований концепции брака, подвергнута критике родственные теории и точки зрения на концепцию брака с точки зрения феминологии, а также выдвинуты перспективы и предложения для дальнейших исследований.

Концепция брака и обзор исследований

Брак – официально зарегистрированный союз мужчины и женщины, предполагающий определенные права и обязанности. [6, с. 113] Брак является важнейшим способом создания семьи, а понятие брака является важным ценностным основанием для вступления людей в брак, создания семьи и поддержания семейных отношений.

В академических кругах существует определенный консенсус в отношении определения понятия брака, и большинство из них считает, что понятие брака – это отношение к тому, как выбирать и сочетать мужчин и женщин в определенной социальной структуре, это отражение в сознании людей этического понятия, обусловленного определенным способом производства. [15, с. 31] Кроме того, понятие брака также является кон-

кретным проявлением ценностей в таких вопросах, как любовь, брак и семья.

Взгляды на брак не только повлияют на исходный стандарт человека для супруга, но также повлияет на приверженность человека будущему браку и семейным обязанностям и обязательствам и, в конечном итоге, повлияет на развитие общества. В то же время понятие брака не статично, оно отражает культурные особенности конкретного общества и будет меняться при серьезных изменениях в обществе.[16, с. 57] Что касается состава понятия брака, то некоторые ученые делят ее на концепцию любви и выбора партнера, концепцию брака и семьи и концепцию секса.[12, с. 63]

В этой статье принимает определение понятия брака в самом общем смысле, рассматривает понятие брака как отношение и взгляды людей на заключение брака и супружескую жизнь, и выделяет три аспекта, которые чаще всего затрагиваются при изучении понятия брака, проблемы выбора супруга, концепции брака и любви, а также концепции расторжения брака.

Мотивация выбора супруга и социальные предпочтения при выборе спутник является одними из важных коннотаций концепции брака. Выбор супруга является необходимой частью заключения брака, а также ключевым фактором, влияющим на форму брака и модели семейных отношений. Он не только отражает личные предпочтения и семейные интересы, но также находится под влиянием социальной среды или гендерной культуры.

Проблема выбора супруга представляет собой представления и отношения людей по ряду вопросов, связанных с выбором брачных партнеров, которые определяют поведение и результаты выбора людьми и в основном проявляются в определении стандартов и методов выбора супруга.

В настоящее время многие исследования включали анализ факторов, влияющих на выбор партнера людьми. Например, Дэвид Басс предположил, что переменные, влияющие на выбор су-

пруга, включают физические характеристики, возраст, религию, социально-экономический статус, интеллект, личность, социальные установки и т.д.[1, с. 49]

В последующем исследовании такие ученые, как Дэвид Басс, провели межкультурное исследование с использованием индикатора предпочтений при выборе супруга. Результаты исследования показали, что в 37 культурах люди с разным культурным происхождением имеют больше общего в критериях выбора супруга. Например, оба пола при выборе партнера ценят такие факторы, как личность, здоровье и взаимная привлекательность. Судя по гендерным различиям в предпочтениях в выборе супруга, женщины при выборе партнера предпочитают мужчин с высоким социальным статусом и благополучным экономическим положением, соответственно, мужчины склонны выбирать себе в жены женщин с крепким здоровьем и красивой внешностью.[2, с. 11]

Кроме того, исследования Henry Jermaine, Helm Herbert и Cruz Natasha показывают, что мужчины больше ценят женский внешний вид, здоровье и навыки ведения домашнего хозяйства, в то время как женщины больше ценят мужской потенциал развития и экономические перспективы.[3, с. 65]

Большинство исследований в Китае также пришли к аналогичным выводам: например, исследование Чжан Чэнфэн, посвященное сельской молодежи в провинции Шаньдун в Китае, показывает, что справедливость, крепкое здоровье и схожие интересы находятся в центре внимания молодых людей. Но есть и гендерные различия: помимо трех вышеперечисленных аспектов, юноши также обращают большое внимание на то, нежна ли женщина и добродетельна, способна ли она справиться с домашним хозяйством, а также на ее фигуру и внешний вид. В то время как молодые женщины обращают внимание на знания и способности мужчины, серьезен ли мужчина относиться к своей работе, ответственны. Это также отражает различные гендерные ожидания мужчин и женщин при

выборе супруга.[13, с. 25] Такое предпочтение при выборе супруга также отражается в аспекте возраста для выбора супруга.

Исследования Хань Цуйцуй показывают, что женщины предпочитают мужчин, которые старше их на 3,42 года, а средняя разница в возрасте между женихом и невестой составляет 2,99 года. С точки зрения эволюционной психологии исследование показало, что женщины и их семьи считают, что пожилые мужчины будут лучше заботиться о семье и в то же время иметь более высокий социальный статус и лучшие экономические перспективы. А мужчины, как правило, выбирают более молодых женщин, потому что у молодых женщин выше фертильность и более высокая репродуктивная ценность. И именно благодаря этому двустороннему выбору предпочтения брачное сочетание молодых женщин и пожилых мужчин более стабильно.[11, с. 52]

Кроме того, есть исследования, в которых основное внимание уделяется различиям в критериях выбора супруга между теми, кто вступает в первый брак, и теми, кто вступает в повторный брак. Например, исследование У Синьянь показало, что по сравнению с теми, кто ищет первого брака, искатели повторного брака понизили свои стандарты только до требований женщин в отношении образования и карьерных устремлений, а также возраста, истории брака, наличия у них детей и фертильности. Реалистичная направленность повторно вступивших в брак в основном проявляется в требованиях к супругу, характеру и принципе поведения.[9, с. 35]

Судя по историческим изменениям предпочтений в выборе супруга, потребности людей в стандартах партнера в разные исторические периоды имеют различные характеристики времени. Сюй Аньци в своем исследовании 50-летних изменений в китайских стандартах выбора супруга указали, что молодые люди и люди с более высоким уровнем образования уделяют больше внимания экономическому и социальному статусу своих партнеров и экономиче-

ским условиям, таким как жилье, доход и имущество.[7, с. 29]

Стандарты выбора супруга в разные периоды истории несут очевидный отпечаток времени, и люди будут корректировать свои стандарты выбора в соответствии с изменениями в социальной среде. Вообще говоря, представления людей о браке претерпели серьезные изменения. Традиционная концепция брака обращает внимание на преемственность семьи, но постепенно эта концепция была заменена концепцией брака в стремлении к личному счастью. Кроме того, изменилось иждивенческое положение женщин в браке, а также улучшилось их положение в семье.

Концепция брака и любви является еще одним важным значением концепции брака. Эти концепции, касающиеся отношений между любовью и браком, идеального возраста для вступления в брак, концепции супружеской верности и отношений между полами и браками, можно в совокупности назвать взглядами на брак и любовь. Что касается отношения к браку, исследование Martin P.D. показало, что большинство молодых людей положительно относятся к браку, считают брак обязанностью на всю жизнь и отрицательно относятся к неудачному браку. При этом более трети молодых людей положительно относятся к добрачным половым связям.[4, с. 359] Исследование взглядов студентов на брак и любовь в Китае также показывает, что большинство китайской молодежи считают любовь основой брака и считают брак без любви несчастливой или даже аморальным.[5, с. 19]

Исследовательские перспективы концепции брака с точки зрения феминологии

Понятие брака по сути является ценностной ориентацией в исторической категории, которая не только связывает личный жизненный мир и брачный выбор, но и влияет на взаимоотношения полов и общественное развитие. Поэтому, с точки зрения женских исследований, последующее исследование концепции

брака будет иметь следующие ожидания и перспективы.

Прежде всего, исследование концепции брака должно настойчиво выявлять неравные гендерные отношения и гендерные институты. Гендерная теория считает, что гендер – это социальная конструкция, основанная на биологическом поле, и что социальная культура имеет набор ожиданий гендерного темперамента как для мужчин, так и для женщин, и, таким образом, люди «формируются» по-разному.

С точки зрения выбора супруга для обоих полов, личные достижения мужчин ценятся женщинами, а женщинам отводится роль воспитателей в семье мужчинами. Появление стереотипа о том, что «мужчины несут ответственность за экономический доход семьи, а женщины отвечают за внутреннюю деятельность семьи», привело к тому, что мужчины и женщины находятся на разных уровнях брачного рынка.

Исследование концепций брака с точки зрения феминологии должно вырваться из круга традиционной гендерной культуры, изучить различия в выборе брака между полами с точки зрения социальной гендерной структуры, которая содержит конфликты власти, различия в социальном статусе и разделении труда. Женщины должны быть помещены в социальную среду, где социальное разделение труда и статус дифференцированы, чтобы понять их опыт, а не просто анализировать затруднительное положение, с которым они сталкиваются, с точки зрения частных жизненных ситуаций, таких как отдельные люди или семьи.

Традиционные гендерные концепции делают женщин определяемыми другими и лишают их права говорить за себя. Когда речь идет о феминологии, важно отметить, что теории феминологии требует начинать с уникального опыта женщин, подчеркивать знания и инициативу женщин, понимать потребности и жизненный опыт женщин, отличающихся от мужчин, устранять и предотвращать гендерные слепые пятна в исследованиях, а также способствовать теорети-

ческому построению концепций брака, которые отстаивают «равенство между мужчинами и женщинами» и внедряют гендерную осведомленность в общество.

Во-вторых, изучение концепций брака должно сломать дуалистическое мышление между частной и публичной сферами, сосредоточиться на взаимном построении личного опыта и общественных проблем и представить интерактивную связь между индивидуальной субъективностью, межличностными отношениями и социальной средой. Феминология подчеркивает существование индивида как такового, отрицает «другое» и помещает субъекта в сложные отношения других для исследования.[10, с. 61] Понятие брака предполагает взаимодействие и общение между полами и должна рассматриваться как сложная и динамичная интерактивная система, на которую влияет множество реальных факторов.

На формирование концепции брака влияют не только политические, экономические, культурные и другие факторы, но и тесная связь с индивидуальным стилем жизни и ценностями. С одной стороны, необходимо активно уделить внимание исследованию концепции брака во историческом измерении. Сосредоточив внимание на повседневной жизни и переходных событиях личного жизненного цикла женщин, он распространяется на глубину социальной истории и исследует изменения их концепции брака во временном измерении, то есть изменения в жизненном пути и социальной истории.

Поскольку каждый субъект имеет уникальную жизненную траекторию, понимает брак с личной точки зрения и формирует свои собственные базовые ценности для процесса выбора супруга, любовных отношений и заключения брака. С продолжением истории собственной жизни субъекта или возникновением переломного момента в определенном жизненном опыте, представления о браке могут меняться, что проявляется в том, что люди имеют разные представления о браке на разных этапах образо-

вания, занятий, брака и деторождения. Например, с повышением уровня образования у некоторых женщин появляются выдающиеся карьерные успехи, и они более склонны жить самостоятельной одинокой жизнью, а не вступать в брак по своему желанию.[14, с. 45] А изменение концепции группового брака может отражать контекст развития эпохи, отражать процесс социального и культурного развития определенного периода и ценностную ориентацию общества.[8, с. 59]

Короче говоря, концепция брака не статична, и мы должны обратить внимание на трансформацию концепции брака между людьми и обществом и их взаимное построение отношений с точки зрения развития. С другой стороны, необходимо обратить внимание на исследование концепта брака в измерении пространства-отношения. С экономическим и социальным развитием и ускорением урбанизации постепенно формируются различные формы мобильности населения, поэтому у людей появляется больше возможностей выбора пространства и направлений социальной деятельности, а межличностные отношения становятся все более сложными.

Таким образом, люди имеют возможность изменить свое пространственное окружение и социальные отношения в новой социальной среде, конкурировать за право высказаться на рынке брака и любви или в области брака и семьи, которая отличается от предыдущего статуса, и постепенно сформировать новую концепцию брака. Социальное пространство основано на природном или физическом пространстве, имеет реляционные атрибуты и взаимодействует между мужчинами и женщинами в пространстве и конструирует определенные гендерные отношения.

Брак, как важная часть человеческих отношений, содержит в себе различные сложные социальные и властные отношения. С расширением пространства социальной активности и социальных отношений замужние женщины могут стремиться к большему брачному ресурсу и власти в семье, а незамужние женщины могут выйти из первоначального

межбрачного круга и режима брака. Такими образами, появление плюралистических концепций брака, таких как пересечение городских и сельских районов, пересечение социального статуса, преодоление разницы в возрасте, преодоление ограничений гендерного выбора и т.д., является вопросами, достойными глубокого изучения.

Литература

1. Buss, D.M. Human Mate Selection: Opposites Are Sometimes Said to Attract, But in Fact We Are Likely to Marry Someone Who Is Similar to Us in Almost Every Variable // *American Scientist*. 1985. № 73. – 49 с.
2. Buss, D.M. Sex Differences in Human Mate Preferences: Evolutionary Hypotheses Tested in 37 Cultures // *Behavioral and Brain Sciences*. 1989. № 1. – 11 с.
3. Henry J., Helm H., Cruz N. Mate Selection: Gender and Generational Differences // *North American Journal of Psychology*. 2013. № 1. – 65 с.
4. Martin P D, Specter G, Martin D, et al. Expressed Attitudes of Adolescents toward Marriage and Family Life // *Adolescence*. 2003. № 2. – 359 с.
5. Вэй Сяоцзюань. Исследование и анализ современной ситуации со взглядами студентов на брак и любовь // *Молодежный журнал*. 2020. № 2. – 19 с.
6. Зырянова А.Н. К вопросу об определении понятия «брак» с позиций зарубежных социологов // *Культура. Духовность. Общество*. 2016. № 23. – 113 с.
7. Сюй Аньци. Критерии выбора супруга: Пятьдесят лет перемен и анализ их причин // *Социологические исследования*. 2000. № 6. – 29 с.
8. Сюй Сяолин. Эпоха стандартов выбора партнера с точки зрения изменений в выборе супруга: о выборе супруга китайскими женщинами за более чем 50 лет с момента основания Китайской Народной Республики // *Журнал Уханьского технологического университета (со-*

- циальные Научное издание). 2004. № 5. – 59 с.
9. У Синьян. Сравнительное исследование критериев выбора супруга для заявителей, вступивших в повторный и первый брак – на основе контент-анализа 934 уведомлений о браке // Молодежное исследование. 2016. № 2. – 35 с.
 10. У Юэфэй. От политики идентичности к политике дискурса: современный поворот феминистской теории социальной работы и ее влияние // Социальная работа. 2017. № 6. – 61 с.
 11. Хан Цуйцуй. Анализ брака между женщинами и пожилыми мужчинами с точки зрения эволюционной психологии // Наука и образование культуры. 2010. № 9. – 52 с.
 12. Ху Суюнь. Исследование и анализ взглядов на брак и любовь студентов и аспирантов // Журнал науки и образования. 2011. № 1. – 63 с.
 13. Чжан Чэнфэн. Обзор взглядов на брак и любовь современной сельской молодежи // Журнал Шаньдунского педагогического университета. 2000. № 5. – 25 с.
 14. Чжао Вэй. «Счастлирое одиночество» высокообразованных женщин Китая – эмпирическое исследование одиночества и субъективного благополучия // Финансово-экономические исследования. 2019. № 4. – 45 с.
 15. Шань Гуаннай. Изменение взглядов китайской молодежи на брак и любовь // Молодежные исследования. 1986. № 7. – 31 с.
 16. Ян Хэньи. Одинокий и не одинокий: Брак и любовь, выбор современной молодежи // Исследование молодежи. 2015. № 3. – 57 с.

YOUNG PEOPLE'S IDEAS ABOUT MARRIAGE IN FEMALEOLOGY: TAKING CHINA AS AN EXAMPLE

Liu Hangwei

St. Petersburg State University

By defining the concept of marriage and its connotations, the article systematically analyz-

es the main research results of the three most commonly used views on the problem of choosing a spouse, the concept of marriage and love, and indicates that the existing research is based on the object of study, the content of the study and insufficient research methods. Based on this, this article puts forward the prospects for research and proposal of the concept of marriage from the point of view of feminology, that is, the study of the concept of marriage should insist on the critical identification of unequal gender relations and the gender system, as well as contribute to the theoretical construction of gender equality. At the same time, it is necessary to break the dualistic thinking about the personal and the public, focus on the connection between personal experience and public issues, and pay attention to the study of the concepts of marriage in the temporal-historical and spatial-relational dimensions.

Keywords: Concept of marriage; the problem of choosing a spouse; view of marriage and love; femaleology-based criticism.

References

1. Buss, D.M. Human Mate Selection: Opposites Are Sometimes Said to Attract, But in Fact We Are Likely to Marry Someone Who Is Similar to Us in Almost Every Variable // *American Scientist*. 1985. No. 73. – 49 p.
2. Buss, D.M. Sex Differences in Human Mate Preferences: Evolutionary Hypotheses Tested in 37 Cultures // *Behavioral and Brain Sciences*. 1989. No. 1. – 11 p.
3. Henry J., Helm H., Cruz N. Mate Selection: Gender and Generational Differences // *North American Journal of Psychology*. 2013. No. 1. – 65 p.
4. Martin P D, Specter G, Martin D, et al. Expressed Attitudes of Adolescents towards Marriage and Family Life // *Adolescence*. 2003. No. 2. – 359 p.
5. Wei Xiaojuan. Research and analysis of the current situation with students' views on marriage and love // *Youth magazine*. 2020. No. 2. – 19 p.
6. Zyryanova A.N. To the question of the definition of the concept of "marriage" from the standpoint of foreign sociologists // *Culture. Spirituality. Society*. 2016. No. 23. – 113 p.
7. Xu Anqi. Criteria for choosing a spouse: Fifty years of change and analysis of their causes // *Sociological research*. 2000. No. 6. – 29 p.
8. Xu Xiaoling. The era of partner choice standards in terms of changes in spouse choice:

- on the choice of spouse by Chinese women over 50 years since the founding of the People's Republic of China // *Journal of Wuhan University of Technology (Social Scientific Edition)*. 2004. No. 5. – 59 p.
9. Wu Xinyang. A comparative study of the criteria for choosing a spouse for applicants who entered into a second and first marriage – based on a content analysis of 934 marriage notices // *Youth research*. 2016. No. 2. – 35 p.
 10. Wu Yuefei. From Identity Politics to Discourse Politics: A Modern Turn in Feminist Theory of Social Work and Its Influence // *Social Work*. 2017. No. 6. – 61 p.
 11. Han Cuicui. Analysis of marriage between women and elderly men from the point of view of evolutionary psychology // *Science and education of culture*. 2010. No. 9. – 52 p.
 12. Hu Suyun. Research and analysis of views on marriage and love of students and graduate students // *Journal of Science and Education*. 2011. No. 1. – 63 p.
 13. Zhang Chengfen. Review of views on marriage and love of modern rural youth // *Journal of Shandong Pedagogical University*. 2000. No. 5. – 25 p.
 14. Zhao Wei. “Happy Loneliness” of Highly Educated Women in China – An Empirical Study of Loneliness and Subjective Well-Being // *Financial and Economic Research*. 2019. No. 4. – 45 p.
 15. Shan Guannai. Changing the views of Chinese youth on marriage and love // *Youth research*. 1986. No. 7. – 31 p.
 16. Yang Hengyi. Lonely and not alone: Marriage and love, the choice of modern youth // *Research of youth*. 2015. No. 3. – 57 p.

Компоненты репутационного капитала образовательной организации

Сарбаа Людмила Николаевна,

заместитель директора по учебно-воспитательной работе, Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 26 г. Южно-Сахалинска
E-mail: Travkina_92@mail.ru

В статье рассматривается деловая репутация образовательной организации, актуальность формирования репутационного капитала образовательной организацией. Степень научной разработанности темы. Перечислены возможные компоненты деловой репутации образовательной организации. Рассмотрена репутация организации с точки зрения символического капитала. Репутация образовательной организации – это представление о качественном и количественном аспектах деятельности организации, созданное у окружающих, отражающееся в доверии, уровне уважения и впечатлении об этой организации. Репутационный капитал организации можно представить, как совокупность человеческого, культурного, экономического и социального капиталов, конвертируемых в любой момент времени в репутационный капитал организации. Репутационный капитал образовательной организации формируется в течение длительного времени, а также может формироваться стихийно и самостоятельно. Компоненты репутационного капитала образовательной организации не могут быть одинаковыми для всех учреждений, так как несут уникальный характер и имеют собственные отличия и особенности

Ключевые слова: репутация, деловая репутация, репутационный капитал, символический капитал.

Положительная деловая репутация образовательной организации в настоящее время является одним из важнейших факторов её успешности на современном рынке образовательных услуг. Согласно данным федеральной службы государственной статистики после получения среднего общего образования большинство выпускников стремится получить высшее образование [10].

Среднее профессиональное образование (СПО) сейчас не пользуется спросом, а в стране происходит дефицит квалифицированных специалистов рабочих профессии. Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что к 2030 году дефицит квалифицированных кадров в России может достичь трех миллионов человек. Президент призвал «предпринимать энергичные усилия» для решения этой проблемы [11].

Проблематика формирования репутации организации в современных условиях исследуется в различных областях науки и практики.

Многие исследователи в своих работах сравнивали, либо наоборот, противопоставляли такие понятия как «репутация», «имидж», «корпоративный бренд», «нематериальные активы». К их числу относят следующих зарубежных авторов: Ф. Модильяни, Т. Коупленда, Э. Брукинга, Г. Даулинга, Д. Андрессена, П. Дойля, Р. Олсопа, Т. Колера, К. Прахалада, М. Миллера, Р. Тиссена, С. Година, Г. Моргана, Г. Саймона, Ж.-Ж. Ламбена.

Среди российских исследователей, особое внимание привлекают работы следующих авторов: В. Дубровского, В. Макарова, А. Браверманна, Е. Попова, Ю. Гладышевой, Л. Новиченковой, А. Грязновой, В. Негановой, К. Букши, О. Ойнер, И. Просвириной, В. Есипова, А. Зырянова, А. Козырева, С. Горина, С. Смирнова, В. Терехова, И. Ткаченко, А. Челенкова.

Очевидно, что понятие «репутация» подвержено междисциплинарному ис-

следованию. Исследованиями в области создания и сохранения репутации, формирования репутационного капитала в рамках корпоративной культуры занимались С.К. Джонсон, П. Дойль, Ж.-П. Бодуан, И. Абрамов.

Функции деловой репутации были выделены в работах А. Зарубина, А.М. Сметанина, В. Вагина.

В современной социологии и управлении деловая репутация нередко отождествляется с нематериальным активом или капиталом. Согласно П. Бурдьё символический капитал представлен как капитал в любой его форме, представляемой символически в связи с неким знанием (узнаванием) [3]. Репутация представляет собой социальный конструкт подобного рода, поскольку её создание предполагает символическое осмысление объекта, выступающего носителем репутации. Одним из тех, кто рассматривал репутацию в рамках теории социального капитала, был российский социолог П.Н. Шихирев. Согласно его концепции, репутацию можно рассматривать как форму связи в социальной сети [12].

К теоретическим методам исследования следует отнести сравнительный анализ концепций деловой репутации и репутационного капитала; метод историко-социологического сравнения при изучении опыта управления репутацией образовательных организаций за рубежом и в России.

При подготовке исследования использованы следующие эмпирические методы: контент-анализ содержания интернет-страниц образовательных учреждений СПО Сахалинской области, анализ имиджевых публикаций, рекламных и информационных материалов организаций СПО Сахалинской области; метод социологического опроса, метод опроса экспертов.

Понятие «организационная репутация», её компоненты и функции

Феномен репутации исследуется в различных областях науки и практики, так как затрагивает разнообразные сферы социальной жизни. Понятие «репутация» определяют, как закрепившееся положи-

тельное мнение о человеке, или другом субъекте.

Представляется, что среди различных трактовок репутации организации, заслуживает внимания следующее определение, предложенное Гориным С.В.: «репутация – представление (положительное или отрицательное) о качественном и количественном аспектах деятельности организации, созданное у окружающих и отражающееся в доверии, уровне уважения и впечатлении об этой организации» [5, с. 64].

Деловая репутация складывается из нескольких составляющих: деловой репутации компании, продукта и организации менеджмента. Выделяют также и другие составляющие деловой репутации: внутреннюю, характеризующую конкретную компанию, и внешнюю, обусловленную рынком [1, с. 103]. Л.В. Волков выделяет следующие группы компонентов деловой репутации: финансовая, рыночная, корпоративная и социальная [9].

Наиболее полно компоненты деловой репутации организации, рассматривает Ф.И. Шарков: эмоциональная привлекательность; качество продукции; отношения с партнерами; репутация руководства; социальная ответственность; финансовые показатели [8, с. 207].

Элементы деловой репутации характеризуют качество отношений с партнерами, клиентами, сотрудниками; позиционирование на рынке, эмоциональную привлекательность организации; качество продукции, практику работы и достижения; политику руководства и социальную ответственность организации; финансовую стабильность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нельзя однозначно сформировать исчерпывающий набор компонентов деловой репутации организации. Представляется, что наряду с базовым набором элементов деловой репутации, для каждой организации, в зависимости от специфики её деятельности разрабатываются собственные компоненты деловой репутации.

М.В. Кислинской и Ю.А. Тихоновым были определены основные функции, которые выполняет деловая репутация:

1. Экономическая функция позволяет компаниям за счет высокой деловой репутации делать более высокие наценки на свои товары и услуги.
2. Информационная функция заключается в предоставлении потребителям и всем контрагентам информации о качестве товаров, услуг компании в целом, ее социальной и коммерческой деятельности.
3. Оценочная функция позволяет компаниям отслеживать реакцию участников рынка на собственные реализуемые действия.
4. Интегрирующая функция объединяет сотрудников компании, воспитывает у них чувство лояльности и сопричастности, отождествление себя с компанией, что привлекает в компанию других клиентов, партнеров.
5. Коммуникационная функция играет важную роль в установлении контактов между компанией, сотрудниками и партнерами.
6. Адаптационная функция обеспечивает взаимное приспособление компании, её сотрудников к элементам внешней среды и друг другу.
7. Регулирующая функция поддерживает необходимый социально-психологический климат, правила, нормы поведения сотрудников в процессе их взаимоотношений с представителями внешней среды.
8. Мотивационная функция создает необходимые стимулы для осуществления дальнейших действий [4, с. 124].

В исследованиях деловой репутации получила распространение трактовка репутации организации как её нематериального актива.

Если переходить на язык экономики, речь идет о ключевом нематериальном активе организации, который напрямую влияет на показатели ее финансово-экономической успешности, то есть деловая репутация способна выступать в роли специфического капитала организации. Способность деловой репутации приносить прибыль позволяет рассматривать ее в качестве капитала, который можно конвертировать в осязаемые материальные преимущества.

Концепция капитала и множественности капиталов получила дальнейшее развитие в социологии П. Бурдьё, который выделяет экономический, культурный и социальный формы капитала. Экономический капитал конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности. Культурный капитал «имеет некое сходство с человеческим капиталом» и при определенных условиях конвертируется в экономический, может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций.

П. Бурдьё высказано мнение о возможности конвертации символического капитала в другие его формы – финансовый, материальный, социальный, символический. Представляется, что репутация организации, удовлетворяет определению символического капитала, предложенного названными авторами.

В научно-квалификационной работе констатируется, что символический капитал, выступающий в виде репутации, является нематериальным активом организации, который может быть, при определенных условиях конвертирован в доход организации, лояльность клиентов, социальные связи, политическое влияние и др. Репутация организации рассматривается как форма выражения символического капитала организации.

Репутационный капитал образовательной организации

В последние годы в связи с высокой конкуренцией и широким выбором предоставляемых образовательных услуг организациями предпринимаются различные управленческие решения. Формирование положительной репутации определяется степенью ее адаптации к происходящим изменениям в современном мире.

Основной целью формирования репутации образовательной организации является повышение конкурентоспособности учебного заведения на рынке образовательных услуг, привлечение потребителей и инвестиций, установление и расширение партнерских отношений с другими образовательными и научными организациями [2, с. 70].

На современном этапе развития образования руководители учреждений осознают, что для достижения высоких профессиональных результатов необходимо повышение эффективности работы образовательных учреждений и упрочение их деловой репутации [7, с. 3].

Положительный репутационный капитал образовательной организации может включать в себя различные аспекты: материально-техническая база учреждения, преподавательский состав, корпоративная культура, сложившееся общественное мнение и многое другое. Репутационный капитал организации можно представить, как проекцию человеческого, культурного, экономического и социального капиталов, конвертируемых в репутационный капитал организации.

Сегодня у выпускников 9-х и 11-х классов существует огромный выбор высших учебных заведений и учреждений СПО. В такой конкуренции репутационный капитал позволяет учебному заведению привлечь к себе больший интерес абитуриентов. Рудалева И.А. и Тухватуллин А.Ф. предлагают понимать репутационный капитал в широком смысле как результат взаимодействия внутренней и внешней среды, где внешняя среда компании – клиенты, общественность, государство и т.п. [6, с. 216].

Клиентами организаций СПО являются выпускники школ. Также клиентами СПО могут являться сотрудники сторонних организаций: центр занятости, управляющие и строительные компании, пекарни, столовые и т.д.

Рассмотрим компоненты репутационного капитала учреждения СПО:

1. Финансово-экономические показатели. Объем средств бюджетов субъектов Российской Федерации в форме субсидии на выполнение государственного задания, напрямую зависит от объема государственного задания (количества обучающихся). Средства консолидированного бюджета являются основным источником финансирования учреждения СПО, которые также имеют внебюджетные источники дохода от осуществления различных видов деятельности.

Следовательно, особое влияние на репутационный капитал учреждения СПО оказывает количество обучающихся за счет средств бюджета, ведение производственной деятельности и оказание платных образовательных услуг.

2. Человеческие ресурсы организации.

Человеческие ресурсы – это работники учебного заведения. Качество человеческих ресурсов определяет квалификация, профессиональный потенциал, уровень образования педагогического коллектива, участие сотрудников в конкурсах и наличие призовых мест в них, совершенствование знаний в преподаваемой области. Также показателями качества человеческих ресурсов являются: трудовая мотивация преподавателей и сотрудников, этика их поведения, состояние здоровья, деловая репутация сотрудников.

3. Социальные связи образовательной организации.

Социальные связи образовательной организации представляют собой систему, основанную на доверии отношений с партнерами, клиентами, группами общественности, договора и соглашения с партнерами. Чем больше количество партнеров, прочнее доверительные отношения с ними, тем большим объемом социального капитала обладает учреждение. В условиях конкуренции большое значение приобретают социальные связи учреждений СПО с лидерами общественного мнения, СМИ.

4. Результаты основной деятельности учреждения.

К результатам основной деятельности образовательной организации СПО необходимо отнести качество обучения, в том числе уровень прохождения демонстрационного экзамена студентами. Результаты участия обучающихся в профессиональных конкурсах и олимпиадах. Ключевой показатель деятельности учреждений СПО – востребованность выпускников на рынке труда, трудоустройство по профессии или специальности. Уровень средней заработной платы выпускника, повышение

разряда, карьерный рост следует отнести к показателям результативности деятельности СПО.

Позитивная репутация образовательной организации укрепляет доверие целевой аудитории. Репутационный капитал конвертируется в ресурсы и возможности. Положительная деловая репутация учреждения СПО привлекает большее количество абитуриентов, следовательно, оказывает влияние на финансовый капитал образовательной организации. Репутация может способствовать привлечению партнеров, а они способствуют установлению нужных связей и преумножают социальный капитал учреждения. Привлечение квалифицированных кадров и обучающиеся с высоким средним баллом аттестата способствуют формированию человеческого и культурного капитала учреждения. Следовательно, хорошая деловая репутация образовательной организации конвертируется в финансовый, человеческий, культурный капиталы.

Автор научно-исследовательской работы приходит к выводу, что репутация образовательной организации – это представление о качественном и количественном аспектах деятельности организации, созданное у окружающих, отражающееся в доверии, уровне уважения и впечатлении об этой организации.

Деловая репутация включает в себя компоненты разных форм капитала: человеческого, экономического, культурного, социального и символического, при этом деловая репутация в наибольшей степени воплощает свойства символического капитала.

Репутация – представление (положительное или отрицательное) о качественном и количественном аспектах деятельности организации, созданное у окружающих и отражающееся в доверии, уровне уважения и впечатлении об этой организации».

Репутация организации представляет собой многоаспектное понятие, во многом определяемое восприятием данной организации, ее продукции на рынке контрагентами (покупателями, клиентами, поставщиками, конкурента-

ми), видением этой организации со стороны ее создателей, владельцев и сотрудников.

По своей сути деловая репутация – это общественное мнение о качествах, достоинствах и недостатках организации в сфере делового оборота, которая аккумулирует в себе бренд, имидж, паблисити, а при продаже выражается в величине гудвилла.

Неотъемлемой частью деловой репутации организации можно отнести имидж, качественный и известный бренд, которые все вместе составляют нематериальный актив организации. Кроме этого, деловая репутация организации формируется в течение длительного промежутка времени и носит уникальный и неповторимый характер.

Структура деловой репутации может быть представлена следующими группами компонентов: финансовая, рыночная, корпоративная и социальная.

Компоненты деловой репутации определяют ее оценку и формирование или являются «инструкцией» при формировании деловой репутации. Нельзя однозначно выбрать те или иные компоненты. Представляется, что для каждой организации, в зависимости от специфики работы должны определяться собственные компоненты. Ведь, любая оценка деловой репутации формируется внутри компании и во многом определяет ее успех. Для полноценного формирования деловой репутации необходимо правильно и адекватно выстраивать всю работу организации, формировать сбалансированную систему.

Одним из аспектов изучения деловой репутации является подход, согласно которому деловая репутация представляет собой вид капитала. Разделяют следующие виды капитала: человеческий, экономический, культурный, социальный и символический.

Любой капитал – подвижная единица. Он даёт прибыль, если участвует в экономическом процессе. Сущность капитала – функционирование. Главная функция капитала – преобразование.

Говоря о символическом капитале, можно сделать вывод о прямой кор-

реляции между понятиями «репутация» и «капитал». Представляется, что именно репутационный капитал относится к символическому капиталу той или иной организации. Репутационный капитал организации можно определить, как деловую репутацию компании, формируемую за счет инвестиций в имидж компании и ее корпоративную культуру.

Положительный репутационный капитал образовательной организации может включать в себя различные аспекты: материально-техническая база учреждения, преподавательский состав, корпоративная культура, сложившееся общественное мнение и многое другое.

Следовательно, репутационный капитал организации можно представить, как совокупность человеческого, культурного, экономического и социального капиталов, конвертируемых в любой момент времени в репутационный капитал организации.

Литература

1. Андреева О.А. Научные труды вольного экономического общества России. // «Разработка методики управления деловой репутацией управляющей компании». Том 172. Москва. 2013. С 103–119.
2. Арефкина Ю.А., Харламова Е.Е. Научный альманах. // «Факторы, влияющие на деловую репутацию образовательных организаций». № 11–1 (13). 2015. С. 69–71.
3. Бурдые П. Экономическая социология. // Формы капитала. 2002. Т. 3, № 5, С. 60–74.
4. Кислинская М.В., Тихонов Ю.А. // Особенности формирования деловой репутации организаций. Вестник ГУУ. 2013. № 9. С. 123–131.
5. Чикер В.А., Посохова А.Е. Репутация в деятельности человека и организации // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Вып. 4. 2011. С. 64–72.
6. Рудалева И.А., Тухватуллин А.Ф. // Репутационный капитал организации и методы его оценки. Качество продукции: контроль, управление, повышение, планирование. Том 2, 2015. С. 216–220.
7. Франц А.С. Корпоративная культура учреждений профессионального образования: курс лекций: учеб. пособие для проф.-пед. Работников. А.С. Франц; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2011. С. 91.
8. Шарков Ф.И. Константы гудвилла: стиль, публичность, репутация, имидж и бренд фирмы: Учебное пособие / Ф.И. Шарков. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». 2010. С. 272.
9. Волков Л.В. Подходы к оценке деловой репутации. Труды МГТА: электронный журнал. – 2011. – № 20. <https://lib.convdocs.org/docs/index-279647.html>.
10. Воронин А.В. PR-технологии формирования деловой репутации организации (на примере ООО «СК «СПб-Гранит»). СПбСанкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Гуманитарный институт, Социально-политические технологии. <URL: <http://elibr.spbstu.ru/dl/2/7276.pdf>>.
11. Путин В.В. Телемост с участниками движения WorldSkills. Выдержки из стенографического отчёта о видеоконференции. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/61953?utm_source=yx-news&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews.
12. Шихирев П.Н. // От капитала физического к капиталу социальному. 2002. № 6. <http://www.soob.ru/n/2002/6/a/8>.

COMPONENTS OF THE REPUTATIONAL CAPITAL OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION

Sarbaa L.N.

Municipal Autonomous General Educational Institution Secondary School No. 26 of Yuzhno-Sakhalinsk

The article deals with the business reputation of an educational organization, the relevance of the formation of the reputational origin of educational culture. Probability of scientific development of the topic. The possible components of the business reputation of an educational organ-

ization are listed. The reputation of the organization in terms of symbolic capital is excluded. The reputation of the organization is considered from the point of view of symbolic capital. The reputation of an educational organization is an idea of the qualitative and quantitative aspects of the organization's activities, created by others, reflected in the trust, level of respect and impression of this organization. The reputational capital of an organization can be represented as a set of human, cultural, economic and social capitals that can be converted at any time into the reputational capital of an organization. The reputational capital of an educational organization is formed over a long period of time, and can also be formed spontaneously and independently.

The components of the reputational capital of an educational organization cannot be the same for all institutions, as they are unique in nature and have their own differences and features

Keywords: reputation, business reputation, reputational capital, symbolic capital.

References

1. Andreeva O.A. Scientific works of the Free Economic Society of Russia. // "Development of a methodology for managing the business reputation of a management company". Volume 172. Moscow. 2013. pp. 103–119.
2. Arefkina Yu.A., Kharlamova E.E. Scientific Almanac. // "Factors affecting the business reputation of educational organizations". No. 11–1 (13). 2015. pp. 69–71.
3. Bourdieu P. Economic sociology. // Forms of capital. 2002. Vol. 3, No. 5, pp. 60–74.
4. Kislinskaya M.V., Tikhonov Yu.A. // Features of the formation of business reputation of organizations. Bulletin of GUU. 2013. No. 9. pp. 123–131.
5. Chiker V.A., Posokhova A.E. Reputation in human activity and organization // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 12. Issue 4. 2011. pp. 64–72.
6. Rudaleva I.A., Tukhvatullin A.F. // Reputational capital of an organization and methods of its evaluation. Product quality: control, management, improvement, planning. Volume 2, 2015. pp. 216–220.
7. Franz A.S. Corporate culture of vocational education institutions: a course of lectures: studies. manual for prof.-ped. Workers. A.S. Frantz; Russian State Prof.-ped. un-T. – Yekaterinburg: Publishing House of RGPPU, 2011. p. 91.
8. Sharkov F.I. Goodwill constants: style, publicity, reputation, image and brand of the company: Textbook / F.I. Sharkov. – M.: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co.". 2010. p. 272.
9. Volkov L.B. Approaches to the assessment of business reputation. Proceedings of MGTA: electronic journal. – 2011. – No. 20. <https://lib.convdocs.org/docs/index-279647.html>.
10. Voronin A.V. PR technologies for the formation of the business reputation of the organization (on the example of LLC "IC "SPb-Granit"). SPSankt-Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Humanitarian Institute, Socio-Political Technologies. <URL: <http://elibrary.spbstu.ru/dl/2/7276.pdf>>.
11. Putin V.V. Teleconference with participants of the WorldSkills movement. Excerpts from the verbatim report on the video conference. Access mode: http://kremlin.ru/events/president/news/61953?utm_source=yx-news&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews.
12. Shikhirev P.N. // From physical capital to social capital. 2002. № 6. <http://www.soob.ru/n/2002/6/a/8>.

Дихотомия Восток-Запад в аспекте различий менталитета: на примере культуры еды

Кашеев Сергей Иванович,

кандидат философских наук, кафедра философии,
Саратовская государственная юридическая
академия
E-mail: Skash1766@mail.ru

Гусева Светлана Владиславовна,

кандидат философских наук, кафедра философии,
Саратовская государственная юридическая
академия
E-mail: gusevasvetlana19@mail.ru

Семиотический подход к явлениям культуры давно стал широко распространенным методом культурологического и философского анализа, однако в вопросах философской компаративистики он, на наш взгляд, применяется все еще достаточно редко. Еще реже философская семиотика и семиотика культуры обращают внимание на повседневные явления обыденной жизни. Одной из немногих работ, посвященных именно этой проблеме, является книга Ролана Барта «Империя знаков», где, среди прочего, автор рассматривает процесс приема пищи как определенную знаковую систему. Особенности этих знаков позволяют сделать интересные выводы о менталитете народа, его ценностях и приоритетах. Инструментальная разница в столовых приборах восточной и западной культур предстает перед исследователем в виде базовой оппозиции, которая и является знаком. Семиотический подход, таким образом, позволяет по-новому взглянуть на многие проблемы различия восточного и западного менталитета, включая знаменитый вопрос Дж. Нидема.

Ключевые слова: философская компаративистика, семиотика культуры, восточный менталитет, межкультурная коммуникация.

Различия в культуре народов Востока и Запада проявляется по множеству критериев. Один из них, часто отмечаемый путешественниками, но практически не попадающий в поле зрения философов и культурологов – культура принятия пищи. Этот культурный срез, между тем, является весьма показательным. Вот что пишет об этой проблеме А.В. Павловская: «Нет никакого сомнения, что традиции питания, так же как и состав пищи, играют огромную, в буквальном смысле жизненно важную роль в истории народов. Человек есть то, что он ест – гласит народная мудрость (словари крылатых выражений приписывают ее разным ученым от Пифагора до Фейербаха, что косвенно свидетельствует о ее популярности в разные века и в разных странах). Еда питает не только тело человека, но и оказывает влияние на его дух, привычки, поведение в обществе» [4; 41].

Способ приема пищи может многое сказать о духе народа, его приоритетах и ценностях. При таком подходе к проблеме различия «Восток – Запад» бросается в глаза инструментальная разница – палочки против ножа и вилки. Ролан Барт, один из немногих философов, обративших внимание на это, так описывает это различие: «У палочек существует множество функций, помимо назначения переправлять пищу в рот... Прежде всего палочка...обладает указательной функцией пальца: она указывает на пищу, выделяет фрагмент, заставляет существовать посредством самого выбирающего жеста... Другое же назначение палочек – отщипывание кусочков пищи (а не жадное отхватывание, свойственное нашим вилкам)... Продукт никогда не испытывает большего давления, чем это необходимо для того, чтобы поднять его и переместить» [1; 26–27].

Стоит особо зафиксировать это последнее различие, поскольку именно оно проливает свет на многие особенности

восточного менталитета и, возможно, позволяет ответить на множество вопросов, связанных с пониманием Востока как такового, вплоть до знаменитого «вопроса Нидэма».

Итак, противоположность соединения и разделения не ограничивается противопоставлением ножа с вилкой как расчленяющих инструментов, с одной стороны, и палочек, призванных соединяться и бережно переносить пищу – с другой. (Опять-таки у Барта читаем: «... в действии палочек ... есть нечто материнское, выверенная слержанность, с которой перекардывают ребенка» [1; 27].) Более того, эта противоположность не является основополагающей. Ключ к пониманию дает именно сила, которую необходимо приложить. И в данном случае мы сталкиваемся с действительно фундаментальной чертой восточного (прежде всего – китайского) менталитета. Эта черта – соразмерность.

Вот описание, которое приводит один из крупнейших синологов XXв. Марсель Гране. Говоря о становлении и пресечении династий, он указывает на причины упадка некоторых из них. В частности, последний император династии Ся был повинен в «чрезмерных победах»: «Цзе завершил уничтожение этой добродетели. Он был не просто неспособным правителем, а тираном. Он одерживал чрезмерные победы» [2; 18]. Следует отметить, что Гране приводит точку зрения современников Цзе, а не свой собственный комментарий. Для западной мысли понятие «чрезмерных побед» является не просто чуждым – оно не может появиться в принципе. Чем больше в сражении пролито крови, тем более выдающейся является победа, в нем одержанная. Это доказывается героическими эпосами европейских народов – от «Илиады» и «Одиссеи» до Старшей и Младшей Эдды. Произведения, авторство которых традиционно приписывается Гомеру, создавались в первой трети первого тысячелетия до н.э. Потрясающий факт – в Китае и Японии в эту эпоху (как и много позже) вообще не существовало героического эпоса! Первые эпические произведения создаются на Вос-

токе лишь в 12–13 вв. В то время, когда Европа прославляла воинскую доблесть, когда победители получали великие почести, а подвиги героев становились примером для подражания, Восток вырабатывает совершенно иные критерии для прославления и восхваления. (В скобках можно отметить, что в Индии Махабхарата и Рамаяна создавались на протяжении семиста лет – с седьмого века до нашей эры, т.е. приблизительно в одно время или чуть позже гомеровского эпоса. Обе поэмы носят ярко выраженные черты героической саги, что косвенно, но очень ярко подчеркивает правоту Гегеля, когда он указывает, что цивилизация Древней Индии не может быть отнесена к подлинно восточным культурам и близка, скорее, к культуре античной Греции). Конец династии Ся был положен крупным феодалом Таном, который в летописях получил прозвище Победоносный. Но для того, чтобы удостоиться такого эпитета, ему понадобилось одержать всего одну победу, которая, по словам Гране, «...помогла ему ... умиротворить пространство между четырех морей, то есть Китай» [2; 19]. В результате, давая характеристику его правления, Гране пишет: «Царствование Тана было лишено событий» [2; 19]

И это сказано об основателе новой династии – Инь! Впрочем, ее ждала та же судьба, что и Ся. Царь Чжоусин утратил добродетель и был свергнут своим вассалом. Но характеристики, которые современники дают последнему правителю Инь, сами по себе очень показательны. В числе его недостатков указывается чрезмерность во всем: «Он грешил чрезмерностью способностей и честолюбия. Сверхчеловеческой была его сила. Одной рукой он бросал на землю разъяренных животных» [2; 20]. Для сравнения можно привести рассказ Плутарха об одном эпизоде странствования Тесея: «Кроммионская свинья по кличке Фэя была воинственным и свирепым диким зверем, противником отнюдь не пустяшным. Мимоходом Тесей подстерег ее и убил» [5;8]. Вообще, у Плутарха содержится множество описаний подвигов, связанных со сверхчеловеческой силой

людей, и Тесей, который прославился еще и победами над Марафонским быком и Минотавром (речь идет только о схватках с животными), был лишь первым в этом длинном ряду.

Экстенсивная чрезмерность силы, выступающая достоинством в глазах западного историка, оказывается неприемлемым качеством для китайского императора в глазах его современников – вот пример, наглядно демонстрирующий фундаментальное отличие восточного и западного менталитета. Но Чжоусин повинен не только в неумеренной физической силе. Для Запада совершенно непредставимой является ситуация, когда подданные обвиняют правителя в избытке знаний и таланта. Для восточного человека и эта избыточность оказывается пороком: «Знания позволяли ему возражать на упреки... Своими талантами он внушал страх собственным военачальникам» [2; 20]

Вообще, идея о пагубности избыточного знания была не совсем чужда западной мысли. Достаточно вспомнить Екклесиаста: «Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, тот умножает скорбь» (Еккл., 1; 18). Однако влияние греческой мысли оказалось настолько сильным, что рациональное познание становится приоритетом в деятельности последующих поколений вплоть до нашего в ремени. Именно этот приоритет приводит к появлению западной науки в ее современном виде. Ничего подобного в Китае не возникает. Это различие позволило Дж. Нидэму сформулировать проблему, над разрешением которой он трудился всю жизнь: почему Китай не создал ничего похожего на европейскую науку?

Бертран Рассел в работе «Проблема Китая» писал: «К несчастью для Китая, его культура была ущербна в одном отношении, а именно в науке. В искусстве и литературе, манерах и обычаях он был как минимум равен Европе; во времена Ренессанса Европа никоим образом не превосходила Небесную империю. Превосходство нам дали Ньютон и Роберт Бойль и их научные последователи» [6; 51–52. цит. по 3; 74]. Совершенно

не случайно, хотя, возможно, и не осознавая этой закономерности, Рассел называет имена людей, которые являются типичными представителями западного мышления. Ньютон является основателем классической механики и, попутно, – автором первой научной картины мира. Но задумаемся – из чего состоит эта картина?

Идеальный вариант, при котором законы механики выполняются в полной мере, без каких бы то ни было погрешностей – механическая система, состоящая из материальных точек. Такие точки представляют собой не более, чем математическую абстракцию, при которой масса объекта заключена в нулевом объеме. Ньютон продолжает философскую традицию античности с атомами Демокрита, гомеомериями Анаксагора и т.д. Эту идею подхватывают и другие мыслители ньютоновской эпохи, достаточно вспомнить Лейбница с его монадологией. Мир дискретен – вот ключевой лозунг западноевропейской науки Нового времени. Бойль с теорией идеального газа – такая же значимая фигура в этом ряду. Уравнение идеального газа (частным случаем которого является закон Бойля-Мариотта) оперирует такими же абстракциями. И это – выражение западного менталитета. Идеальный в данном контексте означает не платоновское понимание идеи, это понятие выражает синоним «совершенного». Совершенный газ – состоящий из частиц нулевого объема. Совершенная механика – оперирующая материальными частицами. Идея дискретности возводится в абсолют, мир не просто должен быть разделен на частицы, каждая такая частица должна быть сведена к нулю, сохраняя при этом физические свойства. Не случайно и в области математики и Ньютон, и Лейбниц сначала создают дифференциальное исчисление, и только затем переходят к интегральному (в скобках заметим, что для нахождения производных существуют строго определенные правила, позволяющие продифференцировать любую функцию, в то время как взятие интеграла – процесс, обратный дифференцированию, и при нем

предлагается отталкиваться опять-таки от производных). Разделение, доведенное до степени всеобъемлющего методологического принципа – вот основа западного мышления, причем этот принцип проявляет себя на всех уровнях – в философском, научном и обыденном мышлении.

Именно в повседневности проявляется различие столовых приборов Востока и Запада – палочек и ножа с вилок: «... это орудие не пронзает, не разрывает плоть, не ранит ее, но всего лишь приподнимает, переворачивает и переносит. Ибо палочки... чтобы разделить – отсоединяют, раздвигают, ощупывают, вместо того, чтобы отрезать и отхватывать, как это делают наши приборы, они никогда не насилуют продукт; они либо постепенно распутывают его (в случае с зеленью), либо преобразуют (в случае с рыбой или угрем), находя проемы в самой материи... В любом употреблении, в каждом действии, которое они совершают, палочки противоположны нашему ножу (а также вилке, их хищническому заместителю): они – столовый прибор, который отказывается резать, хватать, измельчать...» [1; 28]. Расчленение против объединения, со-действие против разобщенности – вот то различие, которое выражается в жесте. Разумеется, не следует менять местами причину и следствие, – характер столовых приборов является выражением разницы менталитетов, а не наоборот. Но этот характер представляет собой великолепный символ, интерпретация которого дает немало для понимания знаменитого высказывания Р. Киплинга: Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись.

Литература

1. Барт Р. Империя знаков. М., 2004.
2. Гране М. Китайская цивилизация. М., 2008.
3. Колесников А.С. Философская компаративистика: Восток – Запад. СПб., 2004.
4. Павловская А.В. Традиции питания и национальная культура // Вестник

Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2.

5. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 1. М., 1994
6. Russell B. Problem of China. London, 1922

EAST-WEST DICHOTOMY IN TERMS OF MENTALITY DIFFERENCES: THE EXAMPLE OF FOOD CULTURE

Kashcheev S.I., Guseva S.V.
Saratov State Law Academy

The semiotic approach to cultural phenomena has long been a widespread method of cultural and philosophical analysis, however, in our opinion, it is still rarely used in matters of philosophical comparative studies. Even less often, philosophical semiotics and cultural semiotics pay attention to the everyday phenomena of everyday life. One of the few works devoted specifically to this problem is the book by Roland Barthes "Empire of Signs", where, among other things, the author considers the process of eating as a certain sign system. The features of these signs allow us to draw interesting conclusions about the mentality of the people, their values and priorities. The instrumental difference in the cutlery of Eastern and Western cultures appears to the researcher in the form of a basic opposition, which is a sign. The semiotic approach, therefore, allows us to take a fresh look at many problems of the difference between Eastern and Western mentality, including the famous question of J. Needem.

Keywords: philosophical comparative studies, semiotics of culture, Oriental mentality, intercultural communication.

References

1. Barth R. Empire of Signs. M., 2004.
2. Granet M. Chinese civilization. M., 2008.
3. Kolesnikov A.S. Philosophical comparative studies: Vostok – Zapad. SPb., 2004.
4. Pavlovskaya A.V. Food traditions and national culture // Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2009. No. 2.
5. Plutarch. Comparative biographies in two volumes. Vol. 1. M., 1994
6. Russell B. Problem of China. London, 1922

Феноменологические основания интересубъективности в контексте становления субъективного опыта индивида с ограниченными возможностями: концептуальный аспект

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

E-mail: vitl_2002@list.ru

Музыка Оксана Анатольевна,

доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и социальной педагогики Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

E-mail: omuzika@gmail.ru

Рассматривается интересубъективность как общность и целостность структур психической деятельности, социального опыта и результатов рефлексии различных индивидов, дающих возможность достижения их взаимодействия и взаимопонимания в процессе становления личностной идентификации. Показывается, что субъективное время индивида с ограниченными возможностями является чувственно-определенной формой непосредственно-наличной бытийности переживаемых процессов и событий, определяющих контент индивидуального человеческого опыта. Демонстрируется, что в сфере мира повседневности специальной группы людей с ограниченными возможностями проявление темпоральной координации как формы интересубъективности правомерно представить в качестве конструирования и моделирования социального пространства подобной группы. Анализируются ситуации, в которых исследование форм проявления субъективного времени человека с ОВ предполагает отсутствие в его внутренних темпоральных сферах тождественных моментов времени, поскольку любой момент реально содержит опыт человека, отражающий достигнутые в профессиональной деятельности результаты. Показывается, что интегральность исследования субъективного времени индивидов с ОВ предполагает рассмотрение специфики межличностного диалога в сфере повседневной реальности включающего общества с выходом на проблемы интересубъективного понимания и интересубъективной интерпретации. Посту-

лируется, что в современных теоретических источниках (философских, психологических, педагогических, социологических и др.) отмечается активное исследование разнообразных проблем становления и функционирования включающего социума, актуализация различных аспектов повседневной жизнедеятельности и бытия индивидов с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: включающее общество, темпоральная координация, феноменология, интересубъективность, ограниченные возможности (ОВ).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00515, <https://rscf.ru/project/22–28–00515/> в Ростовском государственном экономическом университете в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

Введение. В современной философской и психолого-педагогической литературе отмечается весьма широкий интерес к интегральному изучению концепций конструирования включающего общества с приоритетом рассмотрения повседневной реальности людей, имеющих различные физические, физиологические, психологические и т.п. ограничения их жизнедеятельности (ограниченные возможности, ограниченные потребности, инвалиды). Интенсивное обсуждение содержательно-теоретических и инструментально-технологических моментов развития общества инклюзии значительно опережает конструирование адекватной методологической основы. Поэтому социально-философское знание правомерно становится теоретико-методологическим базисом для теории инклюзии.

Основная часть. Теоретической основой феноменологического подхода к исследованию субъективного времени индивида выступают категории «интерсубъективность» и «мир повседневности». Интерсубъективность рассматривается в широком контексте конституирования познающим субъектом других субъектов как сознательных объектов посредством интенциональности, используя внутренний опыт интерпретации и осмысления человеком собственного индивидуального бытия. Интерсубъективные основы социального опыта индивидов позволяют вывести взаимодействие людей на уровень взаимопонимания, определяющего непосредственные механизмы коммуникации. Концептуально интерсубъективность представляется как общность и целостность структур психической деятельности, социального опыта и результатов рефлексии различных индивидов, дающих возможность достижения их взаимодействия и взаимопонимания в процессе становления личностной идентификации. Подобный процесс происходит в рамках обмена и трансляции знаний, отражающих достигнутый уровень индивидуального опыта. То есть интерсубъективность связывается с ситуациями, в которых индивиды реально взаимодействуют с по-

зиции сопоставления своих представлений, предпочтений и ожиданий с аналогами у других людей.

Субъективное время индивида с ОВ является чувственно-определенной формой непосредственно-наличной бытийности переживаемых процессов и событий, определяющих контент индивидуального человеческого опыта. Такой контент подразумевает его хронологизацию и упорядоченность с позиции ментальных аспектов субъективного времени. Применение основных характеристик субъективного времени (интенциональность, континуальность, иррефлексивность и др.) показывает, что оно выступает в качестве системообразующего базиса сознания человека, оказывающего влияние на содержание субъективности и характер субстанциональных параметров. Постулируя многообразие социальных общностей, необходимо отметить определенную однотипность в их конструировании. Пространство повседневной жизнедеятельности людей с ОВ определяется интенциональностью темпоральной координации в рамках интерсубъективности.

В сфере мира повседневности специальной группы людей с ОВ проявление темпоральной координации как формы интерсубъективности правомерно представить в качестве конструирования и моделирования социального пространства подобной группы, ведущее к трансформации смыслов, значений и предпочтений в сегменте «Я-Другой». В итоге возникает новая феноменологическая сфера «Я-Мы», отражающая специфику перехода от исследования индивидуально-локального пространства повседневной жизнедеятельности человека с ОВ к интегративному изучению повседневности специальной группы индивидов в обществе включающем. В таких ситуациях основным параметром темпоральной координации как формы интерсубъективности является понятие общезначимости. Рассмотрение сегмента «Я-Другой» в мире повседневности людей с ОВ показывает, что конструирование их социально-повседневного пространства определяется посредством

комплекса ментальных образов, характерных для отдельного человеческого сознания. Социально-повседневное пространство специальной группы индивидов с ОВ представляется с использованием такой характеристики темпоральной координации как темпоральная субъективность. Как следствие, непосредственный переход к повседневно-коллективному бытию сегмента «Я-Мы», детерминирующему функционирование микросоциальной организации людей с ОВ.

В современных теоретических источниках (философских, психологических, педагогических, социологических и др.) отмечается активное исследование разнообразных проблем становления и функционирования включающего социума, актуализация различных аспектов повседневной жизнедеятельности и бытия индивидов с ограниченными возможностями. Решение подобных проблем получило отражение у представителей философских и психолого-педагогических направлений. Наиболее значимые результаты получены в контексте феноменологического подхода. Постулируем развитие его основных принципов с учетом концептуально-семантического аппарата социальной прагматики, представив ряд достаточно интересных и значимых концепций (на наш взгляд), интегрально отражающих различные стороны реализации форм проявления субъективного времени человека с ОВ (Например: Р. Сли, Дж. Холл, А. Хики-Муди, М. Хартимо, С. Грин).

Исследование форм проявления субъективного времени человека с ОВ предполагает отсутствие в его внутренних темпоральных сферах тождественных моментов времени, поскольку любой момент реально содержит опыт человека, отражающий достигнутые в профессиональной деятельности результаты. Приоритетной становится сущностно-содержательная трансформация сферы субъективного времени, своеобразный поток переживаний и ассоциаций системы ментальных образов и чувственных представлений человека с ограниченными

возможностями. Рассмотрение темпоральной координации как формы проявления субъективного времени индивида инициирует обращение к различным аспектам информационно-проективных систем. Непосредственный период восприятия индивидом локальной информации, в первую очередь, касается ее переработки и интерпретации с учетом целесообразности использования в повседневном мире включающего общества. Понимание и последующая трансляция подобной информации подразумевает темпоральную координацию как содержательно-теоретическое основание темпоральной индексации как оценки истинности и адекватности полученной информации относительно периодов субъективного времени.

Интегральность исследования субъективного времени индивидов с ОВ предполагает рассмотрение специфики межличностного диалога в сфере повседневной реальности включающего общества с выходом на проблемы интерсубъективного понимания и интерсубъективной интерпретации.

С феноменологических позиций субъективное время человека проявляется как чувственно-индивидуальная форма выражения социально-наличной бытийности событий и процессов, определяющих структурные особенности и содержание внутреннего опыта индивида. Само содержание индивидуального опыта подразумевает его хронологизацию и упорядоченность субъективным временем, для которого характерны интенциональность, иррефлексивность, антисимметричность, континуальность и длительность. Подобные характеристики показывают, что в качестве системообразующего принципа человеческого сознания выступает ментальное время, которое определяет содержание субъективности и субстанциональные параметры.

Заключение. Ментальность времени представляется базисным сегментом системы и комплекса чувственных образов, формирующих смыслы бытийного коллективного сознания людей с ОВ. Сценарии становления специаль-

ных социальных групп достаточно многообразны, однако интенсивность такого становления увеличивается в периодах социальных преобразований и трансформаций. В итоге, индивиды с ограниченными возможностями поднимаются на качественно новые ступени в осознании и осмыслении собственного индивидуального бытия и это находит отражение в диалектике субъективных и объективных моментов процесса переживания и проживания этого бытия человеком.

Литература

1. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству // Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Москва, Россия: Акад. Проект, 2009. 538 с.
3. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ // Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
4. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ // Кравчук П.Ф., Попов В.В., Лыгина Н.И., Копылов В.И., Кириков О.И., Коровин С.С., Рындак В.Г., Усенко Н.И., Лазарева В.А., Нохрина Н.Н., Семенченко И.В., Щеглов Б.С., Петрушенко С.А., Гриценко Н.В., Иванова Р.П., Корнажевская Л.А., Симонова Г.И., Скляр Ю.И., Соколова Е.Н., Ковелина Т.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2003. Том 1. 268 с.
5. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24.
6. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке // Философия права. 2012. № 5 (54). С. 86–90.
7. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 5730–5733.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419–421.
9. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3–2. С. 315–318.
10. Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе. Таганрог. 2007. 124 с.
11. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в системе динамических категорий // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 25–29.
12. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2011. № 7–8 (15–16). С. 39–45.
13. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3–2. С. 315–318.
14. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25–38.

15. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // *Pro et contra*. 2015. № 2 (1). P. 6–19.
16. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P Hall // *Journal of Disability Policy Studies*. 2002. № 13 (3). P.144–152.
17. Hartimo, M. (2019). On the Origins of Scientific Objectivity. Husserl's Phenomenology of Intersubjectivity: Historical Interpretations and Contemporary Applications. New York: Routledge, 302–321.
18. Hickey-Moody, A. (2016). «Turning away» from Intellectual Disability Methods of Practice, Methods of Thought. *Critical Studies in Education*, 44 (1), 1–22.
19. Slee, R. (2016). Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. *International Studies in Sociology of Education*, 18 (2), 99–116.

PHENOMENOLOGICAL FOUNDATIONS OF INTERSUBJECTIVITY IN THE CONTEXT OF FORMATION OF THE SUBJECTIVE EXPERIENCE OF AN INDIVIDUAL WITH DISABILITIES: A CONCEPTUAL ASPECT

Popov V.V., Muzyka O.A.

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of the Rostov State Economic University (RSEU)

Intersubjectivity is considered as a commonality and integrity of the structures of mental activity, social experience and the results of reflection of various individuals, which make it possible to achieve their interaction and mutual understanding in the process of becoming a personal identification. It is shown that the subjective time of an individual with disabilities is a sensually-defined form of directly-existent beingness of the experienced processes and events that determine the content of individual human experience. It is demonstrated that in the sphere of the everyday world of a special group of people with disabilities, it is legitimate to present the manifestation of temporal coordination as a form of intersubjectivity as the construction and modeling of the social space of such a group. Situations are analyzed in which the study of the forms of manifestation of the subjective time of a person with OB suggests the absence of identical mo-

ments of time in his internal temporal spheres, since any moment actually contains a person's experience, reflecting the results achieved in professional activity. It is shown that the integrity of the study of the subjective time of individuals with OB involves consideration of the specifics of interpersonal dialogue in the sphere of everyday reality of an inclusive society with access to the problems of intersubjective understanding and intersubjective interpretation. It is postulated that in modern theoretical sources (philosophical, psychological, pedagogical, sociological, etc.) there is an active study of various problems of the formation and functioning of an inclusive society, the actualization of various aspects of everyday life and the existence of individuals with disabilities.

Keywords: inclusive society, temporal coordination, phenomenology, intersubjectivity, limited opportunities (OS).

References

1. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space// *Inclusive Education: Continuity and Continuity*. Moscow: MGPPU, 2019. P. 16–20.
2. Husserl E. Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy. Moscow, Russia: Acad. Project, 2009. 538 p.
3. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST // Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. .V., Egorov D.V., Ilichenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. ., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
4. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST // Kravchuk P.F., Popov V.V., Lygina N.I., Kopylov V.I., Kirikov O.I., Korovin S.S., Ryndak V.G., Usenko N.I., Lazareva V. .A., Nokhrina N.N., Semenchenko I.V., Shcheglov B.S., Petrushenko S.A., Gritsenko N.V., Ivanova R.P., Kornazhevskaya L.A., Simonova G.I. ., Sklyarov I. Yu., Sokolova E.N., Kovelina T.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2003. Volume 1. 268 p.

5. Popov V.V. Logical and theoretical model aspects of the study of temporality in socio-philosophical discourse // *Scientific Thought of the Caucasus*. 2006. No. 1. S. 24.
6. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science// *Philosophy of Law*. 2012. No. 5 (54). pp. 86–90.
7. Popov V.V., Agafonova T.P. The Specifics of the Temporality of the Legal Consciousness of a Social Subject// *Fundamental Research*. 2015. No. 2. S. 5730–5733.
8. Popov V.V., Muzyka O.A., Dzyuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of human subjective reality // *Eurasian Law Journal*. 2017. No. 4 (107). pp. 419–421.
9. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Y.V. Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017.No. 3–2. pp. 315–318.
10. Popov V.V., SamoiloVA I.N., Shcheglov B.S. Analytical philosophy of history in post-non-classical discourse. Taganrog. 2007. 124 p.
11. Popov V.V., Shcheglov B.S., Usatova Yu.N. Randomness in the system of dynamic categories // *Philosophy of Law*. 2015. No. 1 (68). pp. 25–29.
12. Popov V.V., Chalenko M.V. Specifics of transitional states of modern Russian society//*Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia* – 2011 – No. 7–8 (15–16) – P. 39–45.
13. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Y.V. Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017.No. 3–2. pp. 315–318.
14. Shemanov A. Yu. Inclusion in the context of modern discussions: philosophical and cultural problems / *Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph*. M.: MGPPU, 2013. S.25–38.
15. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // *Pro et contra*. 2015. No. 2 (1). R. 6–19.
16. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P Hall // *Journal of Disability Policy Studies*. 2002. No. 13 (3). R.144–152.
17. Hartimo, M. (2019). *On the Origins of Scientific Objectivity. Husserl's Phenomenology of Intersubjectivity: Historical Interpretations and Contemporary Applications*. New York: Routledge, 302–321.
18. Hickey-Moody, A. (2016). "Turning away" from Intellectual Disability Methods of Practice, Methods of Thought. *Critical Studies in Education*, 44(1), 1–22.
19. Slee, R. (2016). Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. *International Studies in Sociology of Education*, 18(2), 99–116.

Философия языка и коммуникативная рациональность переговоров

Гурушкин Павел Юрьевич,

кандидат политических наук, доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: gurupavel@yandex.ru

Проблематика языка имеет преимущественно два философских направления, которые на протяжении долгого времени задают перспективу рассуждений учёных. Первое связано с объяснением генезиса языка, второе – с выявлением связи языка и мышления. Впоследствии категория языка стала члениться и на виды, которые основывались на типах связи в предложениях. В статье рассмотрена рецепция языка и обусловленная ей оригинальная модель коммуникативной рациональности. В данном случае наиболее принципиальными являются концепции французских авторов – антрополога Клода Леви-Строса и теоретика психоанализа Жака Лакана. Для обоих авторов теория языка неразрывно связана со структурной теорией бессознательного, и это радикально отличает их подход от теории речевых актов Джона Лэнгшо Остина, Джона Сёрля, где языковые выражения имели трактовку не как предметов, а как действий.

Ключевые слова: К. Леви-Строс, Ж. Лакан, коммуникативная рациональность, структурная антропология, философия.

Введение

В современной герменевтике можно наблюдать встречное движение мысли, с одной стороны от аналитики языка к новому представлению сознания, а с другой, в обратном направлении от феноменологии сознания к прагматической теории языка. Важно отметить, что оба интеллектуальных подхода приводят к почти идентичным результатам в виде концепта коммуникативной рациональности, которая неминуемо оказывает прямое воздействие на сложные процессы подготовки и ведения переговоров.

Леви-Строс

В первую очередь важно, что для Леви-Строса и в человеческом мире, и в антропологическом, и социальных его измерениях господствуют квазилингвистические, или структурные, закономерности. Иначе говоря, человеческий мир – это знаковая реальность, а знак, взятый в понимании Фердинанда де Соссюра, выступает парадигмальной моделью и методологическим принципом для выделения и проявления смысла этих закономерностей. «Структура», понятая по модели знака, сама по себе не нуждается в историческом или каком-либо ином объяснении своего происхождения. Для Леви-Строса она – просто первичный факт человеческой реальности, на основе и, исходя из которого, мы только и можем правильно понять эту реальность в её динамике. Особо подчеркнём, для Леви-Строса в его мышлении «структуры» на основе модели знака очень важен сосюрский принцип формальной произвольности знака. Суть этой произвольности в том, что знак устойчиво связывает два совершенно случайных по отношению друг к другу типа различительных единиц. С одной стороны, это лингвистические различительные единицы, а именно, «фонемы» (например, о/а), их Соссюр называл устойчивыми психологическими оппозициями. Опре-

делённый набор «фонем» характеризует лингвистическую оригинальность того или иного языка. А с другой – это «морфемы», посредством которых язык соотносится с предметной реальностью и является средством выражения мысли. Здесь важно, что язык у Соссюра и в структурализме Леви-Строса изначально не определяется своей функцией смысловыражения, а выступает независимой силой, на которую именно по причине её автономности «мысль» может эффективно опереться, но в процессе становления человеческой реальности мысль и язык оказываются неразрывно связаны так, что уже нельзя представить одно без другого за пределами условной методологической абстракции. Однако именно на такой абстракции строится семиология Соссюра и структурная антропология Леви-Строса. Обобщая, можно сказать, что структурная методология предполагает мыслить *различие* вне *тождества* и до *тождества* в противоположность тому, как это делает классическая метафизическая традиция, для которой, начиная с Платона и Аристотеля, *тождество* и *различие* в своей априорной связи создают саму логическую возможность мышления бытия. По мысли же Леви-Строса, чтобы мыслить бессознательное в человеческом мире как объективную фактичность этой особой реальности, указанную связь нужно «приостановить», чтобы прояснить квазилингвистические закономерности, имманентные этой реальности. В качестве примера нового мышления через различие Леви-Строс приводит своё исследование института «авункулата» [1] в культуре родственных отношений у индейцев Южной Америки. В этом исследовании показано, что устойчивая закономерность семейных отношений проясняется только тогда, когда на различие *мужского и женского* мы как бы налагаем различие двух мужских групп – мужа/отца и брата жены/матери («авункулата»).

Ёмкое представление о сути концепции квазилингвистического бессознательного Леви-Строса даёт его генетическая формула мифа, применимая также

и к расширенному воспроизводству отношений родства [1]:

$$F_x(a): F_y(b)=F_x(b): F_a-1(Y)$$

В случае воспроизводства родства её можно прочесть следующим образом: так же, как мужчины племени *a* вступают в брак с женщинами племени *b*, так и мужчины племени *b* вступают в брак с женщинами некоторого третьего племени (не *a*), включённого в ту же общую цепочку брачных отношений, что и исходное отношение, и эта цепочка, в принципе с неограниченным числом членов, должна непременно замкнуться на женщинах племени *a*.

Согласно данному прочтению, расширенное отношение родства предполагает как минимум три элемента, но в то же время достаточно определить отношения двух из них, чтобы задать общий принцип генерации отношений такого рода. Теоретический же смысл данной формулы состоит в том, что она в обобщённой форме описывает генезис устойчивых состояний (например, устойчиво повторяющихся вариантов мифа) в динамической культурной системе, включающей в себя различные неизоморфные друг другу метаболические процессы. Формула Леви-Строса показывает, что новая стабильность возникает в системе за счёт «двойной ошибки», т.е. совмещения сбоев в обеих неизоморфных сериях. Впоследствии французский математик Рене Том назвал такой способ генезиса стабильных элементов «когерентностью катастроф» и увидел в этом общий закон морфогенеза культуры как динамической системы. [2] Леви-Строс в качестве примера действия открытой им закономерности приводит, кроме устойчивого варианта мифа, симптом невроза у Фрейда, образование которого предполагает возникновение устойчивой символической связи двух травматических ситуаций: в детстве и после полового созревания. В результате *симптом* становится как бы новым расширением личного мифа невротика, его новой символической идентичностью, «примиряющей» психику с актуальной травматической ситуаци-

ей и в зашифрованном виде хранящей память о травме детства.

К описанной концепции расширенной мифологии примыкает ещё один важный тезис Леви-Строса о динамике символической коммуникации в культуре. Согласно структурной теории, исходящей из парадигмальной модели знака как единства означающего и означаемого (S/s), всякая культура, как «примитивная» архаическая, так и цивилизованная, имеет три возможности развития своего символического содержания. Это, во-первых, путь означающего (S), т.е. путь чистой фантазии без когнитивной связи с реальностью; во-вторых, путь означаемого (s), или путь знания, основополагающий вектор культурного прогресса в условиях цивилизации. И есть третья возможность, обусловленная тем обстоятельством, что во всякой культуре, независимо от уровня её развития, имеет место «избыток» означающего и «нехватка» означаемого, и, в силу такого положения дел потребность в расширении означаемого может быть удовлетворена не за счёт нового знания, а посредством прямой трансформации «избытка» означающего в означаемое. С точки зрения Леви-Строса, такая трансформация возможна за счёт символической функции «метаозначающего», в качестве которого могут выступать различные «вещи», наделяемые в данной культуре скрытым, недоступным рациональному познанию смыслом, например, «тело больного» в примитивном обществе, где колдун «играет» роль лекаря в отсутствии медицинских знаний. Подобную функцию «метаозначающего» выполняет, по-видимому, и институт «дара» («потлача») в теории символического обмена М. Мосса, на которого также ссылается Леви-Строс. В целом третий вектор динамики символического можно описать как мифотворчество, но такое мифотворчество, за которым стоит не чистый произвол фантазии, а строгий набор символов, регламентированные коммуникативные практики (ритуалы) и потребность в исполнении конstitutивных функций, важных для данного культурного сообщества.

Жан Лакан

Напомним кратко основные положения интересующей нас теории децентрированной субъективности Ж. Лакана. Лакан, подобно Леви-Стросу, исходит из семиологии Ф. де Соссюра. В своей лингвистической концепции Соссюр различает три понятия языка: *langue*, *parole*, *langage*. *Langue* он называет «синхроническим» измерением языка, по отношению к которому субъект абсолютно пассивен, это наличная система знаков, словарь и грамматика, которые просто нужно выучить, как они есть. *Parole*, по Соссюру, это актуальная речевая практика или «диахроническое» измерение, в котором субъект языка обладает уже некоторой свободой – в живой коммуникативной действительности языка со временем могут меняться произношение и устойчивая фразеология, появляются новые фигуры речи, неологизмы и языковые заимствования. *Langage* (обычно переводят как «словесная деятельность») выступает у Соссюра обобщающим понятием, соединяющим «синхроническое» и «диахроническое» измерения в единый устойчивый комплекс со строгой изоморфностью указанных измерений, подчинённой в целом необходимости смысловыражения, т.е. по умолчанию Соссюр полагает, что говорит тот, кто мыслит. Лакан исходит из описанного тройного понимания языка, но не согласен с последним допущением, которое Соссюр не обосновывает, но и никогда не ставит под сомнение. В своей теории [3] Лакан предлагает различать два типа коммуникативных ситуаций и соответственно два вида речи – «пустую» и «полную». «Пустая» речь просто передаёт информацию, «когда субъект производит впечатление говорящего о ком-то другом» [3], чьё желание он не способен усвоить, и в данном случае действительно говорит тот, кто мыслит, но в случае с «полной» речью это не так, за ней стоит никогда не прозрачное до конца «желание», мотивирующее коммуникацию, именно оно структурирует речь независимо от задач смысловыражения на уровне цепочки означающих (SS), как это вывел

Фрейд в своём анализе спонтанной речи пациентов. Обобщая сложную мысль Лакана, её можно представить следующим образом. Согласно Лакану, субъект – это тот, кто производит значение (с этими и Кант, и Гегель, безусловно, согласятся), но только в силу того, что он производит желание. Истинной же причиной желания, как и самого события «субъекта», выступает открытое Фрейдом *влечение к смерти*, то, что Лакан в своей теории назвал потом регистром *Реального*. Иначе говоря, субъект в начале должен стать событием в регистре *Реального*, присвоив себе его часть, так называемое «маленькое *a*», а затем только наделить смыслом означаемое (*s*), замещающее это *a* в *Символическом* измерении. В целом можно сказать, что децентрированный субъект Лакана – это не классическое «Я мыслю» и не экзистенциальное «Я есть», а сложное образование, имеющее три регистра или три измерения своего развёртывания – *Символическое*, *Воображаемое*, *Реальное*. *Реальное* – это травматическое, разрушительное *влечение к смерти* (лакановское *jouissance*), которое как таковое не может быть представлено в символическом порядке культурной коммуникации; *Символическое* – все явления культуры, которые структурированы как язык в смысле квазилингвистической человеческой реальности К. Леви-Строса, т.е. как итерации означающих без связи с означаемым; *Воображаемое* – понятие, связанное у Лакана с исследованиями, посвящённым *стадии зеркала*, на основе которых он обосновывал тезис о конститутивном значении образа зримого себе подобного для формирования своего *Я* у младенцев в возрасте от 6 до 18 месяцев. Для Лакана человек, подобный мне, моё другое *Я*, существует лишь постольку, поскольку само моё *Я* – это изначально *Другой*, иначе говоря, я способен понять себе подобного только потому, что само моё *Я* было конституировано в первичном отношении к *Другому* на *стадии зеркала*, или ещё иначе, я выстраиваю своё понятное мне *Эго* как репрезент (означающее) «Большого Другого», т.е. единства символического по-

рядка как такового. Можно сказать, что *Воображаемое* в теории Лакана выполняет важную опосредующую функцию, позволяя докультурное *Реальное* соотносить с *Символическим* порядком культуры. Подчеркнём ещё раз, что смысл коммуникативного сообщения, понятого как «полная» речь, т.е. как текст, инвестированный бессознательным, возникает по Лакану ретроактивно. Основной алгоритм ретроактивного смыслообразования, формула метафоры, выглядит следующим образом: $[S/S^*] [S^*/a] = S/s(a)$. Первый множитель в ней представляет *Символическое*, т.е. сам текст коммуникативного сообщения, структурно организованный некоторой инвестицией бессознательного, или, по Лакану, отсутствующим означаемым (S^*). Второй множитель представляет структуру фантазма (*Воображаемое*), посредством которой субъект выступает «точкой совпадения *Символического* с *Реальным*» [4]. В результате «произведения» множителей мы имеем дело с ретроактивным наделением текста сообщения смыслом, в значительной степени независимым от исходной смысловой интенции субъекта автора сообщения. В более поздних лакановских семинарах 60-ых, 70-ых годов на первый план выходит тезис «Большого Другого не существует», посредством которого Лакан указывает на принципиальную неполноту, разрыв в символическом порядке языка как конститутивном условии человеческой субъективности. «Большой Другой» в данном контексте – это главная и фундаментальная иллюзия сознания, возникающего в рамках нормативной культуры, вопреки силе становления имманентной жизни, и здесь известная мысль «подпольного человека» Достоевского о том, что сознание само по себе есть болезнь, представляется вполне уместной.

Переговоры

Укажем на некоторых примерах, каким образом структурная теория может быть содержательно полезной для понимания коммуникативной практики и её затруднений в случае политических переговоров.

1. Генетическая формула Леви-Строса в целом показывает, что стабильно устойчивые состояния какой-либо коммуникативной системы возникают не на основе повторения того же самого, а, скорее, за счёт ее динамического расширения, включения в коммуникативное отношение изначально чуждых этой системе элементов. В истории есть много примеров достижения важных политических компромиссов по такому же принципу. Так историки полагают, что достижение *Вестфальского мира* 1648 г. во многом произошло за счёт ущемления прав собственности и политических интересов Святого Престола, т.е. Папы Римского, который номинально не был стороной конфликта; в колониальных войнах на территории Северной Америки в XVIII в., компромиссы между Великобританией и Францией часто достигались за счёт индейцев, которые, участвуя в военных действиях, не являлись равноправной стороной переговоров; дипломатические успехи Наполеона, Кампо-Формийский мир 1797 г. между Францией и Австрией был заключён за счёт Венеции и её владений, включённых в состав Австрийской империи, причём Венеция вообще в войне не участвовала; Тильзитский мир 1807 г. – компромисс между Францией и Россией был достигнут за счёт значительных территориальных уступок Пруссии, которая, безусловно, не была равноправным участником переговоров.

2. Исследования Леви-Строса значимым образом опираются на труды Марселя Мосса «Эссе о Даре» и др., ученика Э. Дюркгейма, посвящённые феномену «обязательного» дарения в островных культурах аборигенов Полинезии. За иллюзией свободной воли в данных культурах скрывается принуждение, регламентированное не менее строгими правилами, чем денежная экономика, чем рынок. Эта экономика и обозначается Моссом как символическая, и она носит тотальный характер. Мосс называет её «системой тотального обмена», поскольку в отличие от денежной экономики при этом обмениваются не только товары, но и «знаки внимания, пиры,

обряды, военные услуги (...), а циркуляция богатств – лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора» [5]. Для нас важно, что Мосс подчёркивает политический, агонический характер *дара*. Всякий *дар* есть одновременно вызов, в своем «Эссе...» Мосс демонстрирует очевидное структурное подобие между дарением и военными действиями – в некоторых культурах *дар* бросают под ноги одариваемому, наподобие перчатки, которая служит знаком объявления войны. В целом можно заключить, что феномен *дара* для Мосса внутренне противоречив и диалектичен. Он является знаком мира, симпатии и щедрости и одновременно знаком агонистического вызова, политической провокации, порабощения одариваемого, войны. Но в любом случае это символический коммуникативный акт, предполагающий общепризнанный и актуальный для данного культурного сообщества договор, хотя и не фиксируемый эксплицитно. Вместе с тем в теории Мосса остаётся открытым центральный вопрос, который он формулирует так: «Какая сила, заключённая в данной вещи, заставляет одариваемого делать ответный подарок?» [5]. Сам Мосс даёт этой силе имя *мана*, заимствуя его из полинезийского языка, где оно обозначает «магическую, религиозную и духовную силу». Леви-Строс, соглашаясь в целом с концепцией «тотального символического обмена» как фундаментального условия бытия архаического сообщества, критикует понятие *мана* в понимании Мосса за его «излишний» реализм, его не устраивает тот факт, что *мана* предполагает действие реальной, «предметной», «натуралистической», пусть и скрытой силы. Для Леви-Строса *мана* принадлежит не к реальности, но исключительно к порядку знаков, причём в описанном нами случае мифогенного расширения культуры, когда «избыток» означающих сам становится означаемым. С данной точки зрения, *мана* – это символическая структура, в которой сакрализуется символический порядок как таковой в его бесконечной творческой потенции. Можно сказать, что такое

понимание близко по смыслу *Большому Другому* Лакана.

3. Лакановская структурная теория с её главным тезисом: «Большого Другого не существует», позволяет уяснить пределы рациональной коммуникации вообще, включая переговорный процесс. Современные авторы достаточно успешно применяют теорию Лакана в анализе классических художественных текстов, например, романов Достоевского, которые можно представить как «полную» речь, инвестированную бессознательным. Приведём пример такого анализа в отношении сцены суда в романе «Братья Карамазовы». В данном случае «суд» с его состязательностью сторон можно рассматривать как аналог переговорной коммуникации. Как мы знаем, в романе Достоевского, центральным событием которого является убийство отца, более трети текста посвящены подробно описанию уголовного расследования и судебного разбирательства. Заметим, что судебная процедура – это парадигма символического порядка, и в романе Достоевский демонстрирует нам образцово рациональную состязательность сторон, блестящие речи прокурора и защитника, основанные на фактах аргументы, внимание к психологическим нюансам поведения как обвиняемого, так и свидетелей, но всё это оборачивается «катастрофой» и «ошибкой»: *невинного* приговаривают к максимально тяжкому наказанию – двадцати годам каторги. Почему? Приговор явно не соответствует итогам юридического «состязания», столичному адвокату практически удалось опровергнуть обвинение в краже и поставить под обоснованное сомнение преднамеренное убийство, напомним, что Раскольникову за двойное преднамеренное убийство женщин присудили восемь лет. Отвечая на вопрос кратко, по воле коллегии присяжных. Мы не знаем, как обсуждался приговор коллегией, но из общего контекста понятно, что за суровым решением стоит духовная воля глубоко религиозного человека, и Достоевский намекает на особую роль и *авторитет* одного из присяжных «купца с медалью», отца двенадцати детей,

чья исключительность подчеркивается мнением публики: «Ума палата (...) Не то, что петербургскому его учить, сам весь Петербург научит» [6], но, прежде всего, самим фактом его именовании в тексте, единственного из двенадцати. Намеренно выделенное Достоевским «имя Отца» в ключевом эпизоде «рокового дня» становится весьма значимым в своей двусмысленности, оно уже не просто представляет «Большого Другого» как позицию рационального юридического порядка, составной частью которого выступает сам институт присяжных, но и свидетельствует о чём-то за его пределами, а именно, о событии *веры* духовного *авторитета* присяжных – Прохора Петровича Назарьева. Обратим внимание, у Лакана *вера*, как *откровение* встречи с *богом*, происходит за пределами *Символического* в *Реальном*: «... встреча с Богом происходит в Реальном» [7]. Достоевский даёт понять читателю, что роковое решение присяжных спровоцировано грамотно выстроенной речью адвоката, а именно теми её пассажирами, в которых защитник стремится обесценить саму личность жертвы как недостойную «имени Отца» [6] Для глубокого религиозного чувства эти утверждения выглядят кощунством и нелепостью. Решение присяжных – «судебная ошибка», но эта ошибка у Достоевского не выглядит чем-то просто случайным, посредством неё нам предъявляется *пропасть* между псевдореализмом символического порядка и *Реальным*, иначе говоря, культурой и тем *ужасом*, из которого она впервые рождается. Вместе с тем эта *пропасть* сохраняет свою актуальную значимость, наделяя «имя Отца» двойной функцией, с одной стороны, оно представляет иллюзию «Большого Другого», с другой – предъявляет *откровение Реального* в *Символическом*, подрывая этот самый порядок, производя *катастрофы* и *ошибки*.

Заключение

В исследовании были рассмотрены особенности концепций теории языка с позиции Клода-Левви Строса и Жака Лакана, а также их применение в процессах,

связанных с ведением переговоров. Оба учёных связывают свои тезисы со структурной теорией бессознательного. Для Леви-Строса язык изначально является независимой силой, которая выступает опорой для дальнейшего смысловыражения, однако впоследствии язык и мышление начинают объединяться в неразрывное целое. Формула Леви-Строса доказывает, что стабильные и устойчивые положения какой-либо коммуникативной системы происходят благодаря её динамическому расширению, а также добавлению в коммуникативное отношение изначально чуждых этой системе элементов. Тезис «Большого другого не существует», являющийся основой в структурной теории Жака Лакана, призван определить границы рациональной коммуникации, включая процесс переговоров.

Литература

1. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М.: Академ. проект, 2008. – С. 23–39
2. Исаков А.Н. Опыт преодоления одной метафизической провокации / А.Н. Исаков // EINA1: Философия. Религия. Культура. – 2015. – № 1/2. – С. 7–8.
3. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.
4. Лакан Ж. О вопросе, предваряющем любой возможный подход к лечению психоза / Ж. Лакан. // Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. – М.: Логос, 1997. – С. 88–136.
5. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. / М. Мосс. – М.: «Восточная литература» РАН, 1996. – 416 с.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. – М.: Время, 2018. – 992 с.
7. Лакан Ж. Образования бессознательного (Семинары: Книга V (1957/1958)). Пер. с фр./ Перевод А. Черноглазова. – М.: ИТДГК «Гнозис», Издательство «Логос», 2002. – 608 с.

PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND COMMUNICATIVE RATIONALITY OF NEGOTIATIONS

Gurushkin P. Yu.

St. Petersburg University

The problem of language has mainly two philosophical directions, which for many centuries have set the perspective of the reasoning of scientists. The first is connected with the explanation of the genesis of language, the second – with the identification of the connection between language and thinking. Subsequently, the category of language began to be divided into types, which were based on the types of connectives in sentences. The article considers the reception of the language and the original model of communicative rationality due to it. In this case, the most fundamental are the concepts of French authors – the anthropologist Claude Levi-Strauss and the theorist of psychoanalysis Jacques Lacan. For both authors, the theory of language is inextricably linked with the structural theory of the unconscious, and this radically distinguishes their approach from the theory of speech acts by John Langshaw Austin, John Searle, where linguistic expressions were interpreted not as objects, but as actions.

Keywords: K. Levi-Strauss, J. Lacan, communicative sensitivity, structural anthropology, philosophy.

References

1. Levi-Strauss K. Structural anthropology / K. Levi-Strauss. – М.: Akadem. project, 2008. – pp. 23–39
2. Isakov A.N. The experience of overcoming one metaphysical provocation / A.N. Isakov // EINA1: Philosophy. Religion. Culture. – 2015. – No. 1/2. – pp. 7–8.
3. Lacan J. Function and field of speech and language in psychoanalysis / J. Lacan. – М.: Gnosis, 1995. – 192 p.
4. Lacan J. On the question that precedes any possible approach to the treatment of psychosis / J. Lacan. // The instance of the letter in the unconscious or the fate of the mind after Freud. – М.: Logos, 1997. – pp. 88–136.
5. Moss M. Society. Exchange. Personality. / M. Moss. – М.: “Oriental Literature” of the Russian Academy of Sciences, 1996. – 416 p.
6. Dostoevsky F.M. Brothers Karamazov / F.M. Dostoevsky. – М.: Vremya, 2018. – 992 p.
7. Lacan J. The formation of the unconscious (Seminars: Book V (1957/1958)). Translated by A. Chernoglavov. – М.: ITDGC “Gnosis”, Publishing House “Logos”, 2002. – 608 p.

Нанозкология и развитие общества

Горбунова Ирина Юрьевна,

доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии переработки пластмасс РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: gjy161@yandex.ru

Кравченко Татьяна Петровна,

кандидат технических наук, главный специалист кафедры технологии переработки пластмасс РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: kravchenkopolimer@gmail.com

Щербина Анна Анатольевна,

доктор химических наук, доцент, проректор по науке РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: sherbina.a.a@muctr.ru

В обзоре представлены результаты исследований и разработки новых методов, инструментов и технических решений экологических проблем для развития общества. Достижения, перспективы и риски широкомасштабного освоения нанотехнологий оцениваются с точки зрения экономической целесообразности и экологической безопасности современного социума.

Ключевые слова: общество, нанозкология, нанотехнология, экологическая безопасность, развитие.

Энергетика и экология являются двумя ключевыми вызовами, стоящими перед человечеством для обеспечения устойчивости планеты в будущем. Современные технологии оказались чрезвычайно успешными в обеспечении возобновляемых источников энергии и восстановлении окружающей среды. Взаимодействие между решением экологических проблем и совершенствованием технологий подталкивает общество к развитию цивилизации. Экологическая устойчивость касается глобального изменения климата, загрязнения воздуха, почвы и воды. До сих пор даже в крупных развитых странах вопрос об изменении климата вызывает споры. Помимо технологий, инновационные исследования, решения общественности и правительств по данному вопросу должны играть совместную роль в борьбе с изменением климата. Между тем, развитие доступных и новых технологий (в частности, нанотехнологии) предлагает обществу необходимость контроля над степенью загрязнения окружающей среды. Возможности экологической нанотехнологии могут быть дополнительно расширены за счёт манипулирования наноматериалами с точки зрения морфологии (размер и форма частиц), микроструктуры (поры и поверхность) и состава (компатибилизация и легирование) [1].

Необходимо приложить большие усилия для мониторинга и устранения загрязнений окружающей среды. Развитие наноматериалов и соответствующих нанотехнологий открыло огромные возможности для исследования традиционных экологических технологий, причем опасность наноматериалов для окружающей среды также должна быть тщательно исследована. Участие и усилия в области экологических нанотехнологий будут способствовать будущей устойчивости планеты в целом.

Достижения, достигнутые в последнее время в области материаловедения и нанотехнологий, привели к многочисленным разработкам, которые породили

ли опасения относительно потенциального неблагоприятного воздействия наноматериалов на окружающую среду. Ряд учёных [1, 2] разделили влияние нанотехнологий на окружающую среду на два аспекта: первый включает потенциал нанотехнологий для улучшения окружающей среды, а второй аспект касается новых возможных видов загрязнений, которые могут вызвать выброс наноматериалов в окружающую среду. Наноразмерные частицы дешевле, и они эффективнее поглощают загрязняющие вещества по сравнению с традиционными методами фильтрации и осаждения. Одними из положительных эффектов нанотехнологий являются эффективность в промышленных процессах, обнаружение и устранение загрязнения для улучшения качества почвы и воздуха, сокращение отходов высокопроизводительного и точного производства, чистая энергия, получаемая с помощью высокоэффективных солнечных элементов и устранение парниковых газов. К отрицательным эффектам нанотехнологий относят сложность синтеза наночастиц, приводящую к высокой потребности в энергии, токсичность наноматериалов, наносящих ущерб окружающей среде, и низкие показатели переработки и рецикации вторичных материалов и отходов [3].

Каждый день нас окружает огромное множество наноразмерных частиц. Например, вирусы являются наночастицами природного происхождения; частицы углерода в процессах горения являются примерами наночастиц, полученных в результате деятельности человека (еще в 1920-х годах производители шин использовали сажу для улучшения характеристик шин, даже не подозревая о наночастицах). Наблюдая явления, характеризующие естественную организацию материалов на наноуровне, создаются модели нанотехнологий, с помощью которых можно представлять и создавать новые материалы и процессы, применяемые в различных областях науки и техники.

Нано – это префикс, используемый для отображения одной миллиардной

части определённого параметра. Префикс обычно применяется к шкале длины, чтобы указать чрезвычайно малую величину измерения длины. Нанометр (нм) – это миллиардная часть метра (10^{-9} м). Диаметр отдельных атомов меньше 1 нм, длина нити ДНК обычно составляет 2 нм, диаметр вируса составляет около 100 нм, а толщина листа бумаги составляет около 10^5 нм [4].

Вещества, искусственно созданные или которые естественным образом образуются в пределах этого диапазона измерений, называются наноматериалами и могут быть видны только с помощью мощных специализированных микроскопов. Основываясь на размерности, их можно разделить на одномерные (тонкие плёнки, покрытия), двумерные (нанотрубки, нанопроволоки и нановолокна) и трёхмерные (наночастицы, квантовые точки) [5].

Без сомнения, в последние десятилетия проводились тщательные исследования применения нанотехнологий в различных секторах человеческой деятельности. Следовательно, нанотехнологии имеют многочисленные перспективы позитивного повышения уровня жизни социума на устойчивой основе. Тем не менее, нанотехнологии могут не реализовать свой потенциал в полной мере, если не будут полностью поняты связанные с ними экономические последствия, общественное признание (включая этические вопросы), воздействие на окружающую среду и безопасность.

Нанотехнологии достигли такого уровня, когда они могут помочь обществу в достижении цели повышения эффективности и ускорения прогресса в различных секторах экономики, таких как медицина, энергетика, производство и экология. Несомненно, фундаментальное понимание того, как можно манипулировать материалами на наноуровне, внедрение наноструктур и нанопроцессов в технологические инновации, позволяют решить многие экологические проблемы, существующие в обществе. Однако экономические последствия использования нанотехнологий все еще остаются неясными, поскольку в настоящее время наблюдается нехватка ис-

следований в этой инновационной области с экономической точки зрения. Высказывается мнение, что внедрение нанотехнологий может не дать существенных преимуществ, а также потребует огромных инвестиций в новые производственные мощности и сырьё. Получение наноматериалов будет относительно дороже до тех пор, пока не будет достигнута экономия за счёт масштаба их производства [6].

Проблемы, связанные с развитием нанотехнологий, выраженные экспертами и населением, должны быть решены, чтобы сделать новые технологии безопасными для общества. Некоторые из высказываемых опасений включают загрязнение окружающей среды, вызывающее вредные последствия вместо предполагаемых выгод для здоровья и медицины, изменение человеческой жизни и образа жизни. Известно, что нанопорошки и нановолокна вызывают наиболее вероятные опасности, такие как каталитические эффекты (ускоряющие реакции), токсические эффекты и возможности возгорания или даже взрыва. Асбестовые нановолокна часто связаны с ухудшением здоровья у людей. Изучая риски, создаваемые наночастицами для здоровья человека, следует учитывать вероятность и степень их воздействия, способность наноматериалов проникать через внешние и внутренние защитные барьеры организма и оказывать токсические эффекты после проникновения [7].

Имеются много положительных воздействий нанотехнологий на окружающую среду: получение тысячи тонн бензина за счёт снижения веса нанокompозитов на основе, например, частиц графена (обладает уникальными физико-химическими и механическими свойствами, модуль Юнга графена в десять раз превышает данный показатель высокопрочного синтетического волокна Кевлар), предотвращение прямого и косвенного воздействия ударов молнии в самолетах за счёт использования нанокompозитных графеновых плёнок или графеновой бумаги, снижение веса лопастей ветровых турбин и повышение

эффективности преобразования энергии благодаря выдающимся свойствам нанокompозитного графена. Однако существуют негативные воздействия данных наночастиц на окружающую среду: трудности с удалением графена из отходов из-за токсичных свойств нанокompозитного графена и риск возникновения пожара из-за теплопроводности и огнестойкости композитных материалов на основе графена. Кроме того, существуют опасения по поводу неизвестных вредных воздействий наноматериалов и вредных последствий их токсичности (например, углеродные нанотрубки, вдыхаемые в лёгкие, вредны для человеческого организма и обладают большей токсичностью, чем сажа и кварц, когда они присутствуют в лёгких) [8].

Поскольку в разных странах установлены различные стандарты и правила оценки воздействия наночастиц, в интересах общества Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) создала Группу для разработки руководящих принципов по стандартам и правилам оценки воздействия наночастиц, которые будут универсальными для всех стран. Безопасность нанотехнологий – это важная проблема, которая требует глобальных подходов и методов решения для безопасного развития общества [9].

В нынешней ситуации в области общественного здравоохранения нанотехнологии быстро стали рассматриваться в качестве инструмента всемирной борьбы с вирусами SARS-CoV-2 и COVID-19. Наночастицы улучшают специфичность и сокращают время, необходимое для диагностики. Они используются в небольших устройствах, которые облегчают самодиагностику дома или в общественных местах, таких как аэропорты, магазины и т.д. Инструментальные методы исследований, основанные на наночастицах, могут применяться для анализа заражённых вирусом образцов тканей, взятых у пациентов, а также с различных поверхностей или из воздуха.

Многие продукты нанотехнологий уже используются для обеспечения решений для борьбы с COVID-19 во многих различных областях:

(а) нановолокно, нанокompозиты и технологии наночастиц, включённые в респираторные маски, обеспечивающие высокую воздухопроницаемость и эффективность фильтрации, мощную способность, а также противовирусные свойства, антибактериальные свойства;

(б) нановолокна и наночастицы для систем фильтрации воздуха и устройств очистки воздуха;

(в) нанопродукты, эффективные в качестве дезинфицирующих средств, а также мыла с добавлением наносеребра, средств для мытья посуды и стирки;

(г) медицинские принадлежности (скрабы, перчатки, салфетки, фартуки, бинты и т.д.), произведенные на основе наносеребряной технологии;

(д) диагностические тесты с использованием магнитных наночастиц и наностержней для обнаружения РНК SARS-Cov-2 и реакции антител человека [10, 11].

Концепция «зелёной экономики» стала основным направлением политических дебатов из-за глобального экономического кризиса, ожидаемого увеличения глобального спроса на энергию более чем на треть в период с 2010 по 2035 год, роста цен на сырьевые товары, а также из-за насущной необходимости решения глобальных проблем в таких областях, как энергия, окружающая среда и здоровье [12].

Термин «зелёная экономика», в основном относящийся к принципам устойчивого развития, был впервые введён в употребление в 1989 г. в новаторском докладе для правительства Соединённого Королевства группой ведущих экономистов-экологов [13]. Наиболее широко используемое и надёжное определение «зелёной экономики» взято из Программы Организации Объединённых Наций по окружающей среде, в которой говорится, что «зелёная экономика – это такая экономика, которая приводит к повышению благосостояния людей и социальной справедливости при значительном сокращении экологических рисков и экологического дефицита [14].

Концепция зелёной экономики действительно может сыграть очень полез-

ную роль в изменении способа управления обществом путём взаимодействия экологической и экономической сфер. В этом контексте нанотехнология, которая представляет собой манипулирование материей в размере от 1 до 100 нм, предлагает возможность создавать новые структуры, материалы и устройства с уникальными физико-химическими свойствами (т.е. малый размер, большое отношение площади поверхности к массе) для использования в энергоэффективных, а также экономически и экологически устойчивых зелёных инновациях для постоянного развития общества в целом.

Хотя ожидается, что нанозология окажет большое влияние на широкий спектр промышленных и экономических секторов, устойчивость зелёных нанорешений в настоящее время не совсем ясна и к ней следует подходить с осторожностью. Фактически преимущества включения наноматериалов в процессы и продукты, которые способствуют достижению устойчивости, могут принести с собой риски для окружающей среды, здоровья и безопасности, этические и социальные проблемы, неопределённость принятия рынком и потребителями, а также сильную конкуренцию с традиционными технологиями [15].

Зелёная нанотехнология направлена на использование привлекательных физико-химических свойств наноматериалов в ряде экологически чистых инновационных приложений, которые являются энергоэффективными, а также экономически и экологически устойчивыми, и ожидается, что эти материалы окажут непосредственное влияние на широкий спектр секторов экономики. Однако возможности, предлагаемые наноматериалами в решениях зелёной экономики, должны быть сбалансированы с рядом практических задач, критических экологических и социальных проблем, а также с проблемами здоровья и безопасности человека. В частности, наноматериалы могут обладать значительными, ещё неизвестными, опасными свойствами, связанными с их уникальными физико-химическими свойствами, которые мо-

гут представлять риски для широкого круга людей, потенциально подверженных воздействию в течение всего жизненного цикла наноматериалов. В целом, «зелёные» нанотехнологии должны не только обеспечивать «зелёные» решения, но и «становиться экологичными» с точки зрения внимания, уделяемого безопасности и гигиене труда. В этом контексте необходимо тщательно сбалансировать преимущества зелёных нанотехнологий и потенциальные затраты для общества, особенно с точки зрения окружающей среды, здоровья населения и профессионального здоровья людей. Такое тщательное рассмотрение данных проблем максимизирует экологические и социальные выгоды, пользу для здоровья человечества и экономию направляемых для данных решений средств, увеличивает вероятность дальнейших инвестиций в устойчивое развитие этой многообещающей технологической области и даст толчок в развитии общества в целом [16].

Заключение. Активизация деятельности человека нарушает баланс экосистемы, подпитывая окружающую среду большим количеством антропогенных токсичных веществ, которые загрязняют почву, воду и атмосферу и, следовательно, угрожают здоровью людей. Нанотехнологии проложат путь для универсальных и динамичных систем, которые включают передовые методы обнаружения и мониторинга вредных химических веществ и токсинов в различных объектах окружающей среды. Наноэкология включает многофункциональные процессы сохранения экологического баланса в природе, что позволит улучшить мониторинг ее загрязнения для преодоления всех вышеупомянутых рисков. Таким образом, с помощью развития высокотехнологических принципов наноэкологии возможно улучшить систему восстановления окружающей среды, предотвращая образование вторичных побочных продуктов, разлагая многие токсичные вещества за счет безотходной технологии и запрещая дальнейшее загрязнение окружающей среды, переводя загрязняющие вещества из лабиль-

ных в нелабильные формы. Прогресс в области наноэкологии будет идти в ногу с развитием нашего общества.

Литература

1. Rajpoot S., Ijmtst E. Impact of Nanotechnology on Environment – A Review // *International Journal for Modern Trends in Science and Technology* – No. 7. – 2021. – pp. 159–164. DOI: 10.46501/IJMTST0710026.
2. Ray P.Z., Shipley H.J. Inorganic nano-adsorbents for the removal of heavy metals and arsenic: A review // *RSC Adv.* – 2015. – Vol. 5. – No. 38. – pp. 29885–29907. DOI: 10.1039/C5RA02714D
3. Bogue R. Nanocomposites: A review of technology and applications // *Assembly Autom.* – 2011. – Vol. 31. – No. 2. – pp. 106–112. DOI: 10.1108/01445151111117683
4. Rickerby D. Nanotechnology for Sustainable Manufacturing // Boca Raton, FL, USA: CRC Press, 2014. – 316 p. DOI: 10.1201/b17046
5. A Comprehensive Review of Nanomaterials: Types, Synthesis, Characterization, and Applications / Salem S.S., Hammad E.N., Mohamed A.A., El-DougDoug W. // *Biointerface Research in Applied Chemistry*. 2023. – Vol. 13. – Issue 1. – pp. 1–30. DOI: 10.33263/BRIAC131.041
6. Morse J. Assessing the economic impact of nanotechnology: The role of nanomanufacturing // *NNN Newslett.* – 2012. – Vol. 5. – No. 3. – pp. 1–5. DOI: 10.4053/hi666–120330
7. Relevance of chemically functionalized nanofillers and modified nanocomposite in energy systems / Babatunde D.E., Denwigwe I.H., Babatunde O.M., Agboola O., Akinsipe G.D. // *Polymer Nanocomposites for Advanced Engineering and Military Applications*. Hershey, PA, USA: IGI Global Press, 2019. – 433 p.
8. Beni A. A., Jabbari H. Nanomaterials for Environmental Applications // *Results in Engineering*. – 2022. – Vol. 15. – pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.rineng.2022.100467

9. Нанотехнологии и здоровье населения: научные данные и управление рисками // Отчёт о совещании экспертов ВОЗ 10–11 декабря 2012 г., Бонн, Германия.
10. Abdelhamid, H.N., Badr, G. Nanobiotechnology as a platform for the diagnosis of COVID-19: a review // *Nanotechnol. Environ.* – 2021. – Vol. 6. – No. 19. – pp. 1–26. DOI: 10.1007/s41204-021-00109-0
11. Valdiglesias V, Laffon B. The impact of nanotechnology in the current universal COVID-19 crisis. Let's not forget nanosafety! // *Nanotoxicology.* – 2020. – Vol. 14. – No. 8. – pp. 1013–1016. DOI: 10.1080/17435390.2020.1780332
12. Шарафуллина Р.Р., Хакимов Р.М., Нурутдинов А.А. Зелёная экономика и устойчивое развитие: обзор настоящего и перспективы в России // *Дискуссия.* – 2021. – № 6 (109). – С. 38–48. DOI: 10.46320/2077-7639-2021-6-109-38-48
13. Pearce D.W., Markandya A, Barber E.R. Blueprint for a Green Economy. In. London: Earthscan Publications Ltd; – 1989. – 192 p.
14. European Environment Agency: Towards a Green Economy in Europe-EU Environmental Policy Targets and Objectives 2010–2050 // *EEA Report No 8/2013.*
15. Латышевская Н.И., Стрекалова А.С. Экологические проблемы развития нанотехнологий // *Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология.* – 2011. – № 1. – С. 224–230.
16. Zach Horton *Toward a Speculative Nanoecology: Transscalar Knowledge, Disciplinary Boundaries, and Ecology's Posthuman Horizon // Resilience: A Journal of the Environmental Humanities.* – 2015. – Vol. 2 – No. 3. – pp. 58–86. DOI: 10.5250/resilience.2.3.0058.

NANOECOLOGY AND DEVELOPMENT OF SOCIETY

Gorbunova I. Yu., Kravchenko T.P., Sherbina A.A.
RCTU them. D.I. Mendeleev

The review presents the results of research and development of new methods, tools and techni-

cal solutions to environmental problems for the development of society. Achievements, prospects and risks of large-scale development of nanotechnology are assessed from the point of view of economic feasibility and environmental safety of modern society.

Keywords: society, nanoecology, nanotechnology, ecological safety, development.

References

1. Rajpoot S., Ijmtst E. Impact of Nanotechnology on Environment – A Review // *International Journal for Modern Trends in Science and Technology* – no. 7. – 2021. – pp. 159–164. DOI: 10.46501/IJMTST0710026.
2. Ray P.Z., Shipley H.J. Inorganic nano-adsorbents for the removal of heavy metals and arsenic: A review // *RSC Adv.* – 2015. – Vol. 5. – No. 38. – pp. 29885–29907. DOI: 10.1039/C5RA02714D
3. Bogue R. Nanocomposites: A review of technology and applications // *Assembly Autom.* – 2011. – Vol. 31.-No. 2.-pp. 106–112. DOI: 10.1108/01445151111117683
4. Rickerby D. *Nanotechnology for Sustainable Manufacturing* // Boca Raton, FL, USA: CRC Press, 2014. – 316 p. DOI: 10.1201/b17046
5. A Comprehensive Review of Nanomaterials: Types, Synthesis, Characterization, and Applications / Salem S.S., Hammad E.N., Mohamed A.A., El-DougDoug W. // *Biointerface Research in Applied Chemistry.* 2023. – Vol. 13. – Issue 1. – pp. 1–30. DOI: 10.33263/BRIAC131.041
6. Morse J. Assessing the economic impact of nanotechnology: The role of nanomanufacturing // *NNN Newsltt.* – 2012. – Vol. 5. – No. 3.-pp. 1–5. DOI: 10.4053/hi666-120330
7. Relevance of chemically functionalized nanofillers and modified nanocomposite in energy systems / Babatunde D.E., Denwigwe I.H., Babatunde O.M., Agboola O., Akinsipe G.D. // *Polymer Nanocomposites for Advanced Engineering and Military Applications.* Hershey, PA, USA: IGI Global Press, 2019. – 433 p.
8. Beni A. A., Jabbari H. Nanomaterials for Environmental Applications // *Results in Engineering.* – 2022. – Vol. 15.-pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.rineng.2022.100467
9. Nanotechnologies and public health: scientific evidence and risk management // Report of the WHO expert meeting 10–11 December 2012, Bonn, Germany.

10. Abdelhamid, H.N., Badr, G. Nanobiotechnology as a platform for the diagnosis of COVID-19: a review // *Nanotechnol. Environ.* – 2021. – Vol. 6. – No. 19. – pp. 1–26. DOI: 10.1007/s41204–021–00109–0
11. Valdiglesias V, Laffon B. The impact of nanotechnology in the current universal COVID-19 crisis. Let's not forget nanosafety! // *Nanotoxicology.* – 2020. – Vol.14. – No.8. –pp. 1013–1016. DOI: 10.1080/17435390.2020.1780332
12. Sharafullina R.R., Khakimov R.M., Nurutdinov A.A. Green economy and sustainable development: a review of the present and prospects in Russia // *Discussion.* – 2021. – No. 6 (109). – P. 38–48. DOI: 10.46320/2077–7639–2021–6–109–38–48
13. Pearce D.W., Markandya A, Barber E.R. *Blueprint for a Green Economy.* In. London: Earthscan Publications Ltd; – 1989. – 192 p.
14. European Environment Agency: *Towards a Green Economy in Europe-EU Environmental Policy Targets and Objectives 2010–2050* // EEA Report No 8/2013.
15. Latyshevskaya N.I., Strelkova A.S. Ecological problems of development of nanotechnologies // *Bulletin of VolSU. Series 3: Economy. Ecology.* – 2011. – No. 1. – S. 224–230.
16. Zach Horton *Toward a Speculative Nanotechnology: Transscalar Knowledge, Disciplinary Boundaries, and Ecology's Posthuman Horizon* // *Resilience: A Journal of the Environmental Humanities.* – 2015. – Vol. 2 – no. 3. – pp. 58–86. DOI: 10.5250/resilience.2.3.0058.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Zhuravleva I.A. Social problems of the implementation of state policy in the field of secondary vocational education..... 5

Ivanov R.V. Patriotic consciousness of modern youth 21

Mostovaya D.A., Tkacheva N.A. Informal communications as a factor in stabilizing the staff of a manufacturing company 29

EMPIRICAL STUDIES

Anosov S.S. Mobilization activity of youth and state youth policy..... 37

Ardashev R.G. The influence of the media space on the suicidal behavior of young people 45

Zhuravleva A.A. Social Strategies to Support Small Businesses in Russia and China 52

Maslodudova N.V., Titova O.I. Gender Features of Communications in a Virtual Environment 71

Polyushkevich O.A. Morality and social identity in pro-social practices..... 79

Dekhanova N.G., Sushko V.A., Kholodenko U.A. Social capital as a factor in forming the quality of life..... 86

Turkova V.N. Portrait of a state corrupt official 97

Shchepina E.D., Gritskikh N.V., Kiselev Yu.A. Stereotypes of a patriarchal society in the modern world 106

Kalinich V.S. Patriotism and the peculiarities of the formation of patriotic guidelines of modern Russian youth. Results of the expert interview 118

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Wang Jianguang. The consequences of modern migration crises for the socio-economic situation 128

Loginova I.A. The attitude of students of law faculties to study..... 137

Skuratov A.B. The impact of telecommunication technologies on the functioning of the educational environment in Russia during the pandemic 142

Tikhonova S.V. To the 140th anniversary of I.A. Ilyin: the thinker's ideas on the political structure of the Russian state and their significance for modern political science and practice 147

Zhang Haopeng. Implementation of tools to reduce social inequality in the economic, political and cultural spheres of society..... 154

Loginova I.A., Polyansky V.V., Gaten Yu.V. The attitude of student youth to the problem of extremism..... 159

Yakovleva O.I. Identification of factors of professional socialization of students: the example of universities of fire and technical profile of the Ministry of Emergency Situations of Russia 167

Zhang Haopeng. The evolution of the social role of China's household registration («Hukou»)..... 174

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Kiriyenko Ya. Yu. Improving management efficiency in the context of differentiation in the use of leadership styles: on the example of the infantry sergeants in the Russian Federation army..... 179

Meshkov E.P. The impact of social regulators on the development of the spiritual and mental sphere of the individual 184

Potemkin V.K. Motivating the growth of professional competencies of employees in the structure of an enterprise development strategy..... 193

Chimitdorzhiev Zh. Zh., Zolotova Ya.V., Meshkova G.V., Makushkin S.A., Aralova E.V. Actual problems of management in modern organizations: social aspects and main development trends..... 205

SOCIOLOGY OF CULTURE

Grunt E.V., Titarenko L.G., Belyaeva E.A.
Identification of migration attitudes of provincial youth: on the example of students of Russian and Belarusian educational institutions 211

Kovaleva A.V., Fokina E.S., Potapova O.E., Polozhentseva I.V., Oleinikov S.V. Actual problems of modern society: social aspect and development trends 220

Lavo R.S., Chen Jie. Ethnic choreographic culture and its functions 226

Liu Hangwei. Young people's ideas about marriage in femaleology: Taking China as an example 235

Sarbaa L.N. Components of the reputational capital of an educational organization..... 242

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Kashcheev S.I., Guseva S.V. East-West dichotomy in terms of mentality differences: the example of food culture 249

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Popov V.V., Muzyka O.A. Phenomenological foundations of intersubjectivity in the context of formation of the subjective experience of an individual with disabilities: a conceptual aspect 253

SOCIAL PHILOSOPHY

Gurushkin P. Yu. Philosophy of language and communicative rationality of negotiations 259

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Gorbunova I. Yu., Kravchenko T.P., Sherbina A.A. Nanoecology and development of society 266

